

Юрий Дружников

Юрий Дружников

Первый день
оставшейся
жизни

роман

Первый день оставшейся жизни

Порог

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

УДК 821.161.1(73)-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Д 76

Юрий Дружников

Д 76 Первый день оставшейся жизни — М.: ИД «ПоРог», 2008
— 424с.

ISBN 978-5-902377-35-1

В новом романе, действие которого происходит в 1945-м и 2005 годах с участием исторических лиц и наших современников, читателя ждет увлекательное расследование тайны высшего атрибута славы сталинской Звезды Генералиссимуса.

Мастерски закрученная интрига и живой исторический экскурс, детективная линия, аллюзии на русскую литературу, портрет героя нашего времени, загадки русской и американской души, размышления о жизни и смерти, вечные человеческие страсти. И конечно, замечательный дружниковский юмор.

*В оформлении книги использована гравюра
«Относительность» М.К.Эшера*

© Юрий Дружников, 2008

© Издательский Дом «ПоРог», 2008

© И. Резников, оформление, 2008

ISBN 978-5-902377-35-1

Д 76

Юрий Дружников

**ПЕРВЫЙ ДЕНЬ
ОСТАВШЕЙСЯ
ЖИЗНИ**

Роман

Издательский дом «ПоРог»

Москва

2008

Вынужденное предупреждение от автора

Все происшествия, а также вовлеченные в них люди, о которых здесь говорится, подлинные. По совету моего предусмотрительного адвоката Майкла Лота я лишь изменил отдельные имена, чтобы избежать мелких обид и больших претензий. В результате расширились возможности (насколько позволили исторические факты) высказать больше подозрений об участниках странных событий, случившихся в 1945 году и вдруг закрутившихся снова в России и Америке в 2005-м.

Основные действующие лица

(в порядке появления, хотя и не всегда)

Автор, без которого никак не обойдешься

Лера, жена автора, без которой не обойтись ему

Валовитый, одноклассник автора,
вроде бы большой начальник в Москве

Питер Теплушкин (как он представился),
генерал-майор ФСБ

Джим Фокс, специальный агент отделения ФБР
в Сакраменто

Отец Олимпий, служитель веронауки

Тимофей Покусай, телохранитель с переломанной судьбой

Иосиф Сталин, хозяин и паровоз

Власик, начальник его личной охраны

Поскребышев, преданный пес, лижущий руки хозяину

Берия, нарком внутренних дел, большой гуманист
и сладкоежка

Молотов, нарком наружных дел, важное ничтожество

Пузанков, ювелир для особых поручений

Перочинский, крупнейший арабист

Лемешев, лирический тенор государственного значения

Мавра Бесова, красotka для особых поручений Лубянки

Его превосходительство **Ахмет аль-Мубарак аль-Саад аль-
Джабер аль-Сабах**, шейх Кувейта

Валиде, влиятельная мать шейха

Николь Риверс, сержант (точнее, сержантка)
американской армии

Чунганов, начальник Русского отдела
шпионской школы в Монтерее

Стив Катабасис, полковник,
шеф шпионской школы в Гармише

Розетта, пожилая интеллигентная лошадь

Алекс Грач, русский мачо новой породы

Кий-младший, иллюзионист,
замешавшийся в сюжет случайно

Пол Риверс, простой миллиардер, однако не без причуд

Джулия Риверс, его покойная жена

Клавесинист, маэстро, сокурсник Джулии

Сильвия, домоправительница Пола Риверса,
которую он зовет Леди Танк

Гарлик, ее муж, умелец на все руки

Аполлон Вайсенбургер, губернатор Калифорнии,
в прошлом киноартист

Вивиана Отеро, невезучая служанка
в доме престарелых и в доме автора

Майкл Лот, адвокат, предостерегающий автора
от неприятностей

Карл Дитрих, детектив полицейского участка

Зилом, по кличке Штурмбанфюрер, собутыльник Покусяя

Роджи Снейк, предсказатель судеб

Халеакала, невидимый владыка острова Мауи

Немой, владелец заводов, ти-ви, пароходов,
самый богатый олигарх России

Дебби Нильсен, известная феминистка Сан-Франциско
и окрестностей

Часть первая

2005-й год:
**СОВЕРШЕННО
СЛУЧАЙНЫЕ ВСТРЕЧИ**

Глава 1

Ночью в архиве

Москва, Гоголевский бульвар — Дом журналиста
— здание в Никольском переулке.
Среда 23 марта — ночь на пятницу 25 марта 2005

Будучи в Риме по книжным делам, я на два дня заскочил в Москву повидать своего издателя. И зря. Он куда-то исчез, мне осталось бродить по городу, в котором родился, учился, женился, едва не сел в тюрьму и из которого давно бежал. Удовольствие от мартовской прогулки обернулось раздражением: я утонул в тротуарной людской толчее, мокром снегу и тяжелом смоге от тысяч дымящих машин, особенно вязком в полужидкую пасмурную погоду и к тому же вызвавшем кашель. В ботинках захлопала вода.

На Гоголевском бульваре, неподалеку от памятника великому сатирику, одетому скульптором в шинель своего бедного и несчастного героя Акакия Башмачкина, меня остановил представительный мужчина с маленькими усиками, в кожаном коричневом пальто.

— Вот это удача! Сколько лет, сколько зим!

После долгих объяснений я с трудом (не виделась больше полувека) признал однокашника. Он вспомнил пару наших школьных проделок, строчку из моих неумелых стишков, и сомнений не осталось. Это Валовитый.

— Хороший был у нас класс, дружище, — продолжал он, похлопав меня по плечу. Но многих нет, а те далеке. Ты-то, америкашка, империалист проклятый, как в Москве оказался? Может, присядем где-нибудь, поговорим? Да и время обеденное...

Тогда, в конце сталинских времен среди нас, нищих, он был сыночком крупного чекиста. Отец в сапогах со скрипом

и погонах приезжал в школу и намекал директору на неприятности, если его сыну не дадут золотой медали. Поднесли на блюдечке, естественно.

— Чем сейчас занимаешься? — поинтересовался я.

— Тружусь в одном московском архиве, — объяснил он.

Вообще-то дружбы с Валовитым не помню, но теперь это как бы несущественно. Почему не поговорить о несурном детстве, согретом жаркими лучами сталинской конституции?

Потоптались, отряхивая с ботинок снег, смешанный с водой и солью, которой посыпают тротуары, и прошли в ресторан Дома журналиста рядом с Новым Арбатом. Не был я в этом заведении лет тридцать, но ничего, кроме цен, не изменилось. Едва сели за столик, Валовитый кивнул официанту, без согласования со мной заказал графин водки, настоящей на лимонных корочках, и сразу разлил.

— За встречу, дорогой!

Выпили, тепло распространилось по телу до мокрых пяток. Есть особо не хотелось, за компанию я выбрал в меню солянку. В памяти сидело, что когда-то она была тут вкусной.

— Скучаешь, небось, по русской еде?

— Нет, в общем, русских магазинов и ресторанов теперь в Америке пруд пруди!

— Чего пишешь?

Водочный треп пошел — ничего уникального. Я кое-что про себя немного привирал, опушу подробности, однако у меня в жизни, даже семейной, секретов мало, все на виду. В интернете висят тысячи сайтов, которые публично человека, каким является автор книг, раздевают, сочиняя про него и то, чего по разным объективным причинам быть не могло.

Что меня постепенно стало смущать, так это весьма глубокая подкованность Валовитого в нюансах моего существования. Касательно собственных заслуг перед человечеством он был сдержан.

— У тебя семья? — спросил я.

— А как же, все как у людей! Любимая жена, дети замечательные, сын, дочка, две внучки, студентки уже. Тебя обогнал... Знаешь, какое у нас время? Кто с кем? Кто чей человек? Кто друг, кто враг? Связи, брат, глубинные, порука стопроцентная, без этого ни должности, ни денег...

— Раньше было иначе? — поддел я.

— Раньше боялись, а нынче, браток, демократия.

Перед тем, как мы опрокинули по заказанной сверх выпитого графина стопке, он, глядя в сторону, с каким-то особым равнодушием в голосе вдруг тихо спросил:

— В личные бумажки вождя желаешь заглянуть? Там много чего на всякий случай свои уничтожили, заметая следы, кой-что разворовали, что-то и сейчас за семью замками, но все же...

Я не сообразил сразу, о чем речь. Неужто о святой святых — Президентском архиве России, где под сотней замков стерегут документы советского Политбюро и бумаги, принадлежавшие Сталину лично? Столько препятствий и обмана на пути туда для своих историков, а уж для иностранцев... И вдруг — такое предложение от одноклассника с «глубинными связями»!

— Вижу, глаза заблестели! — он покровительственно улыбнулся.

— Погоди, погоди, — остановил я его. — У меня ведь американский паспорт... Специальное разрешение надо...

— Покажи!

Долго вертел мой синий паспорт, заполненный штампами доброй полусотни въездов и выездов из разных стран.

— Нет, лучше его не показывать, — Валовитый хмыкнул. — Без него сделаем. Давай завтра часиков в десять вечера встретимся. Знаешь, где?

— Догадываюсь. Так ведь архив закрыт! Может, утром?

— Скажешь тоже! Надо, чтобы служащих не было.

Тут бы мне, лопуху, в этой вседозволенности усомниться, а я варежку разинул, согласился.

Короче, следующим вечером мы сошлись вблизи Красной площади, на углу Никольского переулка и Варварки.

Такси буксовало на дороге, не расчищенной от обильно выпавшего снега, легшего на подмерзшие лужи. Валовитый в шляпе, надвинутой на лоб, уже меня ждал, поеживаясь от сырости.

Моросил противный мелкий дождик со снегом. Тусклые желтые фонари не могли пробить мрака. По асфальту стелилась слякоть. Минуя главный вход в архив с медными досками слева и справа, свернули под арку. Дверь, обитая железом, заперта. Мой спутник постучал три раза и после короткой паузы еще три. В щели стал виден солдат в гебешной форме. Он притянул дверь и снял цепочку. В закутке под лестницей из-за маленького стола поднялся второй солдат, и оба козырнули моему бывшему однокласснику.

— Товарищ из органов, — он показал глазами на меня, — по специальному вопросу, под мою ответственность. Регистрировать не будем.

У меня челюсть отпала от такой чести, но мы уже следовали в гнетущей тишине по коридору, устланному красной казенной дорожкой. Обратно бы выйти также удачно...

— Ты что же, — удивился я, — главный здесь начальник?

Он не ответил, и я молча топал за ним.

Лифт привез нас на третий этаж, и вывеска не оставила сомнений, что в Архиве президента России Валовитый — директор. Отпер своим ключом дверь и зажег люстру.

— Жди, — приказал он и исчез.

Кабинет был, как любое логово русских администраторов, — Бог мой, сколько я столоначальников на своем веку перевидал! Немногие из них оказывались моими одноклассниками, а то бы я в старой жизни лучше преуспел.

Вскоре Валовитый вернулся.

— Вот ключики от сейфов, — просто объяснил он, позвякивая тяжелой связкой.

— Поедем грабить банк?

Глупо я пошутил, и он глянул на меня слегка с презрением. Юмор вообще сейчас неуместен, но слово — не воробей.

— Личное хранилище Сталина у нас огромное. Позволь спросить, что конкретно тебя интересует?

Вот! Теперь он, посадив меня в президентскую мышеловку, сделался контролером положения. Как быть? Валовитый опередил меня.

— Тебе нужны его бумажки про Звезду Генералиссимуса? Так?

«Его бумажки» — это о рукописях Сталина.

Как ухитрились пронюхать?

— С чего ты взял, что мне это интересно?

— Слышал где-то, не помню... — он ушел от ответа. — Но ведь так? Наша старая сотрудница только нынче до этих бумаг добралась.

Валовитый взял меня под локоток, вывел из кабинета, и мы опять очутились в лифте, который пошел вниз. В подвале двинулись полутемным коридором, потом через пустой, с черными силуэтами настольных ламп читальный зал, и Валовитый на ходу читал мои мысли.

— Страшно? Говорят, хозяин по ночам шастает. Кого встретит живого — собственными костлявыми руками душист... Учти!

В двенадцать часов по ночам из гроба встает наш хозяин и бродит, и бродит, а директор фамильярничает, и ему пока сходит с рук.

Валовитый захохотал и стал нажимать кнопки на стене. Тяжелая стальная дверь, когда он повернул рукоятку, закрипела. Вспыхнул голубоватый свет, и оказалось, что мы на месте. Сейфы вроде старомодных банковских мрачно покоились вдоль стен. На всех наклейки на уровне глаз «Личный архив Сталина И.В.» и даты — от и до. В центре комнаты — столы, сдвинутые друг к другу вплотную, на них стопы черных папок с такими же наклейками на корешках.

— Не смущайся, — скосил глаза Валовитый. — После всяких преобразований порядка еще не навели, горы не разобраны. Есть и документы, попавшие к нам по ошибке — перебрасываем их в другие архивы.

Подобрав ключи и отворив двери двух сейфов, он ткнул пальцем.

— Вот конец войны, звания, награждения. Сам я не смотрел, но мне докладывали: кроме того, что в газетах было о присвоении ему звания генералиссимуса, материалов не имеется.

— А про Звезду Генералиссимуса? — решил все же спросить я.

Валовитый скривил рот в улыбке.

— Говорю же — ничего нет, разве что тебе повезет? Посиди, почитай, — вдруг занервничал он. — У меня на парадном входе лейтенант ночью дежурит, так я к ней, когда не спится, навещаю. Не женщина — сокровище, и главное, никаких претензий, понимаешь?.. Я за тобой вернусь.

Он исчез. Надежда, что меня не замуруют, осталась. Наугад осторожно открыл несколько подходящих по времени — 1945-й год — папок в сейфе, чтобы понять, по какому принципу они систематизируют личные документы Сталина.

Внутри папок с тесемочками, меж бюрократических документов привычного вида, попадались клочки бумаги с отдельными наспех набросанными словами, записочки на страничках, вырванных из блокнотов, рисуночки, сделанные от скуки на заседаниях. Листал я, пребывая в некотором беспокойстве, будто делал что-то запретное и опасное. Впрочем, так оно и было.

Папки стояли вертикально. Я вспомнил, куда указал Валовитый. Над папками горизонтально лежала еще одна, тоненькая, я ее вытащил. «Присуждение звания генералиссимуса» значилось на обложке. Внутри пожелтевшие газетные вырезки указов с портретами хозяина. Неожиданно из газетных сообщений выскользнул клочок и, сделав сальто в воздухе, упал под стол. Я нагнулся, чтобы поднять его, поднес к очкам.

Желтый листок пахнул табаком. На табак у меня аллергия, и я закашлялся. В уголке листка золотыми буквами напечатано «Герцеговина Флор», а чуть ниже — «Табачная фабрика имени Урицкого». Бумажка из коробки с папиро-

сами. Я хотел положить листок на место, в папку, и вдруг разглядел полустершуюся приписку карандашом наискосок.

Звезда Генералис будет завтра 10 авг 45.

Почерк его, понятное дело, не спутаешь. Стало быть, Звезду Генералиссимуса он ждал, и я уже разузнал, от кого, не торопите меня!

Тут, следом, открылся взгляду рисуночек цветными карандашами. Звезда — эдакое древнее восточное изображение солнца. Внутри кольцо из синих кружочков — не иначе как драгоценные камни. В центре нечто, похожее на советский государственный герб. Выходит, вождь сам рисовал высшую награду для себя? Слегка наивно, небрежно, но задал тему тому, кому предстояло ее изготовить.

Стараясь впечатать в память изображение, я медленно положил рисунок двенадцатиконечной Звезды обратно, к другим листкам. Открытие-неоткрытие, доказательство-недоказательство, но точно, еще одна зацепка. Ясно, что папка мне подложена, но это как-то не обеспокоило.

Отряхнувшись от напозавшей дремоты, я досмотрел папку до конца. Разные заметки, краткие выписки, видимо, из англо-русского словаря, — неужто вождь пытался запомнить английские слова? А про Звезду Генералиссимуса больше ничего.

Валовитый вернулся часа через полтора, слегка осунувшийся, но глаза блестели.

— Народ мудёр. Женщин любить надо, нелюбленные они вымирают, — изрек он со значением. — Ну-с, нарыл чего искал?

Я не ответил, а он не переспросил, понял. Посреди ночи он повел меня из архивного лабиринта. Солдаты встряхнулись ото сна, вытянулись по струнке и отдали ему честь. Втянув ноздрями сырой туман на улице, я почувствовал, что судьба мне улыбнулась, и я на свободе. Поблагодарил за гостеприимство, мы крепко пожали друг другу руки и разошлись.

Глава 2

Охота за национальным достоянием

Москва, гостиница «Арбат» — ресторан «Старый Берлин».
Пятница 25 марта 2005

Утром, едва я промыл глаза в гостинице «Арбат», в Плотниковом переулке, звонок.

— Беспокоит генерал-майор Теплушкин из Федеральной службы безопасности. Хотел бы с вами побеседовать...

Бархатный голос, даже вальяжный. И эти ребятки уже тут как тут, явились, не запыхались. Чего ему надо? На всякий случай сразу сказал, что спешу, просил позвонить позже.

Швырнул трубку, пребывая в трусах и ботинках, открыл ноутбук. Фамилии Теплушкин, принадлежащей славным органам, на их сайтах не нашел, значит, имя, как бывало и раньше, липовое. У всех у них для подобных звонков заготовлены по нескольку имен. Сами собой сопоставились две фигуры. Уже и читатель быстрее меня понял, что не случайно встретился давеча на улице одноклассничек, обвел меня вокруг пальца и намотал. Не лучше ли побыстрее смыться из Москвы?

Выбежал я из гостиницы, и вдруг звонивший вырос прямо передо мной на ступенях, снова галантно представившись. Руки не расставил, но пройти не дал. Следовательно, поджидал. Ростом с меня, с непокрытой головой, аккуратно подстриженной шевелюрой, выбрит до корней волос, седые виски, тяжелые старомодные очки. В светлой дубленочке, требующей отдачи в чистку. Черный «ауди» с шофером стоял у тротуара под знаком «Остановка запре-

щена». У меня неприятный холодок в спине, давно такого не ощущал. Я ему:

— Скажу честно, мне с вами беседовать неохота.

— Понятно, но неужели вы до сих пор нам не доверяете? Вообще-то я ваш читатель-почитатель. Дело в том, что хочу спросить о вещах, которые вас лично никак не касаются. Нам нужна ваша помощь.

— Моя помощь?! Еще бы! Этого я уже наслышался от ваших людей в советские времена, and I'm sick and tired of it!*

— Простите великодушно, — смутился Теплушкин, — я не точно выразился. Совет дадите?

— Вам что, не с кем посоветоваться? Спросите свое начальство, оно по всем вопросам все на свете знает.

— А я и есть это самое, как вы выразились, начальство...

— И вы спрашиваете меня, человека с дальней планеты?

— Не очень дальней, скорее, близкой... Может, выпьем по чашке кофе? — мирно предложил Теплушкин.

Откажусь — завтра позвонит Холодушкин или некто Мерзавкин, мой американский паспорт выкрадут, в аэропорту помешают на «Люфтганзу» сесть.

— Ладно, — смирился от безвыходности я. — При условии, что место выберу я сам.

По понятным причинам я осторожничал, чтобы какой-нибудь гадости не подсыпали. Молча прошли пару кофейных забегаловок на Арбате, и я остановился у двери ресторана «Старый Берлин».

Спустились в подвал. Столики пустые. Генерал заказал официанту капучино, а я пошел к стойке, спросил эспрессо, видел, как бармен выдавил мне жидкость из зашипевшей машины в чашечку. Я сразу расплатился.

— Ну, раз вы позвонили, про меня вы уже знаете, — я присел, отглотнул кофе и попытался изучать его, как он меня. — Не расскажете, генерал, о себе? Кто вы и чем занимаетесь?

*и я сыт этим по горло!

Их высокоблагородие опять усмехнулись, но не смутились.

— Некоторые происходят из крестьян или дворян, я вышел из племени диссидентов. Являюсь сторонником демократии. Верите?

— Почему бы и нет?

— Кстати, меня зовут Питер Федорович, и — нынче можно об этом сказать — несколько лет я служил советским разведчиком в Европе, а сейчас замначальника управления по защите национальных ценностей. Люблю по грибы ходить.

— Лично? — удивился я.

— Хобби такое, коль скоро вы просили меня рассказать о себе. Люблю грибы собирать, жарить, солить, друзей угощать. Хотите попробовать?

Есть люди мужского сословия вроде немолодых южных деревьев. Красивые, импозантные. Но нельзя поговорить с деревьями по душам. Общения не получается. Попросту, я не знал, о чем с ним беседовать, а он знал, о чем со мной. Не похоже, что он хитрил, чем вызывал симпатию. Я отглотнул еще эспрессо, и вопрос мой сам собой вырвался.

— Так какой же теперь, во времена расцветшей сорняками демократии, интерес ко мне генерала из органов? Ведь вы прекрасно понимаете, что я эти органы с юности не люблю?

Теплушкин помолчал, подбирая слова.

— Родину мою разворовывают, — «мою» подчеркнул он, а мог бы усть меня, сказав «нашу». — Я коренной петербуржец, мой дед собственными руками золотил шпиль и ангела на Петропавловском соборе.

— А моего деда, горного инженера, — холодно заметил я, — работяги после революции сбросили в шахту, а дом его подожгли.

— Бывало и такое, — согласился он. — И теперь большие деньги утекают, счета русского ворья в швейцарских банках растут, ценности музейные крадут и вывозят за границу. Как бы ангела с собора ночью не сняли. Вот вы, например, тоже украли у нас писателя и вывезли его в Америку...

— Какого писателя я украл?

— Себя.

— Вы не думаете, что дело обстоит в самый раз наоборот?

Я спас этого писателя от вас...

— Зачем быть злопамятным? Не должно так продолжаться бесконечно. Вот мы и подумали, может, вы слышали о том, где Звезда Генералиссимуса?

На кой сыщикам все это? В принципе известно: спецслужбы собирают всякую информацию, даже совершенно бесполезную, на тот случай, если вдруг в будущем начальство затребует. Но ведь шестьдесят лет прошло. Чего они, говоря по-одесски, могут с этого иметь?

— У вас других забот нет? — спросил я. — Чушь какая-то...

— Видите — оторвались вы от родины! А ситуация такая. Нам надо опередить новых русских...

— Вы сами разве — не новый русский генерал? Или опять — новая порода людей?

— В том-то и дело! Я служу моему государству, а они — Мамоне! Денег у них — завались, и среди них есть искатели ценностей. Знаете, что это за публика? Горло перегрызут.

— Послушайте, если говорить серьезно, на кой ляд вам эта Звезда?

— Не мне — государству, понимаете? Чем еще поддерживать патриотический дух разгневанного российского населения, как не важными историческими символами? Опять золотой ангел, шапка Мономаха в Кремле, ваш любимый Пушкин, липовая могила последнего русского царя в Петербурге...

— Но ведь реальной Звезды Генералиссимуса вроде бы и нет вовсе, — говорю ему. — Нету официальных документов, которые тогда полагались. Поглядите газеты за 1945-й год. Звание генералиссимуса Сталину присвоено, но Звездой никто его не награждал! Статус этой Звезды не узаконен. Выходит, он просто-напросто сам себя наградил?

— Стоп! — генерал провел рукой в воздухе, подводя черту. — Эдак вы уведете меня в сторону, где начинаются сомнения в целесообразности наших действий. А мы — исполнитель-

ный орган, обеспечивающий сами знаете, что. Я уже собрался на пенсию, хватит. Откровенно скажу, трудно с новыми кадрами конкурировать. И вдруг — устная команда президента России вернуть Звезду Генералиссимуса на родину!

— Ему-то откуда известно?

— Сообщают ему про все, такой уж у нас порядок...

— Сделали бы новую Звезду, и весь разговор!

— Так ведь она не будет подлинной! Это ж как Мону Лизу скопировать...

— А какова цена подлинника? — решил спросить я.

— Видите? И вас это интересует. Нету цен на такие вещи. Сколько стоит шапка Мономаха? То-то же! Мы вам кое-что здесь подсказали, не так ли? Открыли тайну наших поисков... А вы в Америке об этом чего выяснили? Поделитесь...

— Конкретно — ноль, — я ушел от ответа. — Кроме исторических фактов, меня ничего не занимает. Было ли это и, если да, то как. Вот и все, одни домыслы... Звезда Генералиссимуса действительно изготовлена и можно ее разыскать? Сами-то вы уверены?

— Уверен — не уверен, это приказ. Средства из госбюджета выделены под мою личную ответственность. Разумеется, будем действовать без шума, пока не заполучим сам предмет, а тогда уж развернем победную пропаганду на полную катушку. Представьте, Звезда Генералиссимуса, символ нашей победы во Второй мировой войне, украденная предателями родины, возвращена доблестными органами народу. Но это исходный пункт.

— А шире?

— Сами понимаете, стимул веский — реабилитировать великого вождя всех времен и народов, которого оплевали. Зачем же еще мы потратили в последние годы столько сил, прибрали к рукам власть, нефть, телевидение, радио, печать? России нужен Хозяин! Какая будет поддержка, какое в результате облегчение! Вернем страну из демократического бардака к жесткой системе, к сталинской твердой руке, не побоюсь слова — к диктатуре. Не мы — народ ждет не дождется порядка. Дайте срок, и Европу освободим, как Сталин хотел...

Ничего нового про светлое завтра генерал не сообщил. Обсуждать с ним это тоже не имело смысла: мы все хотим в Наполеоны.

— Короче, чего вам от меня надо? — спросил я, допив последний глоток эспрессо.

— Дружеской помощи. Услугу за услугу. Знаете такую Николь Риверс?

— Нет. А кто это?

— Да она скоро будет вашей студенткой!

— Будет — и вы уже знаете?

— Профессия у меня такая любознательная...

Мне показалось, интерес Теплушкина к Николь Риверс неслучайный. Жадность промелькнула в его глазах, и он не сумел скрыть. Не хватало еще, чтобы через меня к ним просачивалась информация.

— Разговор наш никуда не ведет, вам не кажется?

— Жаль, ведь я жду помощи не органам, но — отечественной культуре...

— К сожалению, помочь ничем не могу, разве предложением.

— Внимательно слушаю.

— Оставьте меня в покое!

— А вы подумали, что вас могут ведь отсюда и не выпустить?

Предполагалось, он оскалится, покажет зубки, и вот действительно...

— Шантажируете? Я думал, ваше ведомство поумнело.

— Безусловно, поумнело, — просто сказал он, посмотрев в задумчивости в потолок. — Бывает, люди исчезают. Если о вас пронюхают новые русские, они своего не упустят. Мне искренне хотелось бы вас защитить.

Я встал и, не простившись, вылез из подвала на улицу. Пара молодых людей у входа в ресторан в одинаковых спортивных куртках, несомненно топтуны, проводили меня глазами и потом сдвинулись с места. В былые времена они таскались за мной, чтобы защитить народ от вредномыслящего. А теперь-то они защищают кого от кого? Выскочив на Новый

Арбат, остановил такси и поехал в Американское посольство побыстрее уведомить их на всякий случай. Отошел от посольства на несколько шагов — те двое на небольшом расстоянии аккуратно за мной следовали.

В гостинице, закидывая в чемодан вещи, обнаружил их лежавшими не так, как я их оставил. Ноутбук открывали, но помешал код. Хорошо, что не украли, хорошо, что блокнот у меня в кармане.

Улетел я в тот же день во Франкфурт-на-Майне «Люфтганзой» вроде бы без неприятностей. Из Франкфурта позвонил жене, чтобы вечером встретила меня в Сакраменто. Возможно, те, кому надо, просто не успели решить, как лучше со мной поступить. Двое в спортивных куртках молча проводили вашего слугу до таможенной стойки и повернулись спинами, будто они ни при чем.

Разумеется, никого я не обманул, это чекисты перехитрили меня. Ловушку подстроили через моего бывшего одноклассника. В юности был сухой, весь в папочку, таким и остался до седых волос. Мало мы его в школе били. Действовал он не на свой риск, а вполне по указанию. Запустили меня в архив Сталина и снимали все, а я уши-то и развесил. Застрял на рисунке Звезды Генералиссимуса, вертел-крутил, и они поняли. Не иначе как рассчитали, что я им в Америке ходы подскажу. Ну, уж хренушки!

Замечу сразу, дабы не возвращаться. Моего одноклассника Валовитого я больше не видел и ничего о нем не слышал. Он растворился в неизвестности, а когда я из Калифорнии позвонил в Москву, в Президентский архив, ответили: ни директора, ни сотрудника с такой фамилией не существует, и повесили трубку. Бесспорно, я учился в школе с Валовитым, но он ли именно остановил меня на Гоголевском бульваре, я засомневался.

Лежа в самолетном кресле, анализировал. Звезда Генералиссимуса стала вдруг важнее для государственной верхушки в Москве, чем голод и холод в стране, упадок нравов, миллионная беспризорность, тотальный алкоголизм, вымирание населения. Зачем они оживляют Сталина?

Теплушкины хотят жить по-сталински, держать вожжи, как держал он, их учитель. И опять хитрости и ложь сплетаются ради фетиша. Звезда Генералиссимуса им нужна позарез — символ живой, действующей сталинской власти. Им снится, что Звезда прикроет их грязные дела, засияет на российском небе, поможет им укрепиться на века. Но где она?

Конечно, я скопил изрядное количество информации о происходившем, иначе бы вы это сейчас не читали. Недостающие факты раскапывал в почти недоступных архивах. К тому времени полакомился пылью в хранилищах Вашингтона и Лондона, не говоря уж о немецких. Слухи протоколировал со слов живых участников, с некоторыми из них стал на «ты». Дело запахло новым романом.

Замысел от самого начала держал в тайне. История запутанная, много белых пятен. Обычно, когда я роман затеваю, никому, даже жене и детям, не рассказываю, потому что в устном виде история повисает стружкой пара из чайника и быстро улетучивается, а потом скучно писать. А в данном случае приходилось держать язык за зубами, чтобы не помешали раскапывать дальше. Тайный сыск России протиснулся в сюжет, некоторые участники попали в сферы, откуда живыми не вышли. Сомневающегося читателя, дабы он убедился в моем непогрешимом стремлении к истине, могу отправить к адресатам, за исключением, естественно, тех, кто убыл в мир иной. Последних тоже сумеете выпросить, но позже, там.

Самолет опустился в аэропорту Сакраменто. Меня встретила жена.

— Ты чего такой растерянный?

Нужно время, чтобы сознание переключилось на американскую волну.

В России прошлое никогда не становится историей, оно, как одежда, вдруг опять входит в обиход, вокруг него начинается свистопляска, людей убеждают затянуть ремни, жертвовать всем ради мертвых лозунгов, и нет этому конца.

Мы, русские, не живем сегодня, мы всегда живем вчера или завтра.

Глава 3

Незванный посетитель

Калифорния, Дейвис, университетский кампус.
Понедельник 4 апреля 2005

В хитросплетения событий, дразнящих своей авантюристкой, я влез по уши. Вот уж не думал оказаться в них еще и невольным участником. Приходилось напоминать себе: записывай, чтоб не улетело из утомленной жизнью головы.

В день, о котором идет речь, пришла на ум формула — некий сразу все обобщивший и все предусматривающий постулат, без лишних слов отражающий суть дела. Сев за стол в офисе, я эту мысль записал на листке перекидного календаря.

Человек — это кастрюля с крышкой, но без дна; для ума есть предел, для глупости предела нет.

Ну, как? Всем, кроме отдельных злопыхателей, кривящих нос, чего бы они ни услышали, очевидно, что сильнее не сказать. Не наивность вроде «Человек — это звучит гордо», хотя априори ясно, что человек звучит по-всякому. Выдав столь значительную мысль о кастрюле, роман можно вовсе не сочинять. Все старо, на свете происходящее. Скучно, особенно в наши тотально идиотские времена. Тем более, ведь фундаментальную причину всего я уже одной фразой объяснил.

В тот момент, когда я писал, кто-то осторожно постучал в мою дверь, чего вообще-то делать не принято. Не гостиница же! Дверь в офис прикрыта, поскольку по всему коридору в очередях на прием к преподавателям полно студентов и, несмотря на надписи «Тише! Профессора работают»,

— всем это по фигу, гвалт стоит, не сосредоточишься. На часах 10:42 утра, — глянул на стрелки, не опоздать бы на лекцию, начинающуюся в 11:30, и гавкнул:

— Заходите!

Не помогло, никто не вошел. Видимо, не слышно из-за шума. Пришлось подняться, донести себя до двери и открыть.

В проеме, опершись плечищем о косяк, остановился кругломордый тяжеловес невнятного возраста, после паузы вошел. Несмотря на жару под сто градусов по Фаренгейту, или сорок по Цельсию, гость в светло-зеленом длинном плаще, тесном ему, да еще перетянута по-ясом. Нос утопает в красных щеках, его сдавивших. По-видимому, человек недюжинной силы, — если не сейчас, то когда был моложе, а теперь дышит, как ножной автомобильный насос. Явно страдает одышкой. Не иначе — беглец из фермерской семьи. Поколения вкалывали от зари до зари, ели мало и были поджарыми, а их дети бегут в город и раздуваются, ибо пешком ходят только на тренажере.

Затормозив посреди комнаты, он выпустил пар, будто экзотический паровоз, что у нас, в виноградной долине, возит подвыпивших туристов по винодельням дегустировать. Рука гостя сжимает зонтик. По европейским стандартам вроде бы еще не лето, но в тутошних местах Северной Калифорнии, где вообще один сезон в году, жара нарастает, солнце шпарит через окно прямо мне в физиономию, хоть шторы заdraивай. Даже дата на листке календаря за день выцветает. Раз зонтик, значит, гость знает прогноз. Зимние дожди еще могут полить, сегодня с Тихого океана надвигается циклон.

Предлагаю посетителю сесть.

— Позвольте, сниму плащ, — бурчит он, с трудом разворачиваясь в тесном, со всех сторон заставленном книжными полками, кабинете. — Жара у вас несусветная.

— А вы откуда?

— В данный момент — из Сан-Франциско.

Меня от залива отделяет горный хребет. Там, возле океана, всегда прохладно.

Под плащом у вошедшего добротный темно-синий костюм и криво завязанный галстук — ярко-оранжевый с крупными белыми горошинами. Положив зонт и плащ на колени, гость вынул визитку и бросил на стол.

— Джим Фокс, — представился он. — Вот мое удостоверение.

Он приблизил свой раскрытый бумажник к моему носу. Фотографию я не рассмотрел, зато «FBI Special Agent»* — успел прочитать и рассмеялся.

— Что смешного? — он вытянул губы трубочкой.

— Не берите в голову, мистер Фокс! Просто КГБ мной лично много раз интересовалось, а ФБР — никогда.

— Неужели вы думаете, я пришел бы прямо к вам, если б мы занялись разработкой вас? Вот, пожалуйста, ознакомьтесь с разрешением собирать конфиденциальную информацию по данному предмету. Короче, вы со мной согласны разговаривать? А то некоторые брезгуют — имеют право.

Пришлось бегло взглянуть.

— А каков предмет-то? — спросил я, не собираясь читать длинный перечень установлений, ограничивающих права тайной полиции. — Если не мной, то кем вы, собственно, интересуетесь?

Ответа не последовало.

Кто о чем, а вшивый о бане. Коли у вас, читатель, была хоть капля советского опыта или слышали о жизни там, вы меня поймете. В традиционном российском мышлении, что ни ответишь, ты сотрудничаешь с тайным сыском. Они всё могли: посадить, выгнать с работы, не дать квартиру, сделать бяку жене или детям. И приходилось мгновенно решить целый комплекс вопросов своего поведения. В чем сознаться? о чем умолчать? как именно хитрить?

В Америке сие не так. Идиотизм власти такой же, но нет постоянной внутренней войны «они» и «мы». Государ-

*Специальный агент ФБР

ство в принципе — не враг, оно охраняет нас, и ему доверяем. Врать или изворачиваться не надо, не желаешь — вообще откажись от подобного интервью. Ни угроз, ни шантажа не будет, бытие не станет ни хуже, ни лучше. Но вдруг твои ответы окажутся полезными для того, о ком спрашивают, или для правосудия? А ты отказался. Повторю, для правосудия, а не для левосудия.

Фокс засопел, вынул из кармана пачку бумажных носовых платков, разорвал, взял один, вытер виски, лоб и губы. Поискав глазами мусорную корзинку, швырнул скомканную бумажку.

— Обязан вас предупредить. Я включу диктофон. Не возражаете?

— Почему бы и нет? Однако имейте в виду, через сорок минут у меня лекция...

— О'кей!

Наступила пауза. Он шуровал во внутреннем кармане, видимо, ища кнопку. Я ждал.

— Так вот. Слышали ли вы что-нибудь про некоего молодого человека по имени — шут его знает, как правильно произнести? — Фокс запнулся, вытащил блокнот и попытался прочесть: — Имя его... помните сына вашего царя... эээ... Петра Великого — Алекса? Алекс Греч или Грач...

— А при чем тут Петр Великий?

— Ни при чем. Просто я изучал русскую историю, и у меня хорошая память. Папаша сам сынка прикончил, не так ли? Что вы знаете о типе по имени Алекс Грач?

— Он кто — мой студент?

— Хм... Судя по тому, что вы переспрашиваете, имя вам не известно.

— А кто он?

— Пока не ясно... Видите ли, он въехал в США по студенческой визе. Виза оказалась поддельная, но паспортный контроль прозевал. В университете он не появился, и мы его разыскиваем. Время напряженное: террористы въезжают и прячутся. Да и вообще сейчас опять замечается странная активность российских спецслужб

в Калифорнии. Русские дипломаты липнут к эмигрантам, которые работают в лабораториях над секретными проектами.

В силу невежества в этой области я не мог ни возразить, ни согласиться и поэтому молчал. Округлив рот, Фокс с шумом выпустил порцию лишнего воздуха и вдруг спросил:

— Что вам известно про Звезду?

— Какую-то такую Звезду? — попытался уточнить я, хотя сразу понял, о чем речь.

— Звезду Генералиссимуса Сталина.

И агент выпучился на меня в упор.

— Откуда вы взяли, что мне чего-либо известно? — я оттягивал свой ответ.

На стол передо мной лег ксерокс, на котором пара строк выделена желтым фломастером.

— Да вот, пожалуйста, страница из американского журнала «Комментари». Збигнев Бжезинский пишет, вы — «хроникер сталинских преступлений». Мое начальство предположило, что у вас есть информация.

Проявлять любопытство мне было ни к чему, но я заинтересовался:

— Вам-то зачем Звезда Генералиссимуса? Было это в середине прошлого века!

— Нет, не скажу зачем. Но любые ваши пояснения нам помогли бы.

Фокс тотально умолк. Как же он пронюхал? Неужто Фокс просто предположил, что я всезнайка, поскольку в русской истории этого периода, как рыба в воде? Ах, зачем себя переоценивать? Сразу вспомнилось.

Читал я лекцию в Вашингтоне, в Госдепартаменте, для молодых дипломатов, отъезжавших в американские посольства стран, отделившихся от советского монстра. И ради красного словца, чтобы их, вчерашних студентов, а теперь начинающих бюрократов заинтриговать, сгоряча сболтнул сей специфической аудитории про секрет Звезды Генералиссимуса. Дьявол меня попутал.

Выходит, те, у кого нос длинный, и в Америке просекли российские шашни вокруг Звезды и приняли мои намеки к сведению весьма серьезно.

— Вот что, — подумав, схитрил я. — Да, я довольно много знаю про Сталина и про это время вообще. Но почти все мною уже опубликовано.

— Написанное вами мы прочитали, но про Звезду Генералиссимуса там ничего не нашли.

— Увы... Я был бы счастлив, если бы вы хоть немного мне рассказали...

— К сожалению, это служебная тайна.

Я догадывался, чего он хочет узнать, но собственный роман мне был ближе к телу. К тому же скоро лекция, надо пару минут с мыслями собраться, и я посмотрел на часы.

— Жаль, — заторопился он. — Однако ж благодарю за внимание. А что вспомните, не сочтите за труд позвонить.

— Стакан воды, мистер Фокс?

— Нет-нет, мерси. Извините, что отнял у вас время.

Тяжело приподнявшись со стула и отдуваясь, он протянул свою огромную лапищу, сопя, обмотал плащ вокруг зонта и взялся за ручку двери.

С кем еще он выяснял подноготную Алекса, напомнившего ему сына русского царя, понятия не имею. Но не хотелось, чтобы они перебежали мне дорогу.

Глава 4

Редкое ископаемое животное

Сан-Франциско, церковь Святого Николы —
набережная Эмбаркадеро.
Воскресенье 1 мая 2005

Накануне позвонил старый знакомец и сердечный человек отец Олимпий из православной церкви Святого Николы и усталым хрипловатым голосом пригласил на Пасхальную службу и обед. Мы давно не виделись, отец Олимпий — несмотря на сан, философ, я бы сказал, автономного ума служитель веронауки. Слово это он любит повторять.

Поблагодарив, я согласился. Он добавил, помявшись, что хочет познакомить меня с одним прихожанином запутанной судьбы.

— Темный человек, — Олимпий подбирал слова. — Он принес немереное зло людям, а вот не кается. В тайнах и страхах пребывает много лет. Жаль, болезни его одолевают. Вас, говорит, знает.

Езды до них полтора часа, если нет пробок на подъезде к мосту Бэй-бридж через залив, а если заторы, то тащиться часа три. Гарантий никаких, но воскресное утро обычно обходится без пробок, к тому же можно ехать по линии *carpool*, где в будни в машине должно быть не меньше троих седоков, а в выходные достаточно одного.

Со времен Ивана Бунина, который Сан-Франциско упомянул, но сам в нем не бывал, многое изменилось, в том числе и его население. Компьютерщиков стало больше, бездомных на вентиляционных решетках метро тоже. Автомобильные пробки везде. Русских в Сан-Франциско теперь уйма. Как-то ехал я вечером в трамвае. На передней площадке сидело и стояло человек пять. Напротив меня красо-

вался типичный сан-францисский панк: череп, бритый наголо, с хохлом ярко-зеленого цвета, такие же усы и борода, уходившая под разорванный свитер. Стоявшая возле кабины вагоновожатого девица, похожая на студентку, сказала подружке по-русски:

— Интересно, а лобок у него так же побрит?

Панк посмотрел на девицу и по-русски спросил:

— Показать?

Вторая девица прыснула от смеха и громким шепотом ответила:

— Сто раз тебе говорила, осторожней! В нашем Сан-Франциско, кроме разве что вон той китайки, все остальные понимают по-русски.

Трамвай затормозил на остановке. Неопределенного возраста китайка встала, чтобы выйти, и гордо сообщила:

— Китаица говорита русаки.

Накануне вечером мне пришлось купить новую машину, старая совсем развалилась. И вот «фольксваген-туарег» со всеми его двумястами восемьдесятю лошадиными силами оказался запертым в трафике, на Божественную литургию я немного опоздал. Сегодня в Америке в любой церкви не то что лекции — танцы под джаз никого не смущают. И в баскетбол играют между обедней и вечерней, сняв предварительно иконы с баскетбольных щитов. Но здесь все было консервативно и приятно.

По окончании службы избранные (а как иначе, если церковь полна?) поспешили в трапезную к накрытым столам. Отец Олимпий, усадивший меня рядом с собой, был после продолжительной литургии усталый, а все же хорошо поговорили, он на язык остер. Прихожане большей частью из старой русской эмиграции, приветливые и отзывчивые в общении. С другой стороны от меня подседа пожилая родственница Бальмонта. Без роздыха рассказывала о себе, преимущественно о болезнях, а о дедушке сообщала трогательные детали, вычитанные в опубликованном. И молодежи русской много. Старики того поколения поумирали, да и вдовы их уже не юные, но некоторые из молодых поддер-

живают традиции. Я отобедал вместе с прихожанами, водкой с отцом Олимпием чокнулся, но, помня о новой машине, пить не стал.

Мне показалось, кто-то на меня издали пристально смотрит, даже следит за мной. Попытался сойтись с незнакомцем глазами, но этот кто-то отворачивался, и не получалось разглядеть. Отец Олимпий подлил себе еще водки, мы опять чокнулись, он выпил один, укоризненно покачав головой и перекрестив меня. Пирожки домашней выпечки с мясом и капустой прихожане дали с собой для жены.

Выйдя на парковку, я уже открыл дверцу машины, когда мне сзади сжали локти.

— Эй, полегче! — буркнул я, но обернуться не смог.

С такого рода обращением у меня связано оставшееся на всю жизнь воспоминание, и оно автоматически всплыло в памяти, словно мышку компьютера кликнул.

В Москве после войны я, прогуливая школу, брел в толпе пешеходов вниз по Охотному ряду. Рядом с рестораном «Метрополь» цепкие пальцы сзади вдруг ухватили мои локти, не давая пошевелиться и вынуть руки из карманов. Мгновенно всю толпу прохожих на широком тротуаре с двух сторон рассекли коридором. Из дверцы огромного черного автомобиля, подъехавшего поперек движения, высунулась фуражка с золотым гербом, и вылез невысокого роста старичок, красные лампасы на брюках, — глаза мне почему-то не закрыли. По узкому проходу из людей, которых с обеих сторон держали, прошел мимо меня, так близко, что я слышал его сопение, видел торчащие волоски седых усов и мог бы прикоснуться к его рукаву, если бы мои локти не стиснули — кто?

Мыслишка в мозгу проскочила молнией. Да ведь это же он! Просто так, на тротуаре, в середине дня, в полуметре от меня. Наверное, не один я раскрыл рот в толпе. Видение продолжалось от силы полминуты. Сталин прошмыгнул, прикрываемый телами могучих молодцов, и скрылся за дверью ресторана. Руки сзади меня разомкнулись. Охрана тотчас растаяла, и толпа продолжала двигаться, как ни в чем не бывало.

«Как ни в чем не бывало» — я написал сейчас. А тогда, кто был поопытней меня, ротозея, наверное, тряслись. Могли ведь арестовать, погрузить и увезти всех — до, во время или после — за что угодно, скажем, за попытку покушения на жизнь великого вождя. Или просто за то, что близко его, в дырках от оспы, увидели. Пальцы-клещи, лишившие свободы, застряли в памяти, и с тех пор неприятно, когда меня, даже дружески, берут за локти.

Теперь руки разжались, и я повернулся. То был мужик, сажень в плечах, каких-то по-женски округлых, сторбленный, с нагнутой шеей, плешивый с остатками рыжести, возраста, близкого к окончанию. Пухлое с вмятинами лицо в веснушках, взгляд пристальный, изучающий. Щеки и подбородок бритые, точнее сказать, не бритые, но без бороды. Слева давно заросший шрам рассекал скулу до губы. Эта щека его и глаз передергивались от тика. Одет в ковбойку с протертым до белых ниток воротником и когда-то коричневую кожаную куртку, сильно обшарпанную. Сухая кожа на руках в трещинах, как у старой черепахи. А ручищи-то сильные, ничего себе!

— Прости, если задерживаю, — прохрипел он. — Приметил тебя в церкви, хотел поговорить, но на обед меня не допустили. Тут тебя ждал...

Я сразу на «ты» с теми, кто так со мной.

— У тебя вопрос? — я притворил дверцу машины.

— Не то чтобы вопрос, — он замялся. — Какие в эмиграции могут быть вопросы?.. Все они, хорошо ли, плохо ли, решены...

— Как зовут-то?

— Враг не дремлет, не будем расслабляться... Но тебе скажу: Тимофей. Фамилию тоже теперь не скрываю — Покусай.

О каких это он врагах? В Америке нет настороженности при знакомстве, хотя, возможно, и зря. Что-то в нем отвратительное, я таких людей терпеть не могу. В Сан-Франциско и Лос-Анджелесе отсиживаются всякие русские криминалитеты, удравшие с большими деньгами, алмазами или

краденными Рублевскими иконами. Разнообразные личности, но и похожие, поневоле становишься снобом. С некоторых пор от таких типов стараюсь побыстрее избавиться. Тем не менее, я протянул Покусаю руку.

— Ты у Сталина в доме побывал сразу после его смерти — я читал, не сомневайся. Мне на той даче в Кунцево служить довелось. Наврал ты немного, но можно и лучше изложить.

Обожаю, когда меня учат, как правильно писать. К тому же почувствовал связь с тем, что пишу.

— Хозяину служил? — спрашиваю. — Он уже давно фигура историческая...

— Для кого историческая, а для кого просто тело. Мне его и на руках пришлось носить. Ведь четыре года его личным охранником служил.

Вот так личность имел в виду отец Олимпий! На мгновение почудилось, я видел Покусаю тогда возле Сталина, у ресторана «Метрополь». Вроде этот конопатый плечом вперед двигался, Сталина от меня прикрывая. Но это чушь, абберация, пошутило воображение.

Теперь на ловца и зверь бежит. Явно этот человек устал носить в себе нечто сокровенное, но не знал, с кем поделиться. Функция писателя на земле странная. Люди доверяют ему свои тайны по разным причинам — от неосуществленных честолюбивых замыслов, чтобы жить стало легче, до низменных поступков — сгрузить ужасы своей психики на человека, умеющего внимательно слушать.

— Может, посидим где? — предложил он. — А то я, считай, кроме стакана, который отец Олимпий в дверях налил, в рот ничего не брал, пересохло.

— Езжай за мной, — сказал я, — найдем местечко на набережной Эмбаркадеро.

Потихоньку я стал выбираться между машин на улицу, в зеркале высматривая, когда он ко мне пристроится. Вот позади показался крытый грузовичок «пикап», изрядно ржавый, раньше, похоже, бывший зеленым. Через два квартала на светофоре я повернул налево, в сторону залива, и вдруг

меня резко вжало в спинку сиденья. Это «пикап» долбанулся в мое заднее крыло. Хорошо еще подушка безопасности не открылась, а то я из нее без посторонней помощи не выбрался бы.

— Ты чего?! — я в расстройстве смотрел на свой «туарег», вчера еще новенький, а сейчас мятый. — Обидно же!

Не терпелось обругать Покусая. Мы загораживали половину улицы, машины скопились с обеих сторон, ждали. Постепенно нас стали объезжать.

— Понимаешь, красный загорелся, — оправдывался он. — Хотел быстрее проскочить, чтоб тебя не потерять.

— Страховка-то есть?

— Была когда-то, кончилась...

Час от часу не легче, дернуло же меня с ним связаться! Выходит, если вызвать полицию, у Покусая отберут права.

— Валим отсюда! — с горя толкнул я его в спину. — Действительно надо выпить.

Второй раз он меня не протаранил. Мы запарковались возле пирсов и нашли приемлемую забегаловку. В окне виднелся кусок залива, мост Золотые ворота и знаменитая старая тюрьма Алькатрац на острове.

— Давай возьмем текилу, — поспешно предложил он. — От нее балдеешь не так, как от водки, она вкось берет. И хорошо, что потом голова болит, прямо раскалывается. Бутылку бери, не мелочись.

— Много пьешь?

Тимофей виновато пожал плечами.

— У меня широко распространенный русский дефект.

Чокнулись молча и выпили. Он оглядывался в привычке, что за ним следят. Его сдвиг по фазе раздражал. Да чего он боится, беглый советский чекист? Их по всей стране под покровом американской демократии до черта снует.

— Пистолетик у меня всегда с собой, — похвастался за чем-то он, вытащил его и подбросил на ладони. — Так и сплю с ним под подушкой.

Он пил и меня втягивал.

— Как же ты к Сталину-то в охранники попал?

— Как-как? — он опять оглянулся. — Деревенский я, породой чистый. В начале войны с Гитлером забрали в Красную армию, но не на фронт. В тот момент вождь свою охрану решил увеличить. Меня по хорошей анкете и физическим данным отобрали.

Тимофея обучили рукопашному бою, стрельбе без промаха и еще много чему. Подробности он рассказывал.

— В казарме подняли в два часа ночи и привезли на Лубянку, прямо в кабинет начальника личной охраны генерала Власика. А после не за способности выделили, а за фамилию.

— За фамилию?!

Ну, и судьба человеку досталась! Вспоминая свою жизнь, Тимофей Покусай предположил: выбор хозяина тогда пал именно на него, потому что святого мученика-библиотекаря, преданного христианской идее, легенду о котором вождь помнил с юности, звали Тимофеем. Ибо никаких других заслуг, по мнению Покусаю, у него не было. А ведь хозяин еще раньше затребовал его досье. Мне тоже показалось странным, что Покусая среди своих охранников Сталин выделил за имя, несмотря на веснушчатую морду, каковая всегда бывает препятствием по причине приметности. Всем телохранителям полагается быть друг на друга похожими. Впрочем, невзирая на внешности, все мы телохранители самих себя и наших близких с первого дня жизни до последнего.

— Хозяину фамилия понравилась. Он развеселился и говорит: «Покусай, Покусай, всех моих врагов покусай!» И галочку возле моей фамилии поставил. Опять меня тренировали с утра до ночи три месяца. Кормили, правда, хорошо по тем голодным военным временам. За промахи били, сам Власик по щекам хлестал. Потом допустили в бригаду охранников, официально «сотрудников для поручений при Сталине», а мы себя звали «прикрепленными». Уж точно как скованные одной цепью. Я его левое плечо, а значит, и сердце собственным телом прикрывал. И днем, и ночью смены бывали. Я много видел...

— Страшно было?

— Страшно-нестрашно, работа такая, — Покусай посмотрел на меня с презрением. — Привыкаешь... Хотя, конечно, всяко бывало. Всю войну и еще после победы я в его охране на страже стоял... Посылали учиться на переводчика в спецгруппу Института востоковедения. Меня на арабский язык взяли — никто не хотел брать арабский... Наливай! А то сухо во рту...

Я чувствовал, что перебираю, но надо держаться. Разлил еще.

— Ты, Тимофей, чем промышляешь-то?

— Мусорщиком был, сейчас здоровье подкачало, один дом сторожу за гроши...

Американский мусорщик — почетная профессия, сродни писательской, а престиж выше и гонорары, кстати, тоже. На мусоре, между прочим, у нас в Калифорнии шикарные новые города с каналами, как в Венеции, строят, отвоевав пространство у океана.

— Я всегда мечтал рыться в мусоре, — рассуждал он. — Ведь я коллекционер, понимаешь хоть, что это такое? Страсть развешивающая. Тяжелая болезнь, неизлечимая даже водкой. Рыться в мусоре, искать вещи, никому не нужные, но для тебя составляющие цель жизни. Чего только не сыщешь! Раз я футляр с ожерельем из настоящих бриллиантов на помойке подобрал. Продать трудно было — где взял? Кому раньше принадлежало? Не верили, что сам нашел, чуть не посадили, но владелец не отыскался, и меня отпустили. Футляр остался, а ожерелье у меня, когда с бездомными ночевал, украли.

Светлая голова Покусай, простаком прикидывается. Ведь пьет-пьет, а умен, смотрит настороженно, как человек, привыкший к подлости. Нельзя сказать «мы сблизилась» — с такими людьми это невозможно. Врет, небось, три четверти. Но все же ему не удастся высказаться. Может, и вправду держит тайны в запертой части мозга всю жизнь?

Бутылку текилы мы усидели. Судьба выкидывает такие коленца, какие ни один романист на свете не способен выдумать.

— Бляшки не желаешь приобрести? — ни с того ни с сего спросил Тимофей.

— Чего-чего?

— Ор-де-на... У меня награды всех стран имеются. Желаешь — русские, советские, нацистские?

— Неужели подлинные?

— Обижаешь! Номерные. Кто-то был ими награжден, продал или помер, и по рукам пошло, к перекупщикам.

— А какие у тебя есть?

— Любые. Русские? Орденок Ленина — не хочешь на грудку нацепить? — подобие саркастической улыбки исказило покусавское лицо. — Или, к примеру, звезду героя Советского Союза... Героем хочешь быть? Да у меня не то еще есть... Считай, всю жизнь коплю. В ту войну, молодым был, загорелся. Брал немецкие ордена. Тогда это была диковинка. Собирал и зарывал в деревне в землю. Генералу Власику доброхоты, как водится, доложили, а он донес хозяину. Сталин велел меня к себе привести. Я думал, хана. А он спросил: «Где ордена берешь?»

Пришлось ему объяснить все подчистую. Мол, в отпуск езжу на поля сражений, раскапываю. Мол, все ордена соберу, полную коллекцию в музей отдам — это я врал. Про советские, конечно, ни словом не обмолвился. Сталин меня любил больше своих детей, и я его, можно сказать, боготворил. Он не рассердился, но велел принести все к нему. Привез немецкие ордена, Власику передал цельный ящик.

— Вернули?

— Ничего хозяин не отдал, и я немного обиделся. Ведь сколько сил потратил, чтоб все награды Третьего Рейха собрать! Видно, Сталину это было важно. Думаешь, почему?

— Почему ж?

— Он уже соображал насчет Звезды Генералиссимуса — понял?

Вот оно что! Хозяин думал, а его телохранитель знал, о чем! Я его спросил, не мог не спросить:

— А где сейчас Звезда?

— У-у-у... — загундосил он. — Помнишь, как при Сталине делали? Кто слишком много знал, того в расход...

В общем, он не ответил, и я сменил тему.

— Неужто в Америке никому не интересно, что ты — личный телохранитель Сталина?

— Сразу отследили и со мной некоторое время поработали, выяснили, что я знал про охраняемое тело. Ордена я решил на всякий случай не вспоминать. Ну, когда пить начал, ЦРУ потеряло ко мне всякий интерес, особенно, когда Сталин дуба дал.

— А родная Лубянка?

— Москва, сам знаешь, мстительна. Как не опасаться?

— Сейчас-то вроде...

— Вро-о-о-де! — передразнил он. — Откуда ты знаешь?! Сказывали, я на Лубянке в списках на ликвидацию числюсь с 45-го. Вся жизнь скрывался, ждал: разыщут и пришлют. У ЧК руки растяжные, а денег не считают. Списки длинные, постоянно дополняются, они вечные. Вычеркивают из них только после расправы или естественной смерти. Но теперь я устал их бояться. Да и жить надоело! Вот-вот повезут ногами вперед.

Язык Тимофея заплетался. Он умолк. Наврал с три короба и продолжал сопеть. Тик передернул левую часть лица.

— Жена у тебя есть?

— Была да сплыла, ха-ха!

— Домой-то доберешься? — спросил я, хотя и сам был хорош.

— Бывало хуже, — щека у Покуся дернулась. — Я в «пикапе» живу, была бы парковка!

Пошатываясь, он потопал искать свой дом. Пакет с пирожками, посланными моей жене, прихватил со стола с собой.

От текилы меня тошнило, голова гудела. Пришлось позвонить жене.

— У меня черепная коробка раскаляется.

Лера и сын бросились в гараж, чтобы подобрать меня и пригнать домой машину.

— Не волнуйся, захвачу чего-нибудь от головной боли!

Помятый левый бок нового «туарега» я не упомянул. Оставалось сидеть в тенечке на скамье и ждать. Часа полтора прошло, не меньше. Лера подержала ладонь у меня на лбу. Сын помог пьянице-отцу забраться на заднее сиденье. Перед тем, как уснуть, я поглядел в окно.

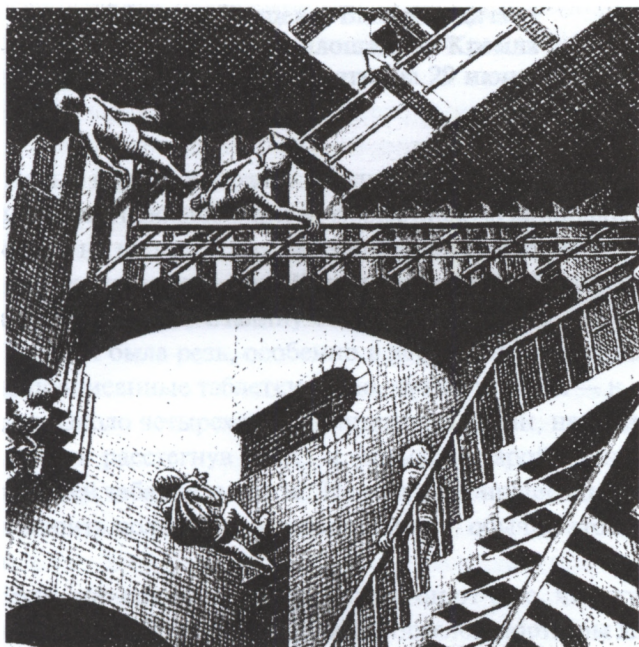
По шумной набережной Эмбаркадеро, заполненной беспечными туристами со всего мира, вдоль пирсов с пароходами и ресторанами, катался клоун с ярко оранжевыми щеками и красным шариком-носом. Сидя за роялем на велосипедных колесах, он резво крутил педали, объезжая публику, и бравурно бил по клавишам «Турецкий марш». Толпа сыпала в шляпу деньги, а он, не переставая играть, выкрикивал:

— Grazie mille! Grazie mille!*

Веселые дела творятся под твоим наблюдением, Господи...

*Огромное спасибо! (итал.)

Часть вторая

1945-й год:
**ТАЙНА ВЫСШЕГО АТРИБУТА
СЛАВЫ**

Глава 5

Эйфория победы в войне

Москва, Кунцево, Ближняя дача —
Красная площадь — Кремль
Пятница 22 июня — пятница 29 июня 1945

Ночью вдруг похолодало. Молнии озаряли комнату, раскаты грома, напоминавшие артиллерийскую канонаду, действовали на нервы. Грозу быстро сдуло ветром, но нескончаемый дождь лил и лил. Капли тархтели в бронированные стекла, мешая Сталину сосредоточиться.

В глазах была резь, особенно в левом. Это давление, но пить прописанные таблетки глупо, лучше поспать — и само упадет. Около четырех утра он прилег на диван, не раздеваясь, лишь расстегнув пояс, и укрылся старой шинелью, пропахшей табаком и потом. Не уснул. Пришлось подняться и выпить полстакана молодого вина — обычно это помогало.

Ночь кое-как минула. Проснулся он от того, что ступни ныли, видимо, от сырости. В щель тяжелой портьеры давно пробивался свет. Покряхтев, Сталин сунул ноги в чёсанки, мягкие, удобные для больных ног, и глянул в окно. Сонное летнее солнце наполовину возвысилось над верхушками сосен, асфальт возле террасы начал пятнами подсыхать. Легкий пар рождался ниоткуда, клубился и на уровне глаз исчезал в никуда.

День наступил непростой: ровно четыре года назад Гитлер начал с нами войну. Мысли Сталина занимал парад Победы (до него оставалось два дня). Торжество он сам придумал. Элита армии загорелась. Тысячи лучших солдат и офицеров привезли в Москву для тренировок перед этим грандиозным шоу. По десять раз на дню хозяину доклады-

вали, что подготовка идет точно по графику. Самолеты в воздухе будут построены в виде слова «Сталин». К ногам его бросят четыреста фашистских знамен. Праздничный салют осветит небо во всех больших городах.

Но было нечто важнее Парада. Это отвлекало от соображений, которые Сталин старался выгнать из сознания, а они все настойчивее вползали обратно. Обдумывал он приходящие мысли с тех пор, как слегка утихли торжества и славословия в его честь после взятия Берлина. Прокручивая в памяти события, он окончательно утвердился в правоте и мудрости всего, им содеянного, однако сомневался в верности ему военной верхушки армии.

Вторая мировая война окончилась с непредвиденной выгодой для него. После победы Сталин должен был бы стать увереннее, тверже, настроение предполагалось хоть куда. А тут — бесконечные заботы о голодном народе, совершенствовании партаппарата и прежде всего — о возможных прорехах в собственной безопасности. Их приходилось латать самому. Враги были везде. Он регулярно проверял досье на приближенных, которым переставал доверять, заменял, приказывал вербовать новых. Опасаясь предательства, он заглядывал среди ночи под кровать.

Почувствовав подобие голода, Сталин вошел в столовую, уселся боком к круглому обеденному столу, надел очки и заглянул в свежие газеты. Что там про него пишут? Ничего нового не прочитал. Великий, величайший, мудрый, гений, нас от победы к победе ведет... Приелось! И так все знают. Не вождю это надо. Народам мира необходимы доказательства превосходства советского лидера над их собственными.

Ему подали манную кашу с маслом и изюмом (преданная служанка Валентина по ритуалу первой ее попробовала), а он продолжал размышлять о своем месте в истории. Всех больших правителей до него волновала идея власти над целыми материками, мечта поставить мир на колени. Последнее время Сталин стал больше про это читать, но не про Ивана Грозного и не про Петра Великого, как раньше, а про Чингисхана, Александра Македонского и Бонапарта.

Всем им не хватало его стратегического ума. Похоже, сейчас, когда Европа ослаблена, да и американцы затянули ремни потуже, наступает момент для товарища Сталина.

Победную эйфорию через полтора месяца после окончания великой войны трудно поддерживать. Народ устал, хочет расслабиться, хочет хлеба и зрелищ, хочет размножаться. Зрелища мы неплохо создаем сами, но с хлебом плохо и мяса нет, поскольку негодяи-американцы прекратили ленд-лиз. Народу нужна новая большая идея и дальнейшее напряжение сил для нового взлета. Необходим ход конем, следующая грандиозная победа, от которой вздрогнет мир. Однако поле, куда ему теперь поставить коня, оставалось в тумане.

Наши танки, подсчитал Генштаб по его указанию, дойдут до Португалии за четверо суток. А кто нас поддержит? Можно попасть в ловушку. Трудность в том, что нельзя ни спешить, ни медлить. Пока миру нужны конкретные факты его, Сталина, могущества, роста авторитета. Тогда правительства всех других стран будут вынуждены его уважать. Понимает ли это моя собственная пресса? Восхваления повторяются и становятся штампами, портреты перепечатываются одни и те же. Поэты выдохлись, скучно поют, трафаретно. Примитивное мышление у шелкоперов, ничего не способны выдумать оригинального. Даже в этом приходится руководить.

Кем он был до войны? Просто вождем. Но ведь и все, кто делал революцию, считали себя вождями. Сейчас никого из них не осталось, а слова затерты, не яркие, не впечатляют. Косвенно отражают суть дела выражения «вождь прогрессивного человечества», «знаменосец мира», «великий человек, простой, как правда», «гений в одежде простого солдата». В войну звучали «мудрый стратег», «величайший полководец всех времен и народов», «Верховный главнокомандующий». А дальше? Он маршал, но во время войны маршалов развел вокруг себя, как собак нерезанных. Все маршалы, включая Берию. Правильно ли, если по званию меня уравнивают с этими ничтожествами?

Вдруг в газете на столе он увидел не свой портрет, удивился и прочитал: «Герой России Генералиссимус Суворов». Вот уже месяц везде печатались материалы о 145-лети со дня смерти русского полководца Александра Суворова. Подчеркивалось, что он освободил Европу, и он — предшественник поистине великого полководца — товарища Сталина. Хозяин отставил чашку чаю, дожевал бутерброд с колбасой, с краешка откушенный Валентиной, и рассеянно произнес:

— Ге-не-ра-лис-си-мус!

Почему же раньше не пришло в голову? Я — генералиссимус! Это именно то, что поднимет мой авторитет в мире на недосягаемую высоту.

Тотчас он решил проверить скрытое в этом звучном слове. Вызвал секретаря Поскребышева и велел позвонить Шадлину, директору Института Маркса-Энгельса-Ленина. Пускай срочно подготовят историческую справку.

В оставшиеся полтора дня до парада Победы он заявил, что в Кремль не поедет, будет работать на даче. В Москве шли бесконечные приемы для генералитета, для партийных лидеров, для чекистов. Все ждали появления перед ними вождя, и Сталину приходилось быть в центре внимания, произносить программные тосты, которые цитировались во всем мире. Все эти пьянки на высшем уровне одновременно бодрили и раздражали. Приходилось думать о простых людях. Они тоже заслужили достойные награды. По спискам, представленным снизу, пошли массовые награждения медалями с профилем Сталина. Побрякушки на грудь заменяли миллионам людей материальные блага. Это он читал в отчетах Лубянки, подготовленных для него.

Он подсказывал мысли о наградах для солдат, офицеров, маршалов (последним подарил шикарные дачи), для героев, живых и мертвых, о наградах для приближенных, а приближенные судорожно думали, как выразить свою преданность, как ублажить его, чем еще его наградить. По умолчанию эти мысли Сталина и его приближенных совпадали.

Днем он поспал — пасмурная погода тянула в сонливость. Проснувшись, велел принести тарелку шей с куском

вареной говядины и с аппетитом их умял. От второго и третьего блюда отказался. Мучила отрыжка. Хозяин пошел к рабочему столу. Секретарша уже разложила для него бумаги на подпись и стояла, готовая коротко объяснить, чтобы ему не читать.

Подписывал Сталин быстро, одновременно думая о других нависающих делах, от которых его то и дело отвлекали вопросы ничтожные. Они вполне могли бы быть решены другими, но те боялись сказать «да» или «нет», даже когда все очевидно. Никто вокруг ничего не решает, привыкли надеяться на его голову, полностью разучились думать самостоятельно.

Выслушивая пояснения секретарши, Сталин несколько раз молча кивнул, а также несколько раз отрицательно качнул головой. Кивки и качания были записаны и превратились в соответствующие распоряжения. Не найдясь с ответом, он никогда не говорил «Не знаю», но — «Послать на доработку» или просто «Отложим».

Важные бумаги Сталин вечером отдал Поскребышеву и велел себя не тревожить: ни визитов, ни звонков. За напряжением последовала разрядка. Он устал. Никому пока не говорил, но чувствовал, что сразу постарел.

Свет от настольной лампы образовывал круг. Хозяин проглядывал одну свежеизданную книжку за другой, беря их из нескольких приготовленных ему стоп на столе. Перелистывая страницы, жирно слюнявил палец, оставляя на тексте пятна. Прочитывал пару абзацев, отбрасывал, брал другую. Совсем разучились писать, но сейчас не до них.

По привычке менять место, где спит, Сталин поднялся на лифте на второй этаж, в кинозал. Кресла были расставлены как попало, между ними расположилась его любимая кожаная кушетка с зеленой лампой на тумбочке. Он запер на ключ дверь, а ключ положил в карман. Зажег лампу, и ему показалось, что экран на стене слегка колыхнется. Перед тем, как лечь, он заглянул за экран — там, конечно, никого, просто померещилось. Часов до двух читал он ме-

муары о Гитлере, специально переведенные, и не заметил, как уснул.

Посреди ночи Сталину явился Дьявол, положил рядом голову на кушетку, поиграл с его усами, лукаво улыбнулся и спросил:

— Очень хочешь сделаться генералиссимусом? Вижу, во сне мечтаешь. Берегись! Вот оставлю тебя простым маршалом, а сам возьму да и стану генералиссимусом!

Дьявол захохотал так, что хрусталики в люстре зазвенели, и исчез.

Поздним утром, чтобы Валентина не приставала, подавать ли завтрак, хозяин тихо спустился на лифте и вышел на свежий воздух через боковую дверь. Важная мысль не давала ему покоя и требовала серьезного обдумывания. Он решил прогуляться. Ответил кивком на почтительное приветствие садовника, прикатившего тачку с навозом, обратил внимание, что розы начинают зацветать, затем спустился с крыльца. Еще зимой, то ли от холода, то ли от напряженного образа жизни, усилилась одышка, стало не хватать воздуха, при резких движениях кружилась голова. Медицинские светила (делают вид, что всё понимают!) объяснили это кислородным голоданием, связанным с курением. Сосновый лес вокруг дома, искусственно посаженный и разросшийся до неба, помогает, но, с другой стороны (придумали они сильно научную версию), перекрывает поступающие к дому потоки свежего воздуха. Сталин не стал спорить, попросил прорубить просеки, дабы воздух по дороге из леса в его легкие не задерживался.

Руководя обрезкой роз возле дома, хозяин надевал перчатки, специально для этого пошитые в швейной мастерской Генштаба. Многослойные, шелковые внутри, проложенные сверхпрочной парашютной тканью, чтобы шипы роз не могли проникнуть внутрь. Перчатки лежали на перилах, там, где он их бросил. Снаружи за ночь намокли, а когда надел, внутри оказались сухими. Занялся бы розами сам, но мешала левая рука. Она почти перестала двигаться в локте, поэтому он остался на асфальтовой дорожке, жмурясь от

пробившегося сквозь тучи солнца, и указывал садовнику, какие еще ветки у кустов следует обрезать, где вырыть ямки для новых саженцев, привезенных вчера, объяснил садовник, спецрейсом из Крыма.

Отвлекаясь на розы, Сталин прогулялся немного по вырубленной в лесу просеке, мимо непогашенных фонарей. Спеленные сосны вывезли, но кучи собранных веток, щепы и шишек оставались, и пни еще не все выкорчевали. Сырость лезла в ноздри, он повернул к дому, думая теперь о завтрашнем дне Победы. Он уже жалел, что затеял это дело. Ведь ему стоять часами на параде, приветствуя войска, а потом еще демонстрантов. Тяжелая ноша!

Пишу я сейчас про Сталина и вспоминаю, как я увидел его на трибуне мавзолея в том же году осенью, в день Октябрьской революции.

Школьников согнали в колонны и вели через всю Москву на демонстрацию. Несколько кварталов нас заставили бежать, догоняя предыдущую колонну, а потом часа два мы стояли недалеко от проулка на Красную площадь, чтобы пропустить другой район. Потом опять бежали (точнее, нас бежали) под бодрые крики из матюгальников. Затем в толкотне смешались с колонной завода резиновых изделий. «Слава товарищу Сталину, лучшему другу резинщиков!» — гласил текст на огромном презервативе, который поддерживали в воздухе по шесть человек с каждой стороны. Впопыхах запустили нашу школу попеременно с резинщиками. Осталось красиво шагать по проезду вверх, на Красную площадь.

Оказался я в самой близи к мавзолею. От него отделял ряд солдат спецвойск, стоявших живым забором, плечом к плечу. Неужели не нашлось сумасшедшего? Притащил бы под одеждой что-нибудь стреляющее и решил все проблемы несчастной страны одним нажатием курка. Ведь на площадь надвигались сотни тысяч людей, никого тогда не обыскивали, не просвечивали, не ошупывали, — это все стали делать позже. Да и сама эта агрессивная мысль моя — поздний продукт вполне нынешней эпохи терроризма.

На самом деле, зорко следили. Через ряд впереди меня, человек поднял морской бинокль и, повернувшись вполоборота, на ходу поднес его к глазам, стараясь лучше разглядеть лицо любимого вождя. Мгновенно между плеч двух солдат появилась щель, оттуда просунулась длинная рука. Рука ухватила бинокль, но его держал ремень, надетый на шею. Через секунду бинокль вместе с владельцем был выдернут из ряда демонстрантов, и забор из солдат снова сомкнулся.

Вторя хриплым призывам из могучих репродукторов, все кричали «Слава!». И я тоже орал, при этом спотыкаясь о булыжники мостовой: голова-то повернута вправо и вверх, к нему, солнцу нашей родины. Сталин (или его двойник? Но вряд ли. Такое вождю хотелось, наверное, испытывать самому) стоит (или сидит в высоком кресле?), облокотясь о мраморный барьер локтем, и рука, как маятник, мотается туда-сюда. А может, то фанерная рука, и ее двигает влево-вправо какой-нибудь генерал, расположившийся возле хозяина на полу, согнув ноги по-турецки? Вы бы не устали за семь часов маяты на мавзолее, приветствуя преданных и бесконечно движущихся трудящихся, при этом сосредоточенно думая, как удрать в туалет?

Вернусь к основному сюжету.

Между тем, гуляя по вырубленной просеке, Сталин придумал свой ход конем. Члены Политбюро и маршальская верхушка армии соберутся вместе на параде Победы. Появляется великолепный шанс проверить их всех разом.

Потоптавшись на площадке перед боковым входом, хозяин вошел в дом. На столе лежал конверт, который только что поступил на Ближнюю дачу с правительственным курьером. Сталин отложил другие дела, сорвал печати и стал читать.

Совершенно секретно

Историческая справка

По личному указанию товарища Сталина И.В. собран материал о высшем воинском звании «генералиссимус».

Докладываю, что слово «генералиссимус» является превосходной степенью латинского слова «generalis» и значит «высший», «верховный». В истории человечества существовало 77 генералиссимусов, в России их имелось четыре.

По европейской традиции титул генералиссимуса есть высшее воинское звание и присваивается лицам королевских кровей или командующим армиями нескольких стран.

Впервые звание генералиссимуса французский король Карл IX (сын Екатерины Медичи), организовавший Варфоломеевскую ночь, дал своему брату в XVI веке. Этот титул помог ему сделаться королем Генрихом III. Генералиссимус Генрих III был королем Польши и Франции, но недолго. В Париже он поручил управление государством Екатерине, своей матери, сам же бездельничал. Любимым его занятием сделалось переодевание в женскую одежду. Он проводил время на шумных маскарадах в собственном гареме. Генрих III был убит своими врагами кинжалом.

Больше всего известных генералиссимусов (девять) было во Франции, включая королей и Фердинанда Фоша, Верховного командующего войсками союзников в Первой мировой войне, семь — в Австрии, таких как Валленштейн, Монтекулли, Шварценберг, два — в Швеции и т.д. В других странах звание генералиссимуса имели революционер и борец за объединение испанских колоний в Южной Америке венесуэлец де Миранда, генерал Максимо Гомез на Кубе, в Испании Франко, в Китае Чан Кайши.

В России главный боярин назывался «Верховником». Звание генералиссимуса установлено Петром I по Уставу, подготовленному самим царем. В Уставе Петра I говорится: «...сей чин коронованным главам и великим владетельным принцам только надлежит, а наипаче тому, чье есть войско. В небытии же своем оный команду дает над всем войском своим генерал-фельдмаршалу».

Первым по указанному Уставу получил звание генералиссимуса боярин Шеин за расправу со стрельцами, затем князь Меншиков за победу над шведами. Третьим был полководец Суворов. Он выиграл шестьдесят сражений и не проиграл ни

одного. В советской печати не сообщается, что четвертым в России генералиссимусом был принц Антон Ульрих, супруг временной императрицы Анны, которому она сама дала это звание.

Титул генералиссимуса во всех странах является уникальным, самым почетным воинским званием и присуждается крайне редко. В отдельных странах (например, в Испании) имели место случаи, когда звание генералиссимуса давалось временно.

Следует отметить, что в настоящий период в присвоении звания генералиссимуса нет традиции. Например, Франко и Чан Кайши — генералиссимусы, а Черчилль и Трумэн — нет.

*Академик Шадлин,
Директор Института Маркса-Энгельса-Ленина
Составлена в одном экз. для тов. Сталина лично*

Насчет одного экземпляра академик Шадлин соврал. Он собственноручно отпечатал две копии справки, одну спрятал дома, другую дал старому другу. Шадлина арестовали позже. Заодно при обыске нашли копию, и это стало уликой для дополнительного обвинения академика в хищении секретных документов с целью шпионажа. Друг же копию сохранил. Через четверть века после описываемых здесь событий я познакомился с выжившим в лагерях Шадлиным, тощим хромым стариком с увесистой палкой в руках, и он разрешил мне сделать ксерокс.

Все же звание генералиссимуса вызывало у Сталина сомнения. А нет ли других чинов, значительней? Мыслима ли на земле особая должность, только для него?

Еще до войны хозяйина интересовала структура власти у нацистов, спецслужбы, субординация, их слабые звенья. Ему всегда хотелось иметь такую же четкость и исполнительность в партии и госаппарате. Приходилось их копировать. Но у них не было нашей партийной своры, в которой не знаешь, кому доверять. Теперь, сомневаясь в необходимости новой клички «генералиссимус», как вождь для себя вы-

разился, он опять решил ознакомиться с нацистской системой наград и званий. У него в столе давно лежали таблицы. Вытащил их и стал рассматривать.

Интриган Гитлер ловко назвал себя просто фюрером. Хорошо звучит! После окончательной победы этот сукин сын хотел провозгласить себя Мессией, — я не дал ему этого сделать. Ниже был рейхсфюрер, остальные под ними были полуфюреры, четверть фюреры и так далее, стремившиеся к следующей ступени. Что если я буду Государственный маршал, маршал над маршалами? Кто у них был госмаршал? Ах, Геринг — вторая фигура после фюрера... Нет, вводить звание госмаршала у нас нецелесообразно. Стало быть, реально «генералиссимус» звучит гораздо лучше нацистских званий.

Сталин погулял по комнате, присел, постучал ногтями по столу. Он решил, что под этот ранжир вполне подходит, хотя сам он совсем не царской крови. С точки зрения мировой истории, титул почетный. Кто из сегодняшних лидеров в Европе и Америке — генералиссимус? Эйзенхауэр — всего-навсего генерал армии, у Черчилля — орден Подвязки. Правда, затесались еще враждебные генералиссимусы Чан Кайши и Франко. Не будет ли этот факт принижать значение присвоения такого звания ему, Сталину? Однако предстоит поездка в Германию, встреча с главами государств. В Потсдаме придется много времени торчать перед объективами, и все должны увидеть, кто главный победитель.

Наедине с собой вождь любил отнестись к своей славе с юмором, но давно не слышал и намека на насмешку от других, пускай добрую и по самому ничтожному поводу. Если сам он не видел такой насмешки, ему немедленно сообщили бы, у кого она промелькнула и при каких именно обстоятельствах.

Теперь, когда Сталин созрел для того, чтобы стать генералиссимусом, он разорвал историческую записку на мелкие кусочки и бросил в мусорную корзину, содержимое которой ежедневно сжигалось лично секретарем Поскребышевым. Осталось разрешить назвать себя генералиссиму-

сом официально. Кто же повысит меня в должности? — почесав затылок, подумал он.

Поскребышев явился моментально, замер, ждал указания. Сталин внимательно на него смотрел.

— У наших маршалов, — медленно произнес хозяин, — сложилось мнение ввести новое высшее воинское звание — генералиссимуса. Я думаю, можно с ними согласиться. А вопрос о том, кому это звание присвоить, ты тихо задашь маршалам сразу после парада Победы. Понял, дырявая башка?

Поскребышев, внешне медлительный, когда требовалось, соображал быстро и ход конем сразу разгадал.

— Кто вяло поддержит присуждение нового звания, — ответил он, — я запомню.

Утром моросил мелкий, непрерывный дождь. Войска, построенные для парада Победы, промокли до нитки. Колонны демонстрантов двигались из всех районов Москвы, чтобы пройти через Красную площадь следом за армией. Кто понимал, тех удивило, что командовал парадом не Сталин, а маршал Жуков — еще одна маленькая хитрость хозяина.

Наконец, едва парад закончился, вход на Красную площадь перекрыли тысячи милиционеров и внутренние войска. Из репродукторов звучала команда расходиться по домам. Это тоже было неожиданное решение хозяина: обрубить энтузиазм масс. Может, ему надоело стоять на трибуне и мокнуть под дождем?

Узкий круг членов Политбюро и главных маршалов пригласили в небольшой зал под мавзолеем. Столы были обильно накрыты, но ни бутылки спиртного не подали. Тут гениальный замысел Сталина начал реализовываться. Стало совсем тихо, когда хозяин пристально оглядел собравшуюся элиту и вдруг заговорил:

— Хочу вам всем заявить, что я состарился и собираюсь отказаться от власти...

Нависла тяжелая пауза, следствие растерянности всех присутствующих. Он смотрел на них, они — на него. По-

скребишев все сделал, как было велено. Страх сковал всех — естественный или показной. Тишина оборвалась внезапно.

— Дорогой наш вождь и учитель! Как вы могли подумать об этом? Это невозможно! — заговорили, закричали наперегонки они, простирая к нему руки. — А как же мы, преданные ваши ученики? Не оставляйте нас сиротами!

Он понял, что ход был успешный. Отобрать у него власть ни у кого силенок не хватит.

— Ведите нас вперед, наш отец, наш верховный главнокомандующий! — они не могли уговориться. — Мы обращаемся к вам с огромной просьбой от всех нас, от всего нашего народа — стать генералиссимусом!

— Генералиссимусом? — удивился он. — Зачем мне? Я не воевал с оружием в руках, а был простым руководителем. Вы маршалы, и я маршал. Это вам нужны звания для авторитета. А у меня и без званий есть авторитет. Подумаешь — генералиссимус!

Они уговаривали, лестили, он в ответ ворчал, но, чтобы их не обижать, согласился. Все забыли, как минуту назад он собирался на покой.

Через три дня после парада Победы газеты страны опубликовали указ о введении звания генералиссимуса, а на следующий день еще один указ — кому именно присвоено это звание «за особо выдающиеся заслуги перед Родиной».

В Советском Союзе после войны выходили семь тысяч газет на семидесяти восьми языках. Каждый день печаталось тридцать миллионов экземпляров. Только что Сталина шумно наградили вторым орденом «Победа», затем званием Героя Советского Союза, и вот, наконец, — генералиссимус! Тридцать миллионов газет, а также миллионы радиоточек вдруг повторили: «Генералиссимус Сталин!», «Генералиссимус Сталин!!», «Генералиссимус Сталин!!!», — сразу приучив весь народ к новому имиджу вождя.

И закутился следующий виток его славы.

Наверное, слишком поспешили. Он — уже генералиссимус, а портреты в газетах, на стенах домов, проекции фото-

графий на облаках в московском небе все еще показывали его в форме обыкновенного маршала.

Но исправили быстро. На заседании Политбюро открылась дверь и втокнули генерала комплекции хозяина в новой форме, которую сшили срочно. На генерале — голубой мундир времен одноглазого фельдмаршала Кутузова со стоячим воротничком и брюки голубые с серебряными лампасами.

— Что еще за маскарад? — Сталин вылупил глаза, будто эскизы заранее не подсовывали ему на стол и не он ткнул пальцем в один из рисунков.

— Предполагаемая форма для генералиссимуса, — объясняют маршалы.

— Для себя нацеливаетесь?

— Вам, товарищ Сталин...

— Глупости! — для виду сердясь, воскликнул он. — На хрен мне эти тряпки да побрякушки? Плевал я на них!

— Но ведь в газетах опубликовали! Народ хочет видеть своего вождя в форме генералиссимуса...

Надо с этим не переборщить, подумал он, а то буду смотреться, как актер из провинциального театра.

— Вождь — вам кто? Невеста на выданье? Не народу надо, а вам, дуракам! Вам надо, чтобы толпа на меня молилась. Без моей широкой спины вы все — дерьмо!

В общем, переодетого генерала он выгнал, а маршалов покрыл бранью. Но сочная русская матерщина с грузинским акцентом всем присутствующим была уже в удовольствии. Собравшие на заседание поняли, что хозяин пошутит со своим уходом от дел и стать генералиссимусом согласен. Они расслабились, разулыбались. Отпустил он их с миром, никого не наказал, а голубой мундир генералиссимуса поселился на Ближней даче в шкафу.

Глава 6

Донесение из Кувейта

Кунцево, Ближняя дача.
Суббота 30 июня 1945, вечер

Смеркалось, когда секретарша тронула Сталина за плечо.

— Звонит нарком иностранных дел Молотов. Сообщает, что есть странная информация из-за рубежа, которая может товарища Сталина заинтересовать.

— Каменная задница, конспиратор дерьмовый! — вслух реагировал он. — Не сказал, в чем дело, хочет выслужиться, просит разрешения приехать.

Что-то у Молотова серьезное, иначе бы не беспокоил, поэтому пришлось разрешить.

Минут через сорок Молотов быстрыми шагами вошел в комнату. Сталин поглядел на его потертые, потрескавшиеся лакированные туфли, необходимые для дипломатических приемов, и, не спрашивая, велел подать ему стакан чаю и стул.

— Что пишет жена? Как она там? Питание нормальное?

— Она — в-враг н-народа, — сказал Молотов, — и мы н-не п-переписываемся.

Этот ответ Сталин слышал не раз. Жена Молотова, как и подруги многих сподвижников хозяина, пребывала в лагерях согласно хорошо продуманной стратегии. Католическая церковь, он знал это с юных лет, весьма разумно запрещает священникам иметь жен, чтобы они были верны только Богу и папскому престолу на земле. Выяснилось, на подчиненных, на их преданность это влияло благотворно. Молотов не врал, иначе Сталину пересылали бы письма.

Когда гостю подали чай и он отглотнул, хозяин спросил:

— Ну, с чем пожаловал? И перестань заикаться!

Молотов сделал еще глоток и, вытерев платком рот, отодвинул стакан вбок, освобождая поле для доклада. Приказ вождя действовал, на какое-то время заикание прекращалось.

— Помнишь, товарищ Сталин, когда договаривались с Гитлером, ты искал больше влияния на страны Персидского залива? Во время войны ты остановил немцев на Волге и на Кавказе — тем самым не дал им оккупировать Кувейт! Ведь у Гитлера уже был готов экспедиционный корпус для захвата этой страны. Шейх Ахмет, всесильный глава Кувейта, с тех пор тебе благодарен.

— Мелкая вроде бы страна, — будто сам себе сказал Сталин, взял лежащий на столе справочник и перелистал. — Населения, смешно сказать — один миллион... Зато стратегически Кувейтишко очень важен — в самом сердце арабских стран. У них главное место в мире по ловле креветок, ха-ха! Ты их хоть раз в жизни пробовал?

Сталин рассмеялся, довольный собственным вопросом.

— Не раз! В западных посольствах их подают как деликатес.

— Тогда принеси мне. На приеме положи потихоньку в карман, и я попробую... Ты притащился, чтобы сообщить о креветках?

— Нет-нет! Если серьезно, вот какая картина. Тебя, товарищ Сталин, давно интересуют наши возможности в этой части мира. Но так исторически сложилось, что положение в Кувейте нестабильное. Они давно ищут руку помощи на стороне. Еще отец этого Ахмета шейх Мубарак в начале века обращался к нашему царю Николаю за помощью — боялся Турции.

— Это правда, — согласился Сталин. — Дурак Николашка взял да и отказался помочь арабам. А ведь Россия турков не раз била. Согласись он, и в тылу у турков появился бы наш союзник...

— Кувейт — лакомый кусок, — продолжил Молотов. — Экономика держалась на добыче жемчуга. По нему Кувейт тоже держал главное место в мире. Но стали делать искусст-

венный жемчуг — его от настоящего не отличишь. Теперь нырять за раковинами остались без работы. Это их пролетариат. Вроде бы отсталая страна...

— Отсталая, пока не начали качать нефть, — перебил Сталин, заглядывая в справочник. — Англичане там хозяйничали аж с конца девятнадцатого века, так? Немцы тоже туда совали нос. Железную дорогу строили из Берлина на Багдад и дальше в Кувейт, но силенок не хватило.

— Как всегда ты прав — нефть! — в тон хозяину подхватил Молотов. — Нашли в конце 20-х годов. В войну бурение остановили. Англия усилила там военный гарнизон — боялась нацистского вторжения.

— А сейчас? — спросил Сталин.

— Опять роют. Запасы нефти огромные. Вот-вот Кувейт станет мировым экспортером. У меня секретные сообщения наших послов, что США, Испания и Япония ведут переговоры, умасливая родственников Ахмета. Просят долю в разработках нефти. За это обещают хорошую прибыль от добычи.

— Почему с родственниками, а не лично с шейхом?

— Чтобы все были «за» них и «против» англичан. Ахмет ведет двойную игру. Еще Ахмет...

— Понятно! — перебил его Сталин. — Подумаем, как получить кусок от этого пирога. Сообщи нашему послу, что ты хотел бы посетить Кувейт.

— Шейх Ахмет признает только верховных лидеров государств и только с ними имеет дело. Кроме того, связаться-то нам не с кем. Нет с Кувейтом дипломатических отношений! Информацию имеем из других источников. Англичане всячески ставят нам палки в колеса. Шейх Ахмет сильно хочет получить независимость от Англии, ведь формально он пока — заместитель английского губернатора. В узком кругу болтает, что хочет строить социализм. Но может, это национал-социализм?

— Хрен с ним, с их социализмом! — вообще-то Сталин сказал не «хрен», а нечто более сочное, он это любил. — И чего ты, нарком иностранных дел, нам предлагаешь?

— Вот! — Молотов пригнул шею и понизил голос. — Наш агент из Эль-Кувейта передает сведения от двух независимых источников. Шейх Ахмет часто повторяет, что он в восхищении от того, как товарищ Сталин подавляет врагов, мешающих вести страну к процветанию. Портрет Сталина висит у шейха в рабочем кабинете.

— Чего ж особенного? Они везде висят...

— Само собой!

У шейха, как Молотову докладывали, висят портреты Сталина и Гитлера, но этого говорить не следовало. И он прибавил:

— Ахмет — самый богатый человек на земле и самый фанатичный коллекционер орденов всех стран. У него лучшая в мире коллекция.

— И советские ордена у него есть? — спросил Сталин.

— Я специально потребовал выяснить это дело. У него в коллекции имеются все советские ордена, включая орден «Мать-героиня».

— Ложь! — возмутился Сталин. — Каждый грамм нашего золота, каждый наш бриллиант на учете.

Молотов промолчал.

Сталин встал размять затекшие ноги, зашаркал по ковру подшитыми валенками. Остановившись против сидящего на стуле Молотова, он разглядывал на узле галстука соляное пятно от его подбородка, потертые рукава черного костюма.

— Чем еще удивишь?

— В шифровке от нашего эль-кувейтского резидента есть непонятное место, — продолжал Молотов. — Я долго ломал голову, но ничего не придумал. Ты, товарищ Сталин, догадаешься. Шейх Ахмет мечтает заполучить в свою коллекцию Звезду Генералиссимуса. Обещает не пожалеть ничего, чтобы иметь ее...

— Дурак он! Ведь такого ордена нету! В природе не существует! Я получил звание генералиссимуса... Шейх, видно, глядел в газетах на портрет и спутал с Маршальской Звездой.

— Нет! — молвил Молотов. — Маршальская Звезда у него уже есть.

Он покорно ожидал реакции хозяина, боялся, когда тот долго молчал. Кто знает, какая гадость зреет в его голове? Сталин посмотрел так, будто хитрец Молотов переправил шейху Маршальскую Звезду.

— Я виноват, — на всякий случай поспешил покаяться гость.

— Ты?!

— Шейх надоумил, но поздно. Мне бы подсказать в указе о присвоении звания генералиссимуса добавить слова «с вручением Звезды Генералиссимуса», а я не сообразил.

Искра огорчения проскочила в глазах Сталина. Как же он сам-то об особой награде к званию генералиссимуса забыл?! Но спросил он неожиданно совсем о другом.

— А фашистские ордена есть у шейха?

— Агенты Ахмета раздобыли все немецкие ордена, включая «Великий рыцарский железный крест».

— Ах, сволочь!

Сталина это разозлило. Он ведь еще раньше велел гитлеровские награды доставить ему. Железные кресты с трупов на фронте снимали и ему привезли. Но высшие ордена рейха советская разведка не нашла. Вместо этого раздобыли кинохронику, Сталин ее дважды внимательно смотрел. Система поощрений у нацистов была разработана детально. Когда за победы над Польшей и Францией Гитлер присвоил Герингу уникальное звание рейхсмаршала, для него сделали в единственном экземпляре «Великий рыцарский железный крест», окантованный золотом, да еще восьмиконечную звезду и в середине ее тот же железный крест. Выходит, шейх все у нацистов заполучил, а он, Сталин, нет.

Как раз тогда Власик доложил не без удовольствия:

— Мне донесли, что ваш собственный телохранитель Тимофей Покусай собирает немецкие ордена.

— А ты, придурок, куда глядел? Подай мне его сюда!

Так коллекция Покусай перекочевала к хозяину, а самого Покусай он велел пока не трогать.

— Ладно! — пресек вождь Молотова. — С нацистами покончено!

Молотов кивнул, отхлебнув остывшего чая. Сталин сердито засопел и стал набивать трубку. Все они, в окружении вождя, давно бы тоже закурили трубки, но боялись, что такая уравниловка не придется хозяину по вкусу.

— Значит, шейх Кувейта хочет получить от нас Звезду Генералиссимуса, которой в природе не существует? — он чмокал, разжигая в трубке табак. — Глупость! Нам нужны американцы, их продовольствие, их машины. Зачем мне этот шейх?!

Глава 7

Радикальная смена вектора

Литерный поезд «Потсдам—Москва».

Ночь с четверга 2 августа на пятницу 3 августа 1945

В середине ночи яркий свет военных прожекторов залил платформу железнодорожной станции Кайзер-Банхоф. От особняка Сталина в районе Бабетсберг оцепление стояло в три кольца, каждое плечом к плечу, перекрыв ближайшие кварталы. По всему Потсдаму патрули задерживали любых подозрительных и сразу увозили в комендатуру. Время от времени слышались выстрелы по окнам: видимо, кто-то пытался выглянуть. Опустел дворец Цецилианхофф в Новом Саду, где проходила встреча глав держав-победителей, охрану за ненадобностью сократили еще днем.

В освободившиеся несколько часов полторы тысячи чекистов, привезенных для охраны Сталина, бросились обследовать окружающие станцию дома. Из квартир тащили драгоценности, посуду, одежду, — все, что еще осталось после прохода здесь армии-освободительницы. У немцев на улицах срывали кольца и вдавливали их в куски мыла, прихваченного в домах заранее. Готовясь к отправке в Москву хозяина (едва им сообщили время), они волочили через солдатское оцепление саквояжи, ящики, мешки, узлы и заталкивали награбленное в вагоны литерного поезда, поданного к платформе.

На крышах вагонов, на шпалах, возле колесных осей лежали и ползали проверяющие из охраны в черных комбинезонах. Когда свет прожекторов вдруг погас, в полной темноте прямо на платформу въехали два бронированных «паккарда» — привезли Сталина и Молотова. Сквозь строй зыркающих во все стороны офицеров безопасности обоих бес-

шумно провели, каждого в свой вагон. Тимофей Покусай, обеспечив сохранность левого плеча вождя по пути от автомобиля, повис на ступеньках, глядя вправо и влево, пока стальная дверь за охраняемым субъектом не захлопнулась. Поезд сразу же тронулся, до конца платформы за ним с обеих сторон бежали чекисты.

Движение по всей трассе и на узловых выходах из нее до самой Москвы уже замерло. Один-единственный короткий состав больше суток постукивал на стыках. И на всем пути длиной почти две тысячи километров через Германию и Польшу, а потом и по своей земле днем и ночью стояли цепи из армейских частей, смешанные со спецвойсками госбезопасности. Следили одни за другими. На вокзалах был приказ стрелять в любого, кто появится на платформах. Поезд тянули два американских тепловоза, полученных по ленд-лизу. Задолго была дана команда скопировать техническую новинку, дабы вслед за паровозом «Иосиф Сталин» появился тепловоз с тем же именем, но свой такой тепловоз сделать тогда не смогли.

В вагоне Сталин скинул ботинки, стащил с себя китель, вынул папироску и, закурив, сразу прилег на диван. Впервые за две с половиной недели позволил себе расслабиться, и то не полностью. Войска, личная охрана, это все там, за окнами, имеется, но беспокойно на душе. Скорей бы домой.

Поездка в Берлин и Потсдам оказалась нервной. Трумэн и Черчилль прилетели туда на военных самолетах. Летать Сталин боялся, поэтому еще раньше было выпущено постановление, запрещающее летать всем членам Политбюро. Впрочем, и запрещающее ходить по городу пешком — мало ли что? Спал он в поезде плохо, думалось с утра тяжело, ведь пришлось сменить привычное время сна и работы.

Одеваясь на конференцию, советский вождь опять оказался непредсказуемым. Он сел в машину простым маршалом, хотя взял с собой в Потсдам новый голубой мундир генералиссимуса с серебряными погонами и пуговицами.

Слухи уже расползлись, но голубой мундир остался на вешалке в резиденции. Ждали, что русский лидер переде-

нется к совместному ужину. Западные фотографы предвкушали явление диктатора-генералиссимуса у входа во дворец, но охрана их легко оттеснила. Сталин шокировал Трумэна и Черчилля своей абсолютной скромностью, явившись ужинать в том же немного поношенном маршалском кителе, почти без орденов. На следующее утро он опять произвел впечатление, мелкими шажками войдя в зал заседаний опять же в маршалской форме.

Все бы хорошо, если б не эта проклятая атомная бомба. Взорвали ее американцы в день открытия конференции. Трумэн молчал и дал знать Сталину на восьмой день. А ведь Сталин предложил сделать председателем конференции американского президента, ибо Трумэн был нейтральнее злого Черчилля. Он сует нос не в свои дела. Мы сами знаем, как действовать на наших территориях. Так хотелось получить от американцев еще помощь, если уступить им в чем-нибудь.

Конечно, вождь блефовал. Обещал свободу странам Восточной Европы, хотя там уже всюду шли аресты. Он сам отбирал туда правителей из холуев. Боялся, как бы не перехитрили, не перехватили власть, торговался по всякому поводу. А ведь добился на конференции в Потсдаме многого: отторжения Кенигсберга к СССР, оккупации части Германии, получения репараций, использования бесплатного труда пленных немцев на десять лет вперед. Как писали западные газеты, Сталин обладал способностью гипноза. А это было совсем другое. Если ты упрям, как козел, тебе вынуждены уступить, иначе сорвешь переговоры. И он отторговал половину немецкого флота. В Одессу пришел теплоход «Адольф Гитлер», который стал называться «Россия».

Амбиции русского властителя в маршалской форме раздражали западных партнеров. Перед самым приемом у Трумэна Сталину доложили, о чем президент США говорил утром с Черчиллем. Вал американской помощи, который перевернул войну в нашу пользу, иссяк. Надо, надо было надеть форму генералиссимуса! Сколько бы они ни прикидывались демократами, атрибуты сильной власти впечатляют. Да поздно теперь...

Под стук колес поезда и мелькавшие в окнах огни Сталин уговорил себя, что ему повезло. Когда услышал от Трумэна про атомную бомбу, взорванную американцами, он сделал вид, будто ничего особенного не произошло. На деле, размышлял он, если бы они взорвали бомбу в Нью-Мексико раньше, от диктата Америки в Потсдаме уклониться бы не удалось и досталось бы нам, как ни крути, меньше.

Теперь Америка на нас плюнет, это очевидно. Будет помогать Германии. Кто же остается с нами? В итальянские колонии нам не пробраться. Из Тегерана придется вывести все войска. Рассчитывать будем на свои силы. Никогда я никому не верил и всегда оказывался прав.

Союзники меня предали, хитрят, мешают. Моя идея единой социалистической Европы, а не только Восточной, шатается, ее надо менять. Когда велись разговоры о Ближнем Востоке, я притворился, что это меня не интересует, и мудро поступил. Танжер, Сирия и Ливан находятся под управлением Франции, Англия, мать ее за ногу, хозяйничает на Ближнем Востоке, а мне самому хочется протянуть туда руки.

Так Сталин и не заснул. Вставал, просил, чтобы подали чай, выпил полбутылки вина, — ничего не помогало. Осторожно выглядывал в щель между шторами на бронированном окне. Начало светать. Кроме танков, подогнанных к железнодорожным переездам, ничего не обнаружил.

Секретарь Поскребышев, почуяв, что хозяин поднялся, постучался и просунул в дверь бритую голову, блестящую, как никелированный чайник. Кашлянул.

- Спросить я хотел, не надо ли чего?
- Ступай, надо будет, вызову... Постой... Где мы?
- Это Польша, Варшаву часа полтора как проехали.
- И как Варшава?
- Мертвый город, разруха.
- Дальше чего будет?
- Скоро Брест, советская граница.

Сталин сделал жест, чтобы Поскребышев закрыл за собой дверь. Опять посмотрел в окно на территорию, которой

распоряжался по карте. Небо обещало быть ясным. Польша полувымершая, взрывами покалеченные перелески, разбомбленные хутора — голые печные трубы торчат, кое-где крыши, крытые соломой. В поле тощие коровы и козы, оборванные люди, но теперь это наше, и, если враги не будут мешать, порядок наведем. Впрочем, если будут мешать, самодовольно усмехнулся он, — тоже.

Замелькали станционные сараи, стали множиться пути, появились люди в военной форме, и Сталин предусмотрительно закрыл шторы. Заскрежетали тормоза, поезд замедлил ход, колеса загрохотали на стрелках. Вагон дернуло назад, и он замер. Затопали шаги. Какая-то возня происходила под полом вагона. Слышались команды, приятная русская брань, кто-то крикнул: «Ты у меня пойдешь под трибунал!»

Вагон свой хозяин не любил. Хлипкое движущееся сооружение, пахнувшее внутри старой мебелью и клопами, держало его в напряжении. В комнатах было душно, ибо окна по соображениям безопасности не открывались, а вентиляторы на крыше крутились от ветра, лишь при движении поезда. Накопилось раздражение из-за медленной езды, тряски, грохота, а теперь вот всех этих посторонних звуков из-под вагона.

Время тянулось медленно, он почувствовал себя в клетке и нажал кнопку. Явился Власик, вытянулся по струнке, стягивая живот.

— Почему не едем?

— Брест. Мне доложили, что меняют вагонные оси на нашу широкую колею. Обычно это берет два часа, для вас сделают за полтора.

— А не быстрее просто пересесть в другой поезд?

— У нас один литерный поезд. Построить еще один?

— Подумаем, — сказал хозяин. — Садись, генерал, чего стоишь?

Глянуть бы в окно, но не следовало этого делать, хотя на перроне не может быть случайных людей. Он прилег на диван и курил лежа. Власик присел на край стула.

— Как там сейчас? — Сталин показал на окно. — Все надежно?

— Сейчас получил рапорты. Оцепление спецвойсками — три кольца. Привокзальная площадь полностью очищена. Все подходы к вокзалу перекрыты. Поезда отведены на дальние пути. На крышах близлежащих зданий мои люди. Все сделано, чтобы не допустить и намека на малейшую провокацию.

— Тогда пойдем, — Сталин придавил папиросу к пепельнице и, не сводя глаз, смотрел на своего главного телохранителя.

— Куда пойдем? — испугался тот.

— Как куда? Пойдем проверим, все ли обеспечено.

Надев фуражку, хозяин двинулся по коридору к выходу. В тамбуре Власик, обежав его, убедился, что посторонних нет. Охранники тотчас сгруппировались возле вагонной площадки. Сталин медленно спустился со ступенек и побрел вдоль вагонов. Власик следовал на полшага впереди и чуть сбоку, вертя головой и глазами распределяя по платформе круг своих людей, одетых в штатское. Левым ухом Сталин слышал преданное дыхание Покусяя.

Очень хотелось оглянуться, но это было бы трусливым движением. Почему меня до сих пор не убили? — подумал Сталин, делая вид, что не замечает суеты. А потому, что я занимаюсь этим постоянно. Все же когда опаснее? Когда поезд идет или когда он стоит?

Ответить на вопрос он не смог. Пройдясь вдоль вагонов, постоял пару минут, сняв фуражку и дав солнцу погреть редеющую шевелюру. Все вокруг тоже замерли, ждали его следующего жеста. Он повернулся и пошел обратно. Его бережно поддержали за локти. Все остались на платформе, поезд тронулся. Охранники один за другим попрыгали в соседний вагон. Опять Покусай висел на ступеньках до тех пор, пока Власик не притворил за хозяином дверь.

Сталин присел к столу. Бумаг за две с половиной недели накопилась уйма. Они доставлялись в Потсдам военным самолетом ежедневно, но почти не открывались. И вот те-

перь он стал вяло их переключивать, листать, кое-какие подписывать.

Мысли Сталина вернулись к донесению Молотова о шейхе Ахмете. Они увязались с переговорами в Потсдаме и, погуляв по извилинам мозга, обозначились как более существенные, чем другие.

Откуда кувейтский шейх Ахмет взял, что к званию генералиссимуса прибавляется особый орден? Стало быть, коллекционера-фанатика Ахмета посетила догадка. Если у нас есть новое высокое звание, то появится и Звезда. У нацистов имелось звание рейхсмаршала плюс Великий крест. Не иначе, как шейх следовал логике фюрера.

Все человеки что-нибудь коллекционируют: кто фарфор, кто женщин, кто спичечные коробки, кто деньги, кто автомобили, кто пыль веков, — все, кроме немногих равнодушных. Эти ничего не собирают, пускают судьбу по ветру. Равнодушным вождь не был, нет. А что коллекционировал?

О, Сталин был великий коллекционер! Его кремлевское превосходительство собирал досье на тех, кого в данный момент считал преданными себе, а также на тех, кого боялся и кому уже перестал доверять. В молодости он делал это в уме, потом держал при себе человека, ответственного за картотеку.

Не люди тут играли роль, а справки на людей. Он, внимательный до мелочей коллекционер живых и мертвых, всю жизнь приводил коллекцию в систему, сортировал людей из своего окружения, регулярно заменяя преданных на еще более преданных, а предыдущих уничтожал. Так собиратель бабочек без жалости сбрасывает в мусорную корзину поврежденные экземпляры, если на крылышках стерлась пыльца. И были досье на отдельные народы, которые он не любил и с которыми расправлялся. Никто в мире не имел такой картотеки.

Как коллекционер коллекционера Сталин понял шейха Ахмета и решил уважить страсть. Да, в болтовне о Звезде Генералиссимуса есть нечто, торги, каковые они оба, восточные люди, поведут, и козыри получит тот, кто хитрей.

Если шейх хочет иметь такой уникальный орден для своей коллекции, он будет готов оказать встречные услуги!

Стратегически для Ахмета многое прозрачно. Мы разбили Гитлера и спасли Кувейт от превращения в фашистскую колонию. Теперь, однако, то, что не потянул Гитлер, нам, большевикам, вполне по силам. Запад оказался ненадежным союзником, он нам не друг, не товарищ. Запад — тамбовский волк. Китай — да, нэш, но пока слабый. Сейчас нам надо двигаться в арабском направлении.

Вождь почувствовал, что ухватил, наконец, быка за рога. Кувейт живет изолированно от других арабских стран, — это архиважно, как говаривал бывший вождь Ленин. Главное, что войдя в дружбу с шейхом, мы получаем ключ к воротам Ближнего Востока, в арабские страны, даже путь в Индию. Через Кувейт придет к нам богатство и реальная сила. Мы вытесним отсюда нашего заносчивого союзника Англию и помешаем внедрению туда Америки.

Единственное умное дело, предложенное в свое время Лениным, продолжал размышлять хозяин, был террор. Мы сможем готовить мусульманские революционные кадры. Они обеспечат большой поход арабов на растленный Запад. Вся Европа рано или поздно будет наша, это Сталину давно ясно. Но теперь ясно и другое. Это произойдет не через танки, которые дойдут до Португалии в четыре дня. Мы придем к власти над нефтью, сделав нашим Кувейт, потом утвердимся в округе, и тогда весь мир, все будут у нас в руках. Мы задушим Запад руками Востока.

Поезд дернул и стал набирать скорость.

Неужели для нашей победы над арабскими странами и, шире, над этой частью земного шара сейчас нужна такая мелочь как Звезда Генералиссимуса?

Сталин потер руки, обрадованный своему гениальному прозрению. Шейх мечтает стать эмиром? Логично, мы ему поможем. Мудрость проявляется в мелочах. Шейх Ахмет не ошибся — Звезда Генералиссимуса будет!

Нажатием кнопки хозяин вызвал Поскребышева, тот вбежал на цыпочках.

- Позови-ка сюда Молотова. И пускай подадут завтрак.
- Молотов спит, товарищ Сталин.
- Утомился на переговорах... Все равно буди.

За окнами был день, в вагоне продолжалась ночь. Поджидая Молотова, он курил и думал не о нефти, а о себе. Вокруг него люди ненадежные, и их надо заменить. Но где гарантия, что новые долго будут более преданы и не начнут интриги? Где гарантия, что американцы не подложат новую свинью? Нет, в нынешней обстановке нужен еще и запасной выход. Вот Иван Грозный на случай смуты договаривался с английской королевой об убежище в Англии. В аналогичной ситуации мы Ахмету пригодимся. Ведь его самого англичане могут выгнать. А мы пообещаем, что убежище в нашей стране ему обеспечено. И эта договоренность будет взаимной.

Сталин взял с поданного подноса миску с творогом, положил ложку сметаны и перемешал. Сняв крышечку с заварного чайника, понюхал. Заварка была грузинская, с целебными травами, повышающими потенцию. Ложка в стакане с серебряным подстаканником дребезжала, но умолкла, едва он заполнил стакан чаем.

Молотов вошел, слегка помятый, в шлепанцах. Пока Сталин пил чай, вежливо ждал.

— Вот что, Молоток, любым путем надо доставить шейху мое личное письмо. Пошли с ним своего заместителя в Кувейт.

— К-когда? — спросонья он опять заикался, но Сталину было не до этого.

— Немедленно. Прощупайте, готов ли Ахмет нанести неофициальный визит в Советский Союз? Только тихо, пока союзники нас не обскакали.

— А ц-цель в-визита?

— Чья цель — наша или его? По договору, который ты третьего дня подписал, нам придется убрать войска из Ирана, так? И нам нужны другие арабские друзья. Ахмет, я решил, приедет сюда не зря. Когда его можно ждать?

— Насколько я осведомлен, — сказал Молотов, — уже назначена его встреча с королем Георгом VI в Лондоне.

— Самолетом или поплывет?

— Он, мне говорили, любит летать.

— Вот и хорошо! Попытаемся уговорить шейха по дороге залететь к нам хотя бы на сутки. Он не пожалеет! В моем письме говорится, что у товарища Сталина есть для него приятный сюрприз.

— К-какой сюрприз? — Молотов удивленно открыл рот.

— Послеобразишь. А сейчас отправь шифровку в Наркомат иностранных дел и спи дальше.

Сталин отодвинул поднос, кряхтя поднялся с дивана и указал гостю на дверь.

Глава 8

Солнце на шею

Кунцево, Ближняя дача.
Четверг 9 августа 1945

Художника-ювелира взяли не на Монетном дворе, где изготавливают все советские ордена и медали, а там, где незаметнее — на Московской ювелирно-часовой фабрике, что на Пушечной улице. Пузанков, по характеристикам начальства, работник со стажем, проверенный еще перед предыдущими специальными заказами. Он делал Маршалскую Звезду, он же — орден «Победа».

Подноготную его проследили легко. Ни в чем предосудительном Пузанкова не заметили. Подростком, начав на подхвате, двадцать лет он просидел в одном цехе и жил по соседству, в Столешниковом переулке. К машине, ждавшей у ворот, вывели его двое в штатском. В проходной пропуска на выход у них, понятное дело, не спросили.

— Куда меня? — спросил Пузанков, хотя его дважды забирали, и он уже догадался.

— Там узнаешь...

Небо было пятнистое, в тучах. То ли дождь польет, то ли очистится, не поймешь. Не поздно еще, а стемнело. В воскресенье Пузанков ездил рыбу ловить, продуло, и теперь вот кхекал, сопливился, отхаркивался в платок. Вроде начало проходить, но от страха нездоровье сильнее проявилось. То пот прошибал, то знобило.

Машина с занавешенными окнами привезла его на Ближнюю дачу. В домике перед вторым забором, где, толпясь, курила охрана, расселся с папиросой генерал Власик, раздвинув ноги на полкомнаты. Пузанков видел начальника охраны Сталина в прошлые разы, узнал его и отметил про

себя, что в догадке не ошибся. И Власик его узнал (память на лица у него была безупречная), медленно перекатил языком папиросу из одного угла рта в другой.

— А, ювелир Пузанков, — оглядел Власик вошедшего и сказал солдатам: — Давайте-ка все за дверь, нам покалякать надо. — Знаешь, поди, Пузанков, как себя вести?

— Да помню вроде, вы давеча объясняли.

— Вроде? Значит, так. Разрешили сесть, садись. Говори, если тебя спросили. Сам вопросов каких или там просьб — ни-ни! По сторонам не глазей, не в цирке. Ну-ка шагни поближе.

Генерал поднялся со скамьи.

— Дыхни.

— Я не пил.

— Вижу. Граверных инструментов или ножа карманного с собой не брал?

— Не было такого указания...

— Верно! Расстегни-ка пиджачок.

Власик протянул руки вперед, будто захотел обнять Пузанкова. Отработанным движением быстро провел ладонями по пузанковской спине, груди, подмышками, по боковым карманам и в паху. Нагнулся, задрал немного вверх обе брючины.

— Вот так-то оно вернее.

Пузанков тем временем вытащил из кармана брюк носовой платок и, готовясь к предстоящему, тщательно в платок отхаркнулся.

— Это что? — крикнул Власик, ткнув пальцем в носовой платок, мокрый от соплей.

— Рыбку ловил, — виновато прошептал Пузанков, — простыл малость...

— Я спрашиваю, кто тебе разрешил руку в карман опускать? Тем более вынимать что-нибудь! Запомни. Хозяин этого не любит.

— Извините, — молвил ювелир, пряча платок обратно.

— Туберкулеза у тебя, случаем, нету?

— Нету, никак нет.

Посмотрев на часы, генерал вытолкнул Пузанкова из двери, а сам пошел впереди. Теплый, мелкий дождичек продолжал накрапывать, пахло мокрой травой и смолистыми шишками. Лесной асфальтовой дорогой они молча прошагали в тишине под фонарями до подъезда дома, стоящего на поляне. Перед входом Пузанков опять откашлялся и, прикрывшись рукой, сплюнул. Власик сердито глянул на него, но промолчал.

В передней их ждал Поскребышев. Рядом охранник, выгнувшись по стойке смирно перед генералом, принял у них фуражку и кепку. После долгого ожидания Поскребышев ввел ювелира в дверь большой залы и оставил одного. Пузанков сжался, касаясь спиной косяка и боясь повернуть голову. Увидел перед собой длинный стол со стульями с обеих сторон. Потом глаза его обнаружили на спинке одного стула небрежно наброшенный новый голубой мундир с серебряными погонами.

Сталин незаметно вошел через боковую дверь. Дыхание у Пузанкова остановилось. На лбу от напряжения выступили капельки пота, руки дрожали, а в его профессии это нельзя. Хозяин же к этому привык и не удивился. Так и должно быть с каждым, к нему приглашенным. Бросил взгляд на Пузанкова, сел на стул рядом с мундиром и коротким жестом предложил сесть гостю.

— Вас, товарищ Пузанков, правительство попросило подумать над июньским указом о звании генералиссимуса. — Сталин сгреб дубликаты погон с гербом СССР, заранее положенные на стол, и придвинул к ювелиру, чтобы тот лучше разглядел. — Итак, мундир есть, погоны генералиссимуса есть, а вот Звезда Генералиссимуса пока отсутствует. Какой вы ее видите?

Воцарилась пауза. Пузанкову надо откашляться и вытереть нос, а вождь ждет ответа.

— Смелее, смелее, — нетерпеливо попросил Сталин, бросив взгляд на дрожащие пузанковские руки. Хотел пошутить насчет этого, но передумал и прибавил: — Тут все мы — свои люди. Вы хорошо выполнили заказ на Мар-

шалась Маршалльская Звезда... Сколько на ней бриллиантов? Я не смог сосчитать...

— Двадцать пять. Вдвоем с плавильщиком трудились...

Неужели — холодок прошел по спине Пузанкова — вождь заметил, что на Маршалльской Звезде природные бриллианты, которые тот посоветовал, заменены на искусственные? Но ведь потому, что они лучше смотрятся, а не притырил, избави Бог, — сдал на хранение.

— Кстати, и орден «Победа» у вас неплохо получился. Даже американца Эйзенхауэра и англичанина Монтомери мы наградили. Конечно, не за заслуги, а из чисто политических соображений. Маршалльская Звезда нашим полководцам нравится, и званием маршала государство награждает многих, вам это известно.

— Как же, газеты читаем...

— Короче говоря, маршалльских звезд для всех родов войск понаделали столько, что пришлось увеличить добычу золота, — Сталин подождал, пока гость оценил шутку.

Пузанков не знал, уместно ли улыбаться, и на всякий случай вежливо кивнул в знак согласия. Вождь продолжал:

— Звезда Генералиссимуса, как считает правительство, должна быть и будет самой красивой. Так какой вы, товарищ Пузанков, такую звезду видите?

— Подумать надо, — шмыгнув носом, робко молвил ювелир. — Ведь это не совсем звезда.

— То есть как — не совсем? — хозяин, насупившись, выпятил вперед губы.

— Я хочу сказать, маршалльская звезда — награда для многих, а данный знак, ни с чем не сравнимый, символический. Например, была такая Звезда Давида...

Пузанков испугался — само вылетело. Хозяин не возражал, думал.

— Символика? Так! Возможно, народ захочет ее назвать Звездой Сталина, поэтому нужна оригинальная мысль. Ты, товарищ Пузанков, согласен?

Пузанков мгновенно сообразил, что оригинальная мысль уже родилась у вождя, но он не спешит ее огласить. Усили-

ем воли ювелир втянул обратно в нос упорно вытекающую жидкость, набрался храбрости и прерывающимся шепотом спросил:

— Какой данная Звезда видится вам, товарищ Сталин?

Вождь помолчал, потер висок, в задумчивости погладил герб Советского Союза на одном погоне, потом на другом, придвинул Пузанкову кусочек бумаги, на которой сам цветными карандашами загодя набросал эскиз награды себе, и ответил:

— Что если будет солнце с лучами, расходящимися во все стороны? — он упер желтый ноготь в свой рисунок. — А в середине наш герб... Все лучи в бриллиантах. На фоне голубого мундира Звезда Генералиссимуса будет сиять почти как настоящее солнце. Как вам такая идея?

— Очень нравится, — искренне сказал Пузанков, разглядывая рисунок. — Хорошо нарисовано...

— Ну-ну, — перебил хозяин, — давайте без комплиментов!

— Двенадцать лучей... — вертел рисунок ювелир. — Они из платины, а бриллианты не на лучах — кольцом вокруг герба, так? Чтобы прочно было и удобно носить...

Пузанков взял синий карандаш и набросал кружочки вокруг герба.

— Хм... Думаю, это продуктивная идея, — услышал он похвалу. — Кстати, где носить Звезду Генералиссимуса — на груди или на шее?

Пузанков все время стеснительно отводил глаза. Но, ища подходящее место для Звезды и сдерживая кашель, глянул на мундир генералиссимуса, висевший на спинке стула, а потом на впалую сталинскую грудь. Вождь был в поношенном серо-зеленоватом кителе с двумя накладными карманами, широкими ватными плечами, без всяких регалий.

— Коли считать это особым воинским знаком отличия, то... — Пузанков замаялся. — Что если он все же будет носиться на шее?

— Но ведь место занято маршальским знаком!

— В том-то и отличие. У всех маршалов там маршальский знак и только у генералиссимуса солнце — Звезда Генералиссимуса!

— Верно! — одобрил Сталин. — Это представляется разумным решением.

Поднявшись, он пошел вокруг стола.

Обрадованный паузой Пузанков откашлялся и сунул руку в карман, чтобы, как Гоголь говаривал, облегчить свой нос посредством платка. На шорох хозяин мгновенно обернулся. Взгляд его сосредоточился на пузанковской руке, засывшей в кармане. Пузанков в ужасе сообразил, что опускать в карман руку начальник охраны запретил. Стало быть, вынимать теперь руку из кармана тем более нельзя.

Во рту Пузанкова, в ужасе переставшего дышать, скопилось жидкость из носоглотки, он изо всех сил сжимал губы. Вот-вот вырвется и полетит на мундир или на стол, прямо на погоны генералиссимуса.

Глаза Сталина и ювелира встретились.

— Достаньте платок, товарищ Пузанков, — заботливо разрешил вождь.

Стоя по другую сторону стола, он внимательно смотрел, как ювелир, харкнув, сплюнул в платок, вытер слезы и убрал платок в карман.

— Спасибо, — придя кое-как в себя, выдохнул Пузанков.

— Итак, сколько времени вам понадобится, чтобы две Звезды Генералиссимуса были готовы?

— Две?!

— Почему это вас, Пузанков, удивило? Одна — запасная.

— Трудность в том, товарищ Сталин, что много времени уйдет на оформление и получение материалов из Гохрана. И на изготовление двух надо минимум недели две, если быстро утвердят эскиз...

— Но у нас нет времени! — перебил его хозяин. — Эскиз утвержден. Вы должны сделать работу завтра. Задание важнейшее. И вот еще... Никому не говорите, что именно

вы делаете и чье задание. Это — государственная тайна.

— Понятно, — выговорил, хрипя, Пузанков, у которого спазм сдавил горло. Абсурдно выполнять такое государственное задание и никому не сказать.

Сталин догадался, еще задумался на мгновение, добавил:

— Пока ничего нигде не регистрировать, бумаг не писать. А если у вашего руководства проявится любопытство, пускай позвонят Поскребышеву. Впрочем, скажите вашему начальству про особое задание Политбюро. Остальное — не их собачье дело! Насчет материалов... попросим Гохран выдать бриллианты без проволочек. Начинайте работу немедленно, а рисунок вернете.

Пузанков (откуда что берется?) поклонился до пояса хозяину, но тот уже разбирал за столом бумаги. Поскребышев, точно угадав момент, появился и подтолкнул ювелира в спину, чтобы уходил проворнее.

Глава 9

Лучший арабист доставлен

Кунцево, Ближняя дача.
Пятница 10 августа 1945

Еще накануне вечером в Москве не было на сто процентов уверенности, появится шейх Ахмет или нет. Едва сообщили, что самолет его превосходительства ночью заправляют в Баку и скоро дадут взлет на Внуково, Молотов радостно доложил Поскребышеву, чтобы хозяин, как проснется, сразу об этом узнал.

Однако поздним утром, стоя в кальсонах с болтающимися тесемочками и коротко обрезанных валенках на босу ногу, Сталин услышал не одну новость, а две, и первую — плохую. В предчувствии ответного гнева голос у Поскребышева понизился до шепота:

- Вчера американцы сбросили еще одну атомную бомбу.
- Куда?
- На город Нагасаки.

Поскребышев покраснел, будто это он бросил бомбу на Японию. Никакой реакции не последовало. Воцарилась долгая пауза. Сталин пошел вокруг стола и остановился у глобуса. Крутанув его, придвинул к себе Дальний Восток. Три дня назад не поверил, когда узнал о взрыве в Хиросиме, не отнесся серьезно. И вот опять... Надо было ночью послушать Би-Би-Си, так ведь глушат!

Он матерился про себя, жевал губы, слова не выплескивались наружу. Наступают на пятки. Хотят мои лавры победы над Японией прибрать к рукам! Запугать хотят, задержать наш марш по континентам. Мысль от глобального вернулась к себе самому. Страх зашевелился где-то под ложечкой и распространился по телу. А если предполагать худ-

шее, то, значит, и на меня могут сбросить бомбу? Ведь противопоставить пока нечего, своей атомной бомбы у нас нет и когда еще будет? Я наш ход конем совершенно правильно рассчитал — надо торопиться на Ближний Восток. Наша цель там. Следует срочно крепить связи там и двигаться туда. Именно там будет нефтяной кран для всего мира.

Это его успокоило. Вошла служанка Валентина с подносом в руках.

— Позавтракать вам надо, товарищ Сталин...

Он ей не ответил. Взяв со спинки стула брюки и встряхнув их, чтобы надеть, он смотрел на секретаря.

— Где шейх Ахмет?

Сознание, ушедшее, было, у Поскребышева в пятки, вернулось обратно.

— Летит Ахмет в Москву, летит! Как вы предполагали, шейх просит свой приезд не афишировать, дабы англичане не узнали о его визите. Поэтому он полетел в Тегеран, оттуда вместо Европы потихоньку к нам в Азербайджан и лишь потом отправился в Москву. Наверное, хочет вернуться от нас в Иран и попасть оттуда в Лондон, будто в Москве не был.

Сталин хмыкнул:

— Хранить секреты и путать карты наших противников мы умеем неплохо. Поехал Молотов его встречать?

— Нарком иностранных дел уже во Внукове, ожидает прибытия самолета, — голос Поскребышева стал бодрее. — Для встречи шейха хлебом-солью я дал команду переодеть двух девушек из охраны в русские сарафаны. Сейчас их везут в аэропорт.

— Какой будет программа высокого гостя?

— Шейх спешит в Англию, в Москве пробудет всего один день. Намечена деловая встреча с товарищем Сталиным в Кремле. Вечером — совместное посещение Большого театра.

— Большой театр обязательно, — подтвердил Сталин.

— Там, — продолжал Поскребышев, — для развлечения гостя будет за кулисами в окружении кордебалета легкий ужин с шампанским...

— Зачем легкий? — возразил Сталин и немного помолчал, размышляя. — После театра нужен не легкий ужин, а тяжелый банкет в Кремле. Балерин привезете в Кремль. Солисток, а не кордебалет! Пусть потанцуют для гостя — он ведь восточный человек. А что он будет делать ночью?

— Ночью для шейха все будет организовано по его желанию, которое он еще не высказал.

— На всякий случай, подготовьте кадры.

— Слушаюсь.

— В общем, сегодня придется ехать в Кремль, — поморщился хозяин. — Кстати, а что дадут в Большом?

— «Риголетто».

Сталин вдруг засмеялся.

— Если что, заменим... — с готовностью произнес Поскребышев.

— Зачем менять? Тема как раз для восточного человека! А пока вот что. Привези-ка крупного арабиста, хорошо знающего кувейтские дела. Надо подготовиться к встрече. Послушаем, что за птица Ахмет и что там у него творится.

Теперь хозяин надел брюки, китель и присел к столу позавтракать. Валентина уже все поставила и ждала в сторонке. Когда он подошел, она взяла ложечкой крошку творога, сметаны и положила себе в рот.

— Чего стоите? — сказал он им обоим. — Идите...

Сам смешал творог со сметаной, сверху посыпал сахаром, облизал ложку. Развернув салфетку, вынул и откусил кусочек горячей булочки. Из-за атомной бомбы в Нагасаки настроение было так себе. Слева лежали утренние газеты. Надев очки, он глянул на свой портрет в форме маршала, занимающий четверть страницы «Правды». Текст читать не стал. В стакан с крепко заваренным чаем плеснул сливок из кувшинчика, отглотнул, плеснул еще немного.

Допить чай помешал Поскребышев. Опять приперся и стоял, как пень.

— Чего тебе, лысая башка?

— Да вот вопрос, поступивший от директора Большого театра. У них летний сезон, театр закрыт, но спектакль они уже готовят. Сейчас доложили. Ваш ответ ожидается немедленно.

— Что за вопрос? — спросил Сталин.

— Можно ли в опере «Риголетто» заменить тенора Лемешева на молодого певца Буртина?

— А что с Лемешевым?

— Он, как докладывают, охрип...

Сталин поковырял в левом ухе — там отросшие волоски вот уже несколько дней щекотали отверстие. Просить парикмахера отрезать их было неприятно — мог нечаянно ткнуть в барабанную перепонку.

— Как так? Заменить главного тенора Лемешева на неизвестно кого? Ведь я тоже буду присутствовать, подчеркивая значение, которое мы придаем Кувейту и лично шейху. Замена артиста может снизить впечатление. Шейх пойдет в оперу в Лондоне, и там тенор окажется лучше? Лемешев охрип? Недавно дали ему Сталинскую премию, причем не впервой, дачу под Москвой, а он охрип! Он что, холодного пива напился?

Хозяин велел соединить его с Лемешевым. Пришла секретарша, поставила перед хозяином телефонный аппарат и, набрав номер, подала трубку.

— Можно товарища Лемешева?

— Кто его просит? — строго спросила жена.

— Просит Сталин, — ответила трубка.

На другом конце провода послышался удар (видимо, трубка грохнулась об стол) и крик: «Сережа, Сережа! Быстрее к телефону! Тебя к Сталину!»

Хозяин терпеливо ждал. Затопали ноги.

— Да-да! Лемешев слушает, — обнаружился тихий голос.

— Как мне доложили, товарищ Лемешев, вам нездоровится?

— Поправлюсь, товарищ Сталин... Спасибо за заботу...

— Вы не могли бы, — попросил звонивший, — пропеть любимую нашим народом арию герцога Мантуанского?

— Когда?

— Сейчас.

— Как сейчас? — изумленно прошептал народный артист. — Прямо вот так... по телефону?

— По телефону. Если, конечно, это вас не затруднит.

— Но я... Я на больничном...

— Спойте немножко. Я послушаю.

В трубке раздался кашель, сопение и шорох, — тенор долго сморкался. Наконец, зазвучало:

— Се... кхе-кхе... се-ердце краса-а-а-виц... кхе... склонно к изме-е-ене... И к переме-ене, как ветер ма-а-а-я... Ласками... кхе... страстными сердце балу-у-ет... Кхе... Этими ж губками-и-и... лжет и... кхе... целу-у-у-ет...

— Неплохо! — оборвал Сталин тенора. — Вы умеете петь, товарищ Лемешев. Не выступить сегодня перед высоким иностранным гостем было бы большой политической ошибкой. Можете подвести нашу страну.

— Понимаю, — задышало в трубке, — да-да, понимаю... Но у меня случился катар верхних дыхательных путей... Спал на даче ночью с открытым окном, и вот...

— Какая температура?

— Утром тридцать семь и восемь. У меня забит нос!

— Нос?.. Хм... А все-таки петь придется. Нос ваш мы постараемся до вечера прочистить.

Нажав на рычаг, Сталин отсоединился. Он отдал трубку секретарше, велел сообщить насчет лемешевского носа в кремлевскую поликлинику — пусть примут меры, а также позвонить директору Большого театра. Сказать директору, что Лемешев удовлетворил просьбу товарища Сталина и петь вечером будет.

Поскребышев опять явился, шепнул, что арабист доставлен.

— Самый лучший, как приказали.

— Откуда он? — спросил Сталин.

— Занимался Кувейтом в Наркомате иностранных дел, потом бывший резидент в Египте, 58-я, пункт «а», попытка изменить родине. Перочинский по фамилии.

— Была попытка?

Поскребышев отвел взгляд в сторону.

— Кто его знает...

— Давай арабиста сюда!

Перочинский оказался худым, если не сказать тощим, с шевелюрой седых волос, плохо постриженных и наспех чем-то смазанных, чтоб лежали. Поношенный и изрядно помятый темно-серый костюм явно стеснял ему плечи. Быстро поклонившись, он застыл по стойке смирно в дверях, держа руки по швам.

— Входите, товарищ Перочинский, — дружелюбно сказал Сталин, рукой указав на стул. — Говорят, вы знаете Кувейт и их нынешнего шейха?

— Так точно.

Глаза арабиста чуть слезились, и он глуповато улыбался, наверное, от нервного напряжения. Он был побрит, но не тщательно, на отекающей левой щеке запеклась кровь — порез от бритвы.

— Чем именно вы занимались?

— Не раз выполнял специальные задания в Эль-Кувейте. И сам шейх Ахмет, и старший сын его, и младшие мне знакомы.

— Значит, вам они лично знакомы?

— Не лично, нет, — испугался арабист. — Лично мне не рекомендовалось с ними общаться, но согласно указаниям центра компромат на них я собирал. Да и сегодня обеспечивал бы всю информацию, если бы не...

— Знаю! Видите, как быстро мы исправляем ошибки?

— Большое спасибо! Можно мне называть вас «товарищ Сталин»?

— Само собой, а как же еще? Вы советский человек, товарищ Перочинский. Мы вам доверяем государственную тайну. Сегодня шейх Ахмет прибывает в Москву.

Удивление проявилось и застыло в глазах и сомкнутых губах арабиста. Сталин отметил это и продолжал:

— Расскажите об Ахмете, что знаете. У него — большая власть?

Перочинский отвечал медленно, цепляя слово к слову.

— Власть его в эмирате фактически полная, данная ему Магометом. Полное имя его превосходительства — Ахмет аль-Мубарак аль-Саад аль-Джабер аль-Сабах. По существу у власти двести лет его семья. Династию основал его предок в восемнадцатом веке. Они все шейхи, сейчас их около тысячи. Власть наследуется по мужской линии, по старшинству, так что каждый мужчина — сын шейха, внук шейха, правнук шейха, праправнук и так далее. Посты в государстве заняты родственниками Ахмета или как исключение его приближенными. Ахмет учился в Америке, они все за границей учатся в лучших университетах. Он главнокомандующий, а также шейх-уль-ислам — верховный судья, то есть сам утверждает законы. И он же аль-муменин — духовный глава всех мусульман...

— А правительство?

— Как бы это поточнее? В общем, вся власть в Кувейте в руках одной семьи.

— Сколько ему лет?

— Шестьдесят, и здоров, как верблюд.

Всего-то на шесть лет позже меня родился, но ничем не болен, отметил про себя Сталин. Он все меньше любил людей моложе себя, особенно здоровых, но понимал, что таких становится на свете все больше, а таких, как он сам, все меньше.

— Значит, с народом хорошо справляется?

— Если правду сказать, народ живет неплохо, товарищ Сталин. Пенсия у них с сорока лет, чтобы безработицы не было. Они кочевники, теперь оседают. Многие вообще никогда в жизни не работали. Богатые у них обязательно гаремы держат, а у бедных бывает по четыре, а то даже и только по две жены. Мальчики и девочки, как теперь у нас, учатся строго отдельно. В школах ислам — для всех обязательный предмет. При браке за девочку платят заранее оговоренную родственниками сумму. Армия вольнонаемная. В чем-то, можно признать, у них есть элементы социализма: медицина, образование бесплатные.

— А какой политик Ахмет? Умный?

— Крепкий орешек, себе на уме. Наверное, самый богатый глава государства в мире. На нефть все зарятся, жемчужом весь свет обеспечивают, мясо, шкуры, креветки, рыба... Его превосходительство мечтает о полной политической независимости, а это пока ему не светит. В Лондоне препятствуют шейху стать эмиром, не то он совсем отделится. Они его своими войсками от немцев защитили, когда те к нефти рвались. Да и теперь англичане его армию обучают, хотя вяло это делают, так, чтобы она ни в коем случае сильнее британской не стала.

Хозяин слушал внимательно, а здесь перебил:

— Это все мы знаем. А что из себя представляет шейх Ахмет как человек? Какие у него слабости?

— Про него немного судачат, жизнь шейхов на Востоке окутана великой тайной.

— Всего детей у него сколько?

— Не знаю точно, но больше восьмидесяти.

Хлопнув ладонью по столу, Сталин захохотал.

— Вот маладец магометанин, а! Можно пазавыдавать...

Когда Сталин смеялся, он начинал сильнее акать, но потом брал себя в руки.

Консультант Перочинский вежливо улыбнулся.

— Считается, что у него не много детей, бывает больше.

— А жен у него сколько?

— Это строжайшая государственная тайна. Но, безусловно, число меняется. Шейх Ахмет тайно путешествует по странам Европы, особенно в последнее время, под видом простого богатого человека. Играет в рулетку в Монте-Карло и в Париже, там находит новых невест. Ему все больше нравятся европейские женщины.

— Губа не дура!

— Приходится его превосходительству и разводиться, правда не дома, а где-нибудь, где Коран не мешает этому, например, в Стокгольме. Кроме красивых женщин, он любит лошадей, сам иногда ездит. Конюшни у него классные. Арабские скакуны, сами знаете, едва ли не лучшие в мире.

Еще собирает он алмазы, кольца, перстни, ордена всех стран. Коллекция орденов у него, наверное, лучшая в мире.

— Откуда это известно?

— Так говорят, но коллекцию его никто не видел.

— А он ордена носит?

— Если носит, то исключительно в гареме.

— В гареме? — Сталин опять засмеялся.

— Вообще, он живет как бы в музее, такой у него дворец. Человек он не жадный, даже щедрый. Богатства легко ему достаются, и он легко их тратит, любит делать щедрые подарки.

— Какие у шейха цели в жизни? — допытывался хозяин.

— Ахмет, можно сказать, мечтатель, но он еще и человек слова и дела. Все ходы рассчитывает. Если что задумал, идет к цели, если обещал — выполнит. А цель у него стать не просто эмиром, но «эмиром аль-омри» — вождем вождей...

— Все хотят стать вождями. Кто же будет землю пахать?

Перочинский замаялся. Не знал, засмеяться или нет, аж пот на лбу выступил. Утром его подняли в бараке, переодели и посадили в самолет. По дороге из лагеря в Потье на Ближнюю дачу внятно объяснили, как себя вести. От голода желудок ныл, требуя насыщения. Теперь арабисту все еще неясно было, на каком он свете.

— Не знаю, говорить ли...

— Здесь все можно говорить...

— У шейха Ахмета было два кумира, которыми он восхищался, — Гитлер и товарищ Сталин. Теперь, понятное дело, вы один остались. Ахмет и его окружение преследуют тайную цель — с помощью дружбы проникновение ислама в Россию. Именно поэтому он готов помогать Советскому Союзу финансами.

— Помогать финансами мы ему позволим, — Сталин скривил губы. — Ислама мы не боимся. У нас тоже есть своя цель: проникновение советской идеологии к магометанам.

— Теперь их называют мусульманами, если позволите.

— Ладно, пускай мусульманами. Микроскопическая страна... А стратегически — в самом центре арабского мира. И в центре микроскопического Кувейта сидит шейх Ахмет. Насчет его желания стать вождем вождей — мы еще подумаем. Полагаю, вы по-арабски неплохо говорите, товарищ Перочинский?

— Свободно владею.

— Значит, вы сегодня еще понадобится. У вас есть какие-либо просьбы ко мне?

Зрочки у зека Перочинского расширились — вопрос застал его врасплох. У него была одна просьба, но он не успел открыть рта.

— Если просьб нет, — заключил вождь, — значит, все в порядке.

Проводив взглядом арабиста до двери, Сталин повернулся к рабочему столу. На нем лежала коробочка, доставленная сегодня утром, но не нашлось времени ее открыть. Теперь он зажег настольную лампу и поднял крышку. Солнечный свет из окон смешался с электрическим. Блики поползли по рукам, отражаясь от бриллиантов. Звезда Генералиссимуса сияла.

Сталин долго глядел на нее в коробке, вынул, подцепив желтыми от курева ногтями, и некоторое время, держа Звезду на ладони, смотрел на нее, не отрываясь. Она магнетически притягивала взор к себе. Муаровая лента перевесилась через рукав. Он накрыл Звезду другой ладонью, и отраженный свет, который струился, погас. Снова отодвинул ладонь — и сияние продолжилось.

Держа Звезду на ладони и закрыв ее другой рукой, чтобы не уронить, Сталин пошел в спальню и положил Звезду на кровать. Парикмахер давно раздражал его. Пусть стригут и причесывают на портретах, чтобы меня не беспокоить. Над раковиной он сам, сопя и глядясь в зеркало, намыллил щеки, механическими движениями побрился, потом подравнял ножницами усы. Остатки пены стер полотенцем.

Из шкафа извлек голубой мундир генералиссимуса, натянул его и крикнул:

— Валентина!

Она вбежала и застыла у двери.

— Ой, какой вы красивый! Как Иисус Христос!

— Ты лучше поправь сзади ленту.

Секретарша постучала в дверь спальни с телефоном на длинном проводе в руках.

— Чего?

— Молотов докладывает. Шейха Ахмета встретили и везут в Кремль.

Сталин следил в зеркале шкафа, как Валентина немного подтянула ленту, расправила ее и зашелкнула маленькую застежку. Звезда Генералиссимуса послушно улеглась под морщинистым кадыком, примыкая к стоящему воротнику мундира, украшенному серебряными ветками. Пошевелил шейей — до самого подбородка она была сжата. Это неудобно, душит, как собаку ошейник (позже он велит сделать отложной воротник).

— Плащ накинете? — Валентина пребывала в заботе. — По радио дождь обещали.

— Много они знают! Машину к боковому выходу.

Власик взял из рук Валентины сталинский плащ на случай дождя, отворил тяжелую дверь черного бронированного «паккарда», усадил хозяина на заднее сиденье заботливей, чем усаживал бы родную мать, а сам занял место рядом с шофером.

Покусай и другие телохранители поскакали в машины.

— А где «ЗИС»? — спросил хозяин.

Недавно на заводе имени Сталина сделали советскую копию «паккарда», и вождь на ней уже проехался.

— Мотор чтой-то зачихал, — объяснил Власик.

Мотор «паккарда» никогда не простуживался. У ворот впереди кортежа пошел другой такой же «паккард», чтобы не узнали, в котором едет вождь, да пара машин с охраной сзади. Быстро ездить хозяин не любил. Вереница торжественно поползла по шоссе, затем по Арбату и нырнула в Боровицкие ворота Кремля.

«Жизнь невозможна без наслажденья»

Москва, аэропорт Внуково
— Большой театр— Кремль — Красная площадь.
Пятница 10 августа — ночь на субботу 11 августа 1945

Ступив на трап, шейх Ахмет поежился. Небо плотно обложено черными тучами и в воздухе висит дождь. Как они живут в стране, где в середине лета такая сумрачная и промозглая погода? Ведь это может действовать депрессивно на граждан.

Встретили шейха, как он просил, без почетного караула и прочего ритуала. Дишдаш, белый халат с золотой каймой, поднимало легким ветром. Гостю приходилось придерживать дишдаш. Голову шейха покрывала белая гутра, которую опоясывало кольцо кофии. Ожидающий шейха Молотов снял шляпу и долго тряс Ахмету руку. Возле них сомкнулся круг агентов двух охран. Переводчик опоздал. Молотов взял у сопровождающего зонт и предложил Ахмету, но тот отказался.

— Если не возражаете, — молвил Молотов, нелепо имитируя восточный поклон, — я п-повезу вас прямо в Кремль, к товарищу С-сталину.

Уловив слова «Кремль» и «Сталин», шейх кивнул.

Со стенкой из охраны они молча направились к кортежу машин. По дороге не было сказано ни единого слова. Шейх смотрел в окно, но из-за дождя, налипшего на стекла, почти ничего не видел. Молотов исподтишка разглядывал приезжего. У того в полутьме торчал большой крючковатый нос, нависающий на губу. Рука в перстнях поглаживала узкую седую бороденку.

До шейха Ахмета на человеке земном никогда не было надето такого количества колец и браслетов с уникальными камнями на запястьях. На пальцы ног, скрюченные артритом, кольца надевались дома, когда он гулял босиком. Каждый вечер количество украшений на руках шейха убавлялось. Он был щедр от души, а кроме того, доброта не могла уменьшить ни его богатств, ни его власти. Любил дарить перстни, особенно иностранным женщинам (как бы это сформулировать попроще?) — не только до, но и после. На следующее утро новые перстни извлекались из многочисленных шкапулок, которые повсюду следовали за владельцем и открывались его секретарем.

На руке Молотова не было даже обручального кольца, которое он тотчас выбросил, когда жену посадили. Он ощутил исходящий от шейха сильный запах дорогих духов. Хотел сделать комплимент вроде «От вас хорошо пахнет», но воздержался. Шейх вежливо молчал и думал. Неужели этот жалкий человечек в старомодном и поношенном костюме — министр иностранных дел огромной страны? Молотов сделал вывод, что шейх пахнет не дорогими духами, но капитализмом, своим несметным богатством. Неужели Ахмет настолько честолюбив, что и впрямь появился ради Звезды Генералиссимуса? Но эти мысли мешали делу, и Молотов их отверг.

Кортеж автомобилей летел из Внукова через пасмурную Москву по сплошной зеленой линии светофоров. Ахмет, немного утомившийся за полет, прикрыл глаза, собравшись несколько минут подремать. Не удалось. Мимо стоящих по стойке смирно и отдающих честь офицеров милиции и перемежающих их лиц в черных плащах машины взмыли вверх, проскочили Боровицкие ворота и замерли у главного входа в Большой кремлевский дворец. Здесь к шейху подвели переводчика (это был лучший советский арабист Перочинский).

Дабы внушить гостю уважение к хозяину, Ахмета провели через длинную вереницу роскошных залов в императорский кабинет. Двери с другой стороны медленно отворились. Сталин, облаченный в голубой мундир генералисси-

муса, с новой Звездой возле шеи, степенно шествовал навстречу шейху, заранее выставив для пожатия руку с оттопыренным большим пальцем. Хозяин и сам бывал здесь редко. Роскошь отделки, синие тона и тяжелые портьеры действовали на него, человека скромных потребностей, угнетающе.

Шейх поклонился. Они соединили руки, смотря друг другу в глаза. Для Сталина, как он себя уверил, настал гипнотический момент. От него зависел ход дальнейших отношений. Ахмет был равнодушнее. Оба проборматовали и вежливо слушали дежурные приветственные слова, которых не понимали, но в согласии кивали один другому. Сталин погладил шейха по спине, подталкивая его к столу, где уже ждали два официанта. Секретарь Поскребышев посадил Перочинского позади гостя, а сам быстро удалился.

Ублажая шейха, легким движением головы Сталин отстранил официантов, налил из бутылки шейху и себе. Чтобы не вводить шейха в сомнение, сам отглотнул, подержал на языке и проглотил.

— Отличное вино! Специально для нас с вами сегодня привезли самолетом из Грузии, с моей родины. Называется «Хванчкара». По традиции отцов это вино пьют с самыми близкими людьми.

Ахмет благодарно улыбнулся. Они чокнулись, богемский хрусталь зазвенел. Шейх, однако, пить отказался.

— Мусульманский закон не велит.

Сталин возразил:

— Мы с вами на таком уровне, когда можем устанавливать законы. За наше личное знакомство — до дна!

Шейх вежливо и осторожно пригубил. Слишком сладкое вино ему не понравилось, но он его похвалил. Сталин с удовлетворением воспринял комплимент, допил свой бокал и подлил Ахмету еще, пока тот, скосив глаза, поглядывал на сияющую Звезду Генералиссимуса.

Постепенно в их разговоре установились теплота и доверие. Переводчик Перочинский, придвинувшийся на стуле сзади, тянул, как жираф, шею, работая с удивительной ско-

ростью и при этом оставаясь почти незаметным. Он шептал на ухо то хозяину, то гостю невероятно быстро, и Сталину начало казаться, будто он сам так ловко говорит на арабском.

— Я не представлял себе, сколь Кремль импозантен, — похвалил Ахмет. — У нас на Востоке уважают сильную власть и ее атрибуты.

Сталин стал ласковей, акцент его усилился:

— У нас в России, Ахметушка, тоже. Как вы знаете, я немного восточный человек. Оба мы — восточные люди, а восточные люди могут найти общий язык. Мы легче поймем друг друга, чем наши ненадежные друзья на Западе.

Шейх кивнул, но молчал. В такого рода беседах вождь следовал простому правилу: не показывай, что ты отлично осведомлен, коли нет на то веских причин. Но сейчас, решил он, особый случай.

— Сразу хочу заметить, — продолжил хозяин, — мы понимаем ваши проблемы и готовы помочь стать независимыми от Англии.

Ахмет был готов к такому разговору.

— Мне говорили, вы, господин Сталин, любите анекдоты. Позвольте рассказать один? Священник пришел к умирающему Макиавелли. «Тебе остается жить недолго. Отрекись от Дьявола, сын мой». Макиавелли сказал: «Зачем мне перед смертью наживать еще одного врага?»

Сталин знал этот анекдот, но, чтобы не обидеть гостя, посмеялся.

— Послушай, Ахмет, мы тебя весьма ценим, — Сталин не замечал, как переходил на «ты». — Помним материальную помощь, которую ты нам оказал, когда Гитлер рвался на Кавказ. Мы, русские, умеем, как никто на свете, дорожить настоящей дружбой. Можем поставлять Кувейту лес, цемент, строительные материалы. Пожелаешь, мы пошлем своих строителей — они помогут тебе сделать столицу Эль-Кувейт городом будущего.

— Это интересно, — согласился шейх.

— Захочешь, мы будем к тебе возить пресную воду — у вас там дефицит, а у нас много. Да, будем возить воду тан-

керами! Ты сейчас получаешь от Запада десять процентов прибыли за вашу нефть. Да они тебя просто грабят. Мы тебе дадим за нефть двенадцать или пятнадцать процентов.

— Ведь нефть у вас есть своя, — осторожно напомнил шейх.

— Есть, есть! Но после войны к нам присоединилось много новых стран Европы, нам предстоит их обеспечивать. И еще. Твою армию, Ахмет, тренируют англичане. А какая армия сегодня самая сильная в мире? Наша. Мы готовы взять в наши военные академии твоих самых лучших офицеров и выучить самой передовой военной стратегии.

— Что вы думаете о так называемой атомной бомбе? — спросил шейх. — Америка ею уже владеет!

— Какой лидер не хотел бы иметь бомбу, — уклончиво сказал вождь. — Это сила и власть в мире! Мы не отстанем от Соединенных Штатов.

— Сегодня, пожалуй, — вымолвил Ахмет, — силой и властью в мире все-таки остается нефть, а не атомная бомба!

— Еще сильнее — и нефть и бомба вместе, — заявил Сталин.

При этом подумал: ведь его собеседник не хитрит. Нефть! Мне нужен Кувейт. Если мы перекроем Западу кран в Кувейте, мы будем хозяевами положения в мире, конечно, при наличии атомной бомбы. Надо подналечь. Если раб делается королем, земля вздрогнет от страха. Это из Библии. Сделать так, как написано в Библии — пускай вздрогнет! Чем шейх на данном этапе может помочь?

Гостеприимством его не удивишь. Сразу рассчитывать получить от него реальные обещания тоже не получится. Но при постоянном целенаправленном воздействии, возможно, шейх Ахмет, сделавшись эмиром, захочет провозгласить революцию. Мусульманскую, без сомнения. Короче, построить там у себя мусульманский коммунизм. Почему бы и нет?

— Вы большой либерал, господин Сталин, — похвалил его между тем шейх. — У вас конституция ограничивает вашу власть. И у ваших женщин по закону равные права с мужчинами. У нас с этим строго, ведь это разрушает семью.

Если женщина, уверены арабы, почувствует волю, количество детей уменьшится. Мусульманские женщины, слава Аллаху, не хотят менять традиции предков.

— Но мы сами регулируем число детей. Когда надо запрещаем аборт, когда надо, разрешаем. Недавно из-за Гитлера мы потеряли много мужского материала в войне. Так что сейчас у нас, бывает, один мужчина обслуживает всю деревню.

— Так это же гарем! — усмехнулся шейх.

— Вот видите, мы заимствуем ваши традиции!

— Но сами вы, ваше превосходительство, насколько я понимаю, одиноки?

— Слушай! Давай выпьем за твое здоровье, Ахмет! — вместо ответа произнес хозяин, который не любил откровенностей, касающихся себя.

Удалось мне его уговорить, склонить на свою сторону, размышлял Сталин, или нет? Видимо, еще нет, надо подвести фундаментальную теоретическую базу.

— В сущности, ислам, — Сталин взглянул на потолок, а то куда-то и выше, — довольно-таки близок коммунизму. Мухаммед и Ленин — оба были пророками. У тебя в Кувейте, мой друг и брат Ахмет, как и у нас, создается самая совершенная в мире социальная система. Мы заимствовали у вас раздельное обучение мальчиков и девочек. Можете перенять у нас опыт надежной системы безопасности... Мы поможем с этим.

Ахмет слушал внимательно, но долго не говорил ни да, ни нет. Получалось, что один восточный человек еще не до конца убедил другого восточного человека.

— Ваши лагеря для перевоспитания врагов народа поразительно эффективны, — согласился шейх. — Но у нас среди арабов таких врагов нет. Мы — народ пустыни, мы боремся с песчаными бурями, заметающими целые селенья и стада баранов вместе с пастухами. Мы боимся огня — он спалит наши нефтяные хранилища. Все мы следуем законам Аллаха, считая, что он покарает грешников.

Ай да кувейтский хитрец, прищурился Сталин. Прикидывается простоватым, льстит, но держится обособленно. А сам головы рубит. Надо остановиться, не пережать, дать ему время освоить мой план.

Выслушав его, хозяин объявил, что по случаю приезда главы Кувейта здесь приготовлены несколько приятных сюрпризов.

В Большой театр их привезли вместе. По дороге они молчали, поскольку были без переводчика; оставалось изредка поглядывать друг на друга, кивать, с пониманием прикрывая глаза. Площадь уже оцепили и очистили. От машины до дверей служебного подъезда маленький грузный Сталин и рослый тощий Ахмет прошли через плотный коридор хмурой плечистой охраны. Покусай дышал Сталину в левое ухо.

Когда они появились в правительственной ложе, внизу раздалась едва слышная команда. Зал, заполненный чекистами и партаппаратом, дружно поднялся, повернулся к царской ложе, заплодировал. Послышался хорошо поставленный громкий голос, слышный, чтобы быть абсолютно естественным, безо всяких усилителей.

— Нашему великому и мудрому вождю товарищу Сталину — ура-а-а-а!!!

Зрители ответили дружным троекратным вороньим криком. В это время в ложе позади почетного гостя придвинули стул переводчику.

— Вижу, ваш народ чтит своего эмира, — сказал гость.

— Твой приезд неофициальный, — ответил хозяин, — а то бы ты убедился, как у нас любят и кувейтский народ, и его вождя товарища Ахмета. Тебя бы приветствовали также. Но не беспокойся. Ни в газетах, ни по телевидению, ни по радио о тебе не будет ни слова. Фотографировать запрещено.

Люстры в зале начали медленно гаснуть.

Ахмету хотелось быть красавцем и на портретах, и в жизни. Мешало этому одно обстоятельство, связанное с его появлением на свет. В процессе рождения будущий шейх двигался хотя и нормально, но слишком медленно, не желая отделиться от матери добровольно. Привезли английс-

кую акушерку из филиала королевского военного госпиталя, дислоцированного в пригороде Эль-Кувейта. Акушерка, скривив губы, принялась вытаскивать шейха щипцами. Мягкая головка ребенка слегка сплющилась. Возможно, из-за этого возникла нелюбовь шейха к англичанам.

С годами голова немного раздалась сама собой и отвердела, но все равно остались заметные вмятины над ушами, в фас придающие черепу некоторую прямоугольность. Зато в углах накапливались мысли, для которых у других людей просто не находилось места. Кольцо кофьи, обеспечивающее голове необходимую округлость, Ахмет не снимал никогда, даже в минуты интима. В царской ложе шейх старался сидеть к Сталину в профиль, не поворачиваясь.

Звуки увертюры заполнили зал, оперное действие развивалось своим чередом, почетные гости лишь изредка перебрасывались репликами. Арабист успевал переводить то, что пелось, на ухо Ахмету. Сталин с удовлетворением отметил появление на сцене Лемешева, встреченного аплодисментами зала.

— Наша опера — лучшая в мире, — пояснил хозяин. — Она показывает, какой высокой культуры русский народ достиг за время советской власти.

— Под вашим руководством, — поддакнул хитрый шейх и добавил переводчику: — Оперу переводить не надо, я хорошо знаю «Риголетто» на итальянском.

На мгновение оркестр затих и после паузы пошла ария герцога Мантуанского. Сталин любил ее и дома, бывало, заводил патефон, ставил пластинку и сам подпевал. Теперь продирижировал пальцем и подмигнул шейху. Едва шевеля губами, Сталин замурлыкал арию, подпевая Лемешеву. Соблазнитель женских сердец герцог Лемешев на сцене заливался соловьем.

*— Ласки их любим мы,
Хоть они ложны.
Жизнь невозможна
Без наслажденья.*

*Пусть же смеются,
Пусть увлекают,
Но изменяю
Все же... Все кхе-кхе... аккх! Ааа-ппп-чхи!*

Чихнув, Лемешев вдруг захрипел. Проклятый кашель, с которым он сумел справляться так долго, почти до самого конца арии, вырвался-таки наружу. Кашель душил его всю прошлую ночь и весь сегодняшний день в присутствии у него дома двух врачей из кремлевской поликлиники, несмотря на таблетки, микстуры, горчичники, капли в нос, полоскания, гоголь-моголь из двух яиц и горячий чай с настоями трав.

Лемешев кашлял и чихал под музыку. Дирижер попытался громкостью оркестра перекрыть посторонние звуки, но ничего не получилось. Не допев до конца арию, Лемешев, прикрывая рот руками, кашлял безостановочно, пока не опустили занавес.

Едва музыка умолкла, растерявшийся было зал дисциплинированно захопал, будто ничего не произошло. Сталин выматерился. Лицо у шейха казалось невозмутимым, но губы чуть сжались и выдвинулись вперед. Усмешка проскользнула — ее спрятать не удалось.

— Он должен был спеть так, — пояснил Сталин и, поправляя Лемешева, наклонился к уху шейха и хрипловато пропел:

*— Но изменяю
Все же им я!
Все же им я!*

— У вас прекрасный голос, — также на ухо ответил Ахмет, скосив глаза на Звезду Генералиссимуса.

Сталин так обиделся на Лемешева, что запланированный поход по окончании спектакля за кулисы, в гримерные, отменил и предложил Ахмету ехать на банкет в Кремль. Садясь в машину, шейх оглянулся и между широких плеч

охранников увидел на фронтоне Большого театра колесницу с впряженными в нее четырьмя конями. Ему, старому лошадинику, они понравились. Машина тронулась, Ахмет спросил Сталина, и переводчик, сидевший на выдвигном стульчике перед ними, с готовностью перевел:

— Сколько стоят эти лошади на крыше театра? Я хотел бы их купить...

— Вместе с Аполлоном или отдельно? — быстро отреагировал хозяин.

Неплохая шутка, которой, однако, шейх не уловил.

— Как пожелает владелец, — сказал Ахмет.

— Трудность в том, — ответил с улыбкой вождь, — что владелец этого — весь наш народ, и получить согласие всего народа практически невозможно.

У входа в зал приемов хозяин, поотстав от шейха, чуть задержался и поманил секретаря Поскребышева.

— Давай вторую Звезду! — громко шепнул Сталин Поскребышеву, протягивая вперед руку ладонью вверх.

Тот еще днем узнал, что вторую Звезду Генералиссимуса, несмотря на срочный спецзаказ, мастер с ювелирной фабрики Пузанков не сделал. Посланным агентам спецслужбы отдал одну. Причину объяснил, но доложить Сталину боялись, оттягивали время.

Услышав, что другую Звезду не привезли, Сталин оглядел с ног до головы Поскребышева, будто раньше своего секретаря не видел, и это был плохой знак. После паузы спросил с толикой сарказма:

— В чем дело? Что у нас в стране, мало бриллиантов?

Поскребышев не сразу смог разжать губы. Готовый к худшему, произнес:

— У ювелира времени не хватило.

Ожидаемого гнева не последовало. Хозяин умел себя сдерживать на холопах. Что делать с этим народом, у которого всегда хватает времени на пьянку и никто никогда не виноват? Оставалось вздохнуть, а гнев оставить на после. Возникло решение, как красиво выпутаться из ситуации, ведь ради этой Звезды шейх оказался в Москве.

Все сидящие за столами поднялись и долго аплодировали. Согласно ритуалу хозяин и гость уселись на заглавные места, переводчика Перочинского посадили сзади них, и банкет закутился своим порядком: много тостов, обилие блюд восточной и русской кухни. Фотографировать на банкете было настрого запрещено, иностранных послов вообще не приглашали. Собравшиеся в зале заметили появление вождя в новом голубом мундире, но что за орден у него на шее, никто не понял.

Сталин показывал шейху выдающихся особ. Согласно ритуалу, когда хозяин упирал перст, данная выдающаяся особа поднималась, пела или танцевала перед столом. Кое-кого подзывал к себе, чокался, и шейх, по-европейски галантный, тоже приподнимал бокал и отпивал глоток или притворялся, что отпивал. А одной балерине поцеловал ручку и подарил перстень с собственного мизинца.

Старинные напольные часы в углу зала пробили полночь, и дрессированные гости ждали команды разойтись. Вождь порядком устал, хотя старался держаться бодро. Шейх тоже утомился, но глаза его горели. Он посматривал на Звезду. Хозяин делал вид, что этого не замечает. Когда же Звезда, из-за которой шейх появился в Москве и тактично не спрашивает, будет подарена?

У каждого существа на земле свой сдвиг по фазе. Если Ахмету чего-то захотелось, он терял сон, аппетит, и иногда интерес к женщинам. Едва замысел оформлялся в желание, это желание жгло, его необходимо было осуществить. Когда шейх достигал цели, он снова мог есть, спать и посещать гарем.

Давно Ахмет сделался страстным коллекционером орденов. У него вызрела мечта быть награжденным всеми орденами всех стран, и он готов был не пожалеть своих богатств и чего угодно в своей стране, чтобы этого добиться. Сталин не спешил. По протоколу подарок надо бы вручить сейчас, а хозяин передумал. Огласка вовсе не нужна.

— Теперь, мой друг Ахмет, — с загадкой в голосе сказал Сталин, — я тебе кое-что покажу.

Сталин поднялся, и это стало сигналом для всех остальных. Поддерживая шейха за локоть, он вывел его из зала. Пройдя несколько дверей, перед ними распахнутых, и спустившись в лифте, длинным подземным коридором вышли на узкую лестницу и оказались в мавзолее Ленина.

В полутьме телохранители обеих персон, Власик, секретарь Поскребышев и переводчик прижались к стенам. Заботливо подталкивая в спину осторожно ступающего Ахмета, Сталин указывал ему дорогу.

На мраморных ступенях остановились вплотную к освещенному стеклянному саркофагу, загипнотизированные восковым, тоже слегка восточным, лицом в гробу. Переводчика Перочинского с подкашивавшимися от страха коленями поставили сзади.

— Я на материализме собаку съел, — после долгой паузы произнес Сталин. — Поэтому спокойно думаю о том времени, когда народ и меня также положит в этот мавзолей.

— Надеюсь, вы будете жить долго, — возразил Ахмет, не отрывая взгляда от освещенного лица Лснина.

— Между прочим, — заметил Сталин, — если вам понадобится, у нас есть специалисты высшего класса. Они бальзамируют тела так, чтобы лидеры оставались с народом навечно.

— Благодарю! — Ахмет скривил рот. — Я пока не спешу бальзамироваться.

— Конечно, нет, — успокоил его Сталин. — Хотя должен сказать, что с возрастом приходится об этом думать.

— Это правда, — согласился шейх, — но как-то не хочется.

— Я буду вечно лежать здесь, — Сталин указал на место слева от гроба Ленина. — А вы — в мавзолее в центре Эль-Кувейта и при правильном бальзамировании не будете портиться.

Шейх промолчал. Разговор этот был ему неприятен.

У Сталина разболелась голова. Она часто последнее время мучила его по ночам. Ему прописывали таблетки от давления — а с давлением он хотел справляться сам. Сегодня

все-таки целый день на ногах, и здесь, в мавзолее, почему-то всегда немного нервно, вот голову и схватило. Ему остро захотелось дышать свежим воздухом. Они вышли из мавзолея на пустынную Красную площадь и, хотя августовская ночь была душной, голове хозяина стало легче. Сталин направился к Лобному месту и первым забрался по крутым ступеням наверх, приглашая рукой шейха. И решил, что больше томить гостя не следует.

— Дорогой Ахмет, — он торжественно обратился к почетному гостю, стоявшему рядом, — в залог крепкой дружбы двух стран наше правительство решило наградить тебя самым высшим орденом — Звездой Генералиссимуса. Звезду эту можно получить лишь из рук самого Сталина. И не просто Звезду, а мою личную Звезду!

Хозяин неуклюже попытался расстегнуть застежку муаровой ленты на загравке. Поскребышев, стоявший сзади, бросился помогать. Сталин положил Звезду на ладонь, погладил, поднялся на цыпочки. Шейх чуть-чуть согнул ноги в коленях, и застежка серебряной ленты защелкнулась у него на шее. Ахмет заморгал и поклонился. Он погладил Звезду Генералиссимуса и спросил изумленно:

— А как же вы?

Сталин пожал плечами.

— Несколько дней я поживу без этой пуговицы.

Слово «пуговица» толмач Перочинский перевел шейху, сказав «звезда».

Ахмет давно ждал этой минуты. И теперь стоял немного растерянный, или, скорее, растроганный щедростью гостеприимного советского вождя. Он скосил глаза себе на грудь, на Звезду. Грани алмазов, испуская лучи во все стороны, сверкали. Сияние Звезды в ярком свете дальних прожекторов, освещающих Красную площадь, завораживало.

Подумав, вождь решил от восточной щедрости подарить новому другу нашей страны еще кое-что. Просунул руку между пуговицами своего мундира и отвинтил орден «Победа».

— Держи, дорогой, у меня два.

— Не надо, — смутился Ахмет. — Большое спасибо, но у меня ваш орден «Победа» уже есть.

— Не может быть! Откуда?

— Мои люди достали, — шейх неопределенно поводитил в воздухе рукой.

Сталин сделал вид, что удивился, исключительно, чтобы ублажить гостя, хотя сам распорядился наградить орденом «Победа» нескольких иностранцев, включая румынского царя Михая. Каждый из тех награжденных мог за ненадобностью обменять орден на какие-нибудь политические обещания или на поставки нефти. Пришлось привинчивать орден «Победа» обратно.

Возникла пауза. Шейх приблизил к глазам руку и начал, покручивая, снимать перстень с огромным голубым бриллиантом. Ставив, протянул его хозяину.

— Вам, генералиссимус Сталин, на память о нашей плодотворной встрече от кувейтского народа.

— Спасибо, — прозвучал простой ответ.

Вождь попытался надеть перстень на безымянный палец, но не смог и насадил его на мизинец.

— А знаешь, шейх, где мы сейчас стоим? Вот прямо здесь рубили головы непокорным холопам. Разумеется, теперь у нас есть другие места, но как напоминание мы Лобное место сохраняем.

Шейх повернулся к Сталину и задал вопрос, который давно созрел у него в подкорке:

— Скажите, господин Сталин, если у вас социализм, то есть все общее, где же вы храните ваше собственное состояние?

— Зачем оно мне? То, что на мне надето, и есть моя собственность. Больше мне ничего не надо.

— А, так сказать, для личных дел? Вдруг понадобится, чтобы никто не знал... Вот у меня, кроме счетов в банках разных стран, и это не секрет, есть специально охраняемая комната-сейф. От пола до потолка она полна пачек долларов и фунтов стерлингов, слитков золота, драгоценных камней. Когда я еду за границу...

— Я не езжу за границу, дорогой Ахмет! У меня нет времени...

— А ваши дети? Им нужна помощь...

— Дети — другое дело. Поскольку мне самому ничего не надо, то скромная зарплата, которую я получаю каждый месяц как председатель Совета министров, у меня остается.

— Можно ли полюбопытствовать, много ли у вас накопилось?

— Нет, дети тратят быстро.

И оба они рассмеялись.

Со Спасской башни донеслись удары. Пробило два часа ночи. Из ворот к ним подъехала вереница машин. Охрана в ожидании почетных пассажиров пооткрывала дверцы.

— Думаю, вы не будете жалеть о визите, — сказал Сталин.

— Напротив, я вам весьма признателен за теплый прием и подарок. Позвольте пригласить вас к нам в Кувейт? Там мы смогли бы продолжить обмен мнениями.

— Сейчас я крайне занят восстановлением страны после войны. Но в будущем в интересах нашей дружбы мы рассмотрим такое заманчивое предложение. Хочу повторить: и награждение Звездой Генералиссимуса, и, само собой разумеется, все договоренности остаются в тайне, между нами.

Сталин испытующе глядел в глаза Ахмету. Не зря ли я раскрыл перед ним все карты? Будет ли он молчать в Лондоне о наших предложениях?

Рано утром шейх должен улететь в Тегеран, а оттуда в Лондон. Они простились крепким рукопожатием. Изучая рябое лицо московского владыки, как шейх про себя назвал нового друга, он с грустью подумал: видно, что Сталин не женат. Потому он такой сухой и суровый человек, что живет без семьи, без женской ласки, без маленьких детей.

Настал момент трогательной взаимной симпатии, может, и любви.

— Я намерен настойчиво попросить Аллаха, — Ахмет сложил ладони, — наделить вас счастьем в этом мире.

Поклонился, медленно повернулся и, не оборачиваясь, влез в лимузин.

Сталин не пошевелился, пока кортеж с шейхом въехал обратно в Кремль, — там Ахмету отвели царские покои. Хозяин оглядел Красную площадь, заполненную в отдалении кольцом охраны, поднял глаза к небу. Его закрывали низкие серые облака, слегка освещенные заревом тысяч фонарей городского центра. Подбежавшему Власику бросил:

— Чего уши-то развесил? Поехали на Ближнюю.

Глава 11

Кто будет виноват?

Красная площадь — Кунцево, Ближняя дача.
Ночь с пятницы 10 августа на субботу 11 августа 1945

Усталость, помноженная на алкоголь и переезд, давила на сознание. Сталин привык к бодрствованию в это время, а тут в середине ночи, в теплой машине, голова у него против воли откинулась на подушку и веки закрылись. При пересечении трамвайных путей тяжелый «паккард» тряхнуло. Хозяин проснулся и, против своих же правил, отодвинув занавеску, глянул в окно. Мелькали блеклые вывески арбатских магазинов. Старая Москва раздражала, всю ее надо бы к чертовой матери снести.

Он потерял виски. Сейчас подремлешь, потом не заснешь. Соображения опять вернулись к истекшему дню.

Несмотря на сонливость и тяжесть в желудке, вождь был в хорошем настроении. Некий прилив энергии после победы над фашизмом он чувствовал постоянно. Вот и сегодня партия у шейха, похоже, выиграна. Все получилось, как рассчитывал.

У шейха амбиции, которых не чтят англичане. А мы пойдем! Надо его и дальше держать на нашем поводке. Восточной Европе будем помогать на словах, статьями в газетах. Славяне и так теперь от нас никуда не денутся. Стратегически правильно протянуть могучую руку братской помощи Кувейту. Это будет шаг в правильном направлении. А дальше... Покончив с Германией, мы оказались самыми сильными в мире, и это глупо не использовать.

Размышляя, стал он правой рукой загибать пальцы на левой. Все страны ослаблены войной. Японию американцы

нам помогут задавить, но на следующую большую войну они не пойдут и уже уходят из Европы. Думают, их защитит атомная бомба. Как бы не так! Едва атомная бомба будет и у нас, мир окажется в моих руках! У меня три миллиона демобилизованных солдат, которые ничего не умеют делать, кроме как убивать врагов. Я дам им такую работу. Внедрение на Ближний Восток — важнейший шаг. Оттуда пути и в Азию, и в Африку. Едва я прикрою там нефтяной кран, Запад у меня вот здесь, тепленький — он потряс кулаком. Мне нужно для этого десять лет здоровья. Надо усилием воли победить гипертонию.

По крыше машины заскреблись ветки деревьев, отяжелевшие от дождя, и «паккард» остановился возле дачи.

Еще несколько минут, и Сталин переоделся. Натянул на онемевшие ноги валенки, накинул старый френч, устроился поудобнее на диване и уже спрашивал Поскребышева:

— Как наш новый друг шейх Ахмет?

— Ваше указание привести ему подходящую девочку выполнено, — Поскребышев чуть было не ухмыльнулся, но вовремя спохватился. — На случай если понадобится, ее держат там же, в помещении для прислуги. Одели, как у арабов положено. На ней абайа, голова, ноги — все закрыто.

— Абайа? С чем это едят?

— У них платье такое женское. Шейху, судя по его реакции, девочка понравилась.

— И что?

— Она станцевала, он остался доволен. Ему сказали: «Если желаете, она — ваша». Шейх мгновение поколебался и ответил: «В другой раз».

— Дурак его превосходительство! — пробурчал Сталин. — Такие бабы на дороге не валяются.

— Сейчас шейх уже спит... Как теперь будет? — с огорчением на туповатом лице спросил Поскребышев, налив в стакан «Боржом» и подавая хозяину. — Как же вы без Звезды Генералиссимуса, товарищ Сталин?

Но интерес к этой затее уже остыл.

— Скажи, чтобы вторую Звезду не делали, — ответил он.
— Надо экономить государственные средства. К тому же, ничто так не украшает лидеров, как скромность. Кстати, а где переводчик?

— Перочинский. Этого зека отправили во внутреннюю тюрьму на Лубянке.

— Хм...

— А что делать с певцом Лемешевым? Кашлял ведь, не смотря на принятые вами меры.

— Что делать, что делать! Тебя, пустая башка, заставим петь вместо Лемешева в Большом!

— Меня? — испугался Поскребышев. — В Большом?

— Не потянешь? То-то же! А теперь убирайся к ... матери, я спать хочу! Позови Валентину.

Та вбежала, заспанная.

— Чего подать? Покушать желаете? Или...?

Он поманил ее, она приблизилась.

— Руку дай. Да не эту, левую!

Сталин снял с мизинца перстень с бриллиантом и надел на безымянный палец Валентины.

— Ой, что вы! Зачем?

— На-ка вот, носи!

— За что же мне такое?

— За дело, — сказал он. — А теперь иди с Богом.

На следующее утро Валентина в страхе сдаст перстень под расписку начальнику охраны Власику. Сталин о переподаренном перстне шейха больше не вспомнит. Через семь лет Власика арестуют, при обыске дома среди множества других украденных им вещей найдут этот перстень шейха.

Часы в зале пробили три тридцать ночи. Спать вовсе не хотелось. Поколебавшись, он открыл шкаф, вынул бутылку, налил две трети стакана красного вина и выпил — исключительно в медицинских целях как снотворное. Сердце прыгало, не успокаивалось, головная боль стала сильнее.

Сталин всегда был уверен в запасе собственной прочности по сравнению с другими, а поэтому неумеренно ел и пил, презирал врачей. Последнее время он осознал, что вечно

жить не получится. Но он незаменим, и надо протянуть как можно дольше. Сегодня уже поздно. Завтра, или, еще лучше, послезавтра он начнет меньше курить, станет воздерживаться от вина и переедания. Наперекор своим многочисленным врагам, а также невеждам-врачам он продлит свою жизнь сам.

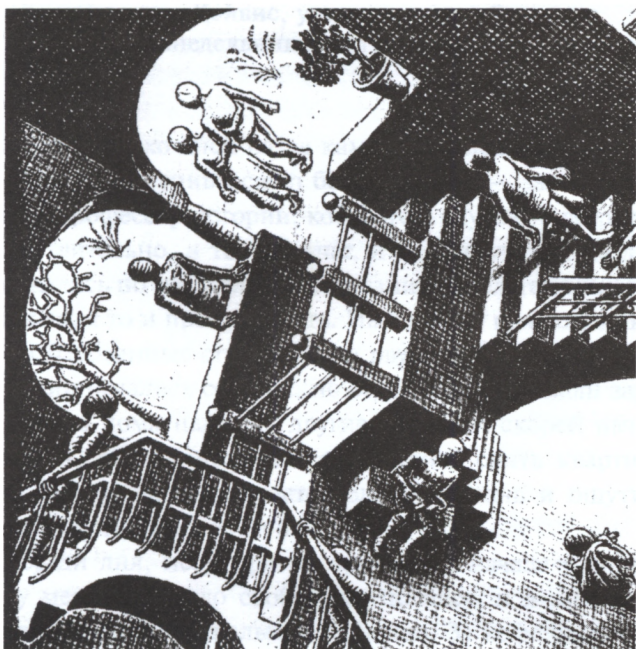
В верхнем ящике стола у него лежали таблетки, когда-то ему прописанные. Сталин сам на них пометил: «От поноса», «От головы», «От давления», «От кашля». Положил в рот две пилюли «от головы». Взял бутылку «Тилиани» и большими плотками запил вином. Пустую тару поставил под стол.

Прилег на диван, накинув шинель. Из-под шинели, потеряв одну ногу о другую, скинул валенки — они глухо плюхнулись на паркет. День прошел хорошо, похвалил он себя — отлично. Возникла уверенность, говоря языком разведчиков, что шейх Ахмет завербован. А вдруг не получится? Если мы не установим наше полное господство на Ближнем Востоке и не прищемим там хвост американцам, не говоря уж об англичанах, кто будет виноват?

Ответ родился сам собой: виноват тенор Лемешев. Зачем он кашлял на сцене?

Довольный остроумным зигзагом мысли, Сталин громко засмеялся, отчего короткая резкая боль пронзила голову. Скоро боль прошла. Он подумал, что всю войну не отдыхал и следует отправиться на юг, на дачу. Какую — решит завтра. После этого он благополучно впал в сон.

Часть третья

2005-й год:
**ВСТРЕЧИ ОКАЗЫВАЮТСЯ
НЕСЛУЧАЙНЫМИ**

Холодная мисс сержант

Калифорния, Дейвис, университетский кампус.
Понедельник 3 октября 2005

Еще несколько дней назад кампус казался вымершим.

— Как хорош университет без студентов! — заметил мой коллега, профессор истории, которого я случайно встретил.

Действительно, и те, кто учат, и те, кто учатся, на лето разъезжались по миру для исследований, с делегациями или миссиями, а то и просто гулять. На кампусе кричали дикие утки, избалованные студентами и рвущиеся в столовую.

Лекции начались сегодня, но студенты прибывали заранее. Одним дома надоело, другие спешили скорей начать тусоваться, третьи, новички, торопились снять квартиру, найти работу, начать самостоятельную жизнь и ощутить независимость от родителей.

Посреди дня, несмотря на суматоху в начале учебного года, у меня возникло свободных полчаса, и я забежал в кафетерий возле центральной площади. За кофе была очередь, в основном, из студентов. Следом за мной оказалось существо в маскировочной форме жуткого зеленого цвета с коричневыми пятнами. Военный прикид (я повернулся боком, чтобы лучше разглядеть) не мог испортить мимолетное виденье.

Она стояла, рассеянно улыбаясь. У меня мелькнула мысль, что есть в ее лице что-то от восточных красавиц, — создает же Бог такое чудо.

Ростом она мне по ухо, тоненькая, с озорными глазами, — все это, между нами, в моем вкусе. Почему-то незагорелая (как ей удалось при нашем незакатывающемся солнце?), с едва заметной косметикой на губах, коротко стриже-

ные черные волосы. Еще никогда не встречал я таких зеленых, цвета весенней листвы, глаз, зеленее которых, готов поспорить на что угодно, не может быть в принципе, даже если раскрасить в фотошопе. Впрочем, говорят, все красотки вставляют теперь себе зеленые линзы.

Женщин, мне на жизненном пути понравившихся, я запоминаю хорошо, но не навсегда, поскольку новые встречи затмевают старые. Моя жена с этим мирится, как с плохой погодой. Время все портит. Где мои шестнадцать лет? И где мои тридцать три, и пятьдесят девять (конец, по-американски, среднего возраста)?

— А я вас помню, — длиннющие ресницы опустились как примета воспоминаний. — Вы ведь были у нас в Монтерее на экзамене.

— Так вы из Монтерея? А ваше имя?

— Николь. Николь Риверс. Теперь я ваша студентка...

— Вот как?

— Тогда на экзамене вы меня спросили про родителей, и я не ответила...

— Почему?

— Не хотела... Никогда на эту тему не говорю...

Николь отпила воды из банки, посмотрела на деления на стенке и отглотнула еще.

Я взял латте, она эспрессо.

— Присядем, — предложил я, и мы нашли свободный столик.

Пестрая толпа студентов двигалась мимо нас.

Значит, Николь Риверс... В аудитории, где полутемно и светится экран, я ее не разглядел. Однако же встречал раньше, и теперь она напомнила.

Чуть-чуть поговорили о ее университетских планах. Наши чашки опустели, мне надо было спешить.

— Увидимся! — сказал я ей дежурную банальность.

— Кстати, — она меня остановила. — Не хотите попасть на представление?

— Хм-м-м... Даже не спрашиваю, каксе. Позвоните моей жене. Лера ведает нашей тусовочной жизнью, о'кей?

Вышли мы вместе. Николь повесила на плечи рюкзачок, отстегнула велосипед, изрядно заржавелый. Вскочила на него, цепь скрипнула, заднее колесо завихляло восьмеркой. Стоя, чтобы разогнаться быстрее, студентка моя умчалась. Ах, какая попка!

Дома вечером за обедом без упоминания последней детали, оставившей во мне неизгладимое впечатление, я стал рассказывать жене про мою новую студентку.

— Вот бы такую киску, — прибавил я, — нашему нерасторопному сыну!

— Она же тебе понравилась! — перестав есть суп, Лера взглянула на меня с подозрением.

— При чем здесь я? Еще в Монтерее мне много про нее рассказывали. Вот так биография у девочки! Мы с тобой заезжали в Гармиш, в Германии. Помнишь? Она и там училась.

В памяти всплыли наши поездки. Знакомых преподавателей там оказалось несколько, пошли бесконечные выпивки. Николь первый раз встретилась мне в Монтерее — «на базе», как говорит тамошний персонал, то есть в Военном институте иностранных языков, в просторечье именуемом не как-нибудь, а шпионской школой, — такова природа американской секретности.

Ничего удивительного в том, что теперь я Николь не узнал. Тогда лицо ее было зеленое с коричневыми полосами, так сказать, слитое с окружающей природой с целью маскировки, а сейчас, наоборот, белое и без полос.

Пригласили меня на экзамен. Прогнав от Сан-Франциско на юг сто тридцать миль, въехал на зеленый холм и очутился перед закрытым шлагбаумом. Солдат на вахте взял мои водительские права, ушел в будку, стал куда-то звонить.

Я оглянулся. Солнце играло на тихой океанской глади, чуть прикрытой вдали подушкой тумана, легшей на край залива Ла Бахия де Лос Пинос, что значит Залив Сосен. Блики складывались в извивающийся хвост, обрываясь в пене волн у голого скалистого берега. Оттуда доносились размеренные удары валов о берег.

Из-за деревьев, заросших густым, но возле дороги аккуратно подстриженным кустарником, выпрыгнул олененок, а за ним рассерженная мать. Она стала подталкивать его мордой обратно в кусты, подальше от посторонних глаз, хотя животные здесь давно никого не боятся, и меньше всего человека. Зато люди боятся, как бы не столкнуться с оленем, сдуру выскочившим на дорогу. Машину придется отдать под пресс.

Погода, несмотря на июнь, стояла прохладная в отличие от материковой Америки со смертельной жарой и бешеными торнадо. Океан холодный всегда, но не для серфингистов, одетых в костюмы с подогревом. Внизу смельчаки, рискуя сломать позвоночник, воюют с волнами. В городе (весь Монтерей можно проехать из конца в конец за десять минут) другая школа — Высшая военно-морская. В ней теперь учатся все больше деток нынешних российских политических боссов и нуворишей, — уж больно престижное место для защиты диссертаций, и богатеи со всего мира готовы платить.

Досточтимый Джон Стейнбек, такой независимый, такой преданный калифорниец, по соседству родился. Я встретил его когда-то в Москве, в моей нелепой молодости, и он некоторое время оказывал на меня влияние. После случилось, что судьба определила мне провести вторую половину жизни в Калифорнии, неподалеку от стейнбековских мест, и мы с ним стали соотечественниками.

Стейнбек столько лет прожил в этих краях и чего не сочинил про залив Монтерей! Рыбную индустрию описал до последней консервной банки. Как воруют, как из ничего делают бабки, — ничтожных мелочей не забыл, а вот военного Форта не коснулся! Странно, ведь Форту двести пятьдесят лет. И школа на его месте существует со времен Второй мировой войны — не случайно начали с обучения американских новобранцев японскому языку. Возможно, земляка-пацифиста Стейнбека на базу попросту не пустили...

В том, как Николь Риверс сюда попала, виноват исключительно ее высокий IQ — коэффициент интеллекта. Это

тем более удивительно, что в армию идут не самые умные. В данном случае, она сама пожелала тут очутиться. Знаете анекдот насчет знания иностранных языков? Как называется человек, владеющий тремя языками? Трехязычный. А человек, знающий два языка? Двужычный. Как называется тот, кто знает один язык? Янки.

Действительно, зачем иностранные языки американцам? Большинство из них ни в какие страны не ездит и даже паспорта не имеет. Туристы и деловые люди уверены, что во всем мире должны говорить по-английски, и в какой-то мере они правы. Я твержу студентам: едете в Россию на практику, болтайте по-русски. Они возвращаются, совсем русский позабыв, поскольку там все стараются общаться с ними по-английски, по меньшей мере, пока не напьются, и тогда переходят на родную феню.

В армии (а Николь Риверс рвалась туда с упорством, свойственным некоторым современным молодым американкам) новобранку тестировали на предмет способности к изучению языков. Она свободно владела с детства немецким и французским. А теперь из Пентагона сбросили очередную процентовку на разные языки.

Всего в американской армии изучают восемьдесят пять языков, но практически, в зависимости от потребностей армии, солдат-новичков разбрасывают по двадцати шести основным. Николь показали ее анкету. Там начальством было вписано, что «данному солдату желательно учить русский». Случайно или нет?

В общем, за Николь всё решили в Вашингтоне, ей осталось приехать на базу в Монтерей и запарковать машину возле своего барака. Солдатке отвели комнату с телевизором и душем. Первое, что Николь обнаружила в новом жилище — гигантские подвалы. Когда-то это были армейские конюшни, а на верхнем этаже держали для лошадей фураж. Давно все перестроили, и теперь семь сотен инструкторов учат восемь сотен обалдуев со всей страны, — все-таки это лучшая в мире военная языковая школа. А в подвал сбрасывают пустые бутылки.

Сонный начальник Русского отдела Чунганов в восемь утра собрал группу новобранцев в классе за столом — двенадцать мальчиков и четырех девочек, одетых в солдатскую форму. Чунганов кинул на стол карточки, как колоду карт. На них оказались написанные от руки русские имена.

— Выбирайте! — приказал начальник.

Солдаты расхватали карточк и. Теперь на все время обучения Джон стал Толей, Уэйн — Сашей, Бернадетта — Раей... Николь, выбрав карточку, показала Чунганову свое новое русское имя «Алексей».

— Мужское тебе не годится! — рассердился Чунганов. — Возьми какое-нибудь женское.

— Лучше я оставлю «Алексей», — заупрямилась Николь. — Оно мне почему-то нравится.

Про это Чунганов сам мне рассказывал, смеясь.

Ну и характер! Пишу сейчас и думаю. Если бы Николь знала, что из этой случайности вырастет, наверно, сразу поменяла бы «Алексей» на какое-нибудь другое, — мало ли русских имен? Но так получилось, и все там стали звать ее Алекс.

Началась, как на базе выражаются, интенсивная терапия. Каждый день семь часов занятий, потом дома три, а то и пять часов самостоятельно. Инструкторы входят в штопор, зацикливаясь на одном и том же, бубнят его изо дня в день, из года в год, а по вечерам за бутылкой кроют тупых курсантов, начальство и друг друга.

Скорей всего, вы не бывали на военных курсах языка и не знаете, что прежде всего должен заучить наизусть американский солдат. Это фраза на другом языке: «Не стреляйте! Я знаю военные секреты». Фраза примечательная. Самое дорогое для солдата — его собственная жизнь, и его учат, как наилучшим способом сдаваться врагу. Пленного могут и пристрелить, а военные секреты — единственная ценность, которая поможет сохранить солдату жизнь. Знает ли он в действительности военные секреты — другой вопрос. Но если знает, жизнь его дороже, и лишь в странах, где цена солдату — копейка, полагают иначе.

В день моего приезда на базе ловили «террориста». Захватили «чеченца», он хотел взорвать столовую. Хорошо, что не взорвал, поскольку я был голодный. Когда его вели в наручниках, солдаты и преподаватели высыпали из классов. Некоторые, чтобы лучше видеть, уселись на крышах припаркованных автомобилей.

Курсантов по очереди запускали в класс, и это была часть экзамена — умение допрашивать пленного, говорящего по-русски и прошедшего практику в ячейке Аль-Каиды в Афганистане. В помещении наручники задержанному сразу сняли. Я сидел вместе с другими экзаменаторами, слушал и записывал ошибки — лингвистические, ибо остальное понимал на уровне виденных на эту тему фильмов.

Николь вошла в роль, справилась. Да и террорист особо не упрявился, тем более, что его уже раскололи предыдущие «следователи», и он повторял про то, как его обучали в горах в Чечне и в Афганистане и почему он хотел взорвать на базе именно столовую. Террорист раскалывался не без юмора. Экзаменаторы — тоже вроде бы люди, и мы, не сдержавшись, хохотали, если тот или другой забывал роль и прорывалось нечто домашнее. Помню, что тогда у курсантов, стало быть, и у Николь, русский был с тяжелым акцентом, но когда мы с ней пили кофе, я заметил: бульканье, будто говорит с горячей картошкой во рту, и неправильные ударения ей уже сгладили.

Задержанным террористом оказался, как выяснилось после экзамена в той самой столовой, славный парнишка по имени Саша, само собой, из русских эмигрантов, тоже солдат, — его специально для данной тренировки привезли из войсковой части, расквартированной в штате Орегон, обучили и переодели под вражеского лазутчика, надев пояс шахида с карманами для взрывчатки, которые набили конфетами.

Николь Риверс закончила курс в Монтерее, успешно сдал экзамен на «военную языковую пригодность», и получила из рук командующего диплом, попав в число top five — высшие пять процентов показателей в тестах. Лучшую солдатку

отправили из Монтерея в Германию, к югу от Мюнхена, близ границы Австрии, к подножью горы Цугшпитце, на американскую базу в Гармиш-Партенкирхене.

Кто был в Гармише хотя бы туристом, никогда этого удовольствия не забудет. Мы с Лерой, путешествуя по Германии, заехали к старым друзьям, русским преподавателям. Военная база разрослась еще в годы холодной войны до размеров целого города. Там и школа иностранных языков — тоже с точки зрения советско-российских спецслужб шпионское гнездо. Языковая практика всегда была хорошая, ибо там — станция слежения за полетами русских ядерных бомбардировщиков.

Помню, однажды приходили ко мне из ФБР собирать досье на студента Майкла Чимни, тоже отучившегося в Монтерее. Освоив язык весьма прилично, два года Майкл сидел в Гармише. Сидел в наушниках, слушая, о чем профессионально переговариваются летчики между собой и со своими базами на земле. Текст этого общения в основном был, вы догадываетесь, какой. Матерный русский словарь у Майкла был богаче моего. Когда советский бомбардировщик чуть не уронил атомную бомбу, это мгновенно, благодаря Майклу, стало известно в Вашингтоне.

В военной форме Майкл на моих лекциях никогда не появлялся. После университета естественно пошел по дипломатической линии. Присылал забавные газеты из бывших союзных республик, где он занимал посты пресс-атташе Американских посольств. На страницах красовались пустоты вместо статей, которые цензура запретила. Потом, когда мы с женой оказались по делам в Дублине, перемещенный сюда секретарем Американского посольства в Ирландии Майкл возил нас ночью из паба в паб. В количестве выпитого пива я не в силах был с ним соревноваться и сдался.

Вдруг Майкл из Ирландии исчез. Мы продолжали переписываться по емеле. Адрес его стал теперь почему-то в Вене, а сам он, приехав ненадолго в Калифорнию год спустя, рассказал, что кантовался все предыдущее время там.

- Где? — спросил я. — В России?
- Не совсем в России... — замялся он.
- Как — не совсем?
- Это мы не афишируем, но жил я в Чечне.

Конечно, я мог сообразить! Сия братская республика как раз тогда решила совсем отделиться от России, и администрация Соединенных Штатов, не зная, чем эта возня кончится, разместила в городе Грозный полусекретное американское консульство. Вдруг, думали в администрации, придется открывать Американское посольство в независимом чеченском государстве Ичкерия? Сделали же это во всех кусках, отделившихся от бывшего СССР!

В Чечне Майкл ездил на работу в бронированном автомобиле, а спереди и сзади двигались бронетранспортеры с охранниками. Они же стерегли дом, когда он спал. Отделение Чечни, как известно, не состряпалось, но героическая работа дипломата была оценена солидным повышением по службе. В какие выси занесло моего бывшего студента теперь, не уполномочен сказать, да и зовут его вовсе не Майкл Чимни.

Когда мы с женой были проездом в Гармише, Николь там стажировалась. Не исключено, что я видел ее тогда, но не обратил внимания, потому что со старыми моими приятелями, которые там преподают, мы двигались из пивной в пивную, а посреди ночи пели «Широка страна моя родная» на немецком. Какая страна широка и какая родная, выбирай сам.

Так вот, Николь сидела в Гармише на прослушивании переговоров экипажей российских военных самолетов. Раньше советские летали постоянно, а нынче денег нет, запчастей не заготовили, летчики обленились и еще много всяких причин летать мало. Поэтому слухачи в Гармише совершенствуются на тренировочных пленках да ловят в воздухе кое-что еще, например, переговоры российских, украинских да белорусских секретных служб вперемешку с поп-музыкой. Иногда через спутники на всякий случай расшифровывают, о чем российский пре-

зидент переговаривается из автомобиля в Москве со своими помощниками и министрами.

В шпионских школах, несмотря на манию секретности, все сплетни про всех известны. Друзья мои посмеивались над начальником школы Стивенем Катабасисом, который вдруг положил глаз на солдата Николь Риверс.

Полковник Катабасис, сорока семи лет, награжден медалью Министерства обороны «За отличную службу», женат, двое детей-школьников. Душа его неожиданно взъерошилась, бес попутал, хотя сам он, помня греческое происхождение родителей, вообразил, что в виде Николь ему явилась богиня любви и красоты Афродита. Протирая двадцать лет брюки в армейском штате, полковник с романтической душой может в конце концов еще и не то нафантазировать.

Он стал все чаще приглашать Николь в свой кабинет.

— Yes, sir! — она стояла перед полковником навытяжку.

Уши у него краснели, едва он заходил как бы случайно на занятия в ее группу, и это не осталось незамеченным окружающими. А уж когда он решился и пригласил ее пообедать в ресторане, вся военная школа зашептала. Сексуальные притязания — штука нынче опасная, разделяющая два пола занавесом из бумажных инструкций по правильному поведению на службе. В отношениях необходима постоянная самоцензура. В лифте вдвоем с незнакомой женщиной страшно ехать. Вдруг она сумасшедшая и сейчас закричит? Ведь вы уже оскорбили ее тем, что пропустили вперед. Особенно возмущает ханжей романчик шефа с подчиненной. В армии с этим еще строже, и полковнику было что терять.

Катабасис подвез Николь после ресторана к проходной базы — Риверс не позволила себя поцеловать. Хотелось с ней подольше хотя бы поговорить, но она вылезла из машины и, произнеся «Yes, sir!», приложила руку к берету. Оказалось, то было ее последнее «yes». С понятным нетерпением выждав для приличия несколько дней, он пригласил ее посмотреть в городе новый фильм. Она ответила по-уже всерьез влюбленный Катабасис погнался свой «кадил-

лак» домой, к жене и детям, не зная, как быть и что делать. Душу излить некому.

Как?! Не просто легкий флирт без аборта, а серьезный? Зачем же, Стивен, так сразу, глубоко и бесповоротно? И без взаимности. Да еще на службе! Риск-то какой! Мой старый приятель прошел через длинную вереницу жен. И мужчина, и женщина, говаривал он, уходят не от кого-нибудь, а к кому-нибудь, и это разводом закон. В принципе Катабасис готов был развестись, но на деле уйти ему было не к кому. Николь оставалась холодной и равнодушной, как скамейка в парке зимой.

Все, кто знал ее в Монтерее и в Гармише, говорили, что с чувствами у Николь провал, вакуум, черная дыра. В армии это просто проверяется, едва дана увольнительная, за пределами воинской части в любом мотеле, снятом на два часа, или просто на заднем сиденье авто в ближайшем лесочке. Но и в Монтерее, и в Гармише она оставалась недотрогой, так что постепенно предложения перестали к ней поступать. И вдруг полковник Катабасис со свойственным ему серьезным отношением к жизни, а она ему в лоб:

— Стив, я живу не для этого. Я вообще не женщина, я солдат!

— То есть как? — он раздевал ее глазами, угадывая все детали ее тела и не в силах оторваться. — Я тоже солдат, Николь, но ведь и мужчина.

— Нет, нет и нет! Твоей жене и детям повезло. Я делаю военную карьеру, больше ни-че-го.

В юности, в академии Вест-Пойнт, Катабасис числился отличником в стратегическом планировании наземных операций. Операция с Николь тоже была на земле, но таяла в воздухе. Он не мог придумать, на какой козе к ней подъехать. Ревновал ее к тем, с кем, он видел, она разговаривала. Солдат Риверс, в сущности, смотрела мимо него. Любовь шефа шпионской школы растягивалась во времени, как траектория ракеты, сбившейся с курса, которая сгорит по пути или упадет неизвестно куда.

Оттарабанив в Гармише положенный курс, живя в комфортабельном бараке и дисциплинированно работая, Николь Риверс опередила других. Ее заметили на чиновничьем уровне. Она показалась кому-то наверху (разумеется, с подачи полковника Катабасиса) весьма перспективной. В результате по окончании школы Николь получила за особые заслуги повышение по званию. Ее сделали сержантом Армии США — четыре черных уголка на погонах — и ждали в Вашингтоне, в разведке Пентагона, имея на это право.

К выпускникам Гармиша присматривались и другие ведомства, прежде всего ЦРУ да и кое-кто еще. Для Николь с ее знанием языков замаячило место в Вашингтонском центре, чтобы совершенствоваться в русском с последующей работой на правительство. Открывалась шикарная карьера синхронной переводчицы, работающей на горячих линиях президента США. Однако Николь вдруг нацелилась в университет.

Армейские чины, в чьих руках была ее будущая карьера, сперва запротестовали. Такого еще не случалось, чтобы новобранец, да еще в юбке, много рассуждал и сам чего-либо решал. Но полковник Катабасис с печалью в голосе сказал:

— Высшее образование еще никому для карьеры не мешало. Почему бы и не послать ее? Через четыре года она к нам вернется.

Наверху посоветовались, в результате решили не препятствовать, инициативу приветствовали и выделили деньги на ее высшее образование.

Пока я с ней пил кофе, Николь рассказала, как попала в Дейвис. Она подала документы в десяток университетов, все так делают. Дейвис откликнулся раньше, и она вернулась в Калифорнию. Международные отношения — вот специальность, ею выбранная, что вполне логично. Все больше американцев живет по всему миру и многие действуют в интересах своей страны открыто и засекреченно.

Чисто по-мужски не могу не высказаться. С такими физическими данными другая на месте Николь, поглядев на себя в зеркало без военной униформы, двинулась бы учиться

поближе к югу, туда, где пахнет Голливудом. Ибо перед наблюдателем вроде меня грешного и слабого (не говоря уж о полковнике Катабасисе — не соревноваться же мне с настоящим полковником!) открывалось чудо природы, достойное чувственной кисти художника любого направления.

Вечером у меня дома раздался звонок. Лера сняла трубку.

— Это Николь Риверс. У меня в гостях... Ну, в общем, русский фокусник приехал...

— Кто-кто приехал? — Лера не поняла.

Николь повторила, ничего толком не объяснив.

— Придете?

— Когда?

— В пятницу, семь вечера.

Николь продиктовала адрес.

Студенческих пьянок мы с женой избегаем, но бывают исключения. Если нужна Николь Риверс чекисту Теплушкину, то она и для моего романа необходима!

Снова визит агента Фокса

Калифорния, Дейвис, университетский кампус.
Среда 5 октября 2005

Дверной проем в моем офисе заполнил собой толстый мужик в черном костюме, пыхтящий, как старинный пароход на реке Сакраменто. Лицо гостя, красное и остервенелое то ли от жары, то ли от нервных обстоятельств, нельзя было не узнать.

— Чудесно, что я вас застал, — проговорил агент ФБР Фокс.

И вдруг вспомнилось, где я его видел еще задолго до того, как он появился у меня в кабинете прошлый раз. Как же я раньше не сообразил? Нет, не догадаетесь, где и в каком виде.

То было давно, жил я тогда в Техасе. Включил телевизор — показывали жуткое шоу на потребу низменным инстинктам несложной публики. Звук безумствующей, надравшейся пива толпы оглушал. На ринге дрались рестлеры.

Одетые, как папуасы, разрисованные ярко и безвкусно, они разыгрывали смертельное представление, очень похожее на правду. Выламывали друг другу руки и ноги, швыряли коллег через канаты, выпуская струи крови из баллончиков, спрятанных под майками, издавали звериные рыки, валялись полумертвыми, в судорогах, на полу, делая вид, что приходят в сознание после нокаута. Да чего пересказывать весь перформанс? Кто видел, тот знает, кто нет — язык мой убог, чтобы действие сие удобоваримо расписать.

Сейчас набывчившаяся фигура Фокса в памяти моей точно совпала с одним из тех рестлеров. Там, на ослепитель-

ном ринге, он был в полосатых трусах и майке, из которых вываливалось жирное тело, казавшееся торсом атлета. А теперь оно скрывалось одеждой и выпирало над ремнем широченных брюк да на мясистых щеках, едва ли не шире плеч. Галстук на могучей шее выглядел хлипкой и неуместной удавкой.

Не может быть сомнения, это он! Не раз видел я его тогда на экране телевизора. Знаменитый на весь континент рестлер. Фокс был в фаворе и бросал своих противников с яростью дикого зверя и вполне спортивной ловкостью. И сам, переброшенный через канаты, тяжело шмякался на пол под рев публики.

Казалось, умирал — аттракцион не из легких. Но поднимался, как бык на ролло, и под визг стадиона снова вгрызался в бой.

Вот так зигзаг карьеры для рестлера-пенсионера! Значит, он теперь сыщик!

— Вы меня помните? — спросил между тем гость. — Или я должен опять представиться? Я...

— Еще бы! Мы с вами встречались, мистер Фокс. Присаживайтесь... Стакан воды?

— Не откажусь.

— После того, как вы посетили меня в тот раз, кое-что вспомнилось, — сказал я. — Короче, вы со мной встретились однажды, а я с вами — несколько раз.

Гость поперхнулся и, перестав пить, уставился на меня с недоумением, будто я вместо воды налил ему ерша.

— Вы со мной — много, а я с вами — один. Так я понял? Это же физически невозможно!

— А вот и возможно! Я видел вас по телевизору, а вы меня нет. Сознаётеся?

Расплывшийся рот его принял форму полумесяца концами вверх. Ему приятно было это услышать.

— Цепкая память! — сказал он. — Для вас вполне могло бы найтись местечко у нас в ФБР...

— Нет уж, спасибо! Я в университете до пенсии доживу. Вы почему ушли из большого спорта?

Насчет того, что рестлинг — это спорт, я не уверен, но не знал, как его обозвать.

— Я бы и не вылетел из соревнований, если б не серьезная травма. Там у нас, знаете ли, все на грани между балаганом и похоронами. Рестлеры долго не живут: лет до сорока, а то и до тридцати пяти. Чуть не так повернулся, когда падаешь, и перелом костей. Чуть-чуть удар не рассчитал, и — убил. Я хорошо отделался. У меня треснул шейный позвонок — два года ходил в хомуте, как лошадь. Но все же мы живем в Америке, можно удачно сменить профессию.

Какой же силищей должен обладать его противник на ринге, подумал я, чтобы поднять в воздух эту тушу морской коровы в человечесьем обличии и швырнуть на пол?

Фокс уселся напротив меня.

— Не отвлекаю? Начальство меня опять послало к вам на кампус. Пожалуйста, подпишите бумажку, что вы любезно согласились со мной беседовать, а то у меня будут неприятности... Возьмем быка за рога. У вас есть студентка, ее зовут Николь Риверс. Что вы можете о ней рассказать?

— Николь Риверс... — произнес я.

— Риверс, Риверс, — нетерпеливо повторил он, пошуровал во внутреннем кармане пиджака, извлек фотографию.

Да, это она! На меня смотрело симпатичное личико. Улыбка демонстрировала зубы, отбеленные дантистом, как нынче модно. Агент вцепился в меня взглядом, ждал. Зачем им эта студентка? Чего они ко мне привязались? Сперва в Москве чекист Теплушкин, теперь здесь этот античекист...

— На лекции я ее просто не заметил, мистер Фокс. Но позавчера встретил в кафетерии.

— И что вы о ней думаете?

— Положительная девочка. Служила в армии, сержант. Следит за своим здоровьем.

— Откуда вы знаете?

— Левая рука у нее занята. Держит пластмассовую банку с водой. На стенке нанесены деления, чтобы видеть, сколь-

ко выпито. Каждые полчаса, объяснила она, надо выпивать четыре глотка — одно деление. За день высосать две банки.

— Не знал, что в час надо выпивать восемь глотков, — признался Фокс и спросил безо всякой иронии:

— А что-нибудь еще про нее, кроме воды?

— На левой руке у нее, пониже плеча, висит счетчик шагов. Когда она села за столик, первым делом посмотрела, сколько шагов она прошла к данному моменту. Я еще подумал, растает ли она со счетчиком шагов ночью, когда спит? Вдруг во сне ногами перебирает...

Фокс засмеялся, потом серьезно сказал:

— Николь Риверс начинает изучать дипломатию на кафедре международных отношений. Она хорошенькая... Вы согласны?

Ого! ФБР этого слова не боится? Лихо для официального служащего! Слово «хорошенькая» к американкам приклеивать опасно. Сие значит, вы намекаете, что она женщина, то есть не мужчина. А теперь это — политически некорректно, оскорбительно и может быть понято, как сексуальное притязание.

— Пожалуй, вы правы, хорошенькая! — согласился я.

Выходит, у нас с Фоксом одни вкусы. Он надул щеки и медленно выпустил воздух.

— Красотка, высший класс. Э-э-э... Это конфиденциальный вопрос... Она не слишком... доступная?

— Идите к черту, мистер Фокс!

Он не обиделся. Посопев, извлек другую фотографию и, держа за верхний угол, поднес через стол вплотную к моему лицу. Пришлось отодвинуться, чтобы взглянуть. Эта же Николь стояла на руках, точнее, на двух бутылках шампанского, у кромки бассейна. Топлес — в узеньких трусиках, больше ни в чем. Маленькие груди торчали, растопырившись, чуть-чуть свисая по закону земного притяжения к плечам. Босые ноги с оттянутыми носками образовывали букву V.

— Сержант Риверс на отдыхе, — с иронией произнес он.

— Забавно! Какой же комментарий вы от меня ждете?

— А вы знаете, что сержант Риверс начала посещать курс «Танец живота»? И вы еще спрашиваете, какой комментарий я от вас жду!

Агент Фокс смотрел на меня с легкой усмешкой, потом выпалил:

— Николь сняла полузаброшенную ферму в семи милях от кампуса.

Хм... Действительно, студенты стараются жить поближе — удобнее ездить на велосипеде. Арендуют квартиры вдвоем, втроем, получается дешевле. Китайцы и вьетнамцы живут в двухкомнатной квартире по пятнадцать человек, несмотря на протесты менеджеров. А Николь сняла ферму.

Фокс стал серьезным.

— Рассказываю я вам это не просто так. Сержант Николь Риверс засекречена военной разведкой Министерства обороны и Центральным разведывательным управлением, о'кей? И вдруг такая, как русские говорят, «гласность». Мы встревожены. Студенты съехались после каникул на занятия, а у нее на ферме дважды собирались шумные компании.

— Правда? — удивился я.

— Точно! — он поморщился, вздохнул, отвернул взгляд на книжные полки и сообщил безо всякого ерничества: — Кстати, на следующее party у нее на ферме вы тоже приглашены. Если не ошибаюсь, с женой...

— Ну, живет на ферме, — сказал я. — Ну, студенты тусуются. Что из того? А ваши предки не были фермерами?

— Да, правда, хотя я еще мальчишкой удрал в город. Работал на бензоколонке. При моей-то комплекции бегать вокруг авто и проверять давление в шинах... Нет уж! И один импресарио пообещал: «Сделаю из тебя мешок для битья». Деньги были хорошие, и я согласился... Так вот, повторяю, почему мисс Риверс живет не в студенческом общежитии и не в апартаментах? Арендовать ферму сравнительно дорого, хотя это меня не интересует. В деньгах она, в отличие от многих других, в общем-то, не ограничена. Но зачем жить на ферме? Одна в огромном пустом старом доме с заплес-

невелым винным погребом, вокруг сараи, заброшенный виноградник...

Фокс вытащил пару бумажных носовых платков, вытер лоб и губы, швырнул платки в мусорную корзину.

— В погребе я насчитал бутылок четыреста и сбился.

— Четыреста?!

— Между прочим, вина хороших марок. Не одни местные из долины Напа и из Мендосино, но французские, итальянские, испанские, чилийские. Попробовал открыть бутылку, — он поиграл языком и скривил рот. — Тьфу! Попалось, как назло, прокисшее... Насчет дурных привычек... Мне надо выяснить, не пьет ли она, не курит ли. Сами знаете, что...

— Вообще-то, у нас довольно консервативный кампус, — сказал я. — Наверное, травкой балуются, хотя за такие штучки можно вылететь из университета за милую душу.

— На ферме в спальне висит портрет. Вот, я сфотографировал, — он вытащил снимок. — Не знаете, кто это такая?

— Как же! Это русская кавалер-девица Надежда Дурова! Переделась мужчиной, взяла мужское имя и пошла служить в армию.

— Трансвестит?! — довольный собственным открытием воскликнул агент. — Есть такое подозрение! Это серьезно...

Я молчал. А он, глядя почему-то на карту России на стене моего кабинета, видимо, подбирал правильную формулировку, и наконец спросил:

— Так-с... Это будет между нами, ладно? Раскрою тайну Министерства обороны. В Германии Николь решительно отказала очень перспективному полковнику. Как у нее с сексуальной ориентацией?

Ах, вот что! ФБР волнует, не лесбиянка ли она... По ряду причин в некоторых организациях государства гомосексуалистам, несмотря на давление леваков, пока нет места. Со временем будет, а пока нет.

— При чем тут я, мистер Фокс? Боюсь, вы напрасно теряете время. Про Монтерей и Гармиш вы, уверен, знаете больше моего. Не лучше ли вам спросить ее родителей?

— К родителям наша инструкция запрещает обращаться.

— А в школу, где она училась?

— Я уже и в детском саду побывал, — сухо заметил Фокс.

Если бы не постоянные размышления, что пригодится для романа, а что нет, я бы давно прекратил этот разговор. Теперь мой запас терпения исчерпался.

— Позвольте заметить, — я уже сердился. — Коли вам поручено, наблюдайте за моей студенткой сами, меня не втягивайте.

— Господь с вами! — взмолился Фокс. — Мне лишь велено проследить, что происходит с Николь на кампусе. Поиски исчезнувшего студента Алекса Греча или Грача (как его там?), про которого я вас прошлый раз расспрашивал, продолжаются. Этот Алекс разыскивает Николь. Алекс — мерзкая личность, и мы вот-вот окажемся у него на хвосте. Отец Николь слышали кто? Самый богатый бизнесмен Америки! У нас есть сведения, что Алекс рвется к мистеру Риверсу. В общем, вся ситуация становится взрывоопасной. В полицию пока не хотим давать сигнала из-за возможной утечки конфиденциальной информации...

Фокс, заинтриговав меня, сопя поднялся, пожал руку, проговорил надлежащие слова благодарности и отбыл.

Иллюзионист и кое-кто еще

Графство Йоло, ферма «Приветливая кляча».
Пятница 7 октября 2005

Вечер у нас с женой оказался не занятым ничем более существенным, и, посомневавшись, мы отправились к Николь.

Если гонишь из университетского городка Дейвиса в международный аэропорт Сакраменто по 113-му фривею, слева тянется старая проселочная дорога в Вудленд, столицу нашего графства. Осенью, когда лоза уже подрезана, сквозь растяжки виноградников видны горы, отделяющие нашу долину от Тихого океана. Не так давно появились красивые объявления, что фривею присвоено имя конгрессмена Вика Фазио. С одной стороны, малость смешно, с другой — я знаком с этим славным человеком. Он охотно помогал мне, как многим другим, во всяких общественных делах. Именно он выбил деньги у федеральных чиновников на этот самый 113-й фривей, который методом ударной стройки проложили на моих глазах, в результате чего по бетонному Вику Фазио здорово сократился путь из Сан-Франциско в Канаду. В общем, конгрессмен-ударник ушел на пенсию с почетом и с любовью к природе, поэтому неподалеку есть еще одна надпись: «Болото имени Вика Фазио». А нам надо свернуть на дорогу 27, и потом на 98.

Тут университетские владения кончились. Когда фермеры сбывают землю, администрация кампуса ее прикупает на всякий случай, для будущего развития, но не спеша. С экономикой, сами знаете, из рук вон плохо. Разорившемуся фермеру ждать некогда. Не продав, бросает он хозяйство и отваливает в поисках лучшей доли, в спешке сдав дом в

аренду. Я бы сам ферму купил, кабы ухитрился объявиться в Калифорнии лет на десять раньше.

Деревянная доска с искусно вырезанными словами «Cheerful Jade» — «Приветливая кляча» — над почтовым ящиком у дороги, покосилась, и некому забить гвоздь. Кляча, как и по-русски, испокон веку относится одинаково к лошади и беспомощной женщине.

Запарковаться поблизости от фермы, где жила Николь, оказалось проблемой. На въезде и на обочинах вдоль узкого шоссе теснились вплотную, задок в передок, автомобили всех марок и возрастов, в основном, поскольку студенческие, изрядно поношенные. Кто-то рядом с нами расталкивал две машины бамперами, влезая между. Старья не жалко ни своего, ни чужого. К дому пошли наискосок по выжженной солнцем траве.

Николь увидела нас в окно, выбежала навстречу и стала показывать ферму. Причина особого внимания к нам с Лерой понятна. Из преподавателей я здесь пока один.

— Делай, что хочешь, разрешил мне владелец, — рассказывала Николь. — Станет выгодно, все снесу и землю продам. А пока живи на здоровье!

Посреди малолюдного плоского, как бильярдный стол, пространства до гор в сизых облачках на горизонте торчал фермерский дом постройки середины прошлого века в сносном состоянии, защищенный от жары развесистыми кронами дубов. Вблизи коровник с частично провалившейся крышей. В конюшне переминалась с ноги на ногу одна-единственная лошадь. Позади всего тянулся неухоженный сад из апельсиновых и гранатовых деревьев, на опушке слышалось жужжание пчел вокруг десятка ульев с невыбранным медом (фермер сказал Николь), а далеко к холмам уходили растяжки заброшенного виноградника. И запас вин в подвале, как выяснил глазастый агент Фокс, хозяин ей оставил.

Мертвые трактор и грузовик, а заодно ржавый комбайн для уборки помидоров Николь сдала под пресс. Конюшню вычистила сама, и там, рядом с лошадью, стала держать «лексус» с откидывающейся крышей и скрипучий велосипед, который купила за пять долларов в полиции на аукционе

вещей, брошенных весной разъезжающимися студентами (скромная прибавка к нищему бюджету городской полиции).

Состарившуюся белую кобылу по кличке Розетта фермер готов был продать за бесценок, и Николь купила ее. Розетта, когда-то скаковая лошадь, брала призы (четыре диплома висели в гостиной), но это имело место на заре Розеттиной туманной юности. Лошадь оставалась мечтательным существом, ей снились дерби — теперь ей оставалось предаваться воспоминаниям о них. Николь кормила Розетту, чистила щеткой, обдавала водой из шланга, если жара, научилась седлать, изредка ездила верхом вокруг фермы. Раз пришлось вызвать кузнеца, поскольку у Розетты отвалилась правая задняя подкова. Вообще, они как-то сблизились, стали подругами, хотя Николь к дружбе отнюдь не склонна.

Оказалось (в рамке на стене висело также свидетельство о рождении Розетты, подписанное ветеринаром), Николь и Розетта ровесницы. Обе родились в 1983 году, в один месяц и день, хотя век лошади подходил к концу. Утром, когда Николь следовало вставать и собираться на лекции, Розетта будила новую хозяйку бодрим ржанием точней будильника.

Лошадь то глядела на меня, то кивала мордой в сторону настенного шкафа и выразительно шевелила ноздрями.

— Брикетик просит, — объяснила Николь, — она ведь сладкоежка.

В старом, как ферма, шкафу стоял мешок с пакетами сушеной моркови и яблок — лакомство, которое лошадь обожала. Я вытащил пакет, разорвал и подставил ей руку. Она осторожно приблизила теплые губы, втянула в себя деликатес, будто поцеловала меня в ладонь, и облизнулась. Огромные прямые ее ресницы опустились в знак благодарности.

Розетта (не забыть отметить) была натуральная, то есть некрашенная, блондинка. Гордилась своей белесой гривой, которую Николь зачесывала ей частично вперед, между ушей в виде челки. Я погладил Розетту по шее. Думаю, дурацкое название фермы «Приветливая кляча» унижало ее женское достоинство, но лошадь принимала людей снисходительно — такими, какие они есть.

Мы с Николь вернулись к дому.

Насчет предстоящей тусовки я с утра слышал разное от нескольких студентов. Они взбудоражились. Объявился гастролер — русский фокусник. Что за птица, никто не мог толком объяснить (сколько их нынче развелось!), а кто-то предположил, что виртуальный мошенник и хакер, — почему бы от скуки не глянуть? Наверняка залетел в Америку, как все его собратья, напиться отсталых тутошних аборигенов модерновыми российскими чудесами и пополнить пустой карман. Которая из этих двух составляющих стимул и которая следствие, какая разница?

Николь рассказала, что хотели запустить гастролера-фокусника в кафе «Roma», в полуквартале от кампуса, вечером в пятницу, когда публика (о великий и могучий!) клубится. Русский клуб собирается почесать языки и потанцевать. Менеджер кафе, сияющий, как восходящее солнце, китаец в годах по кличке Дядя Мао, вроде согласился, но подумав, стал отнекиваться. Кафе наше тихое, в нем студенты занимаются, кроме того, если сбор вашему актеру намечен кэшью, кто будет платить налог? В общем, Дядя Мао должен связаться с хозяином кафе «Roma», а тот сейчас гостит у дочки в Новой Зеландии и велел его не беспокоить. Тогда Николь Риверс вызвалась устроить вечер у себя дома. Выступление фокусника перенесли на ферму «Приветливая кляча».

Наши студенты — народ в большинстве бедный, зарабатывающий на учебу, квартиру и еду тяжким трудом. Родители, если и платят за обучение, то уж деньжат на еду немногим подкидывают, не говоря о трагах на развлечения. Поэтому долговязые дети подрабатывают на бензоколонках, в Макдональдсах, часто в ночные или начинающиеся в четыре утра смены, стригут траву, моют посуду в ресторанах, нянчат младенцев почасно, выгуливают собак, а более удачливые красят в окрестностях дома, чистят водостоки от листьев и сидят по ночам в супермаркетах возле машин, считающих деньги. Инициативные идут дальше. Дочка моих знакомых организовала для женщин кружок правильной походки, каковой ее саму обучила мать, и клиентки охотно платят.

Веселиться студенты тоже любят, компании собираются человек по тридцать-сорок, и это potluck*. Каждый тащит с собой, что придумал, кто салат, кто торт, кто пиво. Можно прийти без всего (никто не заметит), и славно погудеть за чужой счет. Впрочем, придется заплатить приезшему фокуснику за выступление.

Народец, одетый не в вечерние туалеты, но в шорты и майки без разницы пола, многие босиком, не торопясь стекался ко входу и просачивался внутрь. Николь, тоже в шортах и белой маечке, поверх которых надет фартук с надписью «I love you more than chocolate»*, стояла у двери и всем улыбалась. Никаких следов ее принадлежности к армии! Клуб русский, но и американцев подвалило немало — слухи распространяются быстро. Задерживались на портике, чтобы бросить в картонную коробку червонец за вход — скромный гонорар фокуснику — и подхватить из пластмассовой ванны со льдом бутылочку пива, — благо не спрашивают, исполнился ли двадцать один год.

В гостиной, полутемной из-за кустов джуниперы, закрывавших окна, глаза после слепящего солнца ничего не видели. Немного спустя прорезалась громоздкая мебель эпохи дедушек и бабушек, расставленная с максимальной нелепостью. Куртки и сумки кидали в спальне на большую, королевского размера, кровать. Над ней висел цветной портрет чокнутой кавалер-девицы Надежды Дуровой. Неужто модель поведения для Николь?

Она в это время всем хвасталась:

— Я сама кое-чего напекла!

На столе красовалось блюдо с горой румяных творожников. Домашних творожников я не пробовал целую вечность, и они оказались вкусными, вполне похожими на те, которые жарила моя покойная бабушка Лиза в середине прошлого века.

— Николь, а Николь! Кто вас творожникам выучил?

* еда сообща

** «Люблю тебя больше, чем шоколад»

— Так ведь в Монтерее были «дни русской кухни». И чтобы преподаватели остались довольны, приходилось петь частушки, танцевать, варить щи да вдобавок что-нибудь откопать в поваренных книгах. Инструкторы дегустировали и ставили нам оценки. А теперь фокусник сказал, что с детства обожает творожники. Вообще-то, я готовить ненавижу, но сделала исключение. У фермера нашлась гора сковородок. Не любил ли он тоже творожники? Купила пятьдесят банок творога и напекла штук двести, а то и больше. Ешьге, то есть, лучше сказать, кушайте! Кладите сметанку, посыпайте сахаром...

Возле Николь терся незнакомый, не по-местному одетый парень. Он внушительно поглядывал на нее, и вроде пахло амуром, это я мимоходом заметил.

— Смешно, — улынулась ему Николь. — Меня тоже звали Алекс.

— Как это? — он прикоснулся к ее плечу.

— Кличка такая у меня в школе была...

Мелкий, а все же сигнал настройки на ту же волну.

— Где же главный едок творожников, — сменил я тему, — всемирно известный иллюзионист?

— Наверно, спит. Я привезла его утром из аэропорта. Оказалось, он летел ночь и почти не спал. Сейчас разбуду.

Она убежала в гостевую спальню.

Тут кто-то тронул меня за рукав. Парень, который крутился вокруг Николь, наклонился к моему уху и шепотом произнес:

— Вам сердечный привет из Москвы от генерал-майора Теплушкина.

— От кого? — не сразу сообразил я и повернул голову. — Сами-то вы кто таков? Тоже чекист?

— Вообще-то, я ваш студент...

— Вроде бы я вас не видел...

— И не увидите.

— Что же вы у нас делаете?

Он показал глазами на дверь и прошептал:

— Выйдем на пару минут?

Как и я, он в рубашке и брюках, и этим мы оба отличались от остальных. Не иначе как темные его волосы ухожены дорогим парикмахером, щеки аккуратно выбриты — это уж им самим. Пока в толкучке пробирались к выходу, две ячейки в моем мозгу соединилась. Отошли в сторону, к скамейке, усыпанной высохшими листьями, — я сгреб их ладонью, и мы сели. На вид ему лет тридцать с небольшим гарниром. Собеседник был выше меня и посматривал сверху вниз. Он закурил.

— Стало быть, вы Алекс Грач?

— Откуда вы знаете?

— По вашу душу ко мне приходили...

— Кто?

— Пожалуйста, не дымите на меня. ФБР, вот кто.

Алекс немного смутился.

— А вы?

— Сказал правду. Не знаю такого, и все.

— Похвально!

— Не думаю, что я в ваших похвалах нуждаюсь.

— Как хотите! Мне велели передать вам. Поможете найти Звезду Генералиссимуса — и вам перепадет. Могу аванс заплатить.

Услышав подобное, хочется немедленно встать, уйти, умыть руки и данного субъекта забыть. Профессиональное любопытство, однако, подсказывало: не спеши и узнай побольше.

— Считайте, вы мне этого не говорили, — сказал я, — не по этой я части. А генерал Теплушкин тоже заявится Звезду искать?

— Теплушкина скоро купят с потрохами, чтобы он со своими патриотическими глупостями в это дело не лез. Звезда Генералиссимуса нужна одному невероятно богатому дяденьке в России, который целится в президенты. Он дал деньги.

Хотелось для уточнения сюжета спросить имя таинственного заказчика, но публика мне все равно не известная, и я от вопроса удержался, заметил:

— Вижу, вы на мою студентку Николь глаз положили? Орешек не по зубам.

Алекс хмыкнул.

— Откуда вы знаете мои зубы? Еще посмотрим! Между прочим, она меня к себе пригласила. Вы отца ее знаете?

— Его вся Америка знает, — я уклонился от ответа. — Теперь понятно, зачем вам Николь.

— Да, мне дали кое-какие наводки... У меня чуйка неплохая, поэтому и послали.

— А в Москве вы, Алекс, чем занимаетесь?

— Я блатной Институт международных отношений окончил. Предок у меня замминистра иностранных дел, слышали? А я в бизнес пошел, с отцовскими кагебешными связями, иначе пропадешь. Жить для себя надо, а не пахать на государство, так ведь?

Алекс глянул на часы.

— Неужто настоящий «брегет»? — я посмотрел на его запястье и решил Алексу польстить.

— А то! С подделкой вы опускаетесь в обществе на ступень ниже.

Выходит, на руке у него «брегет», не какой-нибудь поддельный из Китая, с ценой вполне доступной, а самый изысканный, тот, подлинную стоимость которого сама швейцарская фирма не особенно разглашает. Онегина такой звал из кармана жилета на обед, а Пушкину «брегет» точно был не по карману.

Москвич не скрывал, а гордился, что являет собой новое, постсоветское поколение целеустремленных людей. В отличие от отцов, якобы озабоченных благом народа и светлым будущим человечества, деток занимает собственное благо и больше ничего. Я терпимо отношусь к тотальным эгоистам, если они ради своих целей не наступают на горло другим.

— Пойду помурлыкаю с Николь, — сказал Алекс, поднявшись со скамьи. — А если подскажите, буду признателен...

— Кто этот красавец-мужчина? — спросила Лера, когда я вернулся в гостиную и сел рядом. — Чего ему от тебя надо?

— После, после, — отмахнулся я.

Отдельные энтузиасты еще уминали творожники, поливая их согласно инструкции сметаной из русского магазина и посыпая сахаром. Все со всеми трепались и терпеливо ждали. За окнами стемнело, зажгли свет.

Наконец, перед собравшимися явился фокусник лично — немолодой рыжебородый человек, длинный и тощий, одетый в когда-то шикарный черный смокинг явно с чужого плеча. Черная бабочка скособочилась. Длиннющие руки вылезали из несвежих белых манжет. Маэстро был в роскошном, хотя и обтрепанном, цилиндре, под которым светилась слегка придурковатая улыбка.

— Вот он! Его зовут Кий-младший, и он сам скажет, что будет вам показывать, — объявила без хитростей Николь.

Она уселась у стенки на полу, скрестив ноги.

— Точно! — артист поставил на стол ноутбук. — Что шас модно на Руси? Мобиль фоны да пи-си.

Отошел на некоторое расстояние и сделал руками дирижерский пасс, будто перед ним оркестр. Ноутбук открылся, вспыхнул экран.

— Мой дед, — сказал гость публике, — был бродячим фокусником, всю жизнь путешествовал по Средней Азии. Его учителя — старые индийские маги и волшебники. Всех их посадили в лагеря как шпионов, они оттуда не вышли. А отец мой — известный в советское время цирковой артист, или, как он себя называл, иллюзионист. Его фокусы любил смотреть сам Сталин, и потому папа остался жив. Один раз Сталин просил раскрыть секреты и научить его, но ловкости рук у него не хватило. Мама всю жизнь помогала отцу. В результате иллюзии получился вполне реальный продакшен — это я. Я — иллюзионист, раньше в России таких называли прстидижитаторами.

Вот откуда у гостя смокинг, а значит, и остальные причиндалы! Публика жаждала чудес.

— Родился и вырос я в цирке, — продолжал маэстро. — Родители переезжали из города в город с гастролями каждые два-три месяца. Чей я ребенок не совсем ясно, поскольку глава семьи в момент зачатия не присутствовал. Он

был вызван в Москву на концерт для правительства, а у мамы вспыхнул адюльтер с дрессировщиком тигров. Дата и место моего рождения — тоже в тумане. Мать родила меня накануне отъезда из одного города, зарегистрировала рождение в другом, а для этого пришлось поменять дату рождения. Часть жизни я провел в секретном ящике. По вечерам родной отец перепиливал сына пилой пополам и демонстрировал разделенные тело и ноги зрителям. Правда, ноги в ящике были запасные. В каждом городе с детьми циркачей я ссорился и дрался, а дружил с местной шпаной, и легенды про меня достигали новых городов раньше моего появления. Были и приводы в милицию, откуда отец меня выкупал за контрамарки в цирк. К счастью, серьезной уголовщины я избежал и ни разу не сидел.

Ничего не добавишь, скромненько и со вкусом.

Кому не известно, что иллюзионисты — народ специфический? Ловкие приемы они никому не объясняют, ссылаются на божественный дар, данный им от природы. Как колбасники, виноделы или пивовары, хранят секреты от всех, передавая детям.

— Кое-что я вам покажу. Николь иногда будет моей ассистенткой, так?

От жары у prestидижитатора из-под цилиндра стекали капельки пота. Маэстро выставил вперед руку, требуя полной тишины. На ладони вспыхнул яркий сноп красно-оранжевого пламени. Пламя сделало полукруг перед сидящими на стульях и на полу зрителями. Огонь отражался в глазах.

И не давая зрителям опомниться, манипулятор стал делать пассы другой рукой над этим огнем. Постепенно языки пламени начали превращаться в бесконечные разноцветные ленты, которые свободная рука фокусника вытягивала из огня. Взлетая и колыхаясь в воздухе, ленты плавно опускались на головы зрителей. Теперь фокусник продемонстрировал им обе свои руки — в них ничего не было.

Лица одних собравшихся оживились, других скривились: видали мы этих шарлатанов. А шарлатан не давал им передышки. Он притрагивался к разным предметам, и из каж-

дого возникал язык пламени, быстро угасавший. Кий сделал шаг вперед, коснулся волос сидящей на полу девочки, и пламя загорелось на ее волосах. Когда оно потухло, у Николь в руках появился финский нож. Артист прошелся, демонстрируя его публике, вернулся к камину, и публика ахнула, потому что он вонзил нож себе в ладонь. Из раны тотчас закапала кровь.

Зал загудел, кому-то стало плохо. Нож проделал в ладони отверстие. Кровь закапала чаще, подтверждая, что никакого подвоха нет. Маг и волшебник вытащил нож из ладони, обернул рану платком, затем резким движением сдернул платок и показал руку аудитории. Раны на ладони не было.

Не успели зрители успокоиться, как фокусник заявил:

— А теперь я буду преодолевать гравитацию. Смотрите!

Движения его рук напоминали исполняемый нелепо танец умирающего лебедя. Он напрягся или, точнее сказать, натужился, и ноги его отделились от пола. Весь он, от белых кроссовок до черного цилиндра, всплыл над полом, завис. Зрители зыркали глазами вокруг, ища какие-либо приспособления, позволившие это сделать. Но пространство вокруг висевшего в воздухе тела в черном смокинге было пусто.

Тут раздалось кое-какие аплодисменты, и кто-то сзади свистнул, выражая одобрение. Благополучно опустившись на землю, Кий снял цилиндр. У него оказались длинные рыжие волосы, скорей всего крашенные, зачесанные назад и сплетенные в косу. Он попросил у ближайшего зрителя протянуть вперед обе руки. На эти руки лег белый платочек, на платочек был поставлен цилиндр и накрыт другим платком. Раздался щелчок, Кий снял верхний платок — цилиндр исчез.

— Нехорошо, молодой человек, брать чужие вещи! — лукаво говорил артист, извлекая цилиндр откуда-то из прохода между зрителями и подняв его над головой.

Он балагурил, лицедействовал, тешил людей и сам получал удовольствие. Публика у нас вообще доброжелательная, но она еще потеплела, особенно, когда фокусник позволил всем убедиться, что цилиндр пустой, а затем стал вынимать

из него розы. Некая манипуляция — и каждая роза начала раздваиваться. Он расшвыривал их в разные стороны вокруг себя, а Николь ползала на четвереньках, собирая букет. Живые то были цветы или нет, об этом история умалчивает.

— А кто не побоится дать мне в руки кредитную карточку? — спросил артист. — Клянусь, не буду снимать с нее деньги и не буду смотреть ее номер.

Граждане заулыбались. Сказать-то сказал, но кто их знает, этих заезжих аферистов? После паузы нашелся студент, который раскошелился и под общий смех переправил кредитку артисту. Публика внимательно следила за его движениями. Фокусник положил карточку на ладонь, потер ее о рукав и подул. Теперь карточка повисла в воздухе на небольшом расстоянии от ладони. Другой рукой Кий провел между ладонью и висящей карточкой, чтобы доказать, что никаких хитростей нет. Просто кредитка висит в воздухе. Еще мгновение — и она начала полет к своему владельцу. Когда он уже намеревался схватить ее, карточка начала вращаться, не даваясь в руки, но по приказу маэстро опустилась в карман к хозяину.

Я, пожалуй, приостановлюсь. Описание трюков — вовсе не моя цель. Еще много чего там было. Резал ножом на части чью-то майку, а потом вернул целую. Доставал сто-долларовые купюры из карманов зрителей и набрал полный цилиндр. Потом эти ассигнации полетели в воздухе и стали возвращаться в карманы зрителей. Владельцы удивлялись и уверяли друг друга, что сотенных у них в карманах отродясь не бывало. Но и не осталось — они исчезли.

Гость не был похож на залетных артистов, рекламирующих себя в трех десятках городов Америки враз, а потом галопом собирающих дань, кочуя от одного сборища эмигрантов к другому. Тех развозят, кормят и пристраивают на ночлег приятели, собирают для них наличные. Гастролеры в ношенных пропотевших майках отбарабанивают для ностальгирующей эмигрантской публики полтора часа с антрактом десять минут, недовольные тем, что половина мест в зале пуста и сбор неполный, сбывают втридорога свои кассеты и

смываются, чтобы через год опять прибыть для сбора контрибуции. Все у них заготовлено, даже афишу можно скачать с интернета, проставив лишь день, место да цену за билет.

Фокусник никуда не спешил и готов был по просьбам зрителей показывать еще чудеса.

— Компьютерная магия входит в завершающую стадию, — проговорил артист с придыханием. — Мы с вами станем работать в виртуальном пространстве. Свет погасите! Не пугайтесь. Я попробую оживить одного покойника. Его зовут Иосиф Сталин...

— Сталин... Сталин... Сталин... — повторял ревербератор в динамиках и постепенно стих.

Люстра посреди комнаты потухла, остался слабый свет в проемах окон. Фокусник заколотил по клавиатуре ноутбука.

Возник звук, или, точнее, вой или свист, какой бывает у плохо отрегулированного микрофона. В светящемся квадрате на стене пошла какая-то мельтешня, некое движение, похожее на видеосъемку. Зрители попали на Красную площадь, сфокусировались на мавзолее, а потом на одной из могил позади него. Черная точка вдаль стала расти и постепенно превращаться в медленного идущего человека. Он быстро вырос до нормального человеческого роста, и нам явился Сталин.

Только его не хватало! Я, было, растерялся.

Шаги его по каменной мостовой эхом отражались где-то совсем рядом. Он медленно шел прямо на нас, сверля публику глазами. Шел, шел, шел и вдруг экран с грохотом прорвался. Сталин выплыл из экрана, завис на какое-то время в воздухе и из виртуального пространства опустился в реальное, грохнув сапогами об пол совсем рядом с фокусником. Он был в белом, сильно помятом в гробу маршалском кителе с пустой грудью, — то есть без многочисленных орденов, которые разворовали полвека назад во время его похорон. Фуражка с гербом скосилась набок, видимо, при перемещении из виртуального пространства. Кий протянул гостью руку, но Сталин от пожатия уклонился. По рядам зрителей прошел шорох.

— Как вы себя чувствуете, товарищ Сталин? — с волнением спросил манипулятор. — Не утомились от перелета в Новый Свет?

Сталин встрепенулся, что-то заговорил, по крайней мере, усы его зашевелились, рот открывался. Но ничего слышно не было. Кий стал опять колотить по клавишам, пытаясь прибавить звук.

Сталин строго посмотрел вокруг и гавкнул со странным гортанным клекотом на корявом русском с тяжелым кавказским акцентом:

— Гдэ я, собственно, нахажус? Эта нэ мой кабинет в Кремле!

— Нет, ваше превосходительство! Вы в Калифорнии...

— С кем согласовано? Гдэ моя охрана? Всех, кто находится в помещении, арэстовать!

Сталин снял фуражку, вытер ладонью намокший лоб, потер его, силясь что-то вспомнить. Николь сидела ближе всех к маэстро. Алекс терся возле нее. Кажется, сержантка забыла, что каждые полчаса ей надо выпивать четыре глотка воды из банки.

— Можно задать вам вопрос, господин Сталин? — спросила Николь.

Великий вождь прогрессивного человечества отрицательно замотал головой. Компьютерная техника подводила иллюзиониста. Сапоги вождя оторвались от пола, и тело поднялось в воздух. Сталин открывал рот, как рыба без воды, и, словно плывя или отталкиваясь руками от воздуха, попятился назад. Фокусник продолжал отстукивать на ноутбуке какие-то коды, но это не помогало. Квадрат на стене снова разорвался и стала видна та же Красная площадь в Москве, старинная стена позади мавзолея. Еще мгновение — и Сталин исчез в собственной могиле.

Осмысливая явление Сталина народу, зрители сидели некоторое время, будто замороженные. Потом захлопали. Фокусник, выключив экран, рукавом смокинга вытирал пот со лба и шеи.

Публика требовала еще чудес, но взмокший от жары иллюзионист разводил руками, показывая на часы. Все, блин, спать, блин!

— Маэстро! — вдруг крикнул Алекс. — А вы любую личность из прошлого можете вызвать усилием воли?

— Конечно! Но...

— Вызовите Гитлера!

Возникла пауза и вокруг стало потише.

— Говорю же «но», — хитрил иллюзионист. — От меня требуется большой запас энергии, а я уже устал. Как-нибудь в другой раз...

Кондиционером в старом фермерском доме и не пахло. Голова моя перегрелась от жары, и я чувствовал, как пульсируют виски. Наверное, поднялось давление. Я вдруг слышал разговор где-то над собой. Кто ж еще в силах незаметно появиться, кроме как Некто внеземной? Бог борется с Дьяволом в душе человека или в сердце? Это в Библии записано, а цитируют почему-то Достоевского. Ах, бросьте! Душа моя и сердце не для посторонних и, тем более, не для борьбы.

Дьявол, как известно, происхождения ангельского. В отличие от людей, вечно ссорящихся, Бог и Дьявол вполне мирно, дружески сосуществуют и административные обязанности делят без служебных конфликтов. Бог — генсек, начальник всего на свете, небесный вождь, а Дьявол — глава тайной полиции, у него все схвачено. Вот Рай, вот Ад — всего только департаменты в том же учреждении.

Трудясь в одной конторе, Бог с Дьяволом экспериментируют, иногда спорят, но полемика способствует правильности их выводов не всегда. Хотя вопросы добра и зла, любви и ненависти решают оба вместе, каждый, играючи, тянет одеяло в свою сторону, поэтому результат подчас бывает невнятен. Изредка оба обсуждают стратегию и тактику работы с людьми да призывают умершие души к себе для доносов.

Вот и теперь появились оба администратора на ферме «Приветливая кляча» незаметно для земных существ, попробовали остатки творожников со сметаной и сахаром.

— Как у них, если вблизи приглядеться? — спросил Бог.

— Дурачатся! — Дьявол ухмыльнулся. — Как всегда сами себе навязывают страсти, а валят на меня. Во всё сами вовлекаются: в ничтожные занятия или отвратительные, как вандализм и террор. Кто из мной замеченных что замышляет, а мне заранее не известно? От кого пахнет криминалом? Кто чего хочет украсть? Ведь когда работаешь с людьми, нет ни минуты покоя, кружку пива выпить некогда.

Бог обратил внимание на Алекса.

— Эвон тому прощелыге море по колено. Я его давно заметил. Неспроста он тут очутился. Прыток слишком, душа темновата, нравственные критерии отсутствуют.

— Наш человек! — прищурился Дьявол. — Не нравится, уберем!

— Иди ты знаешь куда со своим «уберем»! — возразил Бог. — Последи за ним — любопытный сюжетец для кино. В моей практике бывали случаи, когда любовь отвлекала людей от плохих дел.

— О'кей! — обрадовался Дьявол и опять хихикнул. — Но ничего хорошего не обещаю.

Оба они вдруг замолчали. Кто-то включил громкую музыку. Какой будет следующий аттракцион, никак я ожидать не мог.

Николь поднялась, скинула фартук, в котором пекла творожники, и заняла освободившееся место иллюзиониста. Она держала длинный шарф, и в руках шарф плавно колыхался, напоминая волны. Мужчина вырублен из одного куска, женщина состоит из нескольких, между собой свинченных. Николь решила это продемонстрировать, начав вращать отдельными своими частями.

Зрители не только не устали, но возбуждись и приняли танец с новым энтузиазмом. Студент из Эфиопии ухватил идею, снял с буфета тамтам и стал яростно отбивать ритм. Начало получаться нечто восточное. Вовсе не случайно на кафедре театра по вечерам начались занятия, которые в расписании обозначены как «танец живота». Оказывается, класс сразу стал пользоваться большой по-

пулярностью у лучшей части университетского сообщества.

Откуда что берется и где скрыты наши таланты? Пупок Николь, оголенный, как это сейчас модно, выдελывал немислимые, прямо-таки виртуозные кривые в тесном пространстве между камином и публикой. Разогретой пивом и музыкой аудитории надоело сидеть, она начала подтанцовывать — кто сидя, а кто, обнаружив свободное место, вскочил и заходил ходуном.

Тамтам трясся от напряжения и, казалось, вот-вот лопнет. Ритм постепенно ускорялся, и на каком-то виртуозном зигзаге танцовщица и ее аккомпаниатор вдруг замерли, будто они этот номер репетировали сто раз. Вдохновенный танец живота окончился под визг, свист и всеобщие аплодисменты.

Бог и Дьявол давно смылись, никем не замеченные. С некоторых пор у меня уровень воспринимаемого шума понизился, уши мощных децибелов не выносят. Мы с Лерой переглянулись и стали продвигаться к выходу, благо заранее сели сбоку. Потихоньку выползли через боковую дверь во двор. Я помахал тем студентам, кто обратил внимание, что мы уходим.

Ночь была душная, но снаружи дышать стало легче.

Возле заднего крыльца, опершись плечом о дерево и отмахиваясь от комаров, стоял в расстегнутом кителе Сталин. Он отрывал от себя приклеенные усы, читал обрывок студенческой газеты «Калифорния Эгги» и курил сигарету. Появись полицейский, он оштрафовал бы вождя, ибо в Калифорнии запрещается курить даже на улице, если стоишь ближе пяти метров от любого строения. Увидев нас с Лерой, Сталин раздвинул кусты и скрылся.

Странно, подумал я, что на ферме не показался агент Фокс. Наверное, у них в ФБР рабочий день до пяти.

Покосившуюся вывеску «Приветливая кляча» освещал одинокий тусклый фонарь, указывая в каком направлении двигаться. Выбрались мы на дорогу и стали в темноте искать «туарег», брошенный на обочине.

Зигзаг дороги к отцу

Ферма «Приветливая кляча» —
Побережье Тихого океана, 1-й фривей.
Суббота 8 октября 2005

Вечером в большом фермерском доме нашлись покои и для Алекса. Туда он первым делом перетащил из прачечной, где спрятал за дверь, свой чемодан и, чтобы тот не бросался в глаза, затолкал под кровать.

Едва дом затих, Алекс из отведенной ему комнаты на цыпочках отправился в спальню к Николь. Спросонья она решила, что он пришел поговорить, и стала отвечать. Но когда до ее сонной сообразловки дошли токи его реальных намерений, сержантка вlepила ему такую пощечину, от которой Алекс сразу, послушно и безропотно, уполз восвояться.

Утром его разбудило громкое ржание.

Прогулявшись босиком по прохладным керамическим плиткам пола, зевая и потягиваясь, он открыл свой ноутбук и проверил почту. Обошел дом, никого живого не обнаружив, побрел в сад. Двое серых длинноухих, скорей всего заяц с беременной зайчихой, неизвестно как проникшие через зеленую ограду из колючего кустарника полакомиться виноградом, в паническом ужасе бросились наутек у него из под ног.

— Нико-о-о-оль! — заорал он.

— Я здесь, — раздалось сверху.

Алекс задрал голову. Николь сидела на дереве, на самой высокой ветке. Оказалось, она спозаранку гуляла по фруктовому саду и...

— Чего ты там делаешь?

— Гадаю по облакам.

То ли в шутку, то ли всерьез. Никаких обид, сердитости, злопамятства.

— Результат есть?

— Чтобы он был, надо долго-долго сидеть.

— Прыгай, я тебя поймаю.

— Уверен?

Она разжала руки и упала к нему в объятия. Получать вторую пощечину не хотелось, и Алекс аккуратно поставил Николь на землю. Сорвал с дерева два апельсина, заботливо почистил один для нее, другой для себя. Потом они отправились на кухню.

— Куда делся твой жулик-фокусник?

— Разве он жулик? Просто профессия такая... Он сам рано утром уехал в аэропорт на такси. Вечером у него концерт в Сиэтле. Пока я приготовлю завтрак, пойдешь, пожалуйста, накоси Розетте свежей травки и положи в ясли, — попросила Николь.

Она зашла в комнату к Алексу. Бедлам был невероятный: одеяло на полу, одежда разбросана, один ботинок на кровати, другой на столе. Неряха был прямой противоположностью хозяйке.

Травы Алекс накосил две огромные охапки, хотя косу в жизни не брал в руки. Едва Розетта прикоснулась к своему завтраку, Алексу пришлось на ум на лошади прокатиться. Розетта ткнулась носом в автопоилку — вода потекла, но Алексу ждать надоело, и он перекрыл кран. Хлопнул лошадь по крупу, обхватил за шею, подпрыгнул и забрался ей на спину.

— Но-о-о! — скомандовал он на незнакомом лошади языке и босыми пятками въехал ей в живот.

Розетта, не сопротивляясь, вышла из стойла и тихохонько побрела по дорожке в направлении дома. От удовольствия седок подпрыгивал, по-чапаевски выкрикивал «ура!», размахивал руками и вообще являл собой завоевателя этой части планеты.

Перед портиком Розетта заржала, чтобы Николь обратила на нее внимание. На мгновение присев на задние ноги, сделала стойку на передних. Алекс взлетел, не успев крик-

нуть, два раза перевернулся в воздухе и шлепнулся в клумбу, на которой когда-то росли цветы. Основательно отбив некоторые важные части тела, он кряхтя поднялся. Хорошо, что рухнул не на бетонную дорожку с другой стороны лошади, а то последствия оказались бы гораздо тяжелее.

Лошадь глянула на него с презрением и медленно, помахивая хвостом, побрела обратно в стойло, где в ящике ее ждала свежая трава. Николь увидела это в окно и долго хохотала. Похромав немного и потирая левый бок, Алекс пришел в себя.

— Ты ее обидел, насилия никто не терпит.

Однако если бы Розетта не сбросила Алекса, я не уверен, что Николь подобрела бы к нему. Впрочем, с Алексом ей было интересно, весело, немного страшно, и это увлекало ее первый раз в жизни.

Алекс молча намолот и сварил кофе — не какую-то американскую бурду, а настоящий, по-турецки. Мимоходом выяснилось, что люди они разные. Алекс видит цветные сны, а Николь черно-белые. Имелся и сближающий фактор, от которого никуда не деться, — молодость.

Как быстро иногда меняются убеждения и принципы! Феминизированная сержантка Николь, с детства ненавидевшая готовить, сделала для Алекса роскошный завтрак.

— Это правда, что твой отец — очень гостеприимный человек? — спросил он.

— Смотря для кого.

— Для тебя... — ухмыльнулся он. — Со мной...

— Можем попробовать.

— Слушай, а в замок к газетному королю Херсту можно попасть?

— Гораздо легче, чем к моему папá, куда ты так рвешься. Покажу тебе, хотя сама у Херста никогда не была.

— Это по дороге?

— Нет, но и недалеко.

— А как же твоя кобыла?

— Не брать же нам Розетту с собой. Позвоню подруге, она заедет ее покормить.

На всякий случай Николь бросила в багажник купальник и махровую простыню. Дверь в дом как всегда не заперла, да там и замок давно поломан, ключ потерялся. Прыгнули в кабриолет и поехали.

Чтобы добраться до большой воды, надо поколесить по горам. К югу Калифорнии ведут четыре дороги. 1-я — самая красивая, потому что идет над обрывами по берегу океана, но медленная и опасная. 101-я всегда перегружена, 99-я полна тяжелых грузовиков. Николь выбрала 5-й фривей. При хорошей езде до замка Херста можно управиться за четыре часа. Но отъехав, сержантка передумала и через час свернула вправо. Выбралась на мост Сан-Матео, пересекла залив, а там было уже недалеко до 1-й дороги. Открылся вид на Тихий океан — вот чем она хотела удивить любознательного москвича.

Путешествие на открытой машине напоминало старые американские фильмы. Николь время от времени на Алекса поглядывала. Он оказался еще теплей, чем поначалу. По дороге то дремал, то трепался. Подначивал ее, словно испытывал терпенье, но и она в долгу не оставалась. В общем, ехали легко и весело. Вот и сейчас он ни с того, ни с сего сказал:

— Держи крепче руки на руле. Изо всех сил!

— Зачем?

— Увидишь!

Он погладил ладонью колечко с маленьким бриллиантом на безымянном пальце правой ее руки, подул, и колечко исчезло. Глянув на это чудо, Николь вильнула рулем, что на такой дороге, идущей по краю обрыва, делать ни в коем случае нельзя.

— Я же сказал, держи руль! А ты?

— Где же колечко? — она сильнее сжала руль.

— Да вот оно, — равнодушно промямлил Алекс. — А ты все «фокусник, фокусник»! Подумаешь, делов-то!

Кольцо красовалось на безымянном же пальце Николь, но теперь — на левой руке.

— Расскажи мне про себя, — вдруг попросила она. — Откуда ты вообще взялся?

В отличие от большинства других двуногих, Алекс Грач имел несколько биографий, каждую он излагал одинаково убедительно, — талантливый мальчик из семьи крупного советского дипломата, конечно, чекиста, и его жены, само собой, связной из военной разведки. Взгляды родителей он, естественно, с детства не разделял, пользуясь при этом обильными благами, положенными такого рода советской семье, разъезжавшей по всему миру.

Если верить трепу, которым он окутывал Николь, Алекс — известный российский спортсмен (виды спорта от горных лыж и альпинизма до мотоцикла и парашюта менялись по обстоятельствам).

Еще он был кинематографистом, собирающимся вскоре удивить Голливуд. Впрочем, Грач быстро забывал эту легенду и оказывался глубоко засекреченным ученым: «Понимаешь, совершенно новая отрасль нанотехнологии — о ней сейчас и упоминать нельзя!»

Николь поглядывала на него с изумлением, а он уже болтал, что одно время ему пришлось служить следователем по особо важным делам в уголовном розыске Москвы. Приключения, обязательно с опасностью для жизни, с ним случившиеся, сыпались на Николь, как из рога изобилия: «Мне осталось вынуть из-под полы “калашников” и ждать. Секунда — и я бы их всех уложил...»

Алекс умел держать внимание на себе и заставлял слушательницу ахать. При этом у него имелось чутье, чтобы не перебрать, не завратъся, вовремя сменить тему или вовсе замолчать.

Плюс (не забыть бы!) его видный рост, крепко сложенное тело, можно сказать, неплохо накаченное, черты лица бывалого человека, благородство, употребляемое, когда надо, — действительно делали его неотразимо привлекательным. Николь всему верила и была взволнована. А кто таков Алекс Грач на самом деле, оставалось загадкой.

Они спустились по 101-й дороге до 46-й и мимо бесконечных виноградников выбрались к океану. Тихий явился перед ними незаметно, и береговая линия рассекла сушу и

воду пополам. Ветер в открытой машине дул с разных сторон, меня направление на поворотах шоссе. То дальше, то ближе слышались удары волн о скалы внизу. Взлетали вверх и рушились пенные потоки, откатываясь обратно. Океанское побережье Калифорнии, чтобы объяснить тем моим читателям, которые его еще не видели, похоже на юг Франции, курорты Италии, Крым, при этом растянутый на тысячу миль, — но нечто другое, не существующее больше нигде сочетание дикости и комфорта, уюта и безграничного пространства.

Еще час, и они в замке Херста. Машину пришлось бросить на парковке, и в гору, к замку, их повезли автобусом. Сады, фонтаны, бассейны, здания уникальной архитектуры выплывали постепенно. Алекс держал Николь за руку, чтобы не потеряться в толпе экскурсантов. Все ему хотелось потрогать, и его непрерывно одергивали. Между тем, его вопросы гиду о влиянии империи Херста на политику государства были точными и простыми.

— Для чего это тебе нужно? — спросила Николь.

— А у меня амбиции, — отвечал он с обаятельной улыбкой, и непонятно было, шутит или всерьез. — Погоди, я в России всех перехитрю и буду самым главным. Ты не представляешь себе, какой я упертый.

— Вижу, — просто сказала она и вдруг коснулась носом его плеча.

Довольный Алекс принял это как должное.

Схватывал он все быстро, на полуслове, и вот они уже бегут с горы вниз, к парковке.

— Я полностью разочарован, — заявил Алекс, усевшись в машину. — Да у нас сейчас новые русские живут богаче, чем этот старикашка газетный король!

— Но ведь это построено пятьдесят лет назад, — возразила Николь. — Тогда это была неслыханная роскошь.

— А твой отец? Неужели и он такой бедный?

— Мой отец живет скромно, вот увидишь.

— Я буду жить лучше всех!

— Не сомневаюсь, — поверила Николь.

Ветер дул горячий, легкий парок крутился впереди от нагретого асфальта.

— Пополоскаться бы в океане! — мечтательно произнес Алекс.

— Здесь вода прохладная, — сказала Николь, — надо податься еще немного на юг.

Они продвигались в сторону городка Сан-Луис-Обиспо. Дорога вихляла по скалистому обрыву вдоль океана, и скорость стала небольшой. Периодически Алекс поглаживал ближайшую Николину коленку, и чувствительный «лексус» на это реагировал ускорением. Солнце перевалило за половину небосвода и слепило на поворотах глаза, ветерок посвистывал в ушах. Перекусили они в придорожной забегаловке. У входа на них пялились два стойких деревянных индейца с ружьями.

Под обрывами скал стали попадаться уютные тихие бухточки с оранжевым песком, на который накатывались пенные валы. Океан к югу заметно потеплел, судя по тому, что на пляжах загорало все больше публики. В воде барахтались дети, визг их долетал до шоссе.

— Рули на парковку. Купнемся, на песочке поваляемся.

На стоянке она выгнала его из машины и переделалась в купальник.

Добежав до воды, Алекс на ходу скинул майку, в шортах запрыгал по камням и плюхнулся в волну. Николь следила, как он поплыл и провалился между двух валов, потом его опять подняло и опять опустило. Она поежившись вошла в воду, доплыла до него, и руки его прочно сомкнулись у нее за спиной. Они тонули и всплывали вместе. Бороться с волнами глупо, лучше подчиниться. Поцелуи в воде оказались мокрыми и горько-солеными.

— Нет, нет! — хрипела Николь, сплевывая воду. — Ты что, хочешь меня утопить? Может, ты вообще некрофил?

Алекс не отвечал, слегка одурев, и матерился по-русски. Николь нравилось, это ее возбуждало. Сопrotивляясь, она тащила его за руку к берегу. Он обхватил ее за талию, вскинул себе на плечо, вынес из воды и аккуратно опустил на горячий песок.

Николь с Алексом слиплись друг с другом, укрывшись розовой махровой простыней. Народу на пляже было немного, но вблизи сидела молодая мексиканская пара. Маленькая дочка их скакала с совочком рядом. Пожилой полицейский, млеющий от жары в черной униформе, при фуражке и всей амуниции, медленно топал по влажной кромке, придерживая дубинку и брякающие наручники. Он остановился и сделал замечание мексиканке, сидевшей на песке.

— Наденьте на девочку что-нибудь, мэм. В общественном месте с обнаженной грудью пребывать нельзя.

— Да ведь ей три года! У нее... нет ничего!

— Ребенок женского пола, мэм, — возразил полицейский, — и без лифчика. Это запрещено. По закону считается безнравственным.

— Но поглядите туда, офицер! — женщина указала на колыхавшуюся розовую простыню рядом. — Там разве нравственно? Они чем хотят занимаются под простыней, и вы не обращаете внимания. А к моей маленькой дочке придрались.

Полицейский не обиделся и не рассердился.

— Они накрыты, и это privacy*, мэм, — спокойно объяснил он. — Я не имею права разбираться, что они делают под простыней, то есть вмешиваться в их частную жизнь. А девочка публично показывает то, чего нельзя. Если пойду обратно, мэм, и увижу, что вы ей не прикрыли грудь, я вас оштрафую за нарушение нравственности.

Положив руку на дубинку, страж порядка двинулся дальше.

Розовая махровая простыня на песке действительно колебалась, возможно, от легкого бриза, который тянул со стороны океана. Вы назовете это первой брачной ночью? Или брачным днем? Пожалуйста! А для меня самое удобное время для краткого комментария.

Вопросы нравственности в Америке регулируются множеством организаций, государственных и общественных,

*частное дело

включая суды, полицию, прессу и просто крикунов — ярых защитников целомудрия и активных борцов за его преодоление, однако ханжи чаще побеждают, внедряя уйму всяких «нельзя».

Из-за бесчисленных обращений в полицию с жалобами на сексуальные домогательства и долгих публичных тяжб (часто связанных с желанием отторговать крупную сумму) появились в печати и по телевидению сообщения, что правительство Калифорнии принимает новый закон, по которому мужчина и женщина перед тем, как лечь в постель, должны заполнить в двух экземплярах специальный бланк. В графе «Добровольность вступления в сексуальные отношения» им надо поставить «Да». В следующей графе, в пунктах а, б, с и так далее указать планируемые позы. Наконец, необходимо обозначить длительность акта «от — до». Когда оба поставят подписи, каждый подписант обязан спрятать свою копию в надежном месте, скажем, в личном банковском сейфе, и можно начинать.

Лучше при этом присутствовать адвокатам, представляющим стороны. Изменения в позах или в продолжительности, то есть отступления от подписанного контракта адвокаты регистрируют. Иначе каждый из участников вправе жаловаться в полицию, чтобы за отклонения партнер был наказан по всей строгости закона с выплатой морального ущерба.

Будет ли принят такой закон и как реализуется, покажет практика. Если бы у президента Клинтона имелись такие документы, его бы не преследовали за сексуальные связи на стороне. Алекс и Николь на пляже бумаг не подписывали. Адвокат не присутствовал, хотя свидетелей вы уже заметили.

Считайте меня занудой, старым маразматиком, занимающимся глупым морализаторством. Я вовсе не против того, что у нас везде теперь происходит. Есть словцо quickie — любовь по-быстрому, на ходу, — другая крайность этой жизни. Я не консерватор, не революционер, а просто сторонний наблюдатель. Делайте, что хотите.

Но — возвращаясь к Николь, с ее карьерными амбициями, льдом в душе, целеустремленностью на грани фанатизма, — кто бы мог подумать? Прямая линия жизни сержанта американской армии скривилась и начала вихлять.

Поистине, трансформация человеческого существа из облика в облик непредсказуема, а значит, проверка агентами всего вашего прошлого чуть ли не от зачатия, день за днем, не дает абсолютно никаких гарантий по части вашего поступка завтра утром, без четверти восемь.

Ну что за событие — студентка сошлась с залетным нахалом? Моментальные и замедленные романы с приезжающими в Штаты русскими (и не русскими, но вообще молодыми людьми из отсталых стран) — неперенная часть американского студенческого бытия. После открытия российских границ и прижима тутошних это происходит едва ли не ежедневно.

Часть мезальянсов (хотя надо признать, не все) вполне рациональна. Во что бы то ни стало зацепиться здесь, остаться, сразу получив статус. Никакие бумажные барьеры эмиграционных служб, требующих в доказательство совместные фото на пленэре, переписку, общую посуду и свидетелей совместного проживания в браке не менее пяти лет, не помогают. Все представляют бюрократическим органам липу. В конкретных же проявлениях, если знаешь кого-то, всплывает нечто большее, чем просто статистика. Когда двое соединяются, из простого человеческого любопытства возникают вопросы: зачем? почему эти двое, а не те? и не тот с той, а тот с этой или этот с той?

Как ни странно, ответ в двадцать первом веке уходит из сферы секса. То есть секс-то остался, упростился, но не в нем исходная причина. Темп жизни изменился, компьютер становится старым, едва его вынесли из магазина, и то же происходит все с большим количеством окружающих вещей. А также отношений и чувств. Любовь до выхода из двери. Людей сближают или разобщают новые правила виртуального быта. Едва закончив то, что мужчина и женщина делают в постели, каждый проверяет еmeli.

Таковы теперь наши нравы, всехняя практика, не я это выдумал. Николь-то уж точно, да и Алекс в каком-то смысле предыдущего способа жизни не знают. Они оба high tech kids*.

Когда Алекс высунулся из-под простыни, солнце уже изрядно склонилось к горизонту и напоминало яичницу-глазунью, слегка пережаренную.

Сдвинул ей ноги, поцеловал колени и вдруг спросил:

— Что это у тебя?

На левой ноге Николь второй и третий пальцы срослись. Это то, чего она боялась, когда проходила военную медкомиссию. Но там это сошло, а с первым ее мужчиной — нет.

Ткнув ногой в сторону океана, Алекс лениво спросил:

— Там что? Азия?

— Поближе будут Гавайи... — ответила Николь сонно.

— Тоже интересно! — оживился он. — А до отца твоего еще далеко?

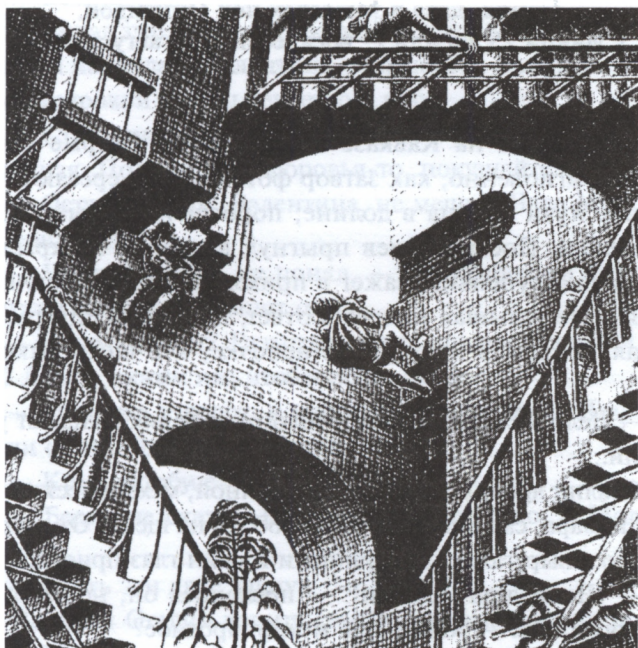
— Ближе, — она растянула рот в улыбке, слегка растерянной. — Поехали?

Ближе-то ближе, но из-за продолжительной остановки на пляже они успели выбраться на дорогу, ведущую к ранчо Дьявола, когда уже совсем вечерело.

О ужас! Николь перестала регулярно отпивать воду из банки с делениями.

*поколение высоких технологий

Часть четвертая

Опять 1945-й год:
ГАРЕМНЫЕ ЗАБОТЫ ВОЖДЯ

Щедрый дар от шейха

Грузия, дача в Мюсерах под Пицундой.
Суббота 25 августа — воскресенье 26 августа 1945

Смеркается на Кавказе в горах рано. Острые лысые хребты мгновенно, как затвор фотокамеры, срезают последние лучи солнца в долине, поросшей темным лесом. Секретарь Поскребышев прыгнул второпях на крыльцо через две ступеньки, зажег в прихожей свет и постучал о косяк. Не услышав ничего в ответ, приоткрыл дверь, которая оказалась изнутри на цепочке, и в щель выкрикнул:

— Дело международное! Молотов и Берия ожидают указаний...

Сталин дремал на диване в гостиной, механически отгоняя комара, садившегося то на лоб, то на щеки. От дверного стука выругался по-грузински и один глаз приоткрыл.

— Шени деда мовтхан!* — прохрипел он, не открывая второго глаза. — Какое еще международное?

— Мне сказано, не твое дело. Доложи, мол, хозяину, и все.

Неважно чувствовал себя Сталин. Днем раскалывалась голова, потом скулил желудок, сейчас ноги ныли, мешая думать о главном. Может, климат тут сырой, зря поменял? Но места-то родные, кавказские. Отдых в отрыве от Москвы он заслужил тяжелой работой, особенно в прошедшие четыре года войны, — никто в мире так не работал день и ночь, не покладая рук, как он. Сегодня днем пошел к своему любимому винограднику на южном склоне горы. Гроз-

*... твою мать! (груз.)

дья всегда были крупные, цвета запекшейся крови, сочные. То, что он увидел, удручало. Листья пожухли, покрытые плесенью, птицы объели здоровый виноград, гниль оплела остальное.

Кряхтя, поднялся с дивана, дошлепал до двери, скинул цепь.

— Войди!

Услышав звяканье открываемой цепочки, позади Поскребышева появилась Валентина с подносом. Высунула сбоку, из-за широкой спины секретаря, нос.

— Стаканчик молочка вот. Парное. Коровка своя, проверенная. Полезно для здоровья-то, покушайте...

— Оставь и уйди, Валентина, не мешай. Чего Молотову и Берии надо?

— Честно говоря, не понял, — Поскребышев виновато опустил голову. — Темнят они.

— Зачем темнят? Разыграть меня спьяну задумали, что ли? Ладно, скажи им, чтобы ехали сюда.

— Они уже у ворот, в машинах дожидаются. И автобус сзади стоит. Охрана не пропускает.

— Кто в автобусе?

— Берия не сказал. Не твое, говорит, дело. А Молотов испуган.

— Пусть эти двое зайдут.

Не успел Сталин допить стакан молока, как они появились. Молотов при галстукe с засаленным узлом, с красной папкой подмышкой, а Берия как истинный горец в черкеске и хромовых мягких сапогах. Он всегда, бывая на Кавказе, возвращался к годам своей молодости и любил пофорсить. Берия держал в руке длинный сверток.

— Да не скрипи ты сапогами! — Сталин поморщился. — Чего придумали? Какое-такое международное дело?

— В Сочи на рейде пароход из Кувейта, — бледнея, прошептал Молотов. — Спецрейс. При досмотре таможня обнаружила запертые каюты. Двери взломали. В каютах были люди, то есть женщины, и с ними огромного роста негр.

— Вооружен, — добавил Берия. — Пришлось поработать погранотрядом. Они с задачей справились, отобрали у него два пистолета. В каюте нашли саблю, вот она.

Развернув сверток, Берия положил на стол перед хозяином сверкающие бриллиантами ножны. Сталин в руки брать не стал, только скосил глаза. Вдоль серебряного покрова сабли шла витиеватая надпись, по-видимому, на арабском языке.

— Вот, — Молотов протянул хозяину, — пакет от шейха Ахмета. Я вскрыл, чтобы перевести.

Тут был сургуч с печатями и неповторимо красивым почерком строка: «His Excellency Josef Stalin»*.

— Читай!

Молотов поправил расслабившийся узел галстука, развернул листок с переводом, почему-то оглянулся, и стал читать:

— «Дорогой друг и вождь великого народа! Мы, шейх Кувейта, пребываем в нирване приятных впечатлений от краткого визита в Ваш Кремль и чрезвычайно полезного обмена мнениями. Ваш щедрый сияющий дар украшает нашу коллекцию орденов и напоминает нам о необходимости сделать ответный жест. Примите, Ваше Превосходительство, наши скромные дары в знак уважения и заботы о Вашем счастливом времяпрепровождении после праведных трудов во славу Аллаха на благо советского государства и всего мира. Искренне Ваш — шейх Ахмет». Вот его личная подпись.

Молотов умолк, ожидая реакции.

— А что еще?! — спросил Сталин.

— Гарем! — выпалил Берия, готовый расхохотаться, но не позволивший себе этого.

— Гарем?! Мне?

— Именно! Шейх Ахмет в благодарность за Звезду Генералиссимуса прислал тебе несколько жен.

Сталин на миг растерялся. Акцент, как всегда, когда он начинал нервничать, увеличился. Глаза его перебежали от лица Берии к лицу Молотова.

*«Его Превосходительству Иосифу Сталину»

— Палытыческая правакация?

— Ах, какие красотки! — Берия причмокнул. — Пальчики оближешь...

Он вынул из кармана шоколадную конфету, развернул серебряный фантик и целиком положил конфету на язык.

Молотов стоял молча, ждал указаний.

— Ишь, чего придумали! Хатят падарвать мой международный авторитет... Отправьте нэмедленно обратно!

— Отказаться, — тихо молвил Берия, — значит шейха обидеть.

— Ах, так ты считаешь?

Тут Сталин заколебался. Будет ли это правильное партийное решение? Завистники, которые точат зубы, постараются использовать этот факт против вождя. Но ведь и шейх может обидеться.

— Кто об этом знает?

— Узкий круг, — сказал Берия. — Я старался обеспечить полную секретность. Но мы ведь не предполагали, что товарищу Сталину привезут гарем... Люди на таможне видели документы, кое-кто из погранотряда, еще моя охрана, но эти умеют держать язык за зубами.

— Всех участников акции изолировать, — перебил хозяин, — чтобы не произошло утечки. Сами-то жены где?

— Да там... — виновато опустил голову Молотов. — Сидят в автобусе. Под охраной. Куда ж их девать? По какому учреждению регистрировать?

— Сколько?

— Четыре штуки плюс негр.

— Посмотреть на свой гарем не желаете? — спросил Молотов. — Привести их сюда?

— Ни в коем случае! Это будет ошибочный шаг.

— Ты, товарищ Сталин, и взглянуть на подарок не хочешь? — удивился Берия. — Не хочешь дать нам указания? Как же нам-то быть?

Воцарилась пауза. Хозяин почесал затылок. Вдруг пришло ему на ум, что это его маленькая победа. Шейх клюнул

на удочку, откликнулся, причем тоже в оригинальной форме. А суть такова: ему нужны со мной контакты, он хочет сближаться.

— Времени у меня нет этим вопросом заниматься! — заметил хозяин вслух. — Разве что партия прикажет...

— И прикажет, — сказал Молотов.

— Ладно! — вдруг решил Сталин. — Давайте сюда гарем... Посмотрим, чем шейх Ахмет хотел нас одарить.

Берия с Молотовым исчезли, а он зашел в спальню, глянул на себя в зеркало. Зеркал он не любил и остался собой недоволен. Перед ним стоял сторбленный, неухоженный старик. Щеки небриты, усы загнулись в рот, остатки волос слежались, давно не причесанные. А тебе молодых жен в подарок... Открыл шкаф, надел голубой мундир генералиссимуса — вид сразу стал лучше. Распрямился немного, причесал виски и усы — стал совсем молодцом. Можно обзавестись женами, да зачем?

Он слушал шорохи в гостиной, шаги, отрывочные слова, но, как всегда с привезенными гостями (а других и не бывает), долго стоял за дверью, чтобы явиться правильно. Сейчас Поскребышев скромно объявит:

— Товарищ Сталин!

Тогда он и войдет.

Поскребышев не объявил, пришлось выйти самому. За длинным столом, где Сталин по своему усмотрению, то ближе, то дальше от себя, своих холопов рассаживал, с одной стороны сидели член Политбюро Молотов и кандидат в члены Политбюро Берия, оставив посередине стул для хозяина. По другую сторону стола, чуть поодаль, стояли четыре женщины, закутанные в черное с головы до ног. В прорезях хиджабов блестели глаза, как Сталину показалось, полные слез. Рядом с ними на пол, поджав босые ноги, уселся огромный черный человек с бесчисленным количеством разноцветных бус на шее.

Хозяин рукой показал гостям на стулья напротив.

— Присаживайтесь...

Они не шелохнулись.

— На каком языке они понимают? Давайте сюда арабиста. Как его... Перочинский, кажется?!

Берия поморщился.

— Как мне доложили, он не полностью здоров.

— Что значит — не полностью? Где он?

— После работы с вами отвезли на Лубянку. Ввели препарат, чтобы все забыл...

— Шен хом ар гамохлевди!* — выматерился Сталин по-грузински. — Кто разрешил?

С Берией он иногда переходил на родной язык, чтобы другие не понимали, но тут вернулся к русскому.

— Нельзя было вернуть его в лагерь, — оправдался Берия. — Ведь он государственными секретами обладал, мог их врагам...

— Чтобы все забыл?! — передразнил хозяин. — Неужели и арабский язык забыл?.. Ладно, где другие переводчики?

— Не было указания обеспечить, — прошептал Поскребышев. — Теперь, на ночь глядя, где их в Мюсерах взять?

— Хоть чего-нибудь эти люди понимают? — спросил хозяин.

— Если не обманывают, — предположил Берия, — то ничего.

— Как их хотя бы зовут?

Берия извлек из нагрудного кармана листок бумаги, стал, запинаясь читать.

— Вот, пожалуйста, первая — Айеша бинт Хиязи, вторая — Амира бинт Файсал, третья — Хадия Бусайд, четвертая — Нура Салех. По документам Нура Салех — старшая жена.

— А какая из них кто?

— Шут их знает!.. — окинув их орлиным взором, Берия вдруг выкрикнул: — Нура!!!

Молчание. Ни одна из четверых не пошевелилась.

Сталин обладал большим опытом публичного общения с женщинами с трибун и на приемах. Перед ним расцветали улыбки и, возможно, открывались сердца. Он был уверен,

*Ты что — о...ел?! (груз.)

что любые официальные отношения может перевести в неофициальные, и эта уверенность (достаточно поманить) чаще всего заменяла реальные связи. А с присутствующими его, так сказать, новыми женами ничего такого не происходило.

— Поскребышев, — велел он секретарю, тотчас к нему наклонившемуся, — помоги товарищам женщинам сесть.

Поскребышев попытался подтолкнуть их к столу. Но с пола поднялся черный человек с бусами на шее. Он расставил огромные ручки и протиснулся между женщинами и секретарем, давая понять, что прикасаться к охраняемым им особам нельзя. После этого он сложил руки лодочкой и поклонился сидящим за столом.

— Что за птица? — спросил Сталин.

— Их евнух, — ответил Берия и улыбнулся.

— Евнух? А имя у него есть?

— Его звать Касса. Он немного говорит по-английски, и с ним мои люди побеседовали. Говорит, шейх Ахмет приказал ему не спускать глаз с ваших жен двадцать четыре часа в сутки, за исключением того времени, когда они вам лично нужны.

— Хм... Значит, Касса, — Сталин немного расслабился. — Ай, да туша! Небось, Ахмет сам его кастрировал.

Евнух уселся на паркет, сложив по-восточному ноги, и оглядывал пространство вокруг своих подопечных.

— Поскребышев, — попросил Сталин, — позови сюда Валентину. Пускай принесет вина и бокалы.

Служанка вбежала мгновенно — видно, стояла наготове за дверью. Хозяин сам взял с подноса штопор и открыл бутылку. Разлил понемножку, поднял бокал для тоста и ждал. Валентина в белом переднике обнесла всех. Берия и Молотов взяли по бокалу, ждали. Женщины к вину не прикоснулись.

— Они мусульманки, нельзя им пить, — сказал Берия.

Валентина поставила поднос на стол, всплеснула руками, покраснев, и вдруг у нее вырвалось:

— Да чего вы себя мучите? Я вам по-простому скажу. Там и смотреть-то не на что!

— Откуда ты знаешь?

— Сама видала! Я их всех давеча в уборную водила. И полотенца принесла чистые. На что они вам, эти бабы? Наши хуже что ли? Чего они знают такого, чего нам неизвестно?

Гости по-прежнему равнодушно смотрели куда-то в сторону, никак не реагируя на происходящее. Повисла пауза.

— Выйди вон, Валентина, — тихо сказал хозяин; подождал, пока она, обиженная, удалилась, захлопнув за собой дверь, и, вдруг, повернувшись к наркому внутренних дел, предложил: — Хочешь, подарю гарем тебе? Вези в Москву.

— Ты что, серьезно? — Берия едва заметно улыбнулся. — Если серьезно, то спасибо, не надо! Где я буду держать этих красоток? На Лубянке? Так у меня там подходящих помещений для гарема нет.

Сталин захохотал, довольный своей шуткой.

— Не хочешь — как хочешь. Скажи, Поскребышев, охране, чтобы их вывели через боковую дверь, посадили обратно в автобус и отвезли пока на дачу для секретарей иностранных компартий. Никуда не выпускать.

Он повернулся к Берии и Молотову.

— Вы тоже свободны. Подумайте, какие у вас предложения?

Появился Покусай, с ним еще несколько телохранителей и быстро отгеснили гарем вместе с евнухом к двери. Следом удалились оба наркома.

Сталин прилег подремать, но мысли о гареме не покидали его. Ничего такого особенного не произошло. Гарем — маленький дополнительный штрих, некая отдушина для человека при власти, если он не в восточной стране. Тем более, что мы сами тоже немного восточные. И значит, шейх меня уважает. Впрочем, это — уважение или насмешка? Зачем мне гарем? Я уже не в такой заботе о сексе, как раньше. Теперь секс отвлекает от больших целей. Подлинная страсть — в государственных делах. Какая практическая польза от гарема нам, революционерам?

Ночью похолодало, Сталина мучила бессонница, а пить снотворные он остерегался. Тут сделал исключение, поло-

жил на язык таблетку, запил «Боржоми». Заснул сразу, но проспал недолго.

Поднявшись в темноте, он выглянул в окно, во тьму леса, просвеченную фонарями и, вдали, прожекторами. Задвинул тяжелые шторы, чтобы снаружи охране не видно было, в какой комнате он сегодня спит, и теперь, посопев, зажег лампу. Часы на столике показывали без четверти четыре утра. Решение созрело у него, как всегда, внезапно и, как всегда, мудрое.

Сняв трубку, тотчас услышал голос Поскребышева.

— Слушаю, товарищ Сталин.

— Верни-ка сюда Берию и Молотова. Чего они разъехались по дачам, как крысы в норы? Скажи, совещание Политбюро.

— На какой час собирать?

— Я думаю, — хозяин опять поглядел на часы, — надо ни слишком поздно, ни слишком рано. Скажем, в четыре утра.

— Слушаюсь, — ответила трубка.

Вскоре вдали заурчали моторы, Берия и Молотов вернулись. Накинув на плечи шинель, Сталин вышел к ним из спальни. Подождал, пока они сели и, как бы размышляя вслух, сказал:

— Естественно, я мог бы приказать сам, но собрал совещание. Какое политическое решение будет правильным? В этом есть провокация. Почему, собственно, шейх отдал нам небольшую часть своего гарема? Много чего мог он прислать в качестве ответного подарка за Звезду Генералиссимуса. Зачем делиться женами? Думаю, большой хитрец этот Ахмет! Прислал потому, что освобождает место для европейских красавиц, которые ему теперь нравятся больше. Сам мне признался, когда был в Москве.

Молотов и Берия молча слушали и соглашались.

— Шучу, — продолжал Сталин. — А вот если серьезно, мне кажется, это была сознательная акция. Есть ли информация, будто американцы участвовали в подготовке и засылке этих ... ?

Никто не знал. Берия на всякий случай утвердительно кивнул.

— И такую информацию разыщем.

— Так я и предполагал. Сообщи, Молотов, шейху. Мы тронуты его щедростью. Поблагодари, как дипломатически полагается, от меня за подарок, который прибыл в полном порядке... Что будем с ними делать?

Сталин задавал такой вопрос, когда сам уже решил, но хотел услышать, способны ли подчиненные угадать его мнение. Молотов и Берия это знали и с ответами не спешили.

— Куда бы их деть? — спросил опять хозяин и, не ожидая реакции, приказал: — Увезите их в Москву, обеспечив строгую секретность.

— Где разместить?

— Как где? На Лубянке, конечно! Найдете место... Поручаю тебе, Берия, как опытному чекисту с ними разбираться. Допросить их с пристрастием. И евнуха тоже. Проверьте, кто он. Скорей всего, тоже — из агентуры шейха. Пускай раскалывается. Был ли у них умысел отравить товарища Сталина? Ты, Берия, учти. Если посмеешь их тронуть до следствия и суда, Политбюро тебя кастрирует.

— Можешь быть спокоен, клянусь! — сверкнул глазами Берия.

— Я еще немножко подумал, — прибавил хозяин, — и пришел к выводу, что это чисто политическая акция, чтобы расколоть наши ряды. Если у товарища Сталина будет гарем, то и вы все захотите иметь такие же. И Ворошилов захочет, и Калинин захочет...

— Калинин давно не хочет, — сказал Берия.

— Каганович захочет... И будете мне завидовать. Однако, говоря теоретически, мы, марксисты-ленинцы, не против многоженства, если оно устраивает товарищей женщин. Почему только мусульмане имеют эту привилегию? В принципе, пускай и у нас, у всех ответственных работников в столице и на местах, будут свои гаремы. Сейчас это особенно актуально. Ведь много мужчин уничтожила война, и нам предстоит улучшить демографическую ситуацию.

— Замечательная формулировка вопроса! — заметил Берия.

— П-правильно ли п-поймет нас р-русский народ? — испугавшись, возразил ему Молотов.

Он тут же вспомнил, что хозяин запретил ему заикаться и, сосредоточив волю, постарался больше этого не делать.

Невероятно, но мнения в Политбюро разделились, и это всех встревожило. Сталин успокоил.

— Надо частные вопросы видеть в стратегической перспективе. Шейх Ахмет помог нам выиграть войну. Поможет ему убрать конкурентов и продвинуться в эмиры. Он будет распространять наши идеи по всему миру. Оттуда пойдет освобождение всей Азии и Африки. Но пока следует подкреплять дружбу конкретными действиями.

— Какой шаг сейчас наметим, товарищ Сталин? — спросил Молотов и, открыв папку, приготовился записывать.

— Думаю, понятно, что наше решение должно логически вытекать из предыдущего — из его подарка нам. В данной ситуации необходимо сделать Ахмету ответный подарок — с нашего стола вашему. Мы можем себе это позволить, так ведь?

Молотов онемел. Берия, всегда на все готовый, воскликнул:

— Великолепно!

— Если нет возражений, пошлем шейху аналогичный подарок. Подготовку поручим тебе, Берия, параллельно с атомным проектом. Будешь и этим заниматься, само собой, в обстановке полной секретности. Сколько жен пошлем шейху?

— Тоже четверых, — сразу предложил Берия.

Сталин покачал головой.

— Если уж посылать, то почему так мало? Давайте переплюнем шейха по кадрам! Покажем наш размах и щедрость. Это окупится сторицей. Что если удвоим? Допустим, восемь! И — наилучшего качества. Подберите больше, будет отсев.

— Какие нужны женщины? — по-деловому спросил Берия.

— Вот это трудный вопрос, — хозяин пошевелил усами.
— Женщины лучше всего мягкие, бескостные...

Глаза у Берия блеснули.

— У товарища Сталина во всем хороший вкус.

— Ты — известный подхалим. Давайте дадим задание Академии медицинских наук, — он выдержал паузу, — вывести новую породу советских женщин — мягких, без костей.

Они загоготали, а он, довольный, переждал смех. Как легко быть остроумным, если ты хозяин, и как опасно, если раб.

— С одной стороны, — Сталин постучал трубкой о пепельницу, выбивая пепел, — они должны быть опытными женщинами, чтобы показать возможности социализма, то есть доставить шейху глубокое удовлетворение. С другой, они должны быть совсем юными, ибо разведка сообщает, что такие больше нравятся шейху.

— Как это диалектически совместить? — удивился Берия.

— Диалектически совместить что угодно нетрудно. Смущает другое: все меня обманывают. Но я почти не сомневаюсь в преданности детей. Сознательных пионерок мы найдем, и они поедут, куда надо. Отбирайте двенадцати лет, ну, тринадцати — они ведь быстро постареют. Обучайте их!

Берия и Молотов в согласии молчали, не имея других предложений.

— Но есть еще одна сторона вопроса, — вождь потрогал себя за мочку уха. — Понятно, что это не должен быть просто гарем. Такое было бы растратой государственных средств. Пионерки должны быть всегда готовы, то есть всегда готовы выведать секреты наших врагов.

— Лучше не называть это гаремом, — вдруг высказался Молотов. — Американская разведка узнает о подарке и решит, что «гарем» — это шифровка. Надо другую формулу, нашу, советскую. Может быть, комсомольский, или, лучше, пионерский визит дружбы?

— Можно и так, — сказал Сталин. — Но главное — их нужно сделать опытными разведчицами, чтобы получать от них экономические, политические и прочие сведения. За это, а не за проверку качества жен, Берия будет отвечать головой! Ахмету хочется поддерживать дружеские отношения. Хорошо бы Саада, старшего сына шейха, умело завербовать. Или женить на нашей разведчице.

— Вербовать сына — такое задание дадим, — Берия надулся. — Насчет женить его — будем стараться...

Когда они грузились в машины, утро в горах было туманное и прохладное. По дороге Берия сосал шоколадные конфеты с ликерной начинкой для усиления работы мозга. Позади двигалась машина Молотова. Тупо глядя на хвостовые огни бериевского лимузина, нарком иностранных дел пытался успокоиться и задремал.

Днем Молотов позвонил на дачу Сталину и сообщил о спецкурьере, который доставил из Наркомата иностранных дел шифровку. Получена она не по официальным дипломатическим каналам, но агентами из рук в руки. Его превосходительство шейх Ахмет приглашает великого вождя советского народа нанести ответный визит в Эль-Кувейт. Шейх гарантирует, что это будет организовано так же тайно, как посещение Ахметом Москвы.

Ювелирным мастерством политических фокусов Сталин владел в совершенстве. Несомненно шейх будет удивлен и рад ответному подарку. Положив трубку, хозяин стал ходить по комнате. А что если поехать в гости к Ахмету?

Экзамен для старшей жены

Кунцево, Ближняя дача.

Вторник 28 августа — четверг 13 сентября 1945

Стратегия ответного подарка шейху Ахмету и секретного вояжа в Кувейт зацепилась в голове Сталина и не улетучивалась. Ухмылка утонула в усах, думал он об этом теперь серьезно. Чтобы быть в гуще событий, он, изменив планы, внезапно решил вернуться с южной дачи в Москву, создав большие трудности охране, железнодорожному руководству и воинским частям вдоль пути следования. Лежа в вагоне на диване, пассажир дважды вызывал начальника поезда и спрашивал:

— Так медленно двигаемся — почему? Кто виноват?

Жалкие объяснения, что дорога построена до революции и приходится придерживаться строгих правил безопасного движения, вождя не удовлетворили, и он вторично приказал машинистам увеличить скорость. Поезд пошел чуть быстрее, поспешнее отводили на запасные пути все встречные составы и держали там долгими часами. В Москве, когда хозяин вылез из вагона и пересаживался в автомобиль, уже стемнело. В темноте Сталин чувствовал себя спокойнее.

Дома, не обращая внимания на сердечные приветствия obsługi, он лично включился в подготовку подарка для друга Ахмета.

— Он моложе меня, — рассуждал хозяин сам с собой, — пускай побалуется.

Сталин ожил, постоянная сонливость не то чтобы исчезла совсем, но убавилась, прогулки по дому и парку меньше утомляли, а наоборот, способствовали размышлениям, как это сделать эффектнее. Незаметно для себя он так увлекся этим занятием, что дела государства, ждущие неотложных

решений, все чаще отодвигал в сторону, сбрасывая заботы в министерства на их усмотрение. А там, понятное дело, боялись пошевелиться без указания сверху, и поэтому ничего не происходило в стране три недели.

Про свой же гарем, поскольку уже решено, как с ним поступить, Сталин практически забыл. Зато каждую ночь вызывал Берия с отчетом за прошедший день. Приходилось самому вникать во все мелочи, потому что детали вождю, если он не спрашивал, не сообщали. Слова «гарем» хозяин не употреблял и, во избежание утечки информации, стал говорить «делегация». В узком кругу исполнителей задания все, кто по долгу службы был назначен провести эту операцию, заменили слово «гарем» на слово «делегация». Предложение Молотова назвать это «визитом дружбы» не прижилось.

Сталинский лозунг «Кадры решают всё» приобрел новый смысл на данном этапе международных отношений. Работа кипела. Местные органы безопасности по всей стране получили приказ под грифом «Совершенно секретно» немедленно обеспечить поставку в Москву соответствующих кадров «для выдвижения товарищей женщин определенного возраста на работу в специальных советских учреждениях за границей». Среди работников спецслужб поползли будоражащие воображение слухи, что дочерей сотрудников аппарата внутренних дел на местах будут отбирать в первую очередь. Для чего данная операция производилась на самом деле, никто, кроме высшего руководства не знал, а спрашивать не положено.

Агенты в штатском двинулись по средним школам, делая пометки о высмотренных в классах симпатичных ученицах, которых потом, проверив родственников до седьмого колена, вызывали куда надо для собеседования с подпиской о неразглашении. В ряд городов, чтобы курировать работу на местах, выехали сотрудники из центра с личными устными поручениями главы ведомства Берия. Молодые чекисты прогуливались возле кино и клубов, отзывая в сторону подходящих девушек и знакомясь с ними. Их приводили на собеседование, проверяли документы и либо отпускали, либо увозили в Москву. Возрастной ценз соблюдался строго.

Указания арестовывать недовольных родителей пока не поступило, хотя на практике имели место скандалы. В общих чертах семьям сообщали, что девочек отправляют на комсомольские сборы в столицу. Тем более, что, действительно, большей частью задержанные оказывались по разным причинам непригодными, и их возвращали домой.

Берия держал в руках все нити. За три недели он заметно устал. Среди его подчиненных ослабилась дисциплина. Расстрелы в подвалах Лубянки из-за отсутствия подписи на списках стали откладывать. Берия потерял сон и на какой-то период аппетит, всякую минуту ожидая звонка с вопросами или вызова на ковер.

— Сколько кандидаток на сегодня отобрано? — едва Берия появлялся, спрашивал хозяин, не дав ему присесть.

Берия вытирал ладонью затылок и называл цифру:

— На сегодня, как мне доложили, привезено к нам около трехсот. Число непрерывно растет.

— А стопроцентные кадры среди них уже есть?

— В достатке. Делаем все возможное, чтобы выполнить задание и подготовить делегацию в кратчайший срок. — Берия усмехнулся. — Органы безопасности — на стахановской вахте.

— Между прочим, — хозяин слегка приподнял кулак и разжал пальцы, будто пойманную муху выпускал, — тайное может стать явным. Какой-нибудь западный шелкопер пронюхает у шейха детали, и буржуазные голоса начнут клеветать на товарища Сталина. Так что марксистскую теоретическую базу под это тоже следует подвести заранее. Мало ли как сложится...

Тут требуется отступление. Через двадцать пять лет бывший директор Института Маркса-Энгельса-Ленина Шадлин, тот самый, который написал историческую справку о звании генералиссимуса, рассказал мне, как в начале сентября 1945 года его вызвали в ЦК. Там ему сообщили о необходимости срочного создания философского труда о новой науке — гаремоведении. Товарищ Сталин будет ее основоположником. Шадлин похвастался мне, что назва-

ние науки предложил академик. Книга должна была называться «Марксизм и вопросы гаремоведения».

— Труд-то написали? — спросил я.

— В заданный срок.

— И как Сталин к этому отнесся? Вас к нему допустили?

— Нет, до такой чести не дошло.

— О чем же книга, если не секрет?

— Конечно, секрет! — глаза у Шадлина заслезились. —

Вся история и обоснование проблемы для советских людей... То есть, само собой, новая привилегия для партийного аппарата. Я даже подумал, и мне кое-что перепадет. Мы стали подводить историческую базу. Как некоторым известно, гарем по-арабски «харам», то есть неприкосновенное, запретное место. В том смысле запретное, что в эту часть богатого дома, где жили жены и наложницы хозяина, мужчинам входить нельзя. Евнухи тщательно следили и, пронюхав, доносили тотчас. В арабских странах это — элементарная часть жизни. В Турции, например, многоженство запретили в 1926 году, но оно и по сей день тихо процветает.

— Чего же особенного? — вставил я. — Традиция восточная, но в России тоже вполне хорошо существовала. Помещики держали гарем из крепостных девушек, и все были довольны. Например...

— Не надо примеров! — перебил меня Шадлин. — Общность жен как приятную перспективу будущего заложили в «Коммунистический манифест» Маркс и Энгельс, это известно. Я доказал полезность гаремов для советского государства и процветания нашего народа, особенно в связи с последствиями войны. Вместо слова «гарем» мы в институте предложили термин «ячейка коммунистического быта». Но когда Сталину доложили о наших теоретических разработках, он поморщился. Мне передали, что вождь сказал так: «В гаремоведении имеются кое-какие коммунистические идеи. Но также мелькают пережитки старого. И наука может оказаться мелкобуржуазной. Кроме того, ударная работа в гаремах отвлекала бы советских граждан от ударной работы на заводах и полях».

— И дело кончилось? — спросил я.

— Сразу, едва дописал, рукопись у меня забрали. Забрали, так сказать, вместе со мной. Обыски провели дома и в институте, чтобы чего не осталось. А меня в лагерь на восемь лет.

Тут, аккуратно излагая, несмотря на гриф строгой секретности, рассуждения сталинского соавтора, расслабившегося после трех рюмок водки, я позволю себе поделиться собственным гаремным опытом, хотя предвижу, что читателю этот мемуар может показаться лишним.

В моей последней юности, по окончании филфака в Москве, я попал в ссылку (она тогда называлась «распределением»), в Казахстан. В поселке посреди пустыни Кара-Кум отработывал учителем в школе рабочей молодежи и был одно время завучем, то есть, по местной терминологии, «начальником». Все они в округе жили с тремя женами, и мой директор школы тоже. Старшая пасла в степи верблюдов, младшая, вчерашняя школьница, рожала детей, а средняя за ними ухаживала. И секретарь райкома партии, и начальник милиции, и районный кагебешник, грозивший, что сообщит про мои анекдоты, если я ему не подарю фотоаппарат, — все имели по три жены. По три жены, официально зарегистрированных. Оформлялось это просто. Начальник милиции за установленную мзду делал для регистрации брака с каждой новой женой новый паспорт.

На втором этаже кирпичного здания возле железнодорожной станции располагалась моя школа рабочей молодежи, а на первом — семилетка. Туда районные хозяева иногда приходили с инспекцией, сидели на уроках в последнем ряду. Учительницы от страха заикались, а гости были заняты тем, что заранее высматривали для себя тринадцатилетних девочек. Те и не подозревали, что уже помечены в жены. Изредка приглашая в гости, директор школы меня стыдил:

— Ай-яй-яй! Не как все живешь... Так нельзя! У тебя — ни одной жены, а надо трех, хотя сразу не обязательно.

Знал ли такие вещи Сталин? Наверное, знал о том, что происходит внизу.

К счастью, вскоре я удрал оттуда и вернулся в Москву.

В Америке, где вождь не был, а я живу, такой многоженный семейный аппарат официально запрещен. Но у мормонов в отдаленных техасских деревнях (и не в одних техасских) один мужик обслуживает всю деревню, и называется петухом. Тамошних женщин это вполне устраивает. Полиция не появляется, местные власти закрывают глаза, чтобы не потерять голоса избирателей.

Сегодня гаремов в мире стало меньше, но, вообще-то, вовсе не в результате уравнивания женщин в правах, массовой феминистской пропаганды и прочего, как некоторые думают. Совершилось это благодаря техническим достижениям человечества: автомобилю, самолету, телефону и — идеальному для полигамии интернету. Идея гарема трансформировалась. Любовь становится (как бы выразиться точнее?) полифонической.

Один мой знакомый компьютерщик живет в Атланте, а его подруга — в двух часах лёта, в Питтсбурге. Это его главная на данный момент подруга, или старшая жена. Летает он к ней раз в месяц на уикенд. Еще ездит в соседний маленький городок Мариетта. Там у него другая жена с двумя не его детьми, а общее количество его женщин колеблется от шестнадцати до двадцати. Они разной к нему географической и душевной приближенности. Он собирается купить дешевенький самолет для сокращения расстояний внутри гарема. Русские эмигранты, осевшие в Америке, у которых связи по бизнесу в Петербурге, Новосибирске, Германии или Польше, месяцами живут в каждом из этих мест, и в каждом у них свито гнездо.

Постепенно, с ростом цивилизации, стало проще держать гарем в виде записной книжки. На практике у немцев это сформулировано в поговорочке «In eiden Kleinstadt eines Mädtdchen»*. Жен в компьютере можно зашифровать, включив имя внутрь шифра, но так, чтобы основная жена, глянув в компьютер, ни о чем не догадалась. Такая практика

*«В каждом городке по девушке» (немецк.)

универсальна и имеет место во всех странах без исключения от диких до цивилизованных.

Возвращаюсь... В сентябре 45-го в Москве заманчивые политические соображения Сталина превалировали над сексом. Берия привез на Ближнюю дачу пачку фотографий и разложил их рядами на длинном столе, за которым обычно заседало Политбюро. Сталин надел очки и, бредя вдоль стола, их разглядывал. Фото были в фас, в профиль и еще во весь рост, по размеру одинаковые, напоминавшие тюремные.

— Вижу, есть, на что поглядеть, — хозяин брал в руки фотографии одну за другой. — Все на вкус Берии, а? Сколько их?

— Из трехсот пятидесяти отобрали двадцать девять лучших.

— Где вы их взяли?

— Искали по всей стране, — гордо сказал Берия. — Я сам проверял каждую.

— Не сомневаюсь, — хозяин покровительственно положил руку ему на плечо. — Но почему брали мало девочек из детских домов, чтобы не было родителей?

— Брали, но... Там плохое питание, оно не способствовало формированию...

Сталин перебил:

— Отобранные говорят по-арабски?

— Это учитывали.

— Надо семь штук.

— Семь? Ведь раньше решили — восемь...

— Семь. Всех остальных отправьте немедленно по домам.

— Как?!

— А так! — хозяин швырнул пачку фотографий на стол. — Начинайте обучение. Хорошие манеры, танец живота, в общем, все, что положено... Пускай привыкают носить паранджу. Лично буду проверять...

Он интересовался, чему их обучают, обеспечено ли тканями ателье ЦК, где им шили одежду, посоветовал привозить лучших балерин из Большого театра учить девочек танцевать.

— Петь они умеют? — спросил он.

— Нет, петь еще не учили, — признался Берия.

— Почему? Мне, что ли, учить их «Шаво мерцхало»* петь?

— Научим! — заверил Берия. — Я сам этим займусь. Подготовка их в качестве разведчиц идет по полной программе. Радио, шифровальное искусство, стрельба в тире. Самых опытных наших шпионов-пенсионеров привлекли.

Когда работа подходила к концу, Сталин отправился в разведшколу под Москвой проверить кадры лично. Семейных построили в учебном классе и велели ждать. Хозяин приказал свите остаться за дверью. Каждой девочке откидывал паранджу, заглядывал в глаза, одну ласково потрепал по щеке. Не забрать ли ее к себе?

Спать с женщинами ему меньше теперь хотелось. Но смотреть, как они раздеваются, любил. Что-то в этом было настоящее мужское. А главное, если не давать распоряжения приводить к себе некоторых, подлецы в окружении станут думать, что я стал импотентом. Нет, женщины необходимы не только эстетически, не только для поддержания тонуса, но и политически.

Сталин вышел в коридор и, оглядев напряженно-бледные лица команды, его ожидавшей, прошел мимо, прямо к машине. Телохранители мгновенно прилипли к нему, создав полукруг. Покусай преданно задышал в левое ухо хозяина. Подбежавшему Берии Сталин пробурчал:

— Думаю, до отправки недалеко. Ты мне вот что скажи. Готова ли восьмая?

Он провел ногтем по крыше автомобиля, будто подчеркнул имя. Берия ответил мгновенно:

— Мавра? Конечно, тоже подготовлена. На всякий случай — отдельно, она ведь давно в другой спецшколе. Она тебе нужна?

*«Черная ласточка» — народная грузинская песня, которую в застолье пел Сталин

— Что значит «мне нужна»? Сколько раз я говорил, что мне лично ничего не нужно, это государственные интересы. Привезите Мавру вечером ко мне.

Засмеялся, но внутри, невидимым смехом, и, пригнув голову, забрался в машину. Берия услужливо прикрыл за хозяином дверцу и махнул рукой охране, чтобы трогались.

Мавру Сталин вспомнил не случайно. Осенью 41-го года, испуганный обманом Гитлера, войска которого быстро двигались к Москве, советский вождь начал прощупывать почву, надеясь с фюрером тайно встретиться, пойти на уступки, отдать часть территории, лишь бы сохранить власть. Разведка попыталась использовать для этого Болгарию, но не получилось. А немцы уже прошли до калмыцких степей. 20 февраля 1942 года представители Госбезопасности и Гестапо встретились и вместе договаривались о выходе из войны. Планировали совместное уничтожение евреев и борьбу против Англии и США. Сталин на расстоянии диктовал слишком жирные условия для себя. Немцев они рассердили, и все сорвалось.

Потом поступила новость, повергшая Сталина в шок. Немецкие альпинисты поставили фашистский флаг на вершине Эльбруса! Обида и гнев смешались в сознании, требовали выхода. Красная армия беспомощна и отступает, остановить всю эту вакханалию можно, если рассчитаться с Гитлером полностью, то есть уничтожить его самого. Огромный аппарат готов для специальных акций: бомбы, яды, кадры, — о чем они думают?

Именно тогда Берия, хитрая лиса, предложил использовать кадры комсомолок для разведработы и специальных мероприятий у врага.

— А детей нельзя? — спросил Сталин.

— Зачем детей?

— Гитлер любит детей. Что если девочка на параде поднесет ему букет? Фюреру крышка. Очень эффектный конец! На всякий случай готовьтесь. Выясняйте места, где планируются встречи Гитлера с народом. Попытка — не пытка.

Подходящую девочку двенадцати лет нашли в детдоме деревни Бесова Гора на Волге. Славненькая мордашка. Отчаянный, по рассказам воспитателей, ее характер стал решающим качеством для отбора. Мавра Бесова — подкидыш, без отца и матери (она-то знала, что это вранье, но так было лучше). Мавра плавала через Волгу в ледяной воде, туда и обратно. Два раза тонула, ее сетью вытаскивали рыбаки. Фанатичная пионерка, отличница, память хоть куда, немецкий язык в элементарных школьных рамках выучен. Проверка прошлого ничего не дала: подкинули Мавру на крыльцо детдома новорожденной. Привезли ее довоспитывать на спецобъект под Москвой.

В операцию с отравлением Гитлера Сталин, конечно, не верил. Он уже давно решил, что приказа осуществить операцию не даст, но никто из участников об этом не догадывался. Дело вовсе не в слабости людей в разведке, ему преданных. Он поступал, каждый раз взвесив возникшие обстоятельства с максимальной рациональностью. Война с немцами продолжалась, и подготовка к покушению на Гитлера велась под личным ежедневным (а точнее, еженощным) контролем Сталина.

Разработали верный вариант проникновения в логово врага, но хозяин отменил акцию. А тогда, спрашивается, зачем все затевалось? Зачем тратились силы разведки — употребить бы их с реальной пользой?

Сталина интересовали возможности. Какими путями и каким ядом отравить фюрера? Не цели (их-то все понимают), а именно возможности, абсолютно все возможности — мыслимые и немыслимые. Он вникал во все технические мелочи, к нему доставлялись как организаторы, так и потенциальные исполнители. Какие средства? Химические, биологические, чисто медицинские, просто бытовые... А также способы доставки средств к субъекту — все варианты он лично обсуждал со специалистами.

Хозяин их так нацелил на Гитлера, что никому и в голову не приходило чего-либо еще. Ведь делалось все для того, чтобы ничего такого здесь сделать было нельзя, — то есть для собственной защиты вождя.

— Все идеи глупые, — сухо подвел тогда итоги Сталин. — Кстати, где именно в Москве выращивают цветы для правительства? Кто в оранжерее работает? Какая там охрана?

В тот же день он распорядился тщательно проверять букеты и все родственные связи детей, которые побегут к вождю с цветами во время первомайской демонстрации.

В руках госбезопасности Мавра росла и хорошела. Пару раз Сталину докладывали, что, начав с подготовки отравления Гитлера, ее тренировали для последующих операций. В запасе был заброс в порты арабских стран для организации взрывов по команде из Москвы. Берия намекал на Маврины прелести. И вот Сталин изъявил желание увидеть ее, имея в виду, что у нее будет совсем другая миссия.

Привезли Мавру на Ближнюю дачу, оставили в прихожей одну, велели ждать. Никто ею не руководил, никто не звал. Заминка какая-то произошла или недоразумение, и девушка отворила дверь сама. Сталин обратил взор на открытую дверь и произнес:

— Мавра? Заходи, гостьей будешь...

Она стояла посреди комнаты в темно-синем костюмчике, на груди золотая брошка в виде жучка с сетчатыми крылышками — тайный подарок Берии. Точеное личико с черными глазами. Почти белые волосы туго скручены на затылке в узел, будто виски тянут назад. Созрела рано. А походочка поставлена чекистским экспертом. При каждом шаге верхняя часть тела совершает движение назад, в то время нижняя — подвижку вперед, как на шарнире. То есть верх и низ в разные стороны. Попробуйте, но ничего у вас не получится. Профессиональные модельерши сегодня это могут, а тогда — одна Мавра. Видно, у нее от природы гибкость тела. Есть женщины в русских селеньях, готовые на все, и не в русских тоже. Немало находилось любителей в погонах заполучить такой дар судьбы хотя бы во временное пользование.

Вдруг она бросилась на колени, лбом в пол, пришлось хозяину взять ее за руки и поднять. Сталин увидел перед собой преданное существо.

— Смотрю я на тебя, Мавра, и думаю, что ты с годами лучше становишься, — это был комплимент. — Тебе сколько сейчас?

— Пятнадцать уже давно...

— Хорошая предстоит поездка, на юг. Жарко там. То, чем будешь заниматься, — он погладил ее по голове, — не любовь, а работа. Коллектив крепкий, молодежь, но надо за ними зорко присматривать. Мы решили сделать тебя старшей женой. Главное, чтобы ты была всегда в курсе всех их дел и дел еще одного человека. Его зовут шейх Ахмет. Хочешь стать героем Советского Союза? Поедешь с группой в качестве старшей жены. Надо шейху понравиться. Сильно понравиться, поняла?

Она продолжала смотреть на него, почти не моргая.

— Чего тебе дальше делать, получишь указания. Почему молчишь?

— Слушаю и все запоминаю, — сказала она. — Все сделаю, как вы велите.

— А тебе известно, кто такая святая Мавра? — вдруг спросил он.

— Откуда ж мне знать?

— Ты что? Некрещеная?

Страх сковывал ее, она покачала головой, прошептала:

— Молока у матери не было, она разыскала детдом, положила меня на крыльцо, постучала в дверь, а сама убежала. Про это я уж потом от воспитательницы услышала. Маврой Бесовой меня в детдоме записали.

Сталину про нее уже было доложено, но, услышав из первых уст, он сделал вид, что удивился. Между тем, всю правду о ней он не знал.

— Значит, Мавра?.. — вспоминая свое медленно проговорил Сталин. — Меня про жизнь Святой Мавры в семинарии зубрить заставляли. В Тифлисе. Мне тоже было пятнадцать, и до сих пор держу в голове. Мавра за христианскую веру пострадала. В Египте, в третьем веке нашей эры. Император Диоклетиан христианство запретил, а муж Мавры Тимофей в церкви служил, книги переписывал, и на него донесли.

Он погладил рукой диванную подушку, приглашая Мавру сесть рядом. Она осторожно присела, сжав руками колени.

— Тимофея пытали, хотели узнать, где он христианские книги спрятал. Раскалили докрасна два железных стержня и вставили ему в уши. От жара глаза у него вытекли, а он страдал ради веры и молчал. Тогда его ногами вверх повесили, в рот забили кусок дерева и камень привязали к шее.

Сталин испытующе смотрел на Мавру. Ни один мускул ее не шевельнулся, разве глаза чуть увлажнились.

— Выяснили, что у Тимофея есть жена, с которой он двадцать дней назад обвенчался, и ее притащили на площадь. Мавра попросила вынуть у него изо рта деревяшку, и он ей сказал: «Не бойся пострадать за веру и за Бога!» Мавра ему ответила: «Я готова умереть с тобой!» Ей оторвали волосы, пальцы на руках отрубили, а она спасибо им говорила, что дали возможность терпеть муки за веру. Тогда бросили Мавру в котел с кипящей водой, а потом Тимофея и Мавру распяли на крестах. Девять дней висели они напротив друг друга...

Вождь сжал плечо Мавры так, что стало ей больно, но она виду не подала, и он это оценил. Спросил, глядя на нее пристально:

— А ты, Маврушка, готова умереть за родину? Любишь товарища Сталина?

Она растерянно улыбалась, боясь поднять глаза на божество. Делала то, чего нельзя. То и дело поправляла то юбку, то брошку.

— Знаю, что готова! — сам ответил он. — Ну, теперь не стесняйся... Поди в спальню...

Если б у Сталина был преданный и честный биограф, он бы записал страшную государственную тайну: «13 сентября 1945 года товарищ Сталин последний раз в своей жизни имел женщину».

Начальник гарема

Кремль — Лубянка.
Пятница 14 сентября 1945

Со своей поездкой в Кувейт Сталин хитрил. Лежал на диване и размышлял. Вот бы там побывать так же тайно, как шейх Ахмет посетил Москву! Сперва не хотел говорить даже близкому окружению. Потом, якобы во избежание слухов, стал поездку доверительно обсуждать с каждым из приближенных по отдельности, велел тому держать информацию в тайне от других, и быть готовым, если понадобится, отправиться вместе с ним.

Сперва он сообщил, что полетит на самолете, сделав вид, будто забыл о сочиненном им самим запрете высшим лицам государства летать. Потом решил ехать поездом, поскольку это привычнее. Долго изучал карту и установил, что поездом из Москвы в Кувейт не проехать. Оставалось плыть, но в открытом море корабль мог стать уязвимой мишенью.

Он как никто умел проигрывать ситуации в уме до мельчайших деталей. Осуществить им задуманное оставалось делом техники. Но появилась возможность очередной проверки надежности своих кадров. Не возникнет ли какого-нибудь сговора к моменту его отсутствия? Мало ли что взбредет безумцам в голову...

Окруженцы встревожились, услышав, что вождь лично собирается на Ближний Восток. Тема гарема не возникала. Визит ответный, политически важный, но как же мы будем без хозяина? Это Сталина успокоило. Ведь на самом деле ехать он никуда не собирался, лишь испытывал узкий круг подчиненных.

Короче говоря, секретарь Поскребышев получил указание готовить двойника.

Привезли одного из группы двойников, которого хозяин считал наиболее подходящим. Он уже побывал вместо вождя на нескольких приемах, и все прошло хорошо. Улыбаясь про себя, Сталин начал давать ему инструкции. Как себя вести, какие принимать позы, где держать руки, что и как произносить в беседах с шейхом. Для правильных цитат двойник выучил наизусть ряд докладов вождя. Актер вслух восхищался вождем как талантливым режиссером.

Но возник, хотя и запоздало, препон. Ведь шейх достаточно близко общался с оригиналом и догадается. К тому же, поездка-то за границу! Мало ли чего пронюхают чужие разведки. Одно дело, двойник утром на мавзолее, когда оригинал дома спит, и совсем другое в данном случае. Пришлось от двойника отказаться.

Приехав с утра в Кремль, Сталин вдруг отложил все другие заботы. Он любил предпринимать неожиданные шаги, застающие подчиненных врасплох. Поскребышеву, пригнувшему шею навстречу хозяину, велел:

— Принеси мне два мандарина.

Тут же позвонил Берии и сказал коротко:

— Слушай, я хочу в тюрьму...

В трубке раздался кашель, воцарилась пауза. Наконец Берия сообразил, справился со своими эмоциями, тихо спросил:

— В какую и когда?

— К тебе на Лубянку, — буркнул Сталин. — Жди гостя!

Бросил трубку. Надел маршальскую фуражку и вызвал из комнаты охраны Тимофея Покусая. Когда тот вытянулся по струнке, сказал:

— Пойдешь со мной, — а Поскребышеву прибавил: — Веди нас на Лубянку.

Поскребышев шагал, наклонив лоб, на расстоянии двух шагов перед хозяином. Позади неотступно следовал Покусай. Все двинулись к лестнице, ведущей в подвал. Поскребышев уже громыхал ключами, которые всегда носил с со-

бой в заднем кармане брюк. Вдвоем с Покусаем они открыли заскорузлое колесо и оттащили скрипучую железную дверь.

Сталин давно сюда не спускался. По тоннелю с двумя рядами синеватых огней шаркал по асфальту. Сырость и духота липли со всех сторон.

— Подождем пару минут, сейчас вам подадут машину, — умолял Поскребышев.

Но хозяин не слушал, шагал в споре с самим собой, что пройдет сам этот пятнадцатиминутный кусок тоннеля из Кремля до Лубянки.

Вдруг тоннель раздвоился. Сталин вопросительно глянул на Поскребышева.

— Вправо — на Старую площадь уходит, в ЦК, — сказал тот. — Вам влево.

— Налево пойдешь — Лубянку найдешь, — пошутил Сталин и устало побрел дальше.

Вдали замаячили две фары, шум мотора приближался, машина остановилась, из нее выскочили трое. Всякое может быть... Сталин замер, отступил к стене, покрытой плесенью.

— Небось Берия с двумя охранниками, — предположил Поскребышев. — Пронюхали суки, что вы к ним — по тоннелю...

Берия, взволнованный и широко улыбающийся, почти бежал навстречу.

— Зачем же пешком, гость дорогой? Я как почувствовал — на машине за тобой. Что-нибудь случилось?

Сталин молчал, чтобы глава Лубянки понервничал. Автомобиль с трудом развернулся, въехав в нишу, в которой осветил паутину проводов. Гость сел в машину сзади, Берия впереди. Его охранники помчались следом, дыша выхлопными газами. Через пару минут выкатились на освещенную площадку, где по краям топтались солдаты с винтовками. Личная сталинская охрана во главе с Власиком уже была здесь, контролируя все входы и выходы. Подбежавший лейтенант открыл Сталину заднюю дверцу машины, щелкнул

каблуками и намертво застыл, отдавая честь. Берия выбрался с переднего сиденья.

— Вот сюда, в лифт, — рукой он указал гостю направление. — Может быть, на третий этаж, ко мне в кабинет?

— Я же сказал — в тюрьму.

— Понятно! Тогда к начальнику тюрьмы.

В лифт вошли четверо. Покусай следовал тенью, будто прилип к хозяину, за ними Поскребышев и Берия. Когда лифт тронулся, Берия услышал вопрос.

— Ты подумал, кто будет руководить нашей, так сказать, делегацией в Кувейт?

— Вы, товарищ Сталин, — уверенно ответил Берия. — Кто же еще?

— Ты имеешь в виду общее руководство. А кто конкретно будет сопровождать группу? Я подумал и решил послать арабиста Перочинского. Знающий свое дело специалист.

— Перочинского? Но он еще болен после профилактического лечения!

— Больным вы смогли его сделать, а здоровым — не можете? Я пришел навестить его.

— Он же сознался в связях с английской разведкой!

— Вот это мы у него сейчас спросим...

Лифт замер на пятом этаже под землей. Гостя встречали. Лампочки довольно тусклые, но видно, что лица у всех испуганы. Берия дал команду начальнику тюрьмы, тот растерянно закивал головой и засеменял по коридору чуть впереди, указывая дорогу.

Возле камеры с номером 362 ждали. Подбежал толстый солдат с ключами, глянул в глазок, отпер и распахнул железную дверь. Прижавшись к ней, солдат вытянулся и перестал дышать. Сталин отодвинул в сторону Берия и вошел. Остальные в нерешительности застыли в железном проеме.

В полутьме у потолка лампочка. Кто-нибудь обязательно написал бы «засиженная мухами», но это чушь, потому что мухам тут не выжить. Глаза Сталина скользнули по серой стене и переместились к койке. На ней лежал на спине че-

ловек, непонятно, живой или нет. Вошедший приблизился и заботливо коснулся его.

Лежащий от прикосновения вздрогнул.

— Как вы себя чувствуете, товарищ Перочинский?

— Хорошо, гражданин следовательно, — едва подняв веки, пролепетал тот и снова закрыл глаза.

Он не узнал гостя. Берия возмутился, из дверного проема крикнул:

— Перед тобой товарищ Сталин! Встать!

— Тише, тише, — поморщился хозяин.

Перочинский опять приоткрыл веки, но совершенно не удивившись, будто вождь явился ему во сне, прошепелявил:

— Трудимся на благо родины.

Другого ответа хозяин и не ждал. Он редко появлялся на Лубянке, в основном, когда ему хотелось навестить своих врагов — не из мести, не по злорадству, а исключительно, чтобы услышать от них слово покаяния. Все они отвечали то же самое.

— Разве у вас были связи с английской разведкой?

Только теперь в глазах Перочинского возник ужас.

— Я был уверен, что это клевета, — ласково сказал Сталин. — Что конкретно у вас болит?

— Всё! Кровь у меня в моче.

— Разве вас били?

— Да! То есть, нет-нет... Меня лечили... Уколами... Я хочу скорей... Помогите мне, пожалуйста, умереть...

— Не надо спешить. Больше уколов не будет. Это я гарантирую. Выясним, кто конкретно шил вам дело, и накажем за самодурство.

Увиденное огорчило Сталина. Перочинский не в лучших кондициях. От задуманного участия арабиста в делегации к шейху приходится отказаться. Хозяин постоял еще немного, в размышлении глядя на серое лицо переводчика, вспомнил:

— Вам надо больше витаминов. Вот попробуйте, товарищ Перочинский, не стесняйтесь. Это свежие фрукты из Грузии...

С этими словами гость вынул из кармана два мандарина и положил в изголовье. Потом еще подумал, поднял один мандарин, расщепил корку, очистил, отбросив шкурку в угол, оторвал одну дольку и прикоснулся ею к губам Перочинского. Тот приоткрыл рот, и Сталин протолкнул дольку внутрь. Глаза у арабиста опять широко открылись. Сталин понял, усмехнувшись краешком губ, отчего усы качнулись вправо.

— Кушайте смело, — пробормотал он, — не отравлено. Я сам его ем.

Вождь тоже проглотил дольку мандарина, положил остаток рядом с целым, повернулся и шагнул к ожидавшим его в дверях людям. Громыкнула затворяемая железная дверь.

— Душно здесь, — он повернул голову к Берии. — Надо сделать вентиляцию. Где лифт? Поедем на крышу, надо поговорить.

Крыша главного здания Лубянки, со стороны площади похожая на верхний этаж без окон, внутри представляет собой обширную площадку, которая по гуманному законодательству используется как двор для кратковременных прогулок заключенных из тюрьмы в подвале. Перед визитом хозяина двор быстро вымыли и вылизали.

Выйдя из лифта и пройдя несколько шагов, Сталин остановился в центре, постучал подошвой по бетонному полу, проверяя его прочность. Он огляделся вокруг, достал из кармана трубку, пошевелил табак, раскурил. Он любил эту крышу. Ему нравилось здесь бывать. Паришь над Москвой, в самом ее центре, близко к облакам и при этом в безопасности толстых кирпичных стен.

А те, кому положено, суетились вовсю. Уже и кресло приехало — старинное, затянутое золотой парчой, с резными подлокотниками, похожее на трон, — из какого дворца попало оно сюда и где в кладовке держат его наготове для такого случая? Вот оно ошупано со всех сторон и подставлено двумя охранниками к гостю вплотную, а именно к той части его тела, на которую он сейчас в кресло опустится. Поскребышев придерживает спинку кресла.

Лубяночные начальники расположились перед креслом полукругом, радиус невидимо отмерен так, чтобы запах табака достигал их носов. Все не дыша, по стойке смирно. Берия чуть впереди остальных, и поза чуть вольнее. Никого не должно быть сзади — товарищ Сталин этого не любит. Сзади его личные охранники. Они знают, где им в каждый данный момент лучше располагаться.

Крыша замерла в ожидании. Сталин сел в кресло, молча курил. Он чувствовал, когда надо пошутить, чтобы снять напряжение у подчиненных, ждущих расправы.

— Как вы думаете, — прищурившись, спросил он, — обеспечивает Лубянка полный контроль над страной, как того требуют партия и правительство?

Никто не ответил, но лица у всех напряглись. Он продолжал:

— Мне кажется, не полностью обеспечивает. Вот посмотрите на птиц. Они сюда залетают и опять улетают, когда заблагорассудится.

Некоторые генералы заулыбались, но немногие. Берия смело предложил:

— Сделаем над этим двором решетку, товарищ Сталин, и ни одна птица сюда не залетит!

Хозяин смотрел на небо, пытаясь уловить направление движения облаков, и конструктивную идею игнорировал.

— Жаль, что арабист Перочинский болен, — сказал он. — Кого мы пошлем в Кувейт к шейху в качестве главы нашей делегации? Кто из руководства Лубянки хочет стать добровольцем?

Ожидая предложений, Сталин обвел глазами орденосный полукруг генералов. Но собравшиеся застыли в некоем гипнозе, поедая глазами хозяина. Он выдержал паузу и оглянулся. Телохранители рассредоточились по площадке и в данный момент зорко следили за генералами. Вождь еще помолчал, ища правильное решение, которое всегда давалось ему нелегко.

— Тимофей! — поманил он своего любимого конопатого охранника.

Телохранитель Покусай, прежде чем переместиться с определенного ему наблюдательного поста, глянул на Вла-сика, тот едва заметно моргнул. Тимофей подбежал и замер в двух шагах перед вождем. Сталин обеими руками поманил его ближе к себе, взяв за могучие локти, велел опуститься на корточки, посмотрел в глаза. Далеко не все могли это выдержать, но ни один мускул не шевельнулся на лице Покусая, и ничего, кроме преданности, не читалось в собачьих глазах его. Видно, и вправду легенда в голове Сталина прочно засела, и к Мавре он присоединил Тимофея. Вот откуда возникло доверие в этот раз. Но не только.

Теперь, много лет спустя, Покусай по пьяной признался мне, что хозяин стал вызывать его персонально для особых щекотливых поручений, когда нужно было срочно, незаметно, без ведома лубянского начальства убрать мешающего человека или с кем-то немедленно, чтобы успокоить нервы, свести счеты.

— Я был исполнительным на сто процентов, — не без хвастовства рассказывал мне он.

Во второй половине дня вождь вернулся в Кремль и приказал собрать Политбюро.

— А сам-то едешь, товарищ Сталин? — неосторожно спросил, входя в зал заседаний, нарком иностранных дел Молотов.

— Ты что, с луны свалился? — хозяин глянул на него подозрительно. — Кто-то распространяет враждебные слухи, что товарищ Сталин собирается в Кувейт. Нет ничего глупее этих буржуазных домыслов.

— Как же обстоит дело с руководством делегации? — спросил Молотов. — Начальник назначен?

— Еще нет, — сказал Сталин, — но он есть. С утра на Лубянке мы решили, что сопровождать поручим молодому, энергичному человеку из нашей охраны. Давайте его сюда!

Власик вышел из комнаты и ввел, подталкивая в спину, Тимофея Покусая. В темно-синем костюме и при галстукe, свернувшимся слегка набок, он пятерней зачесал

назад волосы и остановился у длинного стола, крытого зеленым сукном.

— Да наш, из охраны, но... — Молотов задумчиво оглядел Покусяя, — молодой да еще энергичный... Не опасно?

— Что ты имеешь в виду? — не понял Сталин.

— Ведь если при гареме, то он должен быть евнухом.

— Нет проблемы, — тотчас среагировал Берия, — кастрируем. Это даст нам гарантию, что все будет в порядке.

— Интересное предложение, — ухмыльнулся Сталин. — Кастрировать надо бы всех, начиная с начальника охраны Власика и секретаря Поскребышева.

— Замечательная идея! — воскликнул Берия.

— Не суетись, — заметил хозяин. — А то начнем с тебя.

Сталин подошел, сжал Покусяю плечо.

— Хмм... кастрировать?.. Мы не будем этого делать, Покусай. Партия тебе доверяет.

«Боже, пугай нас, но не наказывай!» — произнес про себя Тимофей.

Рейс государственной важности

Станция «Москва-Сортировочная» — порт Одесса
— порт Эль-Кувейт.

Понедельник 17 сентября — понедельник 1 октября 1945

Секретный полет из Москвы в Кувейт, как уже говорилось, был отменен, поскольку вождь остался дома. Но теперь для делегации летчиков, охрану, аэродромы для заправки заново спланировали до мельчайших деталей.

— А зачем делегации лететь? — вдруг спросил Сталин, когда ему доложили. Подумал и прибавил: — Пускай плывут.

Самолет заменили на грузопассажирское судно. Оно отправится в Кувейт из одесского порта. Там получили указание приготовить лучшие каюты, которые необходимо изолировать от остальной части корабля. Никто, включая капитана, не должен знать, кого, куда и зачем везут.

Смеркалось, когда дальние запасные пути товарной станции «Москва-Сортировочная», что неподалеку от Киевского вокзала, оцепили спецвойска. Маневровый паровозик с шипением и паром подал к платформе, заросшей в трещинах асфальта травой, два вагона, мягкий и простой. На ступеньках мягкого вагона солдаты с автоматами со всех сторон, охрана. Для нее предназначался второй вагон. Кого им предстояло отпугивать? Тех, кто окажется снаружи вагона, или тех, кто внутри? Как раз в это время из Кремля на Ближнюю дачу выехал Сталин. У него мелькнула мысль самому подъехать к вагону, но ведь он уже послал Берию проводить «товарищей девочек».

Их привезли в служебном автобусе с занавешенными окнами. Берия с охраной молча стоял в сторонке в черных очках и, жуя губы, глядел, как девочки, одна за другой, пу-

таясь в складках черных, до полу одежд и видя мир через узкие щели паранджи, вылезали из автобуса и взбирались по ступенькам в вагон. Чтобы успеть к сроку, одежду для делегации шили днем и ночью.

Последним вывалился из автобуса Тимофей Покусай, тоже одетый в белый дишдаш и коричневую в клеточку гутру на голове. Игаль, плетеный шнур, обтекал его голову. Два человека из охраны преградили Тимофею путь и подвели его к Берии. Тот открыл портфель и вытащил пакет, запечатанный сургучевыми печатями.

— Береги как зеницу ока! — сказал Берия. — Здесь личное послание шейху, от кого — сам понимаешь. Отдашь в руки, а если не сможешь отдать — съешь! Иди...

Охранники расступились. Со ступеньки вагона Покусай оглянулся, слегка втянул голову в плечи. На платформе Берия, скривив в улыбке рот, грозил ему пальцем.

Полчаса спустя, когда уже совсем стемнело, скорый поезд «Москва—Одесса», отошедший от платформы Киевского вокзала, вдруг повернул на запасный путь и резко затормозил. Маневровый паровозик, обдав округу копотью, подтолкнул сзади к составу два дополнительных вагона. Лязгнули сцепки, и через считанные минуты поезд пошел дальше. Автоматчики на ступенях теперь исчезли, они бдили в тамбурах, чтобы ни одна вошь не проскочила из вагона в вагон.

Рассказ мой здесь идет со слов Покусаея. Слушая его, я иногда начинал сомневаться в подлинности всей круговерти событий, но мелкие детали воспоминаний, которые придумать почти невозможно, были убедительны, и оставалось принимать их к сведению, а, коли что непонятно, в недоумении переспрашивать.

Политбюро как всегда мудро предвидело события, и все протекало по плану. Шпионскому мастерству Тимофея обучили по ускоренной программе, специальные задания обещали присылать, а об остальном проинструктировали, мол, бди, день и ночь охраняй, но доставь груз в целостности и сохранности конкретно шейху Ахмету. Как это делать, если

простого пистолета не дали? Да, он владеет всеми приемами борьбы без оружия, но против кого их применять? Какие конкретно данные передавать в шифровках? Поезд громыхал в черноте ночи, Покусай одиноко стоял в коридоре возле открытого окна, протирая глаза от копоты. Мимо прошел проводник в штатском с полотенцем на руке. Задел локтем Тимофея и гавкнул:

— Чего стоишь без толку, сынок? Шел бы спать...

Никогда в жизни не ездил Покусай в мягком вагоне, да еще один в купе. По соседству в четырех отсеках разместили восемь девушек, имена которых он накануне выучил наизусть. Одна из дверей отодвинулась, и пассажирка, укутанная в черное — глаза блестят в прорези паранджи, — приблизилась к Тимофею.

— Чего надо? — строго спросил он.

— Когда ближайшая станция, не знаешь?

— Зачем тебе?

— Телеграмму послать.

— Как звать?

— Мавра.

— Какую еще телеграмму?

Она оглянулась, чтобы убедиться, что, кроме них, никого в коридоре нет, произнесла шепотом:

— Товарищу Сталину.

— Ты в своем уме?

— Шучу. Не хуже тебя знаю, что нельзя, — она испытующе на него глянула. — Вот что, Тимофей... Давай сразу напрямую договоримся, пока не поздно, а то плохо будет и тебе, и мне. Мы оба друг на друга обязаны сообщать, так? Будешь сукой, если мне сейчас соврешь!

Он молчал, набычившись. Поезд гудел, проскакивая без остановки станцию. «Серпухов» — мелькнула плохо освещенная надпись. Мавра скинула с головы паранджу. Встер из окна заполоскал ее волосы, лицо то озарялось мелькающими огнями, то таяло в темноте. К горькому запаху паровозного дыма из окна примешался запах неведомых Покусаю духов. Он протянул руку, пытаясь прикоснуться к ее

носу или щеке безо всякой корысти, только убедиться, что это ангелоподобное создание не от мира сего действительно перед ним, но получил резкий удар под дых.

— Эй, полегче! — рассердился Покусай.

— А ты отвечай, не балуйся!

— Чего отвечать-то? Любой на моем месте тебе все что угодно пообещает. Но из этого еще ничего не следует.

— Берегись! Я тебя предупредила насчет телеграммы. Лучше давай по-хорошему.

Как с ним «по-хорошему», она сама для себя еще не решила.

— Ладно, — согласился он не столько с примитивным шантажом, сколько с логикой старшей жены. — Будь твою...

Она исчезла. Тимофей постоял еще немного, докурил и выбросил папиросу в окно. В купе на красном диване постель уже была расстелена, чай на столике давно остыл. На полу стоял ящик с книгами. Не раздеваясь, Покусай положил голову на подушку, некоторое время слышал под собой мерные удары колес на стыках и выключился.

Утром, как приказали еще в Москве, Покусай постучал в соседние купе и велел всем собраться вместе у старшей жены. Девочки, на этот раз в домашних халатиках, все в одинаковых, выданных им, молча перебежали в купе к Мавре. Поезд тащился по украинским полям. Изредка мелькали за окном хаты, крытые соломой, повалившиеся плетни и одинокие коровы на высохшей траве.

— Чего делать? — спросила Мавра, когда все расселись напротив друг друга.

— Согласно приказу, — отвечал Покусай, в тесноте сжимаясь между ними и спиной опираясь на дверь купе, — утром нам положена политинформация.

Только что проводник принес ему со станции еще пахнущую типографской краской «Правду». Покусай развернул ее, и портрет вождя в маршальской форме на первой странице навис над всеми. Родина требовала от каждого гражданина полной отдачи сил на каждом трудовом посту.

— На каждом! — повысил голос Тимофей. И закончил скороговоркой, вперив зрачки в потолок купе: — Да здравствует вождь и учитель советского народа товарищ Сталин, ура!

Все девочки поднялись и, покачиваясь от тряски поезда, захлопали. Долго хлопали, каждая боялась перестать раньше других. Никогда в жизни с таким количеством красоток Покусай столь близко не находился, поэтому сердце у него пребывало в напряженном состоянии, и не только сердце. На Мавру он поглядывал чаще, чем на других. Черные сливы глазищ ее под длинными ресницами изредка взглядывали на него и отводились в сторону. А полы халатика расползались, открывая коленки, она их не прикрывала.

— Зайди ко мне, — шепнул он ей, когда девочки расходились.

— Это зачем еще?

— Обсудить надо маршрут следования.

— Нельзя обсуждать! — просто ответила она. — И не вздумай...

Действительно, все совершалось без их ведома. Кто-то сверху распоряжался каждым их шагом. Вечером поезд остановили возле станции «Одесса-Товарная» на несколько минут, два вагона отцепили, и остальной состав ушел. Восемь женщин и одного мужчину молчаливые люди в штатском с хмурыми физиономиями, подсвечивая фонариками, погрузили в автобус и в сопровождении охраны доставили в порт.

Еще затемно, едва-едва на востоке порозовело, к стоящему на рейде кораблю «Pogranichnik Karatsupa» причалил пограничный катер. Опустили трап, по которому таинственные пассажиры пробежали на палубу. Никаких таможенных формальностей не потребовалось. Утром безо всякого гудка судно медленно развернулось и вышло в открытое море.

У них была своя палуба, матросы изредка появлялись вдали на корме, с любопытством разглядывая странный живой груз, задрапированный в черные одежды, но охрана

не дремала, и соприкоснуться им не давали. Самому капитану доступ к каютам с девочками перекрыли. За едой ходил Покусай, разливал по мискам, резал хлеб и раздавал каждой по два куска сахару.

А все же то была свобода! Куда и каким путем они плывут, пассажирок почти не занимало. Это тоже была для них тайна, о которой нельзя спрашивать. Зато мир впервые в жизни открылся. Стоять на теплом ветру и глядеть на пенные волны, убегающие назад, можно с утра до ночи. Изредка вдаль появлялись другие корабли и скрывались за горизонтом. А когда подошли к Босфору, взору стали доступны гористые берега — неизвестная жизнь манила и пугала. Где-то внизу круглосуточно ревели дизели, двигая судно вперед. Палуба, полы и койки в каютах вибрировали.

Особых пассажирок не смущало, что Покусай большую часть времени проводит с Маврой. Само собой, начальник должен находиться со старшей женой, с кем же еще? И на палубе, и в каюте. Но они-то оба чувствовали: дело не в вопросах руководства их маленьким коллективом. Нечто между ними возникло, знакомое всему прогрессивному человечеству. И у непрогрессивного такого рода процессы протекают так же, в чем я не раз убеждался на себе.

Дни пролетали быстро, и это произошло после остановки в Порт-Саиде, где они заправлялись углем и питьевой водой. «Pogranichnik Karatsupa» вошел в Суэцкий канал и направился на юг, к Красному морю, когда Тимофей совершил должностное преступление, которое неотступно висело теперь на нем и грозило самыми страшными карами. Жара стояла несусветная, и это все ускорило? Понятное дело, Мавра осталась у него в каюте до утра. Сам он через шесть десятков лет объяснил мне просто:

— Лучше бы мне с ней тогда за борт броситься! А такой дурень, как я, решил дальше жить, на что-то надеясь...

Сперва Покусай считал дни, похожие один на другой, теперь стал считать ночи, ибо ночи стали приятнее дней. «Pogranichnik Karatsupa» медленно, со скоростью 25 узлов в час, продвигался по Красному морю. Тимофей все же пере-

кинулся с матросами парой слов через решетку, отделяющую их отсек. Те предупредили: как минуют Баб-эль-Мандебский пролив, следует ждать неприятностей. Неизвестно откуда появились чекисты, матросов отогнали. И правда, вечером, едва выбрались в Аденский залив, Индийский океан встретил судно жестоким ветром, началась качка. Корабль поднимало и бросало, как игрушку.

Все попрятались от ливня, хлещущего из низких черных туч. Покусай велел девочкам лежать и запер их каюты на ключ. Мавра оставалась у него, но случилось то, чего все ее многоопытные тренеры не предвидели. Сначала ее знобило, потом начало рвать. Он отвинтил запоры и открыл иллюминатор, чтобы пустить в душную каюту чуток свежего воздуха, но вместо этого в отверстие ворвался мутный поток воды, и Покусай еле-еле, навалившись всем телом, иллюминатор задраил.

Шторм бушевал трое суток, до тех пор, пока корабль не зашвырнуло в Персидский залив. Семь тысяч километров позади. Еще сутки, и они будут на месте. Но внешний вид секретного спецгруза, доставляемого шейху Ахмету, от морской болезни изрядно попортился. Поднять их для утренней политинформации не было никакой возможности. Тимофей притащил несколько ведер воды, прополоскал и развесил провонявшую рвотой постель и одежду, вымыл каюты. Дышать стало легче. Мавра все еще лежала плашмя. Он вытащил ее на солнышко, а сам скрылся в каюте.

Там вынул из ящика книгу «О вкусной и здоровой пище», нажал незаметную кнопку у нижнего края корешка, и открылся портативный передатчик. На клочке бумаги начальник гарема зашифровал текст: «Задание выполняем точно в соответствии с приказом командования. Прибываем в пункт назначения. Исполнитель». Простучав послание, Покусай чиркнул спичкой и сжег бумажку.

Утром слева у горизонта тонкой полоской проявился Кувейт. Галдели чайки, своим присутствием намекая, что берег недалеко. Навстречу, подавая гудки, двигались корабли с красными флагами, на которых вблизи становилась

видна арабская вязь. Парусные лодки с нырлящиками за жемчугом раскачивались на волнах.

Девочки приоделись, оживились. Тимофей пересчитывал их, будто боялся потерять. Охрана, отделенная от них, вдруг обнаружила себя и проявляла беспокойство, чтобы чего под конец не вышло.

Солнце сияло. Настроение у Покуся было отвратное. Он успел привязаться к Мавре, она к нему, но продолжения не светило.

К причалам в порту Эль-Кувейта советский корабль «Pogranichnik Karatsupa» по неизвестным причинам береговой охраной не допустили, пришлось бросить якорь на рейде. Видавший виды катер местной таможни, тарахтя и дымя, пришвартовался к судну. Таможеннику Покусай заявил, что он привез специальный груз лично шейху Ахмету, о чем просит доложить наверх.

Оставалось ждать.

Стремление жен к совершенству

Порт Эль-Кувейт — дворец шейха.
Вторник 2 октября — середина октября 1945

В спальню к Ахмету, вернувшемуся из Лондона, бесшумно вошел личный секретарь — единственное во всем дворце лицо, которому дозволялось входить в покои шейха без разрешения. Шейх отсыпался после перелета и не проснулся, поэтому секретарь в нерешительности кашлянул и погладил ладонью край простыни.

— Чего? — приоткрыв один глаз, спросил Ахмет.

— Ваше превосходительство, на русском корабле держим делегацию со вчерашнего дня. У сопровождающего личное секретное послание вам от генералиссимуса Сталина.

Быстрая и прямая реакция на слова противоречит арабской традиции, поэтому Ахмет, полежав еще немного, поднялся и, больше ничего не спрашивая, стоял и ждал, пока его приводили в порядок. Секретарь высовывал голову из-за плеч парикмахера, доктора и еще двух слуг, подававших одежду, и участвовал в ритуале. Борода шейха была тщательно подбрита сверху, на шее и под нижней губой, после чего, вдыхая легкое облачко французских духов, сделанных для него по особому заказу, Ахмет спросил:

— Сколько их?

— Восемь женщин и с ними евнух.

— Восемь женщин... — в задумчивости устало повторил Ахмет. — Привезите их сюда. Не надо никак афишировать. Мы еще подумаем...

Три просторных «бентли» подъехали к боковому входу во дворец. Женщин, которых Покусай по-прежнему в уме пересчитывал, отделили от него и указали им на дверь. Трое

дюжих сопровождающих, одетых во вполне европейские серые костюмы, ощупали его карманы, впрочем, довольно вежливо.

Повели нежданного гостя по длинному коридору, по лестницам, то вверх, то вниз, и снова по полутемным проходам. Ему почудилось, что прошел по некоторым местам не раз, значит, его хотят запутать. Наконец, в пролете двойной резной двери открылось помещение, похожее на библиотеку. С потолка мягкий свет — то ли солнечный, то ли искусственный. Ковры красно-черные на полу и между полов на стенах.

Сильные руки охранников дворца придержали Покусяя. Пришлось подчиниться, ничего другого не оставалось.

Ахмет тихо, но весьма торжественно появился из-за портьеры и провел ладонью от носа к подбородку, пригладив усы и бороду. Под бородой рука сжалась в кулак. По этому движению Тимофей сразу узнал шейха, ведь в Москве находился от него близко. Сейчас за шейхом тенью следовал личный секретарь. В дверях он громко объявил:

— Его превосходительство Ахмет аль-Мубарак аль-Саад аль-Джабер аль-Сабах!

В полном молчании, как говорится, ни здравствуйте, ни до свиданья, шейх уселся в кресло.

— Как его зовут? — не глядя на посланца Страны Советов, спросил шейх.

— Покусай я, Тимофей Покусай, — вякнул гость.

Секретарь подошел к нему и протянул открытую ладонь, чтобы получить послание. Покусай неожиданно, к удивлению дернувшихся было охранников, раздвинул полы дишдаша, вытащил будто из живота пакет и протянул секретарю. То было время, когда пакеты с потенциальными бомбами еще не пугали ни администрацию, ни секретарей. Ахмет взял пакет, надломил две сургучовые печати. Извлеченная бумага была прочитана.

Именно так Ахмет и предполагал. В личном послании Сталина на вполне приличном арабском говорилось об ответном подарке советского народа, который, как вождь на-

деется, принесет радость шейху и будет способствовать укреплению дружеских отношений между нашими странами. Сталин писал, что по закону Советского Союза он лично в знак дружбы с шейхом проверил старшую жену, и она самого высокого класса, в чем его превосходительство Ахмет может убедиться.

Шейх подивился этому странному русскому праву первой ночи, но вида не показал. Не говоря ни слова, поднялся, отдал секретарю бумагу и исчез за портьерой. Охранники увели Покусая.

Отношения Покусая с Маврой оборвались так же внезапно, как и начались. Согласитесь, времени в дороге мало для двух неизбалованных жизнью молодых людей, вдруг втянутых в ситуацию, о которой и не помышляли. Он ничего не знал о восьмерых девочках, и они ничего не знали о нем. Находились, он чувствовал, где-то рядом, а видеться не могли даже мимоходом, даже на расстоянии, даже на людях. Само собой, и по телефону словом не перемолвишься.

К такой изоляции Тимофей не был готов. Не сумел провести утром обязательной политинформации. Ближе к ночи он вытащил из-под подушки книгу «О вкусной и здоровой пище», открыл, наладил радиопередатчик и передал шифровку, что задание успешно выполняется.

Ответный подарок шейх Ахмет действительно принял — отчего же не принять? Он и до этого не раз получал подобные дары, правда, от арабских правителей. Но самих прибывших женщин он еще не видел. И если б хотел увидеть, что вообще-то естественно, сделать этого шейх по ряду установлений не мог.

Боже милостивый, сколько наврано про жизнь шейхов, гаремы и прочее! Влез я в литературу — сравнить со своей достоверной информацией, и приуныл. Простой факт состоял в том, что в середине цивилизованного XX века в Кувейте гарем его превосходительства шейха представлял собой сложное бюрократическое учреждение в запутанной структуре государственной власти. Тут имелась своя администрация, иерархия должностей, законы, устав, субordi-

нация чинов, борьба за власть, плюс неписанные правила. И все это наложено на исторические традиции, подчас противоречащие друг другу.

Евнухи, хранители ложа шейха, сидели на должностях и зарплатах. Жены — тоже фактически служащие, которых нанимали на работу по согласованию с разными инстанциями. Происходившее внутри гарема, включая точное количество женщин, служащих в гареме Ахмета, являлось государственной тайной. К моменту прибытия советской делегации их было 327. То было секретное учреждение со входом без выхода. Исключения имели место крайне редко. Все кадры подписывали документы о неразглашении государственной тайны, за всеми следили службы безопасности.

По заведенному столетия назад ритуалу абитуриентки, поступающие в гарем, и завербованные, и подаренные, перед тем, как их лицезреть шейху, должны были пройти проверку и (как бы поточнее выразиться?) «предпродажную подготовку». Вновь прибывшие кадры внутрь гарема не допускали, как бы они туда ни рвались. Валиде, восьмидесятилетняя мать шейха, занимала должность председателя приемной комиссии. Характеристики им писали компетентные чиновники. На экзаменах требовались хорошие оценки и проходные баллы.

Обо всем этом Сталин и его окружение, отправляя делегацию, не имели представления. Что же говорить о посланных, пребывавших между небом и землей? Отсев означал бы позорный возврат на родину, и надо родиться на луне, чтобы не понимать, как их там встретят. Им предстояло соревноваться за выживание. С кем?

Большинству сотрудниц гарема женами Ахмета никогда не удавалось стать, и они занимались разными делами, например, рукоделием, рисованием, пением в кружках художественной самодеятельности. Сам шейх статистику гарема не удерживал в памяти, отчасти потому, что число менялось, отчасти — потому, что годы брали свое. Скажем, в вопросе девственности новых кадров он давно стал либералом. Ахмет сильно европеизировался и предпочитал прово-

дить досуг не в гареме, где кипят склоки, подсиживания, обиды и месть (а его втягивали в разрешение конфликтов), но в Париже, Лондоне или Стокгольме, причем в качестве скромного частного лица, хотя и с дипломатическим паспортом.

Однажды в Стокгольме (это имело место позже, но мало что изменилось) старый друг после принятия нами значительного количества пива повез меня выгуливать. Я тогда остановился в аспирантском общежитии университета. В моей маленькой комнате койка, стол и книжная полка, а туалет и душ — в конце коридора.

— Хочешь, покажу альтернативу? — вдруг спросил мой шведский друг, растянув рот до ушей.

Пересекли несколько мостов и подъехали к старинному особняку с лепными украшениями, стоящему на острове, открытом пенистой морской волне. Дружеский разговор у ворот помог моему другу найти менеджера, немного знакомого. Он вышел к нам и объяснил, что хозяин теперь сюда почти не приезжает. Дом пуст.

— Кто — хозяин?

— Шейх Ахмет из Кувейта. Возможно, дом будет продаваться — хотите купить? Если желаете взглянуть на внутреннее убранство — пожалуйста.

Шведский друг мой здесь уже бывал, а я до этого посещал королевские апартаменты едва ли не во всех странах Европы, гуляя из покоя в покой и заглядывая из профессионального любопытства даже в туалеты, которые пахли фиалками и розами. В скромном стокгольмском доме шейха ничему я не удивился, разве что отсутствию охраны. Да, вот еще в спальне задержался.

На деревянном изголовье кровати имелась надпись, вырезанная арабским бисером. Менеджер перевел: «Лучше быть везучим, чем умным». Ахмет был очень умен и очень везуч. Почему же он считал, что везучему лучше? Видимо, везучесть служила изюминкой, ублажавшей самолюбие. Шейх, как и Сталин, был способен на неожиданные и решительные поступки. Он читал кое-что про революционные пре-

образования мира. Это слишком опасно — отсталым странам нужен медленный прогресс. В Кувейте народное счастье наступает само собой, благодаря уму и везению шейха.

Широченная, как футбольное поле, кровать шейха с покрывалом золотого шитья в пятнах павлиньих перьев, позволяла подойти к ней с одной стороны. С другой — вплотную к кровати стояла яхта. Если, лежа на кровати, перевалиться через борт яхты, то дальше поднимается часть стены спальни, и по неширокому водному протоку яхта выскальзывает прямо в Балтийское море.

Шейх Ахмет любил здесь проводить досуг. Для него, скромного частного гостя шведской столицы, имелся альбом с описанием сорока тысяч девушек из всех стран мира, готовых появиться вместе или по отдельности по мановению его мизинца. Что на этом эротическом пире скромный гарем Ахмета в его собственном дворце в Эль-Кувейте? Я терпим к любым проявлениям человеческих страстей или слабостей. Но, если серьезно, сколько вообще одному мужчине по силам, будь он хоть сексуальным маньяком?

Дело еще в том, что незадолго до подарка, присланного Сталиным, шейх Ахмет тайно привез к себе девочку, приму-балерину из Шведской королевской оперы. Будучи в Стокгольме, шейх заметил красотку, когда король пригласил его посетить балет. После спектакля юная балерина исполнила для почетного гостя танец живота. В ту же ночь шейх, пообещав золотые горы, улетел с ней в Эль-Кувейт, и она стала его любимой женой. Пришлось поругаться с Валиде, собственной матерью (шведка ей не понравилась), преодолеть протесты гаремной бюрократии, сделать кому надо подношения, но Ахмет добился своего.

По этой причине неожиданное прибытие делегации особо не взволновало Ахмета. Как человек светский и дальновидный политик он подумал: а почему бы не продемонстрировать благодарность лидеру, так сердечно принимавшему меня в Москве? Для этого надо допустить к себе присланных красоток, и всего-то. К тому же тихое сопротивление его недавнему желанию узаконить юную шведку еще остава-

лось неприятным осадком, и Ахмет затаил планы уволить кое-кого из администрации гарема, чтобы припугнуть остальных.

Мы, шейх, топнем ножкой и посмотрим новые кадры сами, минуя бюрократические процедуры. И он подписал приказ о переводе трех крупных чиновников с насиженных теплых мест в канцелярии гарема в хлопотную службу наружной безопасности. После этого без возражений назначил, так сказать, смотрины. Поворчала немного одна Валиде, но и она явилась посмотреть русских, которых в гареме до того не бывало.

В полукруглый зал с желтыми огнями под высоченными сводами, с фонтанами, дающими прохладу, привели Покусая. Справа и слева от него уселись охранники. Оркестранты заняли свои места. После небольшой паузы вошел шейх, присев неподалеку от матери. Журчание воды заглушила музыка.

Сталинские красотки выплыли вереницей, все восемь, и Покусай перебегал глазами от одной к другой. Одетые, как было задумано, они бойко кружились на площадке перед главным зрителем.

Неожиданно шейх оглянулся и указал Покусаю на кресло рядом с собой. Согнув шею, Тимофей повиновался.

— Какую господин Сталин назначил старшей женой? — спросил Ахмет, водя впереди себя пальцем и без ошибки остановив его на Мавре. — Эта?

Покусай промолчал.

— Да, самая из них красивая, — задумчиво произнес шейх. — Как ее зовут?

— Мавра, — хмуро произнес Покусай.

— Мав-ра, — повторил шейх. — Но вообще-то и остальные ничего. У Сталина хороший вкус. Ты был у него евнухом?

Подумав секунду, Покусай кивнул.

— Мне не дают с ними видаться... Ведь Сталин лично поручил мне следить, как они себя ведут...

— Вот как? Мы попросим дать тебе эту возможность. Пока посади их всех вон туда, пускай посмотрят.

Тимофей рванул с кресла и в два прыжка оказался возле девочек. Как пастух, он развел руки, подталкивая их к креслам. А когда они расселись, он оказался рядом с Маврой, коснувшись ее плечом. Но перемолвиться парой слов им не удалось. Шейх поманил Покусая назад, велел сесть рядом с собой и поднял руку.

Перед ними уже танцевала незаметно появившаяся из-за занавеса новая и самая молодая жена Ахмета, которую он привез из Швеции. Танец живота начался медленно. Высокая, худая, как стебель, одетая в легкие розовые шелка, балерина парила в воздухе, почти не касаясь пола. Прозрачная шаль в ее руках, казалось, летала над ней независимо, сама по себе. А под покрывалом некими таинственными восьмерками двигался пупок. Потом балерина отбросила шаль, и стала у нее на шее видна лента, а на ленте...

Глаза у Покусая увлажнились, и он стал чаще дышать. Ладони вспотели, воротник дишдаша сдавил шею. Нет, он не ошибся, это была именно она, недоступная, как манна небесная. Надо быть тайным фанатиком-коллекционером, чтобы осмыслить видение. На муаровой ленте повыше грудей танцовщицы, сверкала, или, лучше сказать, источала сияние, переливаясь искрами голубых алмазов, та самая Звезда Генералиссимуса.

Удивление не ускользнуло от глаз шейха.

— Знакомая игрушка? — спросил он.

Тимофей в ответ прикрыл глаза.

— Кое-чему мы научились, посетив вашу замечательную страну, — шейх лукаво прищурил веки. — Теперь мы награждаем Звездой Генералиссимуса ту нашу жену, которая нам ближе всего. Если ж обстоятельства почему-либо меняются, Звезду снимаем и отдаем другой жене. Подарок вашего Сталина стимулирует стремление наших жен к совершенству.

И чтобы Покусай лучше уяснил ситуацию, шейх, посмотрев на него внимательно, добавил:

— Это как у вас в стране социалистическое соревнование...

Быт Покусаю и красоток, к которым его теперь допускали, изменился. Режим был жесткий, а все же они виделись. Полным ходом шли занятия с девочками. Им преподавали арабский язык, историю Кувейта, танцы, местные манеры. Из Лондона в Министерство иностранных дел Кувейта поступали, хотя и с опозданием газеты, и «Правду» курьер приносил Покусаю. Наладились его политинформации о больших успехах на родине. Русских красоток стали выпускать в город, само собой, под присмотром. Разрешили купаться в бассейне с морской водой, но в одежде. Поговорить с Маврой Тимофею удавалось урывками.

Всё во дворце шейха Ахмета окутано тайной, но в помещениях гарема слухи распространялись с быстротой молнии. Вдруг исчезла юная любимая жена шейха. Шведка категорически ему заявила, что теряет здесь форму, что не может жить без аплодисментов публики и многочисленных поклонников ее таланта. Короче говоря, она хочет вернуться в театр, в свою балетную труппу. Во избежание международного скандала шейх тихо отправил ее своим самолетом обратно в Стокгольм.

Свято место не пустеет, и Покусаю передали распоряжение довести Мавру вместе с охранниками до покоев Ахмета и ждать на случай, если понадобится переводить. Советский евнух держался тихим и исполнительным. Возвращался в отведенную ему комнатку и сидел, уткнув лицо в ладони, ожидая, когда ему позвонят и прикажут сопроводить Мавру. Вечером, как положено, Покусай открывал книгу «О вкусной и здоровой пище» и слал зашифрованную радиogramму, что задание товарища Сталина осуществляется безукоризненно. Это была правда.

Видимо, Мавра оказалась на высоте. Ибо вскоре, когда они шли по коридору, она отвернулась от охранников, раздвинула абайю, и Покусай увидел на шее у нее, на ленте, Звезду Генералиссимуса. Он положил ладонь на Звезду и ощутил холодок алмазов. Мавра на мгновение прижалась к Покусаю, но оттолкнула его и запахнула абайю.

Инсульт без разрешения

Сочи, дача возле Мацесты.

Понедельник 8 октября — воскресенье 16 декабря 1945

Ближе к вечеру Сталин, которому надоело листать и подписывать привезенные ему на самолете бумаги, пошел играть в бильярд сам с собой. Резкими движениями удара по шарам, он проверял свое самочувствие после дневной грязевой ванны. В Мацесте много долгожителей. Некоторые клянутся — он сам расспрашивал — будто им далеко за сто. И это благодаря целебным сероводородным источникам. У него ноют суставы, доктора объясняют — ревматизм, радикулит. Что эти врачи понимают, если сделать ничего не могут? Только грязи ему и помогают. До войны приходилось кататься с дачи к источникам на машине. Теперь проложили трубу и поставили в подвале ванну. Сегодня он сам велел нагреть грязь так, чтобы бурлила. Врач говорил, вредно, а он лежал, едва не обжигаясь — и вот результат. Он чувствует себя гораздо лучше.

Шары ставил в разных комбинациях, с нескольких попыток загонял их в лузы и опять вынимал, с нетерпением ожидая Молотова. Тот после совещания министров иностранных дел в Лондоне приплыл на военном эсминце в Ленинград и теперь, как доложили, поездом добрался до Сочи. Машину за ним уже послали. Что выторговал в Лондоне? Сумел укоротить руки американцам?

— Как съездил? — аккуратно положив кий на стол и не отвечая на приветствие, спросил Сталин.

Он подождал, пока Молотов направился к дивану и присел. Стоя напротив, хозяин рассматривал гостя в упор. Вид у Молотова был довольно потрепанный.

— Укачало меня на Балтике, — виновато пожаловался он. — В поезде две ночи не мог уснуть. И ты, как горный орел, так высоко забрался, что дыханья не хватает.

Тонко завернул комплимент нарком иностранных дел.

— Можно подумать, ты пешком сюда шел, — сказал хозяин. — Гляди-ка, новый костюм у тебя на животе не сходится. Твой Наркомат костюм пошить не в состоянии! Ну, чего хорошего привез? Чего плохого? Говори!

— Как говорить-то? Прямо не знаю, — Молотов поморщился и облизал пересохшие губы, полузакрытые давно нестриженными усами. — Издалека или... сразу...

— Давай сразу!

— Но ты, товарищ Сталин, не прими это близко к сердцу.

— Да говори же!

— Ахмет, — тихо сказал Молотов.

— Что?!

— Предал нас.

На мгновение в комнате установилась тишина.

— Бозо!* — выругался хозяин. — Как предал? Почему?

Нарком иностранных дел молчал, вжав голову в плечи. Сталин набычился, опершись обеими руками о борт бильярда, потребовал:

— Давай факты.

— Англичане обещали большую помощь для развития Кувейта. Американцы тоже не спят. В эль-кувейтский порт идет от дяди Сэма промышленное оборудование.

— Так я ведь ему тоже кое-что обещал! И немало...

— Но Ахмет почуял, что весь Запад против нас. О его визите к нам разведкам стало известно. Он специально примчался в Лондон и всем клялся, что никаких сепаратных договоров с нами не будет, а главное, нашего присутствия он не потерпит. Не с трибуны заявил, шептал на ушко, но у меня верные сведения.

*Блядь! (груз.)

— Унюхал политическую конъюнктуру, мать его... Мы с ним и так, и эдак. Он руки был готов мне целовать за Звезду Генералиссимуса, которую я ему на шею повесил. А теперь на все наплевал!

— Нас пытаются изолировать, — продолжал Молотов. — В кулуарах совещания про Звезду Генералиссимуса шейх умолчал, про гарем, посланный тебе — ни слова. Зато про нашу делегацию ему в гарем, всем рассказывал и смеялся.

— Набичваро!* Значит, проданся за доллары. Получается, наша стратегия прерывается? И ты, каменная задница, не смог ни на что повлиять?!

Молотов обмяк. Сейчас гнев хозяина обрушится на него, словно он виноват в предательстве. Опустив глаза в пол, замер. За всех достанется ему.

Ярость хозяина зрела медленно, но быстрее, чем яблоко набухает на дереве. Зрелым яблоком по злобе можно и убить. Лицо покраснело от гнева, веки набрякли. Кулак пошел вперед, чтобы врезать Молотову. Захотелось увидеть, как кровь течет из носа, но вождь сдержался. Зато пал, будто вытирал ноги о ковер, толкнул бильярд. Шары, стукаясь друг о друга, тихо покатались в разные стороны, один упал в лузу.

Голова загудела, в ушах возник звон. Надо расширить сосуды — есть для этого надежный способ.

— Налей мне коньяку — вон там, в буфете, справа.

Молотов вскочил, отворил дверцу, искал глазами, что взять.

— Нет, не грузинского, армянского налей! Себе тоже...

Коньяк булькал, заполняя резные хрустальные фужеры для воды. Сталин выпил залпом треть бокала, крикнул. Молотов пригубил, сел, в страхе прищурившись, ждал указаний.

Иногда хозяину помогала отвлечься музыка. Он подошел к патефону, поставил пластинку, крутанул заводную ручку. Игла зашипела, хор запел в сто глоток.

*Ублюдок! (груз.)

*Гремя огнем, сверкая блеском стали,
Пойдут машины в яростный поход,
Когда нас в бой пошлет товарищ Сталин
И первый маршал в бой нас поведет.*

— При чем этот кретин, первый маршал? — с остервенением оторвав иглу от пластинки, вождь смотрел на Молотова. — Надо поменять, сделать «Товарищ Сталин нас не подведет!»

Все-таки поэтические способности в нем жили с юности. Музыка, однако, не успокоила, ему захотелось лечь.

— Чего расселся? — вытирая рот тыльной стороной ладони, прохрипел он Молотову. — Гааджви акедан!* Катись к себе...

Проводив глазами своего послушного наркома, хозяин откинулся на диван. Подушки не оказалось, голова упиралась в твердый валик. Закрыв ладонями лицо, стараясь дышать ровно. Как мудро он поступил, не поехав в гости к шейху! Он изначально это подозревал. Шейх вел двойную игру, и ему не следовало доверять. Но даром ему это не пройдет. Он еще пожалеет, фраер пархатый!

Сосуды не хотели расширяться. Черепная коробка раскальвалась, тошнило, и надо было что-нибудь принять, но под рукой ничего не было. Позвать на помощь не удавалось. Рот открывался, а звуки не вылетали. Мысли хозяина кипели от возмущения. Необходимо немедленно решить принципиальный вопрос: какую свинью подложить Ахмету за измену? Отомстить за нанесенную обиду...

Онемев, Сталин и без врачей почувствовал, что надвигается инсульт, хотя такого опыта у него еще не было. Больше всего возмущало, что инсульт не спросил разрешения произойти, навалился, как классовый враг. Диван и стены вокруг закачались. Вцепившись в кожаную обивку, хозяин вместе с дачей провалился в черноту ночи и вдруг очутился в ярком свете, в толпе. Люди целовали ему руки, ботинки,

*Убирайся отсюда! (груз.)

силились обнять. Их так много, он их отталкивал, но у каждого из них новая ему награда, и от тяжести этой сбруи он падал куда-то.

Навстречу дул сильный ветер, тело его распласталось. С неба посыпались еще Звезды, бесчисленное количество Звезд Генералиссимуса. Хватило бы для всех трех миллионов солдат его армии, еще б осталось. Острые лучи Звезд кололи ему тело, и это была пытка. Он разгребал их руками, и руки стали кровоточить. Застонал, потом начал кричать, но спазм сдавил горло и вышел один хрип. Он рухнул с неба на землю, опять очутившись у себя на диване в бильярдной.

А там в это время играли простую «американку» двое, здесь не так давно появившихся.

— Не поставит ли нам на кон жизнь хозяина дачи? — спросил Дьявол. — Что с ним делать? Пусть еще поживет? Или достаточно? Он надоел тем, что все чаще берет на себя мои функции на земле, и я немного притушил его амбиции инсультом. Но, может, мало?

— А как же всеобщая справедливость? — возмутился Бог. — Мы же договорились не вмешиваться...

— Твоя справедливость только мешает делать полезные для человечества дела. У меня руки чешутся загнать его в кому! Говорю тебе, Боже, давай сыграем! Чья возьмет — так и сделаем.

Дьявол первым решительно разбил пул, а Бог, не торопясь, натирал мелом кий. Два шара у Дьявола упали в лузы. Он гордо взглянул на Бога, положил еще один шар и еще сразу два, а потом вышла осечка.

Перед тем, как прицелиться, Бог молча посмотрел на диван, где корчился полуживой хозяин.

— Погоди-ка, — Бог уже нашел пару подходящих шаров. — Дай мне отыграться... Ты обратил внимание, какие шары? Превосходные, из настоящей слоновой кости.

Бог с первого раза промазал, потому что давно в бильярд не играл. Дьявол потанцевал вокруг бильярда, выбирая хорошие удары, а затем пустил в лузы один за другим все оставшиеся шары и захлопал сам себе в ладоши.

— Теперь не мешай мне со своей всеобщей справедливостью. Отойди в сторонку. В профессии Бога самое главное — вовремя смыться!

Дьявол ухватился обеими руками за борт. Тяжелый бильярдный стол накренился, стал падать ногами вверх и грохнулся, придавив лежащего на диване хозяина. Сталин (или то полуживое нечто, от него оставшееся) попытался выбраться, но ему на голову посыпались бильярдные шары. Больно били, очень больно.

Перед исчезновением, Бог все-таки сжалился, ничего не сказав Дьяволу, хотя наказания не прекратил.

Неожиданно свист в ушах хозяина стих или, вернее, превратился в приятную музыку. Увидел он себя в мундире генералиссимуса на том же диване, но не в бильярдной, а в соседней большой зале при свечах. Рядом с ним восседает улыбающийся шейх Ахмет, а Молотов и Берия отплясывают лезгинку. Музыка убыстряется.

Вот появились, танцуя вокруг них, четыре красотки в газовых платьях, а потом еще восемь во главе с Маврой. Сталин втянул носом тонкий аромат духов, смешанный с запахом женского тела. Берия и Молотов куда-то исчезли, а девушки облепили Сталина. Ахмет обиженно смотрел на них, потому что никто не хотел танцевать вокруг шейха — кумиром был Сталин. Девушки ласково обматывали легкие разноцветные шарфы один на другой вокруг сталинской шеи.

— Тяните! — командовала Мавра. — Тяните сильнее!

Петель становилось все больше, и уже невозможно было повернуть голову. Сталин почувствовал, что шарфы стягиваются на шее все туже, дышать трудней. Шейх Ахмет ухмылялся и с наслаждением смотрел, как Сталина душат.

— Мавра! — прохрипел он. — За что меня пытаются? Ведь я не щадил себя ради блага народа!

Она врезала ему по щеке.

— Ты изменил Богу. Мой народ втянул в войну и половину погубил ради своей корысти. Погляди на себя: ты вошь, гнида, сосущая кровь...

Глядит Сталин в большое зеркало на стене, а вокруг туман плывет. Воздуха в легкие больше не поступает совсем. Пускай не горного, который продлевает жизнь, а просто какого-никакого...

— Нет! — закричал он. — Не-е-ет!

И эхо разбежалось по ущельям Кавказского хребта.

Во тьме снова раздался свист, грохот, клубы горячего пара окутали голову. Все тело набухло, стало огромным, тяжелым, чугунным и, разгоняясь, двигалось вперед. Руками он мог еще шевелить. По самые плечи превратились они в поршни, двигаются туда-сюда, крутят красные колеса. В новом мундире генералиссимуса летит он по-над рельсами. Дым из трубы, смешанный с копотью, обжигает лицо, во рту хрустят куски угля. Где-то далеко слышатся крики «Ура-а-а!». Шпалы мелькают внизу все быстрее, в лоб бьет ветер. Он сам теперь — паровоз «Иосиф Сталин», чугунная махина, красная звезда во лбу, летит вперед.

Что там чернеет впереди? Тоннель в горах, отверстие приближается, тормозов у паровоза нет, вагоны отцепились, остались где-то сзади. Гори все синим пламенем, лишь бы чугунную голову не разбить. Удар в бок торчащим острием в стене тоннеля. А-а-а-а!..

Паровоз остановился. Сталин открыл глаза. Голова гудела. Он сам себя чуть не задушил. Боль в боку. Рука нащупала в старом диване, который давно пора поменять, острие пружины.

— Кто обо мне позаботится? — прошептал он, еле ворочая языком. — Где же вы шляетесь, когда мне плохо?

Или ему почудилось, что он это произнес. До полудня с дивана в бильярдной Сталин не поднялся. Обеспокоенная прислуга подняла тревогу, вчетвером вождя перенесли в спальню и привезли врачей. Ему померили давление, оказалось 276 на 134. Черепная коробка готова лопнуть. Качая головами, бледные профессора медицины определили, что случился-таки инсульт. Лекарства сразу нельзя дать, надо согласовывать с наркомом здравоохранения.

Обычно в октябре он уезжал с дачи в Москву, а нынче обстоятельства вынудили не двигаться. Первая его мысль — никто не должен об этом знать. Кругом шакалы. Растерзают живое тело на части, выпьют кровь. Он лежал недвижим, то засыпал, то бредил, то опять падал вниз, в черноту бесконечности.

Погода изменилась к лучшему. Внизу, на побережье Черного моря, настали ясные осенние дни. Из окон дачи на горном склоне обозревался весь Кавказский хребет, но подойти к окнам хозяин не мог. Больше чем через полвека я случайно обнаружил секретную архивную запись:

С 8 октября до 17 декабря 1945 года Сталин никуда не выезжал, никого не принимал.

Он полностью потерял контроль за происходившим в стране. Тайну знали несколько человек, ненавидевших его, но в страхе онемевших. На длинные письма глав государств Молотов отвечал от имени хозяина, что он отдыхает на даче, что погода нелетная и письма де задерживаются в дороге.

Пытаясь проверить, жив ли Сталин, президент США Трумэн вознамерился послать в Москву художника Шандора с просьбой разрешить ему сделать с натуры портрет генералиссимуса. Вождь чрезвычайно занят, чтобы позировать, ответили ему, но — может прислать готовый портрет.

«Целесообразно убрать шейха»

Сочи, дача возле Мацесты —
Литерный поезд «Сочи—Москва»
— Кунцево, Ближняя дача.

Понедельник 17 декабря — вторник 18 декабря 1945

За два с небольшим месяца Сталин из инсульта выкарабкался. Официально ему в 45-м исполнялось шестьдесят шесть. Мало кто знал, что на самом деле он родился на год раньше. Надо будет, решил он, пока еще лежал, год рождения в новых биографиях вообще сдвинуть, сделать вождя лет на пять, или, лучше, на десять, моложе. Старый возраст назвать происком врагов, фальсификацией его биографии троцкистами, — и никто не пикнет.

Дыхание, движения руки и ноги полностью не восстановились, однако начал медленно выходить гулять. Ногу волочил, но главное — мозг не повредился. Он всегда одолевал судьбу, и вот опять победа, вторая в этом году. Сначала в войне с Гитлером, теперь — в войне с инсультом.

Что удивило тогда некоторых, не лишившихся способности соображать, так это загадка. Как после первого инсульта больному волку удалось выжить среди голодных шакалов, его окружавших, и затем удержать полную власть до последнего инсульта еще целых восемь лет? Ответ может быть простым: к смертельному инсульту шакалы учли опыт первого, лучше подготовились и не упустили возможности.

Придя в себя, хозяин оказался вполне удовлетворен происходящим. Глянул в свежие московские газеты — все они рапортовали о трудовых вахтах советских людей, перевыполняющих планы ко дню рождения вождя. Так и подмы-

ваит из нынешнего далека обсудить эти липовые планы, но лучше воздержусь. Не романное это занятие.

Он жил, но не было мира в сталинской душе. Людей презирал, забрался выше всех, а выше его самого кто оставался? На том этапе Бог ему периодически мешал, вставлял палки в колеса. Теперь Сталин стал думать иначе. Для других Бога нет, но для меня самого Он появился, сделал все, что я просил, что в Его силах. Осталось одно потребовать от Бога: побольше лет жизни. Хозяин велел привезти из ближайшего храма икону и молился. Бог, к его возмущению, на прямой контакт с ним не вышел.

Сталин не любил вспоминать молодость, семинарию, где учился и где его часто били сверстники за обманы и мелкие гадости. Но строки Псалтыря остались в памяти с юных лет на всю жизнь и оказались крепче марксистских лозунгов, которые он осваивал после. При плохом самочувствии всплыли нектати в сознании и не хотели уходить молитвы Моисея, человека Божия: «Все дни наши прошли во гневе Твоем; мы тереяем лета наши, как звук».

Совершенно неожиданно хозяин почувствовал, что тело его, в отличие от паровоза «Иосиф Сталин», не чугунное, и годы его тают. Если Бог создал меня по образу и подобию Своему, то почему же Он живет вечно, а я должен умереть? В Псалтыре ведь сказано еще строже. Пока молодой был, не придавал этому значения, а сейчас, как заноза, сидит в мозгу: «Дней лет наших — семьдесят лет, а при большей крепости — восемьдесят лет; и самая лучшая пора их — труд и болезнь, ибо проходят быстро, и мы летим».

С детства он это помнил, а не задумывался. Труд? Да, всю жизнь я тружусь. Но почему болезни? Потому, что они скорее приводят к полету в загробную жизнь? Не хочу!

Он открыл Библию, пошуршав страницами, нашел. «И сказал Господь: не вечно Духу Моему быть пренебрегаемым человеками; потому что они плоть; пусть будут дни их сто двадцать лет». Вот это правильно, сказал вслух раб Божий Сталин и посмотрел на икону. Дай мне, Бог, крепости духа, отпусти мне пока что не сто двадцать, а хотя

бы восемьдесят или девяносто! Пускай будут болезни, но пообещай, что дашь! Иначе — кому все, что мной сделано, достанется? Варварский грязный народ! Я его очистил и привел к счастью, а он опять все разрушит, разорит, уничтожит. Сопьются, траву будут жрать. А ублюдки, которых я вывел в люди, дал власть? Да они без меня всю страну разворуют и друг другу горло перегрызут! Теперь главное — беречь себя.

Он представил себе, как его кладут в мавзолей, да еще в один гроб с Лениным — бррр... Не хочу кончать свою жизнь полоумным, как он. Во что бы то ни стало надо выжить, удержаться на этом свете, приступить к делам.

Страх уйти в черный тоннель и не вернуться не покидал Сталина ни днем, ни ночью. Иногда он к ужасу прислуги, ожидавшей за дверью, когда хозяин проснется, кричал ближе к утру во сне:

— Труд и болезнь — и мы летим!

Амбиции его увяли. Тайная большая идея начать третью и последнюю мировую войну, приобрести весь мир, чтобы американские флаги бросали ему под ноги, как бросали немецкие, на новом параде победы, таяла под влиянием обстоятельств. Не атомные бомбы, взорванные американцами, умерили в конечном результате пыл Сталина после войны, но его собственный инсульт.

Теперь он думал не о том, как захватить танками слабую Европу, а — как выжить его брэнному телу. Гори она синим пламенем — эта троцкистская по своей сути идея мировой революции! Холодная война? Хорошо! Оставят меня в покое, и покоя на мой век хватит.

В декабре погода в Мацесте совсем испортилась. Утром сизый туман проникал внутрь дачи, несмотря на полтора-метровые стены и бронированные стекла окон, и дышать стало тяжело. Днем ветер приносил дождь пополам со снегом. И все же врачи советовали для закрепления положительной тенденции продолжить отдых на юге, принимать теплые грязевые ванны. Много они понимают! Хозяин предпочел не откладывая вернуться в Москву.

Шинель Валентина ему подала и застегнула. Выглядел он плохо: землистого цвета кожа на лице стала дряблой, глаза потухли. Когда сходил с крыльца, пошатывало и чуть не оступился — поддержали за локоть. Кортёж, везя высокого пассажира, осторожно спустился с гор. Литерный поезд, оцепленный спецвойсками на тысячу километров вперед, за день и ночь перевез Сталина в Москву.

На Ближней даче дела навалились сразу, и само собой, вопреки намерению, стало как-то не до болезни. Ночью Сталин сел за стол, вызвал Поскребышева, соединился с Молотовым и Берией, велел им приехать сейчас же. Став у руля, хозяин хотел получить полную информацию о начавшемся два дня назад в Москве совещании министров иностранных дел. Молотов давно ждал указаний, чего требовать от Запада. Если не требовать, это обнаружит нашу слабость. У Берии тоже — гора приказов по кадрам, смертные приговоры — сам он боялся дать команду привести их в исполнение.

Сталин твердо решил не курить, просто чмокал без табака трубку, но не выдержал, набил и раскурил. Стал перелистывать бумаги, подцепляя их, как крючком, неотстриженным ногтем, потом вдруг встал, начал тяжело ходить из угла в угол. Ненависть ко всему миру, который здоровее его, подтачивала мозг. Следовало свести счеты хотя бы с теми, с кем мог.

Вошел Берия. Сверкнул стеклами пенсне, начал спрашивать о здоровье, но Сталин, продолжая ходить, его перебил.

— Что сделано в отношении предателя своего слова шейха Ахмета? Выполнено постановление Политбюро?

Вопрос застал Берию врасплох.

— Какое?

— Разве Политбюро не распорядилось, чтобы срочно вернули делегацию советских девушек, посланных шейху в Кувейт? Переметнувшийся к западным хозяевам шейх Ахмет их недостоин.

— Клянусь, не было такой бумаги из Политбюро!

— Мне что — приснилось? Почему не выполнили поставленную задачу? Без меня ничего не можете предпринять. Приказать им вернуться обратно. Особенно Покусаю и Мавре... Надо беречь ценные кадры.

Задача трудновыполнимая, и на всякий случай Берия спросил:

— Может, лучше уничтожить? Донесли, что Мавра завербована американской разведкой... Да и насчет Покусаю — англичане тоже могли...

— Врешь! — просто сказал хозяин. — Кстати, а где, так сказать, мой гарем, что прислал хитрец шейх?

— На Лубянке, — сказал Берия. — До вашего нового указания. Все признались, что подготовлены кувейтской разведкой.

— Значит, агентура шейха? Так я и думал... Вот что! Дайте всем им русские имена и отправьте в лагеря подальше.

— Сделаем!

Сталин погладил редеющие на затылке волосы, затянулся, выпустил струи дыма через нос, ощутив тепло, улучшающее дыхание, и, не вынимая трубки изо рта, проговорил:

— Мы не слабые и беспринципные люди, прощающие измены. Я еще немножко подумал и решил, что целесообразно убрать шейха. И сделать это чисто!

— Благодаря мудрости, ты проживешь еще сто лет, товарищ Сталин! — воскликнул Берия.

— Я-то проживу, — усмехнулся тот, — но мне никто не должен мешать. В Кувейте нам нужен более покладистый руководитель. Почему бы не дать соответствующую команду моему человеку Покусаю? Ведь он мастер, которому нет равных. Действуйте! Не мне вас учить, как.

Ответный шаг по-восточному

Эль-Кувейт, дворец шейха.
Пятница 21 декабря 1945

Витая чугунная ограда на каменных столбах выше человеческого роста и красные флаги с белой арабской вязью по обеим сторонам позолоченных ворот дворца шейха разделяют два пейзажа. Вне, позади окруженной пальмами площади для парадов, — плешивая пустыня с желтой, клочками, травой, прижатый к земле, с подмытыми корнями полуголый кустарник, в который ветер затолкал случайный дорожный мусор. Внутри — ухоженный, зимой в зелени парк, едва доступный взору кочевника, проезжающего на осле. Вокруг дворца пышная мимоза начинает желтеть, готовится цвести акация. Садовники спешат засветло вылизать дорожки после ливня.

Стемнело, когда стража отворила ворота и шейх Ахмет на постаревшем, еще довоенном черном «мерседесе», с красным флажком на правом крыле, безо всякой охраны въехал в ворота. Валиде давно высматривала его в окно и, едва дождавшись приезда сына, заспешила в его апартаменты.

— Сынок, я заметила, что у твоей новой... как ее... Мавры... пропала талия.

— Куда пропала? Надо найти!

— О Аллах, до чего мужчины несообразительны! Ребенок у нее будет. Твой восемьдесят третий, я уже посчитала. Русской крови в нашем роду еще не отмечалось. Ты рад?

Все будущие отцы в мире, кроме тех, которые сильно от такого известия огорчены, радуются перспективе. Ахмет своих детей, и мальчиков, и девочек, любил. Всем им по мере взросления обеспечивалась сладкая жизнь, наилучшее

образование за границей, автоматические успехи в карьере. Старшие сыновья Ахмета руководили в Кувейте промышленностью и культурой, служили за границей в посольствах, представительствах и банках. В отличие от остальной страны, бедствовавшей, поскольку нефть еще не полилась золотой рекой, династия уже накопила свои богатства. Все же одна большая радость, поделенная на восемьдесят три части, утомляет. И шейха можно понять. Услышав новость, он остановился посреди комнаты, приподнял брови, постоял так несколько мгновений, потом произнес:

— Устал я, мама. Целый день были переговоры, делили нефть с англичанами. На мне висит ответственность за будущее Кувейта, а не только за продолжение рода. Мне надо отдохнуть.

Он был взвинчен, хотя виду старался не показать. С женщинами он никогда не делился деловыми соображениями. Валиде была исключением. Несмотря на возраст, ее все интересовало, и он как хороший сын иногда ей кое-что рассказывал. Советы матери в области политики, основанные не на обещаниях и газетных прогнозах, а на интуиции и знании человеческих слабостей, часто оказывались полезными. Но сейчас разговаривать ему не хотелось. Тем более расхотелось как раз из-за того, что она ему сообщила. Поэтому что именно сегодня он получил неприятный сигнал.

Чтобы успокоиться, у Ахмета было проверенное средство. Он молча обнял, поцеловал мать и оставил ее в кабинете. Спустился в подвал и, остановившись перед стальной дверью, нажал на кодовом замке несколько кнопок. Замки шелкнули. Тяжелая дверь открылась. Шейх шагнул внутрь и зажег свет.

Зал сокровищ предстал перед ним. Еще отец, шейх Мубарак, привозил старшему сыну ордена, — отца награждали в разных странах. Теперь ни один музей мира не мог конкурировать с коллекцией Ахмета. Изошренные методы добытия орденов он держал в тайне, но агенты шейха гуляли по миру, не брезговали никакими способами, подкупая всех — от правительственных чиновников до музейных работ-

ников, от делег до ворья — с целью заполучить орден из любой страны, лишь бы добыть то, чего у Ахмета еще нет. Сюда попала и Звезда Генералиссимуса, привезенная из Москвы. Любоваться ею, висящей на шее у допущенной к нему женщины над двумя персиками, стало особым кайфом.

Ахмет двинулся вдоль подсвеченных стеллажей. Под стеклом на черном бархате лежали тысячи орденов практически из всех стран мира — предмет гордости и утех настоящего коллекционера. Ни нумерации, ни названий орденов не имелось. И хотя у Ахмета работали серьезные консультанты-историки, он сам держал в памяти все.

Время от времени шейх останавливался, вспоминая эпизоды, связанные с той или иной наградой. Многих бывших владельцев этих орденов давно не было в живых. Что Ахмету золото, жемчуг, бриллианты? Всего полно в виде мастерски сделанных вещиц. Каждый орден — это борьба за власть, накал политических страстей, слава и поражение!

Он прошелся по всему залу, сел в кресло, все еще оглядывая свои сокровища, и опять вспомнил доклад начальника секретной службы. Всем главам государств угрожают. Сам я слышал в теленовостях, что американский президент получает до восьмисот запугивающих предупреждений в день. Дай Бог, чтобы таких агрессивных маньяков переловили, но, видимо, не получается. Дело серьезное, и лучше принимать меры до, чем после.

Когда Вторая мировая война закончилась, шейх Ахмет отправил агентов своих спецслужб на основательную стажировку в Лондон, и они многому полезному там научились. Подкованные в Лондоне мусульмане привезли домой из-за границы аппаратуру, о которой в бедной и отсталой стране не слышали, и принялись за дело.

Ахмету уже докладывали, что Покусай шлет донесения, а значит, он есть не кто иной как советский шпионишка. Другого варианта глава Кувейта и не предполагал. Прочитал расшифровку донесений — в них особых его секретов не было, поэтому он никак информацию не прокомментиро-

вал и никаких мер не принял. Зато текст из Москвы, что Покусаю дано указание готовить покушение на шейха, поразил потенциальную жертву несказанно.

Ничего сверхъестественного шейх Москве не гарантировал, никакие контракты не подписывал, имела место обычная дипломатическая болтовня с неопределенными обещаниями дружбы навеки. Ай да мерзавец этот Сталин, подумал Ахмет. Я-то слюни пускал... Неужели и Мавра, и все остальные прелестные юные создания? Тогда получится, что у меня под боком целое шпионское гнездо. Надо будет последить за всеми, а пока сосредоточиться на советском евнухе господине Покусае.

Сжав кулаки, шейх вышел из своей сокровищницы, поднялся к себе в кабинет, посмотрел на портрет Гитлера, потом на портрет Сталина — оба висели в тяжелых инкрустированных жемчугами рамах.

Шейх взял с пуфа, стоящего подле дивана, хлыст, которым он любил оглаживать в том числе и лошадей. Еще раз глянув на портрет Сталина, он размахнулся и ударил по нему хлыстом крест-накрест. Паутина трещин побежала во все стороны к раме, посыпались стекла, а само красочное изображение русского лидера смялось, часть лица и плечо повисли обрывком бумаги. Ахмет сделал шаг назад, любясь делом рук своих. Утром портрет снимут и швырнут в мусор.

Что делать с Покусаем, шейх решил легко и быстро, позвонив начальнику секретной службы. Дверь в комнату Тимофея бесшумно вскрыли. Окружили его — пикнуть не успел, не то что с кровати вскочить. Пока делали обыск, он, связанный по рукам и ногам, лежал лицом в устланный плиткой пол, разглядывая восточный орнамент — синие с белым квадратики. По ним он каждый день ходил, не обращая на них внимания. Под подушкой нашли кулинарную книгу, а в ней передатчик. Предположили, что книга — инструкция по шифровальному делу.

Покусая проволочки по коридору, бросили на заднее сиденье американского военного «виллиса» и увезли в тюрь-

му. Тимофей оказался в камере среди ловцов жемчуга, которые пытались сбывать свой товар налево иностранным морякам.

В тюрьме его ощупал врач. Шейху доложили, что советский внух не кастрирован.

— Как?! — удивился его превосходительство Ахмет аль-Мубарак аль-Саад аль-Джабер аль-Сабах. — Куда же вы раньше смотрели? Кто его проверял по приезде в Кувейт? Ведь он был допущен на женскую половину дворца!

Нескольким разгильдиям предстояло пострадать за халатное отношение к службе.

Ответственные решения, связанные с гаремом, шейх принимал, посоветовавшись с матерью. Валиде тоже изумилась, подумала и философски заметила, что такие ошибки исправимы. Сын с ней согласился. Смертная казнь была бы, по мнению Ахмета, слишком кратким наказанием, и он решил дать Покусаю возможность умереть своей смертью. Буквально арабы в этом случае говорят: «Умереть смертью своего носа». Но помучиться русский шпион должен.

Секретарь еще утром сообщил Ахмету:

— У генералиссимуса Сталина сегодня день рождения — не надо ли послать поздравление?

— Вот как?! Значит, генералиссимусу нужен подарок. Он его получит!

Вообще, заключенных в Кувейте, особенно иностранцев, обычно возили в английский госпиталь. В данном случае шейх так рассердился, что повелел применить древний способ. На вопрос секретаря, желает ли его превосходительство присутствовать при операции, Ахмет сослался на занятость государственными делами.

Четыре черных евнуха в белых одеяниях молча и решительно вошли в камеру, где советский шпион сидел с торговцами левым жемчугом. Никто Покусаю ничего не объяснил, и он не понимал, зачем с него срывают одежду. На глазах сокамерников подняли его и веревками привязали к узкому деревянному столу. Двое придерживали за ноги, один за руки, и еще один демонстративно точил нож. Операция в

чистом виде, без таких нежностей, как наркоз, являлась частью исполняемого приказа. Боль, по мнению шейха, — справедливое приложение к наказанию.

Поскольку конкретного распоряжения, как именно оперировать, не было спущено, из трех возможных вариантов кастрации: удалить яички, удалить пенис или удалить и то, и другое вместе, — впопыхах для простоты и надежности решили отрезать всё. Покусай жалобно умолял его пожалеть, заплакал, но это не произвело на операторов никакого влияния. Они хладнокровно выполняли приказ. Тимофей дернулся, когда нож прошелся по промежности, застонал, потом стал кричать от адской боли. Ему заткнули полотенце в рот. Возможно, товарищу Сталину, с его даром проникновения сквозь моря и горы, в этот момент в Москве икнулось, или давление ненадолго скакнуло вверх.

Покусай выплюнул полотенце и опять закричал. Впустую. Ничего не зашивали в традициях средних веков, однако гуманно намазали рану целительной мазью, которая заполнила всю тюремную камеру сильным ароматом цветущей степной травы. Заверяю читателя, что еще в 40-х годах прошлого века уровень хирургии в кувейтских госпиталях был значительно выше, а теперь-то и подавно вполне цивилизный. Но то было наказание или, если хотите, месть.

Тимофея стащили со стола и бросили на каменный пол. Водой поили сердобольные сокамерники. Каждому из них, правда, по суду предстояло, в зависимости от вины, потерять часть руки, а кому-то и голову.

По всем показателям складывалось так, что наш советский евнух не выживет — от потери крови, от сепсиса, от своей беспомощности в данных обстоятельствах.

Хозяин опять в ярости

Москва, Малая Никитская, 28, дом Берии — Кремль.
Ночь с воскресенья 30 декабря на понедельник
31 декабря 1945

Текст шифровки, полученной в Москве на Лубянке от непоименованного кувейтского агента, состоял из четырех слов:

Два лепестка ромашки улетели.

Расшифровали немедленно. Берии о побеге двоих из подаренного шейху русского гарема сообщили сразу. Он уже разделся и собирался лечь в постель, но стоял со стаканом в руке, запив парным молоком две таблетки снотворного.

— Кто бежал? — спросил он.

Офицер связи уточнить не смог.

— В тексте слово «два».

— Значит, двое, и неизвестно кто... — сухо произнес Берия, прожевав и проглотив невысказанное ругательство. — Ладно! Утром буду серьезно разбираться с теми, кто это допустил.

Он лег, потушил лампу, полежал. Кроме матерщины ничего в голову не лезло. Завтра канун Нового года, суета... Нет мне покоя. Все, я уже не засну...

Берии смертельно не хотелось немедленно звонить хозяину. Даешь сильный козырь против себя. Кто бежал? Ответить не смогу. Велит приехать.

Теперь представим, продолжал думать Берия, какие будут последствия, если доложить в начале следующего дня, когда хозяин проснется. Разумеется, сейчас Сталин еще не

спит и, скорей всего, подслушивал мой телефонный разговор или о полученной шифровке ему уже напрямую донесли. В лучшем случае, Сталин, если настроение у него сносное, спросит: «Чего думаешь предпринять?» А не позвоню, найдется под боком доброхот, который представит дело так, будто я хотел скрыть. Лучше уж сразу, будь что будет.

Не успел Берия поднять трубку, зазвонила вертушка. Это наихудший вариант.

— Говори! — тихо произнес хозяин, едва секретарша его подключила.

На полях книжки, что он лениво листал, рука его рисовала чертей с рогами — одного, потом другого.

— Как раз хотел тебе звонить, товарищ Сталин...

Берия, осторожно выбирая слова, доложил о случившемся в Кувейте.

Сталин никак не прореагировал, молча сопел в трубку, и это было страшней всего.

— Хотел позвонить, но не позвонил... Приезжай, поговорить надо!

— Когда?

— Сейчас, когда же?

Именно такой поворот событий Берия предчувствовал и боялся. Нет чтобы обматерить, спустить злобу по проводам. Бить будет в лицо, а у меня с детства так легко кровь из носа начинает течь. Зачем я проглотил проклятое снотворное?

При этом он одевался быстро, а шофер во дворе уже прогревал мотор, и охранники вылезли из своей норы в подвале, где играли в карты. До Кремля езды минуты три.

Вынужденно проторчав осень на даче под Сочи, выкарабкавшись из инсульта и побыв пару дней на Ближней даче, Сталин соскучился по своему кремлевскому кабинету. Дома уютней, но все-таки задница лучше ощущает свою власть, когда она покоится в рабочем кресле в Кремле.

Чувствовал он себя неплохо, прохаживался по привычке из угла в угол. Вызванный к нему с отчетом нарком финансов вертел головой в обе стороны изо всех сил, стараясь из

слов, вылетающих вместе с дымом изо рта вождя, не потерять ни единого. Хозяин специально чуть слышно произносил что-либо и смотрел, как пот выступает на лбу у посетителя, не понявшего указания и не смеющего переспросить.

О беглецах Сталин узнал от Поскребышева, нахмурился, но придерживал комментарии до появления Берии. Тот стоял в предбаннике и, не получив команды войти, подтягивал голенища сапог. Поскребышев испросил у хозяина разрешения и впустил к нему.

— Не мог я сразу позвонить, — начал оправдываться Берия. — Не выяснил, кто именно сбежал.

Хозяин молчал.

— Указания уже даны, — продолжал Берия. — Узнаем в ближайшее вре...

Сталину это надоело, и он перебил:

— Мавра сбежала... Покусай сбежал. Что же случилось? У нас был положительный фактор в той точке земного шара. А теперь его нет. Сперва шейх оказался негодяем, предал. Теперь двое... Ведь агенты подготовлены тобой!

У Берии покраснели уши. Сталин валил с больной головы на здоровую. Он ведь сам выбрал этих людей.

Он любил своего охранника Покусая, этого преданного ему простого русского парня. Любил — если он вообще кого-либо любил. Но в измене усмотрел подтверждение правильности своей теории: доверять нельзя никому и, чем преданнее тебе человек, тем зорче надо предвидеть обман. Мавра тоже... Ведь она прошла такую хорошую школу подготовки, никто в ней не сомневался, он лично допустил ее к себе.

От того, что в данном случае он не угадал предательства заранее, гнев в нем опять вскипел и готов был обрушиться на того, кто оказался перед ним — на Берию.

— Горо! — выкрикнул хозяин, и непонятно, кого он обозвал свиньей — беглеца или стоявшего перед ним.

У него чуть не вывалился верхний зубной протез, державшийся не очень плотно. Он вправил его на место, и полились грузинские и русские ругательства вперемешку.

Берия лихорадочно искал чужую вину, пытаясь отвести гнев от себя.

— Помнишь, как Покусай подверг опасности твою жизнь, товарищ Сталин? Перед парадом. Коня для тебя готовил...

Сталин сощурился и все вспомнил.

Когда война с немцами окончилась и задумывался военный парад Победы, вождю пришла оригинальная мысль. Он лично выедет командовать парадом на белой лошади из Спасской башни Кремля приветствовать войска, чтобы народ увидел главного героя. Покусай был родом из деревни, на лошадях ездил с детства, и хозяин велел ему отобрать лошадь на конном заводе, обкатать в Манеже возле кремлевской стены.

Выезжал Покусай по ночам. Лошадь звали Победа. Красная бархатная попона с белыми звездами покрывала ее круп. Раз Сталин, перед тем, как отбыть на дачу, велел шоферу въехать в Манеж. Он стоял и смотрел, как ему придется гарцевать перед строем войск, поскольку никогда в жизни верхом не скакал. Наконец он решился попробовать сам.

Покусай опустил перед хозяином на колени и пристегнул к сапогам шпоры. Сталина подсадили в седло, вдели сапоги в стремяна, дали в руки поводья, но лошадь мгновенно почувствовала неопытного седока. Он потянул за узцы и одновременно больно ударил лошадь шпорами в живот. Она не поняла, чего от нее хотят, резко вильнула задом, и вождь сполз ей под живот головой вниз. Охранники тотчас бросились помогать. Покусай первым подхватил товарища Сталина в воздухе, едва ли не у самой каменной брусчатки, нежно вынес его подальше от лошади, поставил на ноги.

Власик вынул пистолет, приставил к голове лошади и выстрелил. Она побилась немного в судорогах и затихла. Так гениальный замысел закончился ничем. На параде вождь скромно стоял на мавзолее и махал ручкой. Оседлав белого коня, на Красную площадь выехал маршал Жуков. Он тренировался две недели и с коня не упал, за что вскоре очутился в опале.

— Со стороны Покусая было вредительство! — сказал

теперь Берия. — Специально такого резвого жеребца отобрал. Следовало охранника отдать под трибунал.

— Ты так считаешь? — возразил Сталин. — Но поймал генералиссимуса в воздухе именно Покусай, унес на руках, и я его простил. Кстати, перед твоим приходом звонил Молотов. По его сведениям, только что полученным из Эль-Кувейта, семь оставшихся в гареме наших женщин мстительный шейх хочет выслать обратно. Какая вождя ему под хвост попала?! Когда эти проститутки сюда вернуться, надо допросить их как следует и отправить на Колыму!

Тут хозяин вспомнил про недавний инсульт и начал сам себя сдерживать. Покусай и Мавра сбежали — найдем. Девочек вернут. Зачем я трачу свои драгоценные нервы на этих подонков? Тем более в такое время, когда мне необходим покой. Не лучше ли спокойно обдумать, как правильно поступить в этой ситуации?

Постепенно Сталин успокоился. Он вообще умел управлять своим гневом, правильно его адресуя, и при этом не терять или быстро обретать снова хладнокровие и способность рассуждать трезво. Берия тоже понял, что самый страшный момент миновал.

Немного остыв, Сталин произнес:

— Ты сделал ошибку. Ты должен ее исправить.

— Если разрешишь, товарищ Сталин, мы немедленно начнем искать Покусая и Мавру по всему миру и обязательно их найдем, чего бы это нам ни стоило.

— А все-таки, — задал неожиданный вопрос хозяин, — сколько такая операция будет стоить нашему народу?

Берия не нашелся:

— Отдам приказ финансовому управлению посчитать.

— Не надо считать, я пошутил. Ты хорошо сказал: «чего бы это нам ни стоило».

Берия облегченно вздохнул:

— Уничтожим!

— погоди! Не лезь поперек батьки в пекло! Не уничтожать! Тут вы умельцы. Всех не уничтожишь. Если я когда-нибудь умру, все злодеяния свалите на меня. И ты, подлец,

тоже! Мне бы хотелось, чтобы вы любым способом доставили Покусая и Мавру сюда живыми... И вернуть сюда от шейха мою Звезду Генералиссимуса!

— Будет выполнено!

Сталин, между тем, давно думал о просчетах и зазнайстве Берии и еще накануне сместил с должности наркома внутренних дел. Зачем спешить его расстраивать в воскресенье? В понедельник узнает сам. Это ему подарок к Новому году.

Часть пятая

2005-й год:
**ОПАСНЫЕ ИГРИЩА
В КАЛИФОРНИИ**

Тайны ранчо Дьявола

Графство Контра-Коста, Ранчо Дьявола.
Суббота 8 октября 2005

Николь с Алексом, противно похрапывавшим справа, свернули с 680-го хайвея, и дорога запетляла внутри гигантской расщелины между гор, то взбираясь на холмы, покрытые сухой травой и кустарником, то резко падая в долину.

Казалось, на витых участках дороги солнце светит со всех сторон сразу. Иногда в просветах между деревьями видна величественная вершина горы Дьявола со смотровой башней. С балконов ее в ясную погоду открывается зрелище на залив Сан-Франциско, все мосты и вообще, чуть ли не на половину Северной Калифорнии, как мне говорили, а, скорее, преувеличивали. Я здесь множество раз бывал в разные времена года, но и четверти Калифорнии не разглядел. Солнце село рано, и сразу стало темно — здесь осенью всегда так.

Не случайно известная гора Дьявола называется так же, как ранчо. Местные скотоводы, которых я расспрашивал, утверждают, что Дьяволу надоело обитать на вершине горы, куда Бог, чтобы насолить ему, засылает ураганный ветер, а, бывает, и грозы, и Дьявол переселился ниже, в уютную долину на ранчо. Проверить это аборигенам не удастся, ибо ранчо Дьявола огорожено высоченным забором с электронной сигнализацией, доступа чужим внутрь нет. Телефоны заблокированы кодами, у въезда на ранчо нет никакой надписи. Почту из номерного ящика в ближайшем почтовом отделении каждое утро забирает человек в белом с погонами комбинезоне, какие носят механики.

Фары выхватывали ответвления дороги с указателями ферм. Николь хорошо знала этот путь и минут через сорок, если считать от хайвея, подъехала к замысловатым воротам. Алекс приоткрыл один глаз. Едва она опустила стекло и набрала код, из коробки послышался низкий хриловатый голос:

— Welcome*, Николь, деточка! Сколько лет, сколько зим... Мы все без тебя соскучились.

— Привет, Сильвия, — ответила Николь. — Папа уже вернулся?

С детства, еще когда учила французский в школе, она звала отца так, с галльским ударением.

— Нет еще. Обещался сегодня, но что-то задерживается. Уже я волнуюсь, ведь на завтра он назначил сбор гостей.

— Знаю, я с ним говорила.

— Кто это с тобой в машине?

— Алекс, мой друг. Успела разглядеть?

— Работа у меня такая. Отец про него знает?

— Я их познакомлю.

— Если так, открываю ворота. Раз ты с гостем, то и вези его в дом для гостей, куда же еще?

Раздался предупредительный бип-бип, створки ворот медленно раздвинулись. Николь вырулила на пальмовую аллею, затем резко свернула в проезд, прокопанный сквозь скалу.

Дом для гостей построен на вершине одного из семи холмов, окаймляющих гигантскую территорию ранчо Дьявола. Хозяин специально сделал так, чтобы приезжающие мучились на узкой кривой дорожке, но то была малая часть издевательства. Наверху разворота нет, и спускаться по адской дорожке надо задом. Машины обдирают все бока, а один бойкий визитер разрушил ограждение, пробил стену соседнего дома и въехал в лобби, когда там веселились гости. Слава Богу, никого не расплю-

*Добро пожаловать

щило об стену с картиной Пикассо. Удовольствие для хозяина-выдумщика неопишное. Ради правды-матки надо сказать, что все счета за ремонт машин после таких шуток владелец ранчо оплачивал сам.

Свежевыкрашенная блондинка без возраста Сильвия, огромная черная американка с задом, напоминающим две гигантские сросшиеся тыквы, следом за Николь подрулила к ярко освещенному входу в дом для гостей. Риверс звал Сильвию не иначе, как Леди Танк, но это разрешалось лишь ему. Расплылись в улыбке ее пухлые щеки — если б их отстегнуть, то у Сильвии получилось бы худое изящное лицо. Она обняла, чуть не раздавив, и облобызала Николь, подозрительно глянула на Алекса, но после паузы протянула ему руку.

Тут примчался Гарлик, муж Сильвии, коренастый лилипут с огромными мексиканскими усами, соединявшимися на подбородке. Под маленькими кривыми его очками пучились серые пронизательные глаза. Чтобы поцеловать Николь в щеку, Гарлик ловко подпрыгнул.

В Одессе говорят: «Моя жена красивей твоей на четыре кило». А Сильвия красивей всех килограммов на пятьдесят. Худенькая Николь на ее фоне у входа в дом выглядела, как в той же Одессе называется, «четвертью курицы». Сильвия — менеджерша на ранчо, а Гарлик, который ростом чуть ниже ее бедра, босс по технической части. Оба поднялись в гору на гольф-картах, а внизу, в долине, они предпочитают велосипеды. Она крутит педали на мужском, он на детском.

Преданные с юности хозяину ранчо Полу Риверсу, они практически самые главные люди и отвечают за все. Многочисленная обслуга зарубила на носу: не выполнил сразу то, что велела Сильвия, и завтра тебя здесь нет. А карлик Гарлик — мастер на все руки. Электрика, водопровод, компьютеры, телефон, телевидение, интернет бесперебойны. А если что где — маэстро уже крутит туда на своем велосипедике. Однажды, было дело, его переманили в Сан-Франциско, в пятизвездочный

отель, за полторы тутошних зарплаты, но через неделю Гарлик, прося на коленях у Риверса прощения, вернулся. На вопрос хозяина почему, объяснил: «А там не надо все уметь».

Сильвия и Гарлик оба любили Николь с пеленок как родную дочь еще и потому, что своих детей у них не вылупливалось.

— Есть тут кто-нибудь? — Николь повела глазами на трехэтажный, на разных уровнях построенный и возвышавшийся над пальмами дом.

— Нет, деточка, никогошеньки, — Сильвия развела руки. — Завтра, конечное дело, все заполнится, и еще не хватит. Отец сказал, будет много гостей. Молодого человека я поселю, а тебя отвезу в отцовское палаццо, так? То-то папá будет рад, если найдет тебя дома!

— Лучше я останусь, — заупрямилась Николь.

— О'кей! Тогда пускай твой друг спит в комнате на первом этаже, а ты — на третьем! — Сильвия бдила. — И будь осторожнее! Если что — буди меня. Дьявол у нас на ранчо опять развеселился, боюсь его шуток. Давеча я его в винном погребе едва не застучала на месте преступления. Когда стемнело, выбил пробку из бочки и надрался, как... не знаю, кто... Да еще полбочки разлил. Пройшей ночью мотор у старого танка, который никто не мог починить, завел, будто куда-то ехать собрался.

— Да, это правда, — подтвердил Гарлик.

Дьявол — большая мозоль Сильвии. Менеджерша уверена, что видела Дьявола здесь, на ранчо, собственными глазами, и не раз. Получалось, она с ним всю жизнь сражается, правда, без особого успеха. По ее мнению, сатана может вселиться в любого из нас, и тогда наш дух вылетает, а человек сатанеет.

— В меня Дьявол вселялся семь раз, — утверждает Сильвия. — Я его кайенским перцем из себя изгоняла, чуть сама не задохнулась. Последний раз Гарлик, умница, меня из шланга водой стал поливать, и Дьявол испарился. Я его видела прямо над собой, вон там.

И взмахнув руками, она изобразила, как он испарился.

— Да, и это правда! — опять подтвердил Гарлик и тоже показал руками, как он поливал из шланга жену.

Сильвия отворила дверь, оглядела лобби, нет ли там следов Дьявола, впустила постояльцев, помахала им пальчиками, с трудом втиснулась на сиденье гольф-карта, так что он заскрипел и перекосялся набок, и отбыла. За ней покотил Гарлик.

Пол Риверс собственной персоной прилетел на военном вертолете ночью, опустившись на крышу своего палатца. Ветер усилился, и Риверс уже из лифта разбудил механика, велел на всякий случай закрепить вертолет тросами.

Помните анекдот времен французских рантье? Дяденька миллиардер захотел полежать на пляже, где песок будет чисто золотой. Завезли тонны золота, напилили из слитков золотой песок и устлали им кусок берега. Но погода оказалась плохая, и дяденька миллиардер велел разогнать облака. Приготовили специальные химикаты, отправили самолеты, уничтожившие облака. Пришел дяденька на пляж, лег на золотой песок, посмотрел в чистое небо и сказал:

— Что может быть приятней, чем просто так лежать на песке и смотреть в небо. И на кой хрен мне мои миллиарды?

Риверс — наконец пришла пора сказать о нем несколько слов — крепко сложенный невысокого роста мужичок пятидесяти девяти лет, уверенный в себе. Местами в морщинах, будто прокорябанных гвоздем, лицо, напоминающее физиономию пиратов из кинофильма. При этом он обаятельный и с неотразимой улыбкой.

Вездесущие журналисты раскопали, что Риверс — потомок вышвырнутых из Испании за грабежи воров-домашников, очутившихся в Калифорнии и ставших во время великой эпохи Золотой лихорадки отважными авантюристами. Прадед Пола копал золотишко в маленьком

городке Коломе, на берегу Американской речки, и был правой рукой самого предприимчивого человека в истории Калифорнии (если не иметь в виду моего нынешнего героя Пола Риверса). То был полунемец-полушвейцарец Джон Саттер, который построил знаменитый форт в Сакраменто, сохранившийся до наших дней.

Хитрое благоденствие риверсовского прадеда состояло, говорят, в следующем. Когда слухи о легко доступном золоте разлетелись по миру и сюда хлынули тысячи пришельцев, Риверс-прадедущка вывесил в Коломе заповедь для золотодобытчиков.

Никогда не ври, что накопал золота больше, чем на самом деле!

А кто врал или воровал, тех просто вешали на улице в соседнем городке. Он так тогда и назывался Hang City*. Сам прадед и вешал.

На память это приходит потому, что мы с женой одно время с энтузиазмом первых золотоискателей наладились ездить на берега Американской речки. Дружно пели песню лихих искателей богатства:

*Ветер мчится — хо хо хью —
Прямо в Калифорнию!
Сакраменто — край богатый,
Золото гребут лопатой.*

Подзадоривая друг друга, обзавелись инвентарем, мыли, мыли, мыли песок в тех самых местах, но, обманывать читателя не буду, не разбогатели. С трудом намыли сколько-то мелких золотых пластинок.

От прадеда Пола к деду перешли огромные участки равнины, гор и лесов в Средней и Северной Калифорнии, приобретенные тогда, когда они стоили гроши. Ран-

*Город повешенных

что Дьявола оказалось посреди тех земель — умеренная территория, удобная потому, что находилась в уединении, плато между гор, притом недалеко от Сан-Франциско.

Отец Пола был летчиком в американских частях, освобождавших Европу во Вторую мировую войну, так что какие-то военные гены в Риверса все же заложены. Вернувшись с фронта, отец стал строить автомобильные супердороги, связывавшие оба побережья Соединенных Штатов, заключил сногшибательные контракты с федеральным правительством, на этом бизнесе сильно разбогател, потом купил нефтяные промыслы в Техасе, и сыну его Полу было с какими бабками осуществлять собственные честолюбивые финансовые амбиции.

Еще отец привозил из Франции корни хороших сортов винограда. Тогда, после войны, дело это начиналось. А Пол увлекся, развернул и наладил индустрию, построил подвалы, бутылочные заводы, закупал пробку в Испании и Португалии, его «Шираз», «Мерло», «Каберне», «Пино Нуар», «Шардане» стали известными в мире. Сегодня он как пить дать — крупнейший винодел Калифорнии.

Для абсолютного большинства людей на земле прелесть жизни не в разумных занятиях, а в бессмысленной трате времени: в эффектном пускании дыма изо рта, бесцельном трепе вперемешку с виски. Но есть чудачки, возомнившие себя спасителями человечества. Мелкие радости им неведомы. В отличие от пустых счастливицков, прозрачных, как стекло, Риверс — индивид со странностями. Его фантазии, несмотря на весь прагматизм, возведены в несколько степеней.

Он выучился в Стенфордском университете на доктора химии, при этом сделавшись обладателем огромного наследства, постепенно пересочинил свое прошлое, начав считать своих предков не от золотоискателей, а от конквистадоров, и сам в каком-то смысле видел себя их потомком, чем гордился. К счастью, он не читал советс-

ких историков, превративших конквистадоров Америки в однозначных грабителей, насильников и убийц. Впрочем, и этого не упустили вездливые репортеры, дабы лишний раз устать сверхбогатого человека.

Риверс обожает публично хвастаться кроссовками, которые купил за 25 центов на гараж-сейле* — снимает и всем показывает. Тот еще жук! Недавно перехитрил всю Калифорнию: объявил, что жертвует сорок миллионов на строительство нового медицинского центра, и медиа прославила его в веках. А вскоре после дарительных торжеств выяснилось, что эти деньги добрым дядей куда-то вложены и станут доступны через восемь лет. Выходит, до того, как строители начнут рыть котлован медицинского центра, финансовые консультанты Пола подаренную сумму, прокрутив через свою соковыжималку, минимум удвоят, и дареная сумма, таким образом, останется у Риверса в кармане.

Раз в год в апреле, когда Риверс платит налоги, он мечтает стать бедным. Америка — страна богатых, но бедным живется лучше всех. У них никакой ответственности, налогов не платят, на еду получают купоны, ухитряясь иногда числиться в двух, а то и в трех штатах. Их забота — потратить раз в месяц поступившие в банк деньги и скрывать подработанные наличные. Богатые рискуют каждую минуту. Они могут сделать ошибку и все потерять, включая жизнь. А вполне сносное существование бедных гарантировано, — такой американский социализм России не снился, не известно, когда там состоится, да и состоится ли вообще, ибо снявши голову, по желудку не плачут.

Как сказано, Пол хочет стать бедным один раз в год. Остальные 364 дня на уплаченные им налоги питается все правительство Калифорнии, да и центральным бюрократам перепадает немало. Человек он щедрый, дарит деньги соседним школам, студентам на стипендии, сим-

*Дешевая распродажа своих вещей возле дома.

фоническим оркестрам, музеям. Развлечения ради он иногда приходит в класс, дает урок химии, а в задних рядах сидят журналисты, и на учителя в кроссовках за 25 центов нацелены телекамеры.

Риверс истинный трудяга, и редко ему в голову западает мысль об отдыхе. В каком-то плане он по своим взглядам коммунист. От каждого миллиардера по способности, считает он, каждому по потребности. Наверное, его обманывают — мало ли жулья кормится вокруг? Тем более, что для романтической души этого человека, обуреваемого (теперь время об этом сказать) неудержимой страстью к коллекционированию, от которой мозги слегка сдвигаются набекрень, как лихая кепочка на затылке, — деньги никогда не становятся целью, но лишь средством.

Сперва Пол начал собирать старинные автомобили, благо это в Калифорнии модно. Недалеко, в даунтауне Монтерея, по весне ярмарка. Купи билет — можешь гулять от машины к машине, восхищаясь уникальностью возраста реликта и отделки. Бесплатное вино тебе едва успевают подливать. Организаторы рассчитывают, что ты приобретешь какой-никакой автомобильчик, выложив с полмиллиона, а то и побольше. Риверс приезжал и покупал. Надолго его не хватило (эка невидаль первобытный «форд!»), стало скучно, остановился.

Ну что в них — в старинных автомобилях? Слишком много таких коллекционеров, но Риверс не любит быть незаметным в толпе. Все его автомобильные раритеты, собранные на ранчо Дьявола, оказались в один прекрасный момент пущенными с молотка за скромные цены, быстрее бы. Баста!

Это случилось, когда через друзей в Министерстве обороны он услышал, что можно добыть отслуживший свой век танк. Привез на ранчо. Научился им управлять. И душа его поселилась в танке. Танки — вот коллекция, достойная его внимания, его всепоглощающей страсти!

И уже доверенные люди миллиардера Риверса шныряют по миру в поисках бронетехники. Разных видов и типов, битой и новой, известной воякам всех стран и секретной. Торгуются, покупают, в деньгах не скупясь, то легально, то совсем нет, иногда действуют через подставных лиц из третьих стран. Выбрали лучшие советские танки в Восточной Германии, перегнали гвардейские бронетранспортеры на Дальнем Востоке через китайскую границу — пограничные войска КГБ ушами хлопали.

Проникают личные агенты Пола на танковые заводы в Израиле, России, Северной Корее, взятки дают, и — отовсюду плывут танки в темных опечатанных трюмах сухогрузов, зафрахтованных в неизвестных странах, плывут сюда, в залив Сан-Франциско. В порту Окленда танки, заарканенные морскими кранами, взлетают над бухтой и медленно опускаются на тяжелые грузовые платформы. Те, проползая по узким дорогам между холмов, таранят их на ранчо Дьявола.

Риверс построил мастерские, где разбитые в боях машины доводят до ума. Он сам весь в грязи и масле часами лежит под танком, исправляя поломки — это наслаждение ни с чем не сравнимо! Наверное, говорит он, так чувствует себя женщина под любимым мужчиной. Но оставим Зигмунда Фрейда в покое.

Попасть на ранчо Дьявола трудно. А проникни вы туда, увидели бы танки Риверса сами и, как говаривал Виктор Гюго, мы были бы избавлены: автор — от описания этого явления, а читатель — от чтения посредственного описания.

Журналисты любят повторять, что Пол, будучи ребенком, любил играть в военные игрушки, поскольку отец у него был летчиком. Щелкоперство все это! Думаю, вообще-то, он, как и многие другие, начал собирать свои коллекции под прессингом древней, но до сих пор не понятой врачами и неизлечимой болезни накопительства.

Страсть к танкам вспыхнула внезапно, ниоткуда, ни из чего и поглотила все его существо. Маньяком сделаться не просто, но уж когда втянулся, всей птичке хана. Аппетиты росли, и в загашниках на ранчо Дьявола собиралось вооружение, военная одежда всех времен. А еще — военные ордена всех стран. Ордена хранились в комнате-сейфе. Пол иногда нацеплял на себя иконостас, копируя портреты восточных диктаторов вроде Сталина или Брежнева, и красовался перед Сильвией и Гарликом, а те покатывались со смеху.

Постепенно Риверс подвел под свою манию некую философско-политическую базу. И стал считать дьявольские изделия: все эти танки, пушки, а также противогазы, которые изредка надевает он на своих гостей, — собирательством для будущего человечества. Он хочет оставить следующим поколениям «музей стального ужаса», как заметил один репортер.

Виноградники, к осени пожелтевшие, ждут, чтобы быстрее собрали грозди. Лоза сожительствует с танками, поля частично разворочены гусеницами.

На сейсмической карте Калифорнии увидите, что под ранчо Дьявола, принадлежащим Полу Риверсу, проходит линия разрыва земной коры. На этой же линии оказался сильно разрушенным Сан-Франциско в 1906 году и в 91-м. Мы давно привыкли жить в зоне трясушки, не замечаем, не волнуемся. Чему быть, того не миновать. Я сам однажды чудом не попал под обломки. А вот фермеры, соседствующие с Риверсом, от зависти или просто по злобе, периодически жалуются в полицию. Его тяжеленные танки, кользящие по пыльным дорогам ранчо Дьявола, так давят на поверхность земли, что провоцируют новое землетрясение. Дабы поставить галочку в отчете, шериф с полицейскими приезжают к Риверсу, и очередная жалоба мирно разрешается там, где может возникнуть землетрясение, а именно «под ранчо» — в винных погребах.

Нет-нет да и вспомнит Риверс изречение древних мудрецов: «Работай, будто тебе не надо денег. Люби,

будто тебе никто никогда не причинял боли. Танцуй, будто никто не смотрит. Пой, будто никто не слышит. В общем, живи, словно на земле рай». Его рай называется «ранчо Дьявола».

— Все, что Бог делает хорошо, Дьявол портит, — заметил как-то Риверс. — Оба они, и Бог, и Дьявол, скрупулезно подсчитывают дни нашей жизни на калькуляторах. Бог нам дни добавляет, а сучий потрох Дьявол их отсекает.

Это любимая поговорка Пола, лысина которого блестит на солнце, как свежeweымытая жидким мылом тарелка. Он глядит вокруг, чуть прищурившись, всегда с недоверием и часто со смешком. Возможно, так и надо смотреть на жизнь.

Дьявол действительно живет где-то около, делает гадости, например, танки, установленные в историческом порядке по годам и странам, передвигает по ночам, причем рева моторов не слышно. В домах пропадают вещи. Убедившись в этом очередной раз вечером, когда у него пропали очки, Риверс божился, что утром пристрелит Дьявола из «калашникова» или из «узи», но до утра забыл.

Акулий плавник над кроватью

Калифорния, Ранчо Дьявола.
Воскресенье 9 октября 2005, утро

Спозаранку, еще затемно, недоспав до своей минимальной нормы, Риверс, позевывая, поднялся с постели. Стогняя сон, нажал две кнопки, и автомат выдавил ему глоток эспresso. Пол облизал губы, вышел в трусах на балкон с инфракрасным биноклем. На лысых вершинах холмов, особенно к востоку, светлеет раньше, но и там еще стелился мрак, смешанный с легким туманом.

Дом для гостей строился с таким расчетом, чтобы хорошо просматриваться из палатки хозяина. Он уже знал (Сильвия оставила ему сообщение на автоответчике), что Николь прикатила с бой-френдом, похожим на русского. Военный бинокль без труда пробирался сквозь тьму, но окна на третьем этаже дома, в отличие от всех других, пустых окон, были прочно задраены занавесями.

Пол разбудил Сильвию.

— Значит так, sir, — прохрипела она спросонья. — Его зовут Алекс...

— Зачем она привезла его ко мне? Это что — серьезный вариант? А если нет — чего ему нужно?

— Ох, я немножечко послушала, о чем они говорят.

Гениальный Гарлик был изобретателем тотального наблюдения за всеми объектами ранчо Дьявола, включая виноградники и стойла для танков и лошадей. Сам хозяин, разумеется, остался не охваченным.

— И что ты, Леди Танк, узнала? — спросил Риверс.

— Часть они говорили на непонятном языке, возможно, русском. Он энергично ухаживает за твоей дочерью и хочет поговорить с тобой.

— О чем?

— Пока неясно.

— Скажи им обоим, что я занят и пускай они у меня до вечера не вертятся под ногами. Я хочу побыть один.

— О'кей, проснутся — я так и сделаю.

Надоели случайные приставучие любопытные. Надо нанять больше молодцов в службу безопасности фильгровать людей. Но ведь и своим трудно доверять.

Вот уже два с половиной года, как Риверс сильно изменился и в общем-то предпочитает одиночество. Оживает, когда собирает у себя на ранчо гостей. Это случится сегодня вечером. Он хорошо напьется (желудок уже это предвкушал), эксцентрически взбодрится и будет до середины ночи хвастаться своими коллекциями. Но до второй половины дня он не позволит, чтобы кто-нибудь посягнул на его покой, даже родная дочь, которую он несомненно любит и давно не видел.

Пол вернулся в спальню, пожившись от сырости, накрылся одеялом и, задрвав голову, посмотрел на портрет Джулии. Ему почудилось, что она опустила веки, почувствовав его взгляд. Но скорей всего жалюзи на ближайшем окне пошевелились от ветра, и тень скользнула по ее лицу.

Риверс увидел ее на острове Санта-Каталина, сидящей на камне, у самой воды, смуглую, с чуть раскосыми глазами и черными волосами, раскиданными по плечам. Он тогда, ко всем своим хобби, еще и рыбу ловил.

— А если я вас приглашу к себе на яхту? — неожиданно для самого себя спросил он, поскольку танки уже тогда предпочитал женщинам. — Вы не рассердитесь?

Она внимательно на него посмотрела:

— Не рассержусь. Но и с места не сдвинусь.

Риверс не обиделся, но, избалованный с пеленок, не привык, когда ему отказывают, тем более, в мелочах.

— А если мне нужно помочь... — это была максимальная хитрость, на которую его хилая интрижная частица ума сподобилась. — Помочь тоже откажетесь?

— Смотри в чем помочь, — она расхохоталась. — Если вы разбойник, задумали причалить вон к тому лайнеру на рейде и грабить каюты пассажиров, тогда я согласна. Буду стоять на шухере, деньги пополам.

Да, она это сказала, чем Риверса немало удивила. Тут на острове Санта-Каталина, несмотря на идиллическую жизнь, Пол с детства чувствовал запах пиратства. Пиратов влекло сюда во все времена — так уж удобно расположен остров. Где-то в бухте покоятся на дне остатки «Нинг по» — китайского корабля «Ласковая волна». Отчаянные матросы занимались работоторговлей, контрабандой, а заодно — грабили проходившие мимо пароходы.

Мальчишкой Пол примеривал это все к себе, а теперь надо бы дать деньги на подводные раскопки. Больше ста лет хозяйничал в этом районе Тихого океана «Нинг по», пять поколений пиратов сменилось, последний раз стал корабль на якорь в бухте Санта-Каталины. Кто-то свел счета с пиратами, корабль разворовали, подожгли и он затонул. Увы, пиратом Пол не стал, но получилось, что незнакомая Джулия пошутила с Полом на той же волне. Фантазия у Пола плосковата, и он, обсудив с ней историю местных пиратов, перешел к делу.

— Рыбу жарить умеете?

Вопрос растопил ее ироничную неуступчивость, означая, что он холостяк. На яхте гостя бегло осмотрела каюты, гостиную, нашла кухню. Над Полом слегка посмеивалась, и это его подзадоривало. Пойманную рыбу Джулия быстро почистила, порезала, зажарила, накормила его, голодного, и заявила: она выполнила его просьбу и уходит. Он стал уговаривать ее остаться, и она сжалилась. Она ведь на Санта-Каталину приехала пару дней отдохнуть.

Ну, а дальше все пошло само собой. Надо отметить, что Риверс до того ни разу не женился.

Джулия писала диссертацию в Университете Южной Калифорнии по истории итальянской музыки средних веков и изредка ему напевала, пританцовывая. Уже оглохший от рева танков он топал вокруг нее, как слон. Зато он стал

учить ее дегустировать вина. Короче говоря, они спелись в графстве Мендосино, путешествуя от одной винной фермы к другой на его «феррари» с поднимающимися вверх дверцами. И Джулия каждый раз говорила, что вино на ранчо Дьявола вкусней, чем на любой прославленной ферме в графстве Мендосино.

С своей музыкальной натурой Джулия первой начала размышлять о некоей трудно объяснимой связи меж вином и музыкой — их сочетание работает. Пола, чуждого гармонии, идея увлекла, и они вместе затеяли разбавлять вина Бахом, Вивальди, Шопеном и Штраусом, отчего «Каберне», «Пино Нуар», «Шираз» и «Мерло» становились вкуснее. Процесс назвали превращением Баха в Бахуса. Сближение душ последовало за этим. Или просто пришла пора, как заметил поэт. Пассия оказалась с ним одногодкой, тридцати пяти лет, но теперь такие мелочи перестали иметь значение.

Нижеследующую заметку обнаружил я, просмотрев в библиотеке рулон с микропленкой одной из самых известных газет Америки, и тут же перевел.

*«Лос-Анджелес Таймс», 6 сентября 1981,
Воскресный выпуск*

Миллиардер объявляет о женитьбе

Авалон, графство Лос-Анджелес, остров Санта-Каталина, 5 сентября 1981.

Местные газеты публикуют интервью крупнейшего миллиардера Пола Риверса, который сообщил о своей предстоящей свадьбе. Его невеста — аспирантка Университета Южной Калифорнии Джулия Покусай.

Столь глухое место для венчания, заявил мистер Риверс, выбрано потому, что его невеста родилась на этом острове. Пресса допущена не будет. Для своих гостей, прибывающих на торжества из многих стран мира, мистер Риверс зарезервировал все номера во всех девятнадцати отелях города Авало-

на. Президенту Рональду Рейгану служба безопасности, напуганная недавним на него покушением, не разрешила посетить остров, но Пол Риверс получил поздравительное послание от главы государства и первой леди.

Обряд венчания состоится в католической церкви Катерины Александрийской в День Труда, 7 сентября, в 2 часа пополудни. Свадьба в ресторане «Армстронг» начинается в 6:30 вечера и будет продолжаться до 4-х утра. Санта Катерина, главная улица острова, как объявила полиция, будет в указанные часы перекрыта, что уже вызывает протесты жителей острова.

О происходящем читатель уже знает, а вот как информация в газете повлияла на события, мной описываемые, еще нет. Дело было не в месте рождения невесты. Венчаться и сыграть свадьбу они отправились туда, где познакомились, — в романтический городок Авалон.

Пол спросил, впрочем, не придав этому никакого значения, почему у невесты немного странная фамилия — Покусай. Она объяснила это русскими корнями, сказала, что связи с отцом и матерью не поддерживает. То была правда, ведь она их стыдилась, но сам факт тоже не вызвал у Пола никакого недоумения. Родители подчас бывают отработанным материалом, который выполнил свои функции и после не востребуется.

В рыбном ресторане «Армстронг» с видом на залив и часть Тихого океана в широком кругу друзей звучали тосты за первый и все последующие счастливые дни мистера и миссис Риверс. Звезды Голливуда, друзья жениха, потешали публику экспромтами, выученными заранее. Один из однокурсников Джулии ради торжества заранее переправил сюда с материка клавесин и теперь поражал уши всех присутствовавших сюитами Франсуа Куперена, учителя сольфеджио при дворе Людовика XIV.

В шуме музыки и суете танцующих пар официант подкрался сзади к новобрачным и, согнувшись пополам, прошептал на ухо Джулии:

— Миссис Риверс, у черного хода со стороны кухни, за оградой, вас ждет женщина, просит на минуту подойти. Говорит, она ваша родственница, давно вас не видела и хочет поздравить. Охрана уже грозила ей, но она с места не сдвигается, не оттаскивать же ее силой. Не следует вам ходить, но мне стало женщину жалко, поэтому передаю ее просьбу.

Джулия удивилась, подняла глаза на Пола. Тот о чем-то оживленно спорил с двумя гостями, подошедшими к нему с другой стороны длинного стола. Невеста, впрочем теперь жена, тихонько выбралась из зала и, обеими руками придерживая шлейф платья, двинулась к черному ходу. Два телохранителя последовали за ней.

По ту сторону высокой чугунной ограды, вцепившись в нее, стояла женщина лет пятидесяти с небольшим, скромно, не для свадьбы одетая в короткое платье и серую спортивную куртку с красными полосками вдоль рукавов. Голову укрывал платок. Сумка висела на плече. Вид у женщины был испуганный, словно вот сейчас оторвут ее руки от ограды и прогонят. Едва толпа на улице заметила Джулию, раздались аплодисменты, крики, свист. Пришлось помахать публике, ожидавшей здесь часами, чтобы лицезреть хоть что-нибудь из частной жизни всем известного миллиардера Риверса.

— Джулия, доченька! — крик вырвался у женщины, и сразу ясно стало, кто есть кто. — Счастье-то какое!

На них смотрели сотни глаз. Мать говорила по-английски, понимая, что русского языка у дочери быть не могло. И не ошиблась.

— Is this you Maura?* — Джулия не смогла выговорить более уместного слова «мама», поскольку никогда в жизни его по отношению к Мавре не употребляла.

Мать и дочь, смущенные и взволнованные, стояли, разделенные оградой, и смотрели друг на друга. Если не считать детства, Джулия видела мать первый раз.

*Это ты, Мавра?

— Ты такая красивая в этом платье! — прошептала, запынаясь, Мавра. — Родив тебя, я в этом ресторане судомойкой работала. Господи, как я рада, что у тебя все хорошо, поздравляю!

Джулия и не вспомнила бы свою биологическую мать, если б перед отъездом в колледж не услышала от реальной матери исповедь. Женщина, когда-то совладелица ресторана «Армстронг», покаялась, что, удрав в глухой Средний Запад, всегда боялась появления Мавры. Чего доброго, разыщет и ребенка заберет. Вот так: одна мать дочку бросила, другая с ней скрылась. В результате Джулия навсегда обиделась на обеих.

Теперь Мавра стояла перед ней, Джулия чувствовала ее дыхание, но никаких чувств у дочери не проявилось.

— Как ты узнала про свадьбу? — дочь пришла в себя после неожиданной встречи.

У Мавры текли слезы. Она протянула Джулии вырезку из газеты «Лос-Анджелес Таймс». Джулия мельком взглянула, отдала обратно. Телохранители следили за каждым движением незнакомой женщины.

— Так хорошо, доченька, быть с тобой в эту минуту и видеть, что у тебя все по-человечески!

— Но я не могу провести тебя в ресторан, — Джулия глянула на Маврины поношенные и в пыли туфли без каблуков.

— Ни в коем случае! Я даже не мечтала об этом — только на секунду взглянуть на тебя.

Мавра просунула руки, чтобы потрогать дочь, которую она не видела столько лет, но Джулия отстранилась.

— Мне надо идти. Положение у меня такое, сама понимаешь... Как только будет возможность, я тебя найду.

— Понимаю, доченька! — Мавра засуетилась, открыла сумку, вытащила сверток, обвязанный белой ленточкой, и протянула дочери. — Я бы не решилась мешать твоему счастью, да вот подарок к свадьбе тебе привезла. Носить это не будешь, храни как память. Ничего дороже этого у меня нет. И никого нет дороже тебя.

Джулия взяла подарок, усмехнувшись, поблагодарила и, не оглядываясь, убежала.

Мавра подождала, пока Джулия скрылась за дверью, сняла с головы платок и вытирала им слезы. Без платка стало видно, какое у нее сохранилось тонкое, красивое лицо. Время способно не на всё. В толпе, стоявшей вокруг, обнаружили сходство обеих женщин, но кто мог затмить сказочный образ невесты-жены в подвенечном платье ценой в полмиллиона долларов?

Пол не заметил краткого исчезновения жены, поскольку уже изрядно захмелел. На возвращение миссис Риверс за стол гости реагировали просто:

— Горько! — закричали из разных мест зала, и молодым пришлось еще раз публично поцеловаться.

Джулия, которая успела за дверью черного хода остановиться, развернуть сверток и увидеть драгоценность, похожую на морскую звезду, решила не врать и не хитрить, а просто сказать мужу, что ей прислали подарок от матери.

— Это же советский орден! — мгновенно сообразил Пол.

— Если так, то это подарок тебе!

Так Звезда Генералиссимуса перекочевала в коллекцию Риверса на ранчо Дьявола.

Родители Пола, оставив единственному сыну гигантское наследство, к тому времени умерли. Ранчо Дьявола с появлением жены хозяина ожило. Пол демонстрировал свои танки, их смертоносные возможности, заталкивал ее в немецкий «Тигр», заводил мотор и показывал, как двигать рычаги, чтобы повернуть направо и налево. Чуть не разворотили угол палаццо — к счастью, заглох дизель.

Джулия спешила родить — все-таки тридцать пять, и Пол вовсе не возражал. В 83-м году появилась на свет Николь, здоровенькая, как свежий огурчик, глазки — виноградинки, попка — два апельсина, ушки — ломтики авокадо, — могу дальше воспроизводить комплименты, которыми ребенка осыпали друзья и прислуга, но лучше остановлюсь.

Пол все-таки парень с великими причудами, или, если хотите, с придурями, — Дьявол его тянет то туда, то сюда.

«Не женское это дело — мыть унитазаы», — благородно заявил он, и однажды сам стал мыть их вместо служанок. Унитазов у него в палатце, сами понимаете, не счесть, поэтому повторения подвига не произошло, но сам энтузиазм — другим наука.

Раз Полу пришло в голову, что у Джулии периодически портится настроение из-за цвета стен. Он решил, что стены в комнатах его жены никто не может покрасить так, как нужно, и решил это сделать сам. Он разыскал единственную в Америке фабрику, выпускающую краски, меняющие в течение дня тон в зависимости от положения солнца на небе. Каждая стена красится в свой оттенок, и он постепенно, к вечеру, меняется. Таким образом, с утра до вечера в комнатах полно мягкого света. Пол любил Джулию, а чего не сделаешь ради любви? Убил полгода жизни на малярные работы — профессионалы покрасили бы его палатце за несколько дней.

Николь незаметно повзрослела, умом и настойчивостью, военными интересами — в отца, нервишками — в мать. Дочь отбыла служить в армию, появлялась на ранчо Дьявола редко.

Что-то с Джулией происходило, Пол чувствовал, но не понимал, что именно. А она тосковала. Все, начиная с танков, вызывало в ней раздражение, разноцветные стены тоже. Загашники, в которых ее муж хранил свезенное со всего мира оружие, солдатскую амуницию, хотя там был идеальный порядок, жена стала называть «загашниками».

Однажды в теплый и тихий вечер, когда оранжевый диск солнца наполовину сел за холмы в залив, Джулия, полная решимости, поднялась на лифте в кабинет Пола и, сжав кулаки, тихо спросила:

— Танки или я?

Его ответ был прост и искренен:

— И танки, и ты!

Но думается, как бы он ни ответил, суть происходившего не в этом, и танки ни при чем, ибо жена заявила ему открытым текстом: она встречается со своим сокурсником

по кафедре музыки, играющим на клавесине старинную музыку. Не сомневайтесь, Риверсу уже доносили. Жена цезаря должна быть вне подозрений, цезарь Риверс ни о каких «ханки-панки»* ее не спрашивал.

Джулии все сделалось тут не мило, даже дочь перестала ее интересоваться. Оживала хозяйка ранчо Дьявола тогда, когда отправлялась в конец XVII века и слушала сюиты Франсуа Куперена в исполнении своего друга-клавесиниста.

Иногда на ранчо Дьявола появлялся сам клавесинист, человек мягкий и стеснительный, с аккуратно постриженными черными усиками с проседью, длинноволосый, как Паганини, в поношенных джинсах, торчащих на коленях и выцветшей рубашке с короткими рукавами, которая была когда-то в синих анютиных глазках. Пол охотно показывал другу жены свои коллекции, шутил, что в принципе лучшей музыки, чем рев танкового мотора, на свете не бывает, но для сюит Франсуа Куперена он готов сделать исключение.

Чтобы угодить Джулии и помочь гостю на ранчо продемонстрировать свой выдающийся талант, агент Пола разыскал в Бельгии редкий клавесин. Его привезли грузовым военным «Боингом» и поставили в одной из больших гостиных палат. Перед игрой маэстро скрывался в соседней комнате, отворял чемоданчик. Артист всегда носил его с собой и переодевался в старинного покроя черный фрак, панталоны до колен, белые чулки и туфли с позолоченными пряжками, переносясь таким манером в конец XVII века, куда за ним рвалась Джулия.

Клавесинист путешествовал по миру с концертами, и Джулия, забросив диссертацию, стала летать на джете мужа в Рим, Сидней, Прагу, Таллинн, Брюссель, Рейкьявик, не пропуская ни одного концерта своего сокурсника. Против Людовика XIV танки не выставишь, и Пол терпеливо молчал. Дьявол жену попутал, но, может, ненадолго? В душе Риверс надеялся, что Джулия вовсе уже не девочка, погуляет и вернется. Нанятый астролог заверил в этом мужа.

*Любовная интрижка

Пол надумал построить концертный зал для маэстро где-нибудь неподалеку от ранчо Дьявола, и пускай клавесинист на здоровье дает концерты хоть каждый вечер. Собрать калифорнийскую публику на исполнение сюит, да еще часто, — шансы невелики, но Пола не это занимало. Главное, Джулия не улетала бы далеко.

Уже куплен участок и придумано будущему музыкальному центру название «Julie and Paul Rivers Concert Hall»*, но жена объявила: ей понравилось путешествовать и, к тому же, клавесинист лучше коллекционера танков. Пол спросил:

— Чем лучше?

— Чем ты! — ответила она и уехала совсем, став дорожной подругой средневекового маэстро.

Отбыла она тихо, на такси, без вещей. Ее полукилометровые шкафы с одеждой остались нетронутыми, как и многочисленные ящички с драгоценностями и бижутерией. Будто Джулия собиралась когда-нибудь вернуться к Полу или выйти замуж за другого миллиардера.

В тот же день Сильвия, подъехав на своем карте к палатцу, поднялась на лифте в кабинет хозяина ранчо. У него сидели два партнера по бизнесу, и ей пришлось отозвать Пола в коридор.

— Я сделала большую глупость, убейте меня, — сказала она шепотом.

— А именно?

— Перед отъездом мадам велела мне отпереть дверь в комнату-сейф с орденами. Ваша жена всегда имела право на все входы и выходы, и я ее пустила. Она сразу разыскала Звезду Генералиссимуса, забрала и смылась. Я пикнуть не успела. Кто мог подумать, что она отвалит от вас совсем? Что я наделала! Вы должны меня уволить!

Пол поцеловал ее в висок.

— Успокойся, Леди Танк. Джулия подарила мне Звезду, когда вышла за меня, и логично, что забрала ее с собой.

*«Концертный зал имени Джулии и Пола Риверсов»

— Она что? Хочет наградить своего музыкантишку?

— Возможно, и так, — Пол грустно опустил голову. — В любом случае, не казни себя — ты не виновата!

Он вернулся к партнерам обсуждать дела.

Джет перестал перебрасывать хозяйку ранчо с континента на континент, музыкальный центр для клавиесниста не построен. Если вечером под настроение Пол осушал бутылку вина, он хаотично тыкал клавиши уникального клавиесина. От тоски Риверс яростно приобретал старые танки, благо мир давно сошел с ума, и этих адских изделий, поврежденных на полях сражений, имеется в избытке, только плати. Разбитых грязных уродов с прорванной, как бумага, броней, а то и запекшейся черной кровью на сиденьях коллекционер с нанятыми и преданными ему больше жены механиками восстанавливал. Сам варил металл, разбирали коробки передач, вытачивал на станках детали, надрываясь, надевал тяжелые гусеницы.

Через полгода произошло нечто страшное. Дьявол, обитающий на ранчо, вопреки терпению и всепрощению Риверса решил по-своему остановить эксперимент с загулявшей женой. После очередного концерта в Панама-сити, во Флориде, клавиесинист с подругой отправились на местный пляж купаться. Там в тот день были вывешены предупреждения «Купаться опасно — акулы!», на которое они не обратили внимания. Джулия отлично плавала и круглый год не ленилась это делать в бассейне на ранчо. Оставив друга плескаться возле берега, она заплыла далеко и вдруг исчезла. Совсем исчезла.

Клавиесинист позвонил на ранчо Дьявола, весь комок нервов и в слезах. Через пять часов Пол уже посадил свой джет в аэропорту Панама-сити и в тоске обнялся с бойфрендом жены. Тот беспомощно причитал, бормоча несущественные глупости. Клавиесинист-то он был известный, но бедный, а для широкомасштабных поисков, включая подводные, требовались немалые суммы. Используя связи наверху, Риверс поднял на ноги чуть ли не всю береговую

охрану Атлантики, спасательные части подводного флота, разыскал группу частных морских охотников.

Хищницу с помощью военных радаров выследили по остаткам кровавого следа и убили. Белую акулу кархародон вытащили на палубу, но в желудке тела не обнаружили, хотя анализы показали присутствие крови Джулии в пасти акулы. По мнению экспертов, она перекусила Джулию пополам, а потом хищнице помешали. Другие, более опытные акулы, растащили тело, ибо возраст пойманной человеколюбивой твари определили тинейджеровский — лет десять-двенадцать.

Хоронить Полу оказалось некого. Место для надгробия он указал пилоту на карте ранчо.

Коричневую в белых прожилках мраморную глыбу с выгравированным именем Julie Rivers опустили с вертолета неподалеку от палатки. Камень подмял под себя высокую траву и слегка осел в почву. Могилы под ним нет.

Николь прилетела на эти символические похороны из Германии, где она стажировалась. Дочь стояла бледная, напряженная, сжав кулачки, глаза без слез, и видно было, как ей тяжело и больно.

— *In nomine Patris et Filius et Spiritus Sancti!* — разлетелись в воздухе слова священника. — *Amen!**

Приехал на похороны бой-френд клавесинист, но Пол на сей раз, хотя, вы подумаете, что слишком поздно, проявил характер. Охрану заранее предупредили, и Сильвия, не открывая музыканту ворот, выразительно объяснила через спикер, что адюльтер пришел к развязке, и хозяин просит нас больше не беспокоить. Она никогда не говорила «нас», помня кто есть кто на ранчо, на этот раз у нее на нервной почве вырвалось.

— Так ведь я хотел сыграть Джулии на прощание сюиту Франсуа Куперена, которого она так любила! — воскликнул маэстро.

— Играй здесь, за оградой, — посоветовала Сильвия и выключила переговорник.

*Во имя Отца и Сына и Святого духа! Аминь!

В этот момент все артиллерийские орудия, находившиеся в рабочем состоянии и уже заряженные холостыми снарядами, дали залп. Эхо слышали в Сан-Франциско. Таков был замысел хозяина. Земля содрогнулась. На всех станциях слежения за земной корой заколебались стрелки.

Отец и Николь, оставшись после похорон в палатке вдвоем, долго молча рассматривали двухметровый плавник той белой акулы кархародон, которая перекусила тело Джулии. Они решили повесить плавник в большой спальне на стене, в изголовье кровати, под портретом.

Как у всех настоящих американских отцов, у Пола любовь к дочери проявлялась в том, чтобы не очень о ней заботиться. Пусть пробивается сама, это самое лучшее воспитание. А если деньги понадобятся, Сильвия ей переведет. Соответственно через два дня Николь спокойно улете-ла обратно в Гармиш-Партенкирхен, бросив отца прозябать в одиночестве.

На соседних фермах, где небогатые хозяева, нанимая за гроши мексиканских нелегалов, выращивают апельсины и грецкие орехи, вскоре поползли слухи, будто это вовсе не несчастный случай. Уплыть так далеко, когда нету шансов вернуться, есть самое настоящее самоубийство. Джулия, дескать, добровольно или сознательно отдалась акулам. Более злые языки шептали, что жена миллиардера Риверса просто-напросто заблудилась между двумя мужчинами. Но, возражали им другие, разве это повод для самоубийства? Сколько женщин и мужчин в таких историях заблудились, а ведь продолжают жить и счастливы. Дьявол их разберет, кто прав.

Джулия не вернулась на ранчо и уже не вернется. Дьявол мстил Полу Риверсу. За что? А Бог не вмешивался, полагая, что человек с таким капиталом может обойтись и без Божьей помощи. Пол осунулся, как-то сразу постарел, долго не мог прийти в себя. Танки на время перестали его радовать, но их грохот хорошо заглушал боль сердца.

Big toys for big boys*

Калифорния, Ранчо Дьявола.
Воскресенье 9 октября —
ночь на понедельник 10 октября 2005

Сборища гостей, которые Риверс периодически устраивал, как я уже упоминал, отвлекали его от мрачных мыслей и давали некий заряд энергии. В приглашениях значился ближайший частный аэропорт, откуда на ранчо Дьявола участников перебрасывали двумя тяжелыми военными вертолетами.

С утра вереницы грузовичков из самых лучших в округе ресторанов длинной очередью пробирались через главные ворота ранчо. Повара, прилетевшие из Парижа и Рима, уже всюду суетились на временных кухнях, разбитых под тентами в разных местах. Сильвия и Гарлик носились, как угорелые, решая одну за другой бесконечные проблемы. Сам Пол сидел в кабинете на верхнем этаже палатки и хладнокровно ковырял в носу. Позвонила Сильвия сказала, что все 714 гостей прибыли. А ежели кто опоздал на последний вертолет, так ему и надо!

Грандиозный палатки в три этажа (и, кстати, столько же еще невидимых этажей под землей, построенных в нашей сейсмической зоне с невероятной прочностью), с внутренними садами, бесчисленными балконами и колоннадами по периметру впечатлял элегантную толпу своей роскошью и безвкусицей. Я думаю, архитектор слегка схалтурил и содрал проект с резиденций древнеримских императоров. Гости в вечерних туалетах кучковались, прячась в тени

*Большие игрушки для больших мальчиков (*амер. поговорка*)

деревьев от солнца. Сотни две официантов мелькали в толпе. Подносы с бокалами вина быстро пустели. Муравейник шевелился и гудел, ожидая сигнала к обеду.

И я там был, насчет меда не помню, а мюнхенского пива завезли более чем достаточно. В список приглашенных на ранчо Дьявола мы с женой попали по благу, как вы уже поняли, через мою студентку.

Полковник Стив Катабасис прилетел на своем вертолете и по старой дружбе опустился на крышу палатки, рядом с машиной Пола. Прокрался в кабинет Риверса, и они скупко обнялись.

— У меня новость, — сходу заявил гость. — Я развелся с женой.

— Мне поздравлять или сочувствовать? — спросил Пол. — Ведь у тебя двое детей...

— Дети оба, и дочь, и сын, в колледжах, проблемы нет. Главное — я свободен. Не хочешь меня спросить, почему я стал холостым?

— Почему?

Катабасис ответил тихо после долгой паузы:

— Я люблю твою дочь.

Риверс неприлично загоготал:

— Ты что, серьезно?

Стив не обиделся.

— Более чем. Я прилетел к тебе просить ее руки. Жить без нее не могу.

— А она? Она может без тебя жить?

— Пока еще я никак не пойму, — щеки у полковника порозовели. — Видишь ли, в Германии Николь числилась моей подчиненной, и было политически некорректно регулярно приглашать ее на обед или в кино. К тому же моя жена легко узнала бы, что я... Ну, понимаешь... Зато теперь — другое дело! Я стремлюсь с ней неограниченно сближаться, если ты, мой старый друг, не возражаешь. А жениться готов хоть сейчас.

— Ты что, с луны упал и ударился о мою вертолетную площадку? — Пол взял Катабасиса за плечи и ласково усадил на диван. — Тебе налить джина с тоником?

— Налей мне лучше пару глотков Irish whiskey*.

Пол открыл бар, бросил в стакан кусок льда и откупорил бутылку. Стив выпил залпом, пососал лед и сплюнул обратно.

— Послушай, дружище, ведь Николь вдвое тебя моложе!

— Что с того? — полковник слегка смутился. — Любовь же...

— Любовь? Так это новое поколение — Дьявол их разберет, чего им надо. Ну и выходка средних веков — просить руки моей дочери! Да, она мой ребенок, но она же не женщина, ты сам знаешь, ты ее учил. Нет, не женщина — она сержант! Поэтому я и денег ей мало даю, пусть пробивается сама. Женщины часто жалеют, что они не родились мужчинами. Бывают исключения — те, которые счастливы тем, что они женщины. На этих исключениях и надо жениться. А на таких, как моя дочь Николь, — никогда! Но у вас, у глупых полковников, своя логика. Впрочем, «нет» у тебя уже есть, приятель. Попытайся побороться за «да»!

— Наверное, ты прав, я глуп, — вздохнул Катабасис. — Поглупел от любви. А Николь сейчас здесь?

— Здесь-то здесь, где-то на ранчо, но я ее еще не видел, — ответил Пол. — Говорят, приехала с каким-то бой-френдом. Ищи ее сам. У меня видишь, какой хаос? Надо гостей развлекать.

Между тем Николь на время отделилась от Алекса, рвущегося к хозяину ранчо. Она же не спешила к отцу, напротив, у нее давно зрел один нехитрый замысел, и она отправилась его реализовывать. Нашла Сильвию, та провела ее черным ходом, чтобы никто не видел, и отперла дверь в подвал палатцо.

Тут сержантка застряла в хранилище военного обмундирования среди манекенов, одетых в офицерскую форму разных времен и стран. Она нацелилась раздеть подходящую восковую куклу и примерить одежду на себя. Сержантка хотела смотреться офицером русской армии времен Напо-

*Ирландский виски.

леона. Рябая трансвеститка Надежда Дурова, «русская амазонка», портрет которой Николь давно повесила в спальне на ферме, не давала ей покоя. Она меня про Дурову расспрашивала, а я отсылал ее к книжкам, благо о Дуровой много сочинено.

Чего вдруг Николь влюбилась в Дурову (она же — Соколов, она же Александр Александров по велению изумленного царя Александра Павловича)? На фиг ей такой идеал? Мало здешней патриотки? Ведь была в войне за американскую независимость своя Дебора Семпсон, «нимфа в штанах», как ее прозвали солдаты, или «девка-воин». Дурова ей подражала, о чем в России писать не принято.

Не хочу быть назойливым и по этой причине не стану приводить длинный список американок, переодевшихся в мужскую форму гораздо раньше Дуровой. Она родилась, когда гражданки-янки жили в солдатских казармах и пуляли из ружей не хуже тренированных мужчин. Отдельные жанны дарки в Америке двигались в атаки впереди, поднимая за собой войска.

Мне кажется, Николь давно видела себя во сне именно Надеждой Дуровой. Русская баба-мужик — настоящая дворянка, аристократка, а не из служанок, фермерш и прочих беспородных американок, примкнувших к армии ради продовольственного пайка и пополнения кошелька. Плюс — дело в лошади. Американки служили в пехоте, а поручик Дурова была «кавалерист-девица». Она сама себя так назвала, хотя глупей не придумаешь! Николь к лошадям с детства неравнодушна. А еще — одежда на портрете Дуровой офицерская. Будь я дизайнером женской моды, я бы сейчас симпатичных мне дам в такую одежду поодевал — эффектно смотрится!

Я думаю, Надежда Дурова ярче потому, что привирала в своих воспоминаниях интереснее. И все ее комплексы доведены до максимума, — жаль операций по смене пола в те времена не делали. Дурова непременно кое-что удалила бы у себя и кое-что добавила. Словом, яркая личность. Но как не согласиться с моим американским коллегой, писателем

и историком Альфредом Юнгом? Маскарад это все, говорит он, маскарад, и больше ничего! Дурова умерла и завещала похоронить себя женщиной, а священник на панихиде побоялся Бога и назвал ее рабой Божьей Надеждой. Вот в такой точке маскарад закончился.

Риверс купил куклу вовсе не в России, а у частного коллекционера под Парижем, где русские войска в конце войны с Наполеоном стояли восемь месяцев. Восковая баба в натуральный рост, похожая на Дурову, решила Николь, подходящая. Сержантка ведь и сама была восковой куклой, произведением времени и места. Николь сняла позолоченную одежду с манекена. Долго натягивала сапоги со шпорами. Повертелась перед зеркалом. Наряд гусарского поручика Николь понравился гораздо больше, чем майка и шорты. Настоящая кукла укоризненно качала головой, оставшись голой.

Полковник Катабасис с помощью Сильвии, которая к нему благоволила, разыскал Николь и все это время стоял в подвале за дверью. Нагнулся и по-тихому глотал слюнки, подглядывая в замочную скважину, как Николь раздевается. Выйдя, она, нисколько не удивившись, небрежно поцеловала его в щеку, взяла под руку, и они вышли на показ публике. Со всех сторон раздались аплодисменты. Разумеется, возникли шушуканья насчет парообразования, то есть предположения, что дочь хозяина и его друг Катабасис не случайно образовали пару, и за этим, возможно, следует что-то серьезное. Но пар, известное дело, улетучивается.

Увидев дочь в офицерской форме времен Наполеона, отец расхохотался:

— Вся в меня!

Папá обожал дочь, давно не видел и теперь, когда Катабасис подвел ее к отцу, чуть не задушил в объятьях. Чтобы ей хорошо училось, он в свое время дал деньги на школу. К маленькой дочке сам приходил в классы — демонстрировал занимательные опыты по химии. Но после, как у нас в Америке заведено, отключился от Николь и виделся с ней вот так, по оказии.

— Давно хотел спросить, Пол, — вдруг вспомнил Катабасис, который защитил докторскую диссертацию на тему о стратегических ошибках Сталина во время Второй мировой войны. — А военной формы Сталина у тебя в коллекции нет?

Пол оживился.

— Интересно было бы его одежду понюхать! Я давно рассуждаю вот о чем. Сталин убил десятки миллионов людей. Не лично, но это уже маловажная деталь. Все равно этот сатана весь в крови от пяток до макушки. Подумал ли Сталин хотя бы раз, как его будут смешивать с дерьмом после смерти? Допустим, у него начисто отсутствовала совесть, Бога он тоже не боялся, собственных детей не любил. Но страх смерти у него, я уверен, был.

— Все вокруг него пахло смертью, — согласился полковник.

— И если был страх смерти, — продолжал Риверс, — то был и страх после смерти, так? Выходит, этот страх его не останавливал?

— Миру повезло, что они оба, и Гитлер, и Сталин, умерли, не успев толком воспользоваться атомной бомбой, — сказал Катабасис. — При их-то власти! Усама бен Ладен еще хуже, но у него пока власть подпольная.

— В принципе, — заметил Пол, — фанатиков надо ловить и выставлять в зоопарках.

— А ты сам? — съехидничал полковник. — Ты — разве не фанатик?

— Но я ведь мирный фанатик. Изымаю у мировых держав оружие — показать его потомкам. Давай выпьем за наше здоровье!

Риверс, приглашая толпу гостей выпить, выписал бокалом эллипс возле микрофона и сделал несколько глотков.

Беседуя с Полом, Катабасис старался не спускать глаз с Николь. Однако же, когда внимание гостей спало и полковник попытался увести Николь, чтобы серьезно поговорить, она вдруг исчезла. Убежала искать Алекса.

Алекс, невзирая на прохладный вечер и торжество момента, пребывавший в рваной черной майке с набором

русских бранных слов, оттиснутых на груди и спине, к счастью, большинством вокруг не читаемых, был легко видим в толпе гостей. Сильвия, которой он изначально не понравился, велела личным охранникам Риверса за этим гостем последить. Алекс опять почти протиснулся поближе, но два могучих телохранителя его вежливо придержали.

— Мистер Риверс! — крикнул он издали. — Ваша дочка обещала познакомить меня с вами!

— Неужели? — Риверс махнул охранникам, и они пропустили его. — А сама-то Николь где?

— Потерялась, пока я к вам пробиваюсь... Я слышал про вашу коллекцию орденов...

— Есть такая...

— Посмотреть ее можно?

— Нельзя, — просто ответил Риверс.

— Взглянуть нельзя?

— Я ее не показываю. Это моя сугубо частная коллекция. Танки, пушки, ружья, автоматы, военная амуниция, — другое дело. Вы что, молодой человек, — коллекционер орденов?

Тут внимание Риверса переключилось, он заметил Алексу скороговоркой:

— Потом поговорим, сейчас мне некогда!

И тут же телохранители Алекса отстранили.

В белоснежном костюме от Джорджио Армани, изобразив сияющую улыбку, Риверс попал в окружение гостей — всех знаменитостей Калифорнии. Френсис Коппола и Роберт Мондави с женой Маргрет, кинозвезды из Голливуда, лучшие друзья и собутыльники Пола, прогуливались среди гостей. Моя жена кокетничала с Джеком Николсоном, который аккуратно клал ей в губы клубничины. Ко мне пристал полковник Катабасис, узнав от Пола, что Николь — моя студентка. Он хотел услышать про нее как можно больше, а я — сказать ему как можно меньше.

Все рвались перекинуться с хозяином парой слов, хотя вокруг было много интересного. На поляне перед палаццо

начались средневековые танцы, и вскоре к нанятым артистам подключились гости. Там и сям гадали цыганки и астрологи, предсказывая судьбу. Официанты продолжали метаться с подносами, полными бокалов вина, а сами эти подносы представляли собой пустые ящики из-под гранат.

— Вы знаете, почему люди чокаются? — задал вопрос Пол, высоко подняв бокал. — Вино мы смотрим, чтобы определить его цвет, потом вдыхаем, чтобы узнать его запах, затем пробуем, чтобы губами осязать густоту вина, а языком почувствовать его вкус. И остается одно пятое чувство: понять, что представляет собой вино «на звук». Прислушайтесь! Звук моего вина также превосходный.

Воздух наполнила органная месса.

— Слышите музыку? Она отобрана для каждого сорта вина моей покойной женой Джулией. Cheers! За ваши успехи!

К неумеренному хвастовству Риверса требуется небольшой комментарий. Вкус и качество своих вин он полностью доверяет экспертам, так как быстро напивается и теряет соображение. То есть, вообще-то он — мужик трезвый, но сегодня явно перебрал. Пол говорит, что если б попробовал по глотку все вина в своих бочках и бутылках, он выпил бы реку Миссисипи. Это тоже преувеличение. К тому же, когда он напивается, у него начинается недержание речи.

— Господа, открою вам одну тайну ранчо Дьявола. В бутылке моего шампанского ровно 56 миллионов пузырьков. Не верите — пересчитайте сами.

Гости захлопали. Пол с ученым видом знатока продолжал:

— На досуге я сделал открытие века. Если это число считать за минуты, то человеку, который прожил 56 миллионов минут, будет 107 лет — немало, скажете вы, но и не так уж много. Мое шампанское — лучшее в Калифорнии. Сто семь лет жить тем, кто пьет мое шампанское, в котором 56 миллионов пузырьков!

Над головами послышался шум вертолета и, поскольку площадка на крыше палатки была уже занята, машина села неподалеку на асфальтовом пятке. Из нее выскочил ста-

рый друг Пола, в прошлом знаменитый актер, теперь губернатор Калифорнии Аполлон Вайсенбургер. С ним мы недавно встречались (он любит приезжать в университет) и теперь сердечно поздоровались. Пожимая руки направо и налево и извиняясь за опоздание, он пробрался к Риверсу. В свое время Полу тоже предлагали губернаторский пост, но он отшучивался:

— Кандидат должен обещать избирателям предотвратить землетрясения, а я этого пока не могу. И потом, мои танки мне дороже!

Поэтому на выборах Риверс поддерживал друга Вайсенбургера, хотя вещал:

— Актеры идут в политику, ведь в политике быть артистом важнее, чем в кино.

Губернатор Вайсенбургер часто появлялся на ранчо Дьявола в те времена, когда снимался в Голливуде. Где еще, как не у Пола, можно потренироваться, порепетировать, попробовать любое настоящее оружие? На сей раз Вайсенбургеру поговорить с Полом не удалось. Полковник Катабасис, на голову выше их обоих, стоя между ними и глядя то на одного, то на другого с ухмылкой, произнес:

— А сами-то вы, мальчики, танк водить умеете?

Риверса это задело за живое.

— Аполлончик! — воскликнул он спьяну. — Покажем, на что мы способны? Давай-ка на танках наперегонки! Кто кого обойдет?

— На что бьемся об заклад? — подначивая Пола, спросил Аполлон. — На миллион — не мало будет? У меня сейчас с деньгами туговато...

— Заметано, брат!

Не медля ни секунды, Риверс поднес к уху телефон и скомандовал механикам:

— Ребята, подгоните-ка нам сюда парочку танков. Мне — русский, поновее. Давайте этот... «Черный орел». А тебе, Аполлон, какой танк?

— Я бы предпочел израильский, — почесав затылок, шепнул Вайсенбургер.

— О'кей, второй «Меркава» — для моего старого друга!

Минут через пятнадцать послышался рев могучих дизелей, и толпа гостей в некоторой панике раздалась в стороны. Два бронированных монстра — один темно-зеленый, другой цвета хаки с желтыми пятнами, следуя друг за другом, приблизились в клубах копоти, развернулись в разные стороны, повертели башнями с длинными стволами, будто готовились дать залп по Риверсовскому палаццо, и замерли.

— Big toys for big boys, — смеялся Катабасис.

Тягучий запах дыма от солярки заставил зрителей чихать, кашлять, но никто не хотел уходить. Из танков вылезли механики в белых комбинезонах, оставив люки широко открытыми.

— Погоним во-он туда, — Пол показал рукой на широкую просеку между шпалерами виноградной лозы и первым решительно направился к танку «Черный орел».

Танк этот хозяин ранчо Дьявола совсем недавно ухитрился потихоньку прикупить через одного своего пронырливого европейского агента в российском Министерстве обороны у двух генералов, открыв им счета в швейцарском банке на подставных вкладчиков.

В силу количества выпитого Риверс изрядно шатался. Он как был, в белом костюме и при бабочке, забрался на броню, надел шлем, но никак не мог просунуть обе ноги вместе в люк. Механик влез на танк и, держась за пушку одной рукой, другой пытался медленно опустить хозяина в люк, чтобы тот не провалился и не зацепился головой.

Хорошо тренированный Вайсенбургер, дружески пожав руку механику, сидевшему на гусенице, легко вспрыгнул на второй танк, помахал рукой публике и скрылся в люке. Еще минута — механики отскочили в стороны, и танки с оглушительным грохотом помчались вперед, оставляя за собой два вонючих шлейфа дыма.

Риверс на русском танке вырвался на дорогу первым, но не надолго. Оказалось, Вайсенбургер не лыком шит. Его «Меркава» прижал «Черного орла» к обочине, протиснулся сбоку, газанул и погнался. Внезапно дорога сузилась, о чем

Пол забыл. В задымленную щель он увидел, как расстояние между ним и покачивающимся на ухабах танком друга Вайсенбургера увеличивается, ранчо же не бесконечно, надо спешить, не то губернатор меня опозорит.

Танки вылетели на площадку, где обедала другая группа гостей, в панике разбежавшихся. Чтобы не раздавить людей, Риверс резко дернул рычаг влево и сослепу въехал в виноградник со своим будущим первосортным вином. «Черный орел» легко рубил гусеницами стальные натянутые тросы, вокруг которых вилась лоза и свисали пухлые, красноватого отлива грозди. Пришлось остановиться. Шут с ним, с виноградом, проспороженный миллион долларов вообще не в счет, — крупно повезло, что спьяну никого не подмял под гусеницы!

Кураж прошел, но досада осталась. Трезвый пьяному не товарищ — это само собой, а главное, с таким суперменом глупо тягаться. Победитель, бросив свой танк, пешком добрался до Пола и нашел его сидящим на земле возле гусеницы. Белоснежный костюм в масле и грязи, впрочем, и у Вайсенбургера вид не лучше. Риверс срывал одну за другой спелые виноградины и отправлял в рот. Аполлон подошел с виноватой улыбкой и тоже молча стал жевать виноград. Себе в утешение Риверс оправдывался, почему не сумел обогнать соперника.

— Дьявол мне помешал! — мрачно сказал он. — Он, сукин сын, где-то рядом.

— Конечно, Дьявол! — моментально и весело согласился Вайсенбургер. — Ты хозяин — он тебя не любит. А я — гость, Дьявол мне помог... Пожалуй, мне пора к жене...

— Жаль, но не держать же мне тебя на ранчо за колючей проволокой! — обнял его Пол.

— Э-э-э, приятель, колючую проволоку я обожаю! — Аполлон улыбнулся своей шикарной киноулыбкой. — Она сделала США цивилизованной страной! Когда ее в Америке изобрели, стада перестали бродить где ни попадая, на дорогах возник порядок. Уменьшилось воровство. Частная собственность обрела охранительные рамки. Я бы всю Ка-

лифорию колючей проволокой огородил — у нас было бы больше свободы!

— Пришли номер твоего счета моей секретарше, — Риверс не стал спорить. — Она переведет тебе выигранный миллион.

Они крепко пожали друг другу руки в знак примирения. Хозяин отправился к гостям, а губернатор — к своему вертолету, чтобы улететь домой в Лос-Анджелес.

Карлик Гарлик, увидев это разорение на винограднике, закрыл лицо руками и заплакал, как ребенок. А когда заметил приближающегося хозяина, лег на землю, укрывшись вырванной с корнем лозой.

Шустрый Алекс подкарауливал Риверса, выглядывая из-за кустов, и вынудил его остановиться.

— Хотел все-таки спросить вас про ордена...

— Да на кой тебе?

Алекс замялся:

— Правда, что у вас есть Звезда Генералиссимуса Сталина?

— Хмм... К сожалению, нет. Увы...

Врет, подумал Алекс. Не желает раскалываться! Боится показать ордена, небось, там много ворованных...

— Николь сказала, что она у вас.

— Звезда Генералиссимуса действительно была у меня...

— Была?! И куда делась?

— Исчезла. Жена забрала, но я на нее не сержусь.

— А где ваша жена?

Пол молча показал на могильный камень.

— Такие дела, молодой человек! Ничего бы тебе не сказал, если б Николь не попросила.

— А если я найду Звезду, купите? За сколько?

Риверс поднял левую бровь.

— Ты найдешь?! Цену определяют мои эксперты. Конечно, Звезда эта стоит больше, чем ты отдал за свой «брегет». Смотри, не обижай мою дочь, не то...

Риверс не договорил, шутя ткнул Алекса в живот, резко повернулся и, пошатываясь, пошел к гостям. Вспоминая

Джулию, он всегда скисал и ему хотелось еще выпить. Приблизившись к толпе веселящихся людей, Пол взял у официанта бокал и, опрокинув содержимое в рот, крикнул:

— Господа! Видите на холме камень в память о моей Джулии? А теперь посмотрите чуть ниже.

Две огромные, в человеческий рост, белые головы, медленно поворачиваясь, зорко глядели с вершин двух холмов то друг на друга, то на палатку, то на публику.

— Вот они, мои яйцеголовые охранники! — продолжал Пол. — У меня был друг скульптор Роберт Арнесон — сколько мы с ним выпили, никакому учету не поддается. Он сварил этих яйцеголовых мудрецов из нержавеющей стали. Они участвуют в процессе жизни на ранчо Дьявола, вот какие дела. Все мы яйцеголовые, это точно!

Яйцеголовые явно обеспокоились огромным скоплением народа и не дыша следили за происходящим. Хотя сотворены они были покойным другом Риверса, к Арнесону (я это слышал от него сам) пришло наитие из космоса создать их, и поэтому они — частичные пришельцы. Переговариваются друг с другом, а людям не слышно. Но если приложить ухо, то становится ясно: внутри яйцеголовых тикает электроника. Это похоже на пищеварение, но они не едят, получая энергию из окружающей среды. Никогда не спят, глаза их всегда открыты. Тихо собирают обо всем мыслимую и немыслимую информацию, но ею не делятся. Мистика!

— Ребятки! — крикнул Пол. — Покажите гостям, как вы исполняете мою любимую «Форель» Шуберта.

Яйцеголовые заморгали, и из левой головы зазвучало фортепьянное вступление к «Форели», а правая голова запела. Раздался голос, многим показавшийся знакомым, и это действительно пел Лючано Паваротти, который не так давно гостил на ранчо Дьявола. Злой рыбак замутил воду в ручье, чтобы поймать бедную форель. Пол едва не плакал, слушая пение. Но как только яйцеголовые умолкли, Риверс опять стал рационалистом.

— Яйцеголовые будут стеречь мой покой, когда я лягу туда... Туда... Сейчас я вам покажу... мой мавзолей.

В низине за деревьями обнаружилось странное сооружение, похожее на каменный гриб. Риверс исчез за дверью, и дальнейшее можно было наблюдать на экранах телевизоров.

Хозяин ранчо вошел в лифт и стал опускаться. Судя по времени, глубоко. Нет, это оказался не бункер. А коли бункер, то не на случай атомной войны. Эта забава чудака сделалась понятной, когда Риверс нажал кнопку и из пола медленно поднялся гроб. Крышка открылась, Риверс улегся внутрь. Гости в разных концах ранчо приникли к экранам.

— Надежное место! Даже Дьявол не проникнет, — Риверс продолжал говорить в микрофон: — Я здесь редко бываю. Иногда прихожу полежать, отдохнуть от суеты мира, если плохое настроение. Сюда меня положат, когда настанет последний день моей жизни, и сразу пустят жидкий азот, чтобы заморозить — хе-хе — почти до абсолютного нуля. Полежу с полвека, и меня вернут к жизни. Я выделил деньги на оживление мамонтов, найденных в вечной мерзлоте. Жаль, сейчас это не получается. Так что в замороженном виде подожду, пока получится, и со временем восстановлюсь, как мамонт! Ха...

Лежа в стальном гробу, Риверс вдруг замолчал и скосил глаза себе на грудь. Серая тень пробежала или лампы мигнули. Слаб человек! Он вдруг явственно увидел у себя на шее Звезду Генералиссимуса. Бриллианты воссияли и погасли. Мираж. Все на свете я могу купить, так почему бы не купить себе и звание генералиссимуса? Ведь без лишней скромности я по части тяжелого вооружения — один из лучших в мире знатоков. Собираю смертоносные игрушки, которые хотели пустить в войны для уничтожения людей. Разве не заслужил я почет и уважение сограждан? Да по сравнению с людоедом Сталиным я — гуманист всех времен и народов! Когда-нибудь мое ранчо Дьявола станет музеем, как замок Херста, но с этим спешить не будем.

А вслух Риверс сказал:

— Никто на свете не обвинит меня в эгоизме или скупости. Недавно я выделил огромную сумму, чтобы отодвинуть старость всех, здесь присутствующих. Никто не будет спо-

речь о полезности вина. Мои ученые друзья нашли в вине особое вещество — ресвератрол. Оно продлевает жизнь. Пока его в вине мало. Для результата надо выпивать тысячу бокалов в день, начиная с детства. Никакому выпивохе это не под силу. Поэтому моя лаборатория уже начала работать, и давайте надеяться на положительные результаты.

Гости смущенно застыли. Люди сами не ведают, чего хотят, и потому они несчастны. Те, которые знают, что им нужно, несчастны потому, что не могут достичь, чего хотят. Те же, которые достигли, чего хотели, несчастны от разочарования. Риверс — не исключение.

— Не думайте, — произнес Пол, — что я потерял чувство реальности. Вот, смотрите, главная кнопка, но замораживаться сейчас я еще не собираюсь. Придет срок — аппаратуру надо будет включить, и, если сам не смогу, это сделают моя верная Леди Танк с мужем. Со мной нельзя положить Джулию. Жаль.

Нелепо взмахнув руками, словно собирался взлететь, Пол на лифте выбрался из своей будущей усыпальницы и присоединился к гостям.

В небе, быстро темнеющем, засветились по-над холмами Марс, Сатурн, Юпитер, а за ними обыкновенные звезды. Сатурн был так близко к Земле, что казался кораблем инопланетян, прибывших поглядеть необычайные гуляния в Калифорнии. Костры, мельканье прожекторов, фейерверки и брызги шампанского сделали картину праздника слегка волшебной, но сумбурной. Тарелочки с деликатесами, тортами, мороженым там и сям оставались нетронутыми на траве. К полуночи градус веселья спал, уставшие гости начали расходиться в поисках пристанища.

Дом для гостей был переполнен, люди устраивались на диванах в лобби и просто на полу. Риверс с красными, выпученными от перепоя глазами, косноязычно распорядился отдать его палаццо тоже гостям, а сам пошел спать в сараюшку с земляным полом возле танковых мастерских, выгнав на улицу сторожа с двумя собаками. Там он, не раздеваясь, упал на топчан и про дочь забыл.

Алекс сообразил разыскать всезнающую Сильвию, пытался ее расспросить о Звезде Генералиссимуса, но тщетно. Всезнайка домоправительница просто послала Алекса по дальше — не его это собачье дело.

Когда ранчо Дьявола перестало бушевать, огни и костры погасли и все затихло, в темноте между холмами разгулялась нечистая сила. Чувство юмора у Дьявола не хуже, чем у людей. Ворота от винных погребов оказались вырванными с петлями, покачались, будто тоже надрались, и медленно рухнули. Где-то в вышине послышался приближающийся вой, потом глухой грохот из подвала. Кто-то с яростью катал бочки с вином, сталкивая их друг с другом. От ударов клепка трещала, хотя и дубовая, в щели лилось вино. Нечто, улюлюкая, сбрасывал бочки с верхних стеллажей. Долетев донизу, они разбивались вдребезги, и винная река потекла вдоль погребов.

Услышав шум, Сильвия, уже едва волоча ноги от усталости, потащилась к винным погребам проверить. Дьявол выскочил из-за угла, ухватил Сильвию за волосы и поволок в ближайший виноградник с определенными намерениями. Он приставал к ней, хватал за все, за что нельзя, и наконец-то получил свое. До Гарлика долетели ее отчаянные крики, он прикатил на своем карте с «калашниковым» наперевес, стал без разбора палить по всей округе, разбудил половину гостей и чуть не убил супругу. Он нашел ее лежащей в изнеможении на травке, помог кое-как нацепить разорванное платье и бережно повез домой.

Дьявол прилег подремать под виноградной лозой, когда Бог положил руку ему на плечо. Присев рядом на мягкую, в желтых опавших листьях, землю, Бог поморщился.

— Фу, как от тебя, братец, вином разит! Чего расхулиганился?

— А ты-то, — пробурчал Дьявол, приоткрыв один глаз.

— Я? — обиделся Бог. — Я пил совсем немного, фактически пригубливал, да и то только потому, что так было удобнее наблюдать за гостями. Ты бы должен делать это, но надрался. На кого мне надеяться? У нас столько нерешен-

ных дел по кадровым вопросам, по внутренней и внешней политике, по глобальному потеплению, а ты дурака валяешь? Сильвия забеременеет — подумал, кого она родит? Алименты платить придется. К утру будь, пожалуйста, в форме. Проведем совещание, обсудим твой моральный облик...

Дьявол, прикрыв глаз, задремал. Что ему снилось, не знаю. А Бог весь вечер с удовольствием пребывал среди гостей Пола Риверса в человеческом облики и веселился от души, наблюдая гуляния и вкушая земную пищу. Теперь Бог тихо удалился, последний раз глянув на ранчо Дьявола через просвет между облаками.

Николь решила уехать, впрочем без обиды. Бог к Николь был терпим, а Дьявол в нее еще не вселился.

Она спустилась в подвал палатки, скинула гусарскую одежду на пол возле манекена и облачилась в свою. Алекс тем временем, разинув рот, оглядывал толпу солдат и офицеров разных армий и времен, собранных Риверсом со всего света. Николь подтолкнула Алекса в выходу и захлопнула за собой дверь.

— Как тебе понравилось у моего отца? — спросила она, вырывая из ворот ранчо на дорогу.

— Честно говоря, я ожидал большего, — самоуверенно заявил Алекс. — Вот увидишь, я стану еще богаче его, мне бы к сибирской нефти пристроиться.

— Для чего тебе большие деньги? Разве так плохо?

Он не ответил и резко сменил тему:

— А чего этот полковник пристаёт к тебе?

— Стив был моим начальником на военной базе в Германии. Любит меня... Ревнуешь?

Алекс уклонился от ответа.

— А как зовут твою бабушку?

— Мавра.

— Она что — русская? Где она?

— Я слышала от матери, что она в доме престарелых.

Служанка Вивиана в панике

Дейвис, дом автора.
Среда 12 октября 2005

Дом, в котором я живу, большой и несуразный. Окна почти всегда, кроме дней с несусветной жарой, открыты для сквозняков, пыль везде. Пауки затягивают сетями углы, мошкара, комары осваиваются комфортабельнее хозяев. Работаю я в маленькой комнатке наверху, потому что в просторном помещении мысли разлетаются, а их и так мало.

Раз в две недели по средам утром подкатывает к моему дому на своем черном, старом, но чистом «мицубиси» Вивиана. Из багажника вытаскиваются ведро со щетками и тяжелый водяной пылесос. Шланг от него, за отсутствием третьей руки, служанка вешает себе на шею.

У нее свой ключ и, пока она, входя, ковыряется в замке, я спешу побыстрее унести ноги через гараж. Не выношу визга пылесоса и запаха масляной жидкости для протирки мебели и перил лестницы — у меня на это аллергия. Если честно, то я не выношу ее самое — нескладную коротышку с растопыренными ушами, напоминающими тарелки для приема программ со спутника. Разница в том, что тарелки у меня на крыше, а уши — на голове этой женщины, и наклонены не к спутнику, а к земле.

Ей за тридцать, она убирает у нас уже семь. За пять лет до появления здесь Вивиана Отеро приплыла в Мексику из Боливии и ночью перебежала мексиканскую границу. Вивиана призналась Лере, что переправилась в Штаты с целью заработать денег и восстановить невинность, случайно потерянную на родине.

Такое обстоятельство у них в сильно набожной католической деревне, затерянной в горах возле озера Тити-Кака и напроць забытой цивилизацией, считается позором и осуждается публично. Люди вроде бы тихие, а на дверях пишут гадости, камни кидают. Жених от нее отвернулся, но гинеколог сказал Вивиане, что еще не все потеряно. В Америке ей помогут вернуться к любимому. Не проще ли было его обмануть? Не знаю и знать не хочу хитростей, но женщина все умеет, если она не так глупа, как Вивиана.

В Калифорнии выяснилось, что операция предстояла не из дешевых. В конце концов, скопив необходимую сумму, цель свою боливийка Вивиана осуществила и появилась из операционной снова невинной, как неоткупоренная бутылка вина. Она уже собралась назад в Боливию и вдруг узнала от родных о женихе, ради которого ее латали. Он женился на другой, еще более девственной.

В дни, когда служанка приезжает, я заранее нацеливаюсь в библиотеку. Бывает, случайно вернусь раньше, и она еще не закончила. Вивиана — существо заботливое от природы и малость назойливое — услышав шум гаражной двери, спешит меня встретить. Было бы сносно, если б ей не терпелось поговорить о бедной родной Боливии, где у нее полстраны родни, вымогающей большую часть заработанного. Но она жаждет болтать о литературе, насчет того «над чем сейчас работаете?». Князь Вяземский когда-то придумал слово «литерадурочка», так вот это и про нее.

Вивиана всегда упраскивает подписать ей мою новую книгу, но, разумеется, из-за своего плохого английского ничего не читает, в чем нетрудно убедиться, задав ей пару вопросов. Притом подаренную книгу всюду таскает с собой, как какой-нибудь коммивояжер, и всем, у кого убирает, показывает ее, хвастаясь. Ведь она наводит марафет в доме у писателя. Большая честь для меня! Вивиана искренне убеждена и уверяет других, будто помогает мне писать. Шут ее знает, по большому счету, так и есть. Чтобы оценили ее труд, она однажды принесла и поставила мне на стол контейнер с мусором из пылесоса, сказав гордо:

— Видите, сколько я у вас грязи собрала?

Чем меньше в доме пыли, тем легче дышится и, стало быть, выше производительность труда писателя, которая, однако, снижается, поскольку Вивиане охота поговорить.

Особенно Вивиана помогает тем, что научена не прикасаться к кучам листов с записями на столе, не трогать компьютер, а когда пылесосит, не вытряхивать закладки в стопах книг на полках и полу. Как-то раз она протерла мокрой тряпкой клавиатуру компьютера, так я потом едва нашел в памяти нужные записи. Идиотка чуть их не уничтожила. В общем, в моем кабинете пыль ей строго-настрога велено сохранять, можно пропылесосить пол, а в остальном держаться от моего сумбурного хозяйства подальше.

С придурковатостью Вивианы приходится мириться, потому что американки или мексиканки, приходящие убирать, берут вдвое больше и убирают вдвое хуже, а она за восемьдесят баксов в течение пяти часов буквально вылизывает дом, и Лера, вернувшись с работы, каждый раз довольна.

Мыть унитазы — приработок Вивианы наличными. Она и не собирается подавать в апреле налоговую декларацию (написав это, я доношу на себя в налоговое управление — с нее-то какой спрос?). Впрочем, основное место Вивианной службы тоже нелегальное — в заведении для престарелых под названием «Everlasting Spring»* на углу улиц Монарх и Темпл. В свободное от дежурства время убирает квартиры.

Поскольку живет она в Калифорнии без статуса и права на работу у нее нет, в доме престарелых Вивиане платят вдвое меньше. Впрочем, ведь и хозяйка тоже, нанимая и платя наличными, постоянно рискует. Но и хозяйку жаль. Приют бедный — бюджет нищенский, постояльцы — когда-то преуспевавшие, давно разорившиеся старики и старухи, большей частью беспомощные, доживают свой век. Пенсии их полностью забирает владелица — ей ведь и взятки социальным контролерам давать, и самой заработать.

*«Вечная весна»

Вообще, всех людей на свете можно понять, кроме некоторых непонимаемых.

Мало к кому из постояльцев приходят дети, не говоря уж о внуках, это теперь в Америке не модно. Разве что у китайцев еще сохраняются привязанности к родителям. Грустно, но людям, какой бы ни был у них до этого статус, приходится заканчивать жизнь среди такой публики, как Вивиана, и больше не с кем перемолвиться словом. Но откуда, скажите, взять эрудированных няnek для дома престарелых, где надо за гроши целый день выносить горшки, обтирать полуживые тела и таскать в прачечную грязное белье?

В детстве говорят, что перед вами открыты все дороги, а потом постепенно этих дорог, одной за другой, вас лишают и загоняют в тупик, — туда, куда вы вовсе не собирались. Мир, в котором вы оказываетесь, плоский и ограниченный. Судьба играет и всегда выигрывает, а вы всегда в проигрыше. Счастлив тот, кто, как Вивиана, с этим смирился и покорно тянет лямку. При нелегальности существования ей самой такой приют для престарелых в конце дней не светит.

Когда во второй половине дня я вернулся из библиотеки, Вивиана уборку закончила, но еще не отъехала. Заперла дверь и возле гаража на улице ждала меня. Опять пристанет с глупыми вопросами. Хорошо еще, что стихи не начала писать, как все. Справа в ее «мицубиси» послушно сидела черная с белыми лапами кошка, насколько я могу судить, немолодая. С тревогой во влажных глазах она следила за Вивианой. Я кивнул — не кошке, а служанке.

— Мавру кремировали сегодня утром... Без завешания ее не отпевали. Хозяйка обязана присутствовать, и я пошла с ней. Больше никого не было. Пепел никто не хотел забрать.

Вообще-то, Вивиана бормочет, опуская концы слов:

— Мавр... кремирова... сегод...

Но благодаря убогости лексикона понять ее нетрудно, хотя к тому же она немного пришамкивает из-за своей заячьей губы, плохо зашитой. Лучше бы как следует зашили губу, чем что-либо еще.

Значит, Мавры больше нет... А Вивиана продолжала:

— Така стран... русс. Я давно угада... что она русс.

— Как — угадала?

Бормотанье Вивианы понятно, и дальше его воспроизводить не буду.

— Сама не знаю, — продолжала она. — Я все нации угадываю, такой у меня порок. Посмотрю — и объявляю: «Ты чилийка», «ты цыган», или «ты турчанка». Еще ни разу не ошиблась. Спрашивала у Мавры: «Ты русская?», а она отрицала и злилась: «Я американка, и все тут!» Почему-то не хотела сознаться. Молодилась и мечтала фейс-лифт* сделать, но где ж такие деньги взять? Бывало, доктор в приют приходил, Мавра всегда говорила: «Я вся больна, абсолютно вся, с головы до пят». Доктор сердился: «Это несерьезно — вся. Где именно болит?» У меня давно было подозрение, что она хочет руки на себя наложить. Один раз я увидела у нее на столе кухонный нож, и Мавра сказала: «Тупой, как вся моя жизнь». Я тот нож от греха подальше на кухню отнесла. Накануне она меня подозвала: «У меня к тебе, Вивиана, просьба. Подержи меня последний раз за руку, дай почувствовать человеческое тепло».

— Последний раз? — переспросил я Вивиану.

— Вот! Я тоже смутилась: «Почему — последний?» — «Последний, — упрямо прошептала она. — Знаю».

— Люди предчувствуют, когда уходят навсегда.

Хотя — сам не ведаю, откуда я это взял?

— Еще странно, — продолжала Вивиана. — Перед смертью Мавра стала говорить по-арабски. Ведь должна была по-русски! Все перед смертью на родном языке говорят, это известно. А она — по-арабски. Поэтому ничего не понятно.

— Откуда ты знаешь, что по-арабски?

— Да в соседней комнате лежит старуха, она в молодости в Алжире жила. Она сказала, арабский... Но не в этом дело. В общем, Мавра попросила достать из тумбочки шкатулку.

*Подтяжка лица

Я знала, где она лежит. Я про все знаю, где у кого чего лежит: и деньги, и драгоценности, и сигары, и порножурналы, и фото, — я же нянька! И травку тайно держат. Вытащила я. Свою драгоценность Мавра положила на живот и сказала: «Иди!» А утром я нашла ее мертвой, шкатулка на полу валялась.

Вивиана начала неистово креститься, бормоча молитву по-испански, потом опять перешла на свой половинчатый английский.

— Госпо... сохра... душу покойной... Взяла я с собой ее сокровище...

— Как — взяла?

— А то бы выбросили. Что от покойников остается, сразу в мусорный контейнер оттаскиваем, такой порядок. Гигиена. В комнате должно быть чисто для следующего жильца, понимаете?

На мгновенье Вивиана перестала тараторить, открыла дверцу своего «мицубиси», влезла коленями на сиденье и вытащила из бардачка черную коробку с двумя блестящими металлическими застежками.

— Вот! Я однажды заметила, как Мавра письмо писала. Когда я вошла, под одеяло спрятала. Я не спрашивала. Хочет кто, сам поделится, а нет — какое мое дело?

Вивиана протянула мне шкатулку. Она была обтянута черным шелком с вышитыми китайскими цветами, деревом, домиком, лодкой. В таких ящичках продаются наборы женской парфюмерии.

Кошка на сиденье в машине мяукнула. Вивиана сунула руку в окно и ее погладила. Та потерялась усатой мордочкой об руку, замурлыкала.

— Кошка вам нравится?

— Нравится, — пришлось сказать мне.

— Мавра ее так любила... Она давно мечтала завести кошку, но не разрешается. Хотя... когда инспекция была, Мавра пожаловалась на одиночество, заплакала, и ей в виде исключения разрешили. Смотрите, какая пушистая! Не хотите кошку взять? Я сама ей буду у вас песок менять... Сей-

час песок для кошек в супермаркете замечательный, весь запах убивает. Возьмите!

— Нет, Вивиана, кошку — ни за что!

Кошек я действительно не переносу, люди и то лучше. Вивиана не настаивала.

— Тогда еще кому-нибудь из моих клиентов отдам... А вы почитайте Маврины письма. Вдруг обнаружится чего?

— Отчего она умерла?

— Кровь у нее горлом пошла, вот и захлебнулась.

Вивиана закрыла себе рот обеими руками, будто из него что-то вывалится. Глаза у нее расширились.

— Ради Иисуса, Господа нашего! — взмолилась она. — Надо молчать, но скажу. Никто не знает! Если хозяйке приюта станет все известно, она меня выгонит. Может, мне в Боливию бежать?

— Да что случилось-то?

— Откройте шкапулку!

Я приподнял крышку. Там лежала стопка писем.

— Вот, — шепотом начинающего сыщика произнесла Вивиана. — Двойное дно, видите? На дне Мавра хранила пистолет. Я знала об этом, но никому не говорила, — боялась сказать, да и какое мое дело? Пистолет я увидела у нее в руке и чуть разума не лишилась! Еле-еле руку ей разжала, мертвой-то.

— Значит, она стреляла?

— Как же! Немошная старуха, жить больше не хотела, решила покончить с собой. Грех! В ад попадет. Но я-то — тут еще! Полиция узнает, возьмет да и решит, что я ей принесла. Или, чего доброго, я ее... того... убила. О, пожалей меня, Святая Богородица!

— Где ж Мавра пистолет взяла?

— Вот и вы тоже, как полиция. Чего да где? Почему мне знать? Про нее кто-то в приюте говорил, что она русская шпионка... Я, конечно, не верила, мало ли чего старухи от зависти друг на друга наговаривают!

В глазах у нее стояли слезы.

— Что ж ты такого сделала?

Вивиана сжала губы и тупо смотрела на меня, ничего не отвечая. Потом оглянулась, не видит ли кто, решительно наклонилась над ведром, набитым банками с моющими средствами и щетками. Выгрузив все это на асфальт возле колеса, она опять глянула вокруг и извлекла сверток. Еще раз оглянулась, развернула на ладони газету и поднесла мне изящный пистолет. Блеснула вороненая сталь. Я слегка подбросил его на руке, он оказался тяжелым. Повернул пистолет дулом в сторону гаража.

От страха Вивиана закрыла лицо оставшейся в ее руках газетой.

— Спрячьте ради Господа нашего Иисуса, а лучше выбросьте куда-нибудь, — попросила она, хотя и сама могла это сделать. — Боюсь я! Буду молчать, как черепаха.

Сие заявление Вивианы, судя по ее болтовне про всех, у кого убирает, было сомнительно.

— Не волнуйся и забудь, — сказал я. — Ничего страшного!

Взял у нее газету, завернул пистолет и сунул в бардачок своего «туарега». Стало быть, Мавра застрелилась...

Вивиана вздохнула, перекрестила меня и стала собирать свои причиндалы обратно в ведро. Молча открыла багажник, опустила в него ведро, села за руль, погладила кошку и завела мотор.

Ух, как дымит у нее глушитель! Заметит полиция — обязательно оштрафует.

Шкатулка с письмами Мавры

Дейвис, дом автора.
Среда 12 октября 2005

Добравшись до кресла в кабинете, я повертел в руках черную потрепанную коробочку с китайскими вышивками и откинул крышку.

Внутри лежали нераспечатанные конверты. На всех написан номер почтового ящика Джулии, но ни одно письмо не было отправлено. Написав, Мавра складывала их в шкатулку. Скорей всего, она надеялась, что когда-нибудь ее исповеди к Джулии попадут. Никаких других почерков не имелось. Там же я обнаружил пожелтевшую вырезку из газеты «Лос-Анджелес Таймс» о свадьбе Пола и Джулии, уже читателю известную. Знал бы — не трагил день в библиотеке на поиски этой заметки.

Вытащив из конвертов, я сложил листки по датам. Все они, кроме последнего, написаны вскоре после свадьбы Джулии и лишь одно «свежее», с интервалом больше двадцати лет. Листки, вырванные из ученических тетрадей, пожелтели, часть отсырела, на некоторых присохли крошки мусора, смолы, елочные иголки, — видно, писались строчки под деревом. Почему-то Мавра не хотела дома сочинять послания дочери.

Мы давно отучились разбирать рукописные слова — пришлось помучиться. Текст в основном на английском, но местами по-русски, почерк корявый, строчки налезают сикось-накось одна на другую. Как у всех людей, редко пишущих, правила правописания отсутствуют. При переводе я немного отжал воду, то есть попросту убрал некоторые повторы, а также по возможности исправил ошибки.

Письмо первое

10 сентября 1981 года,
Аляска, заповедник Канай

Любимая моя Джулия!

Мне понятно, доченька, что тебе не до меня. И если стесняешься и потому не хочешь меня знать, то правильно делаешь. Детки в этой стране разлетаются, как птенцы из гнезда, у всех складывается своя жизнь, родители только поперек дороги стоят, и я боюсь помешать твоему богатому житью. Главное, чтобы у тебя все было в порядке, тогда и мне спокойней.

Счастье мне засветило короткое. Живу я на Аляске, муж у меня лесничий в заповеднике Канай. Прочитала в газете о твоей предстоящей свадьбе и решилась. Полетела на вертолете, пересела на самолет, примчалась к тебе на остров Санта-Каталину с подарком, который всю жизнь в Америке для тебя берегла. Увидела тебя в сказочном наряде на свадьбе, вернулась домой и пишу. Чувствую обязанность сказать про свое прошлое житье-бытье всю правду, хотя и не могу вспоминать по порядку.

Тебе так хорошо, что не надо или же не хочешь знать про прошлое своей матери. Но если я из этой жизни уйду, а внуки твои спросят, то ничего не сможешь им рассказать. Теперь у меня все чаще бывают провалы в памяти на нервной почве, и совсем все забываю.

Много я в жизни глупостей понаделала, но одно сладилось. Я тебя до нормы доносила и родила.

Из Советского Союза меня отправили дрессированную, наивную и послушную. Во дворце шейха Кувейта Ахмета, куда нас в гарем привезли, мне жилось хорошо. Так роскошно я никогда не жила. Духота днем и ночью, но привыкаешь. И везде в огромном дворце фонтаны — возле них свежее дышится. А что закрытой надо ходить с головы до пят, и лицо прикрывать, тоже смиряешься. Коллектив большой, но общения ни с кем нету, всё под контролем. Внешне не замечаешь, что

за тобой следят, но мы-то знали, нас ведь еще до отъезда инструктировали.

Трудно было потому, что шейх как раз меня из других выделал, и чуть ли не каждый третий вечер меня натирали благовонными маслами, одевали, обвешивали украшениями, как елку, и передавали личным охранникам Ахмета. По тому, во что меня одевали, уже нетрудно было догадаться, куда ведут. В залу, где прием гостей, в столовую, где ужин с деловыми людьми, или прямо в спальню. Шейх оказался обходительный и симпатичный, так что работа была не очень противная.

Что я беременна, я скоро почувствовала. Ни единой душе не сказала, потому что тогда бы шейху Ахмету сразу донесли и меня бы изолировали. А я преданная долгу девочка была, обученная советская разведчица, и не смогла бы видеть и запоминать все, что мне в Москве приказали. Мне уже плохо становилось и тошнило, но я изо всех сил скрывала и танцевала на приемах как всегда.

Раз, когда двое евнухов меня вели на занятия танцами, в коридоре попался старший сын шейха Саад и стал ко мне приставать, а охранники боялись его отстранить. Он хотел затащить меня к себе в апартаменты. Я знала, что Саада надо завербовать в советские агенты, и ласково спросила его по-немецки, получил ли он разрешение от отца ко мне прикасаться? Он сказал, что нет. Тогда я попросила его: «Прогони этих двух евнухов. Они донесут твоему отцу, и он нам обоим отрубит головы». Он объяснил, что евнухи боятся его больше шейха, он ведь начальник сыска в тайной полиции. Саад привел меня к себе, и я ему так понравилась, что он сам предложил быть моим другом. Он мне много рассказывал. Можно сказать, я его завербовала.

Отец твой Тимофей Покусай значился возле гарема на особом положении. Его держали при нас переводчиком. Он дождался в коридоре. Я тоже тогда понимала по-арабски, но по инструкции должна была ничего не понимать, чтобы шейх и его люди при мне не боялись говорить. К счастью, шейх меня похлопывал по попе и объяснял, что говорить мне с ним вовсе и не надо, а надо делать совсем другое.

Однажды после этого шейх снял с себя Звезду Генералиссимуса и надел мне на шею. Тяжелая Звезда шею мне царапала, и я сперва не понимала даже, что это за звезда такая. Ахмет ударил в ладоши, чтобы охранники меня увели. Для меня это было большое облегчение, потому что в начале третьего месяца беременности тошнить стало сильнее, и одной было легче. Где и как буду рожать, я старалась не думать.

С Тимофеем мы просто так никогда не разговаривали, чтобы не привлечь внимания. Если я что-то узнавала из разговоров, а память у меня была хорошая, я коротко передавала Тимофею. А он — в Москву шифрами. Меня после в Америке допрашивали: «Кому?» — а я отвечала: «Спросите у Покусая».

И вдруг, когда я присела у фонтана от усталости, проходя мимо меня, Тимофей прошептал по-русски:

— Дела совсем плохие, меня засекли. Надо рвать когти немедленно. Беги, девка, в Американское посольство!

Я испугалась, хотела спросить, как и что случилось, и что теперь будет, но он уже исчез.

Легко сказать, беги!.. Но он ведь мой начальник...

Джулия, родная моя, письмо писать устала, в голове потемнело. Муж ворчит, что свет не гашу и не даю ему заснуть. Потом дальше напишу.

Любящая тебя мама Мавра

Письмо второе

Без даты,
Аляска, заповедник Канай

Дорогая доченька Джулия!

Не писала тебе, плохо себя чувствовала, но сейчас в голове просветление, и опять тебе пишу, единственная моя.

Если Покусай велел бежать из дворца шейха Ахмета, надо было слушаться. Если я без Тимофея останусь, думала я, нарушится все мое пребывание. Как же я буду дальше без связи?

Да и не станет у меня никакого житья, затаскают на допросы, что я про Покусая знаю, и где он, и кто я на самом деле?

Я была в панике. Как же это — бежать? В советской спецшколе нас учили действовать в чрезвычайных обстоятельствах, а ученица я была неплохая. Покусай сказал, прятаться надо в Американском посольстве, — как же так? Ведь это враги-империалисты! И потом, где оно в Эль-Кувейте, это посольство? Как мне до него добраться?

Приоткрыла тихо дверь — охранник за дверью дремал, сидя на корточках. Меня учили разным способам удушения врагов, но я тогда еще ни одного по-настоящему не пришила. Как учили, так и сделала, и оказалось, что это легко и просто. Накинула ему на шею шелковый шнур, коленом в спину его уперлась и удавку затянула. Он захрипел, а проснуться не успел.

Охранники в любую минуту могли появиться, поэтому я за тот же шнур втащила удушенного к себе в комнату. Помнила, что беременной нельзя тяжелое таскать, но что же делать? В комнате я его раздела. Форма его оказалась мне велика, но выбора не было. Особенно, помню, мучалась с ботинками, они спадали, мешая бежать. Пистолет его проверила — он был заряжен.

Свет во дворце везде горел, пути я уже знала. Коридор из гарема вел в общую залу с фонтаном посередине. Там было пусто, фонтан журчал. В главный выход лучше не соваться, он ночью перекрыт. У шейха Ахмета отдельная охрана, но ту часть дворца можно миновать кружным путем, и до служебного выхода я добежала, заглядывая за каждый угол — никто по дороге не попался. Самым опасным было пройти через этот боковой служебный выход, но мне повезло.

— Тайла тибаб! — открыл дверь скучающий охранник, приняв меня за освободившегося с дежурства.*

*— Сабаа алкаир!** — бойко откозыряв ему, ответила я, насколько могла, басом, и он засмеялся, потому что уже светало.*

* Доброй ночи! (араб.)

**Доброе утро! (араб.).

В парке вокруг дворца прогуливались часовые, но они смотрели, чтобы никто не проник внутрь. Совсем рассвело, когда я, оглядываясь, выбежала из парка на улицу. Протопала один квартал, другой. Не знала, где спрятаться. А так идти по пустым улицам нельзя. Ведь вот-вот хватятся и меня в два счета накроют. Хорошо хоть, что мужчиной выгляжу, да еще в форме безопасности, которую все знают и боятся. Свернула за угол, и мне повезло. Такси кого-то высадило, и я в него села.

— The American embassy, — сказала я шоферу.*

Наверно, нельзя было этого говорить, но какой выход?

Через десять минут таксист остановился у здания с американским флагом.

Хочу рассказать тебе дальше, Джулия, но не могу больше писать. Так разволновалась, что мысли путаются и должна лечь.

Тоскующая без тебя твоя мать Мавра

Письмо третье

*17 сентября 1981 года,
Аляска, заповедник Канай*

Дорогая доченька Джулия!

Расскажу тебе, как мы с тобой попали в Америку, хотя ты еще не родилась.

Когда я из дворца шейха убежала и приехала в Американское посольство, морские пехотинцы пускать меня не хотели, велели уходить и прийти днем.

Тогда я скинула форму охранника и осталась перед ними, в чем мать родила, только на шее сувенир, который мне шейх повесил. Я про сувенир объяснила. Они смеялись, а я сказала, что мой муж и я — советские шпионы. Так и сказала «шпионы», а где Покусай сейчас, не знаю. И если, мол, они меня не

* Американское посольство.

спрячут, тогда мне конец. За мной гонятся из дворца шейха и меня повесят, что там публично делали, я сама видела. Позвонили куда-то, пришел их сонный начальник, оглядел меня, спросил по-русски:

— Вы советская? Я про вас слышал. А как имя вашего мужа?

Назвала. Я тогда хорошенькая была и, наверно, ему понравилась. Он сказал:

— Надевайте свою форму! Нам стриптиз не нужен.

И впустил меня внутрь. Со мной нормально обращались, попить-поесть дали. Допрашивали меня разные люди. Один из них приказал:

— Говори все, как есть. Кто ты, что ты, и откуда, и зачем? Не молчи, как тебя учили, ничего не скрывай. Хуже, чем раньше, тебе не будет, может, и лучшее засветит.

Я плакала, ведь первый раз рассказывала всю правду. Американцы мне не верили, а потеплели, когда я рассказала про отца, то есть про твоего, Джулия, деда Петра, ведь его как кулака арестовали. Дед долго дома не был. А через восемь лет бежал из лагеря и вернулся, но не домой, в деревню Бесова Гора, а в охотничью заброшенную сторожку в лесу. Туда мать к нему тайно ночью вброд через реку Бесовку бегала. А меня подкинула в детдом, чтобы от голода спасти. Иногда мать приходила на меня посмотреть через забор, но я об этом не знала. Про отца она рассказала однажды, когда мне уже десять лет было, я тайно удрала из детдома и с матерью встретилась.

Беглые кулаки с моим отцом собрались в шайку и стали искать по стране начальника лагеря, зверя. Он над ними измывался и вышел на пенсию. Нашли, подстерегли, когда тот возвращался домой, вывезли за город, спросили, узнаёт ли он их. Он сказал, что узнаёт, что он не по доброй воле их пытал, а по приказу. Просил его помиловать. Они зачитали ему приговор, который сами написали, и повесили начальника лагеря на дереве.

Матери моей отец рассказывал свою мечту. Он ее с лагеря вынашивал. Учинить другой справедливый суд — над Стали-

ным. Поймать его, когда домой едет, вывезти в лес и повесить. Мать ему говорила, что Сталин — гений всего человечества, а он ей кричал: «Дура небитая! Сталина мало повесить, нужно пропустить его труп через мясорубку и после рассыпать над свалкой мусора».

Когда из района приехали и меня из детдома в спецшколу госбезопасности отобрали, они не знали, что мой отец был арестован как кулак. У нас там чуть не вся деревня по фамилии Бесовы. А отец в лесу узнал, что меня в спецшколу ищут за мои прекрасные физические данные, и сказал, что самолично переломал бы мне все кости, чтобы не взяли, но не успел. Ни про него, ни про мать с тех пор, как меня в спецшколу забрали, я ничего не слышала.

Отвечала я на вопросы американцев долго. Меня просили на карте деревню Бесова Гора показать, но на карте ее не оказалось. Они засомневались во мне, а потом принесли военную карту, и там была деревня Бесова Гора. Это их убедило.

В Американском посольстве меня месяц держали. Сперва не знали, что со мной делать, а потом — как и куда меня спрятать. Опасались шума в Эль-Кувейте по поводу моего бегства из дворца, особенно когда в газетах написали. Но шейх не захотел с американцами ссориться, и сделал вид, что ничего не произошло. В Вашингтон привезли на военном самолете и снова допрашивали. Больше всего спрашивали про Сталина, одно и то же много раз.

Вдруг они привели на очную ставку со мной Тимофея. Я так обрадовалась, что заплакала и бросилась к нему, он меня утешал и подтвердил:

— Да, это моя жена.

Он тоже бежал, много пострадал и с трудом сюда добрался. Получилось, что мне американцы поверили, а Покусай путался или привирал, чтобы свою значительность показать.

Когда нас отпустили, то сказали, что русские скоро начнут охотиться за нами здесь, в Америке, чтобы нас выкрасть и привезти в Москву или убить. Страшно, потому что Америка — свободная страна, и за людьми не следят, может въехать, кто угодно. Так что придется самим прятаться от со-

ветских агентов. Советовали разбегаться, не жить вместе как муж и жена. Тогда нас труднее обнаружить. Спрятаться где-нибудь в глубинке и ни в коем случае в Россию писем не писать, не звонить и случайных встреч избегать.

Боялась я, доченька, не столько за себя, сколько за тебя, ведь я тебя тяжело носила и чувствовала. Ты меня уже била ножками под утро, когда вставать пора. Понятия не имела, куда деваться, но надо было уезжать, куда глаза глядят, потому что моей беременности было уже пять месяцев. Хозяйка в мотеле сказала, что беременную на работу нигде не возьмут. И что у ее сестры ресторан на острове Санта-Каталина в Калифорнии, и там нужен работник мыть посуду, она попросит сестру. Я согласилась, оставила Покусая.

Твоя мать Мавра

Письмо четвертое

23 сентября 1981 года,
Аляска, заповедник Канай

Дорогая моя Джулия!

Представить себе не могла, как это далеко. Три дня ехала на поезде в Лос-Анджелес, потом на автобусе, и еще плыла на пароме. Оказалось, Санта-Каталина — маленький остров в Тихом океане, природа дикая, и с одного края городок Авилон. В ресторан меня взяли. Там я день работала и вечер и спала на кухне возле посудомоечной машины, а потом сняла чердак в соседнем доме. Тосковала от одиночества, а потом привыкла, хотя боялась, что меня найдут и выкрадут.

Тут я узнала, что Покусая посадили в тюрьму за драку по пьянке. У них были ножи, он-то со своей тренировкой им руки переломал. А в суде ему чужой нож приписали.

Когда настало время в родильный центр пойти, я боялась зарегистрироваться, так что пришлось рожать дома. Это было в два часа ночи. Нельзя было кричать, а я кричала. Соба-

ка залаяла, хозяйка дома услышала, пришла, стала помогать. На Клондайк-стрит, близко к углу, возле перекрестка с тупиком, найдешь деревянную калитку, а за ней белый камень на дорожке. На нем выбито:

Julie Unknown

Born June 13, 1946

Такая древняя традиция на острове. Кто тут рождается, на камне выбивают имя и число. Unknown — Неизвестная — это ты. Не могла же я фамилию Покусай написать, опасно было. Пришлось хозяйке открыться, что опасно мне долго на одном месте жить, и она предложила пока девочку взять, то есть тебя у нее оставить, а потом, мол, я тебя заберу, когда успокоится.

В разных местах я жила, а когда прослышала, что Сталин умер, поехала на Санта-Каталину тебя забрать. Камень с датой твоего рождения нашла, он был на месте, а женщина, которой я тебя оставила, уехала, соседи вспомнили — с тобой, и никто не знал, куда. Так я тебя потеряла. Каюсь всю жизнь, что тебя легкомысленно отдала. Прости, доченька Джулия! Прости меня ради Христа.

Когда Тимофея из тюрьмы первый раз выпустили, я уже замуж за другого вышла, молодая была, хорошенькая, жить хотелось, как люди. Покусай разыскал меня, в квартиру ввалился и орал: «Куда дела Звезду Генералиссимуса? По-хорошему отдай, а то убью!» Он всегда рвался Звезду заполучить. А я была уверена, что он ее пропьет, и хотела сохранить для тебя. Он полез в драку, начал меня избивать. Но я ведь тоже в разведшколе кое-чему обучилась. Повалила его приемом на пол и ногой горло прижала к полу. Ушел Покусай ни с чем.

Муж мой новый был военный летчик, красавец, на ядерном бомбардировщике с базы Натомас в Сакраменто до Курил летал. Такая любовь у нас была, что не до тебя было, доченька. Четыре года прожили душа в душу, хотя он мало что про меня знал. А потом однажды пришел домой и с порога кричит:

— Обманула меня! Ты советская шпионка, да еще в гареме шейха была. И что-то вроде мужа у тебя где-то имеется. И ребенка бросила... Это все — правда?

— Кто тебе сказал?

— Сама знаешь, какая у меня служба. Вызвали в штаб и заявили: или с тобой развестись, или меня с базы долой.

Повернулся и ушел навсегда. Даже бритву с собой не взял.

А через год познакомилась возле афиши кино с лесничим, который с Аляски приехал мать навестить. Пришли к ней в дом, и он, не спрашивая меня, сказал: «Мама, познакомься, хочу жениться». А имя мое забыл спросить. Короче, забрал меня с собой в заповедник на Аляску. Я ведь деревенская, все там оказалось по мне: и лес, и снег, и мороз. Коров, овец доить да собак кормить. Покусай оставил меня в покое, не знал, куда я делась. Муж никогда не бил, и жили мирно.

Увидимся ли когда-нибудь с тобой еще хоть разок, родная моя? Одна надежда, что Бог смилостивится...

Твоя несчастная мать Мавра

Письмо пятое

30 сентября 1981 года,
Аляска, заповедник Канай

Доченька родная!

Пишу тебе письма и все сомневаюсь, говорить ли тебе всю правду. Так я опасалась и сейчас дрожу за твою жизнь, а за свою уже не боюсь, устала бояться. Конечно, чекисты хотели бы меня с тобой вместе уничтожить. Ведь ты, Джулия, — не от рыжего Покуся и не от шейха Ахмета, хотя у него числишься 83-м ребенком.

Шла война в Советском Союзе, немцы наступали на Волгу, когда нас, девочек штук пятьдесят, по детским домам ото-

брали. Всё выясняли, любим ли мы родину, мы отвечали, что да, очень. Привезли под охраной в Москву, но Москвы мы не видели. Держали нас в шпионской школе на секретном полигоне в лесу и проводили спецобучение.

Нам говорили, что готовят для особо опасной работы, а какой, мы и не догадывались. Языкам иностранным разным учили всех по отдельности, меня арабскому. Все тело немеет, когда вспоминаю, ведь меня тренировали, как собаку, бегать учили на четвереньках, колючую проволоку зубами перегрызать, только что мы не лаяли. И плеткой наказывали, и голодом морили. Знать не знала, что готовят нас для заброса за границу в крупные порты и крупные города со взрывчаткой под одеждой. Слышала, как говорили «день икс», и мы должны помогать «изнутри».

После войны я, видно, кому-то понравилась. Раз мне сказали, что со мной будет собеседование в правительстве, чтобы я хорошо оделась. Костюмчик, жакет с юбочкой, выдали. Взял меня из общежития один в штатском, а везли в легковушке двое, окна занавешены. Когда уже остановились в лесу перед воротами, сказали, что привезли для беседы на дачу к товарищу Сталину, чтобы я, мол, в обморок от неожиданности не упала. И засмеялись. Все равно я боялась, нервничала, меня трясло, но виду старалась не показывать.

Вошла в дверь и его увидела. Он сидел на диване, одну ногу поджав под себя, на плечи накинуто одеяло. На картинках был такой рослый и молодой, а тут маленький, сгорбленный старикашка, и я испугалась. Подумала, что это не он, а кто-то другой.

Стояла перед ним, боялась пошевелиться.

— Мы решили, что сегодня тебе ехать домой поздно, — посмотрел он на меня. — Оставим тебя ночевать здесь. Иди вон в ту комнату, раздевайся и спи. Понятно?

— Понятно, — сказала я, хотя ничего не поняла, и ноги у меня двигались, как деревянные.

Простая деревенская дурочка я была, но если и не дурочка, ничего бы это в моей судьбе не изменило. Легла я в кровать, помню, что пружины заскрипели, и мягкая пуховая перина

оказалась подо мной. А потом он дверь ко мне открыл и с порога спрашивает:

— Любишь товарища Сталина?

— Конечно, люблю! — отвечаю.

— То-то же!

Откинул одеяло и лег со мной рядом. От него табаком пахло. Сама я тогда не курила, но мне нравился у мужчин такой запах. У нас в деревне махрой дымили, а тут запах был деликатный. Я про все на свете забыла, будто это не я. Душа моя отлетела — так, наверное, у мертвых отлетает.

— Как себя вести на задании у шейха Ахмета, знаешь? — спросил он.

Я думала, он о связном и как передавать сведения, но ответить не успела. Он засмеялся:

— Сейчас буду тебя учить.

И стал руками шарить. Было больно, но от страха я ничего до сих пор не помню, что он делал и говорил. В общем, он меня лично проверил ночью, готова ли я для задания, и ушел. Всю ночь я пролежала одна ни жива ни мертва. А утром женщина меня разбудила, прислуга, наверно. Строго велела быстрее одеться и, подталкивая в спину, увела. Меня увезли в общежитие, и больше я Сталина не видела и молчала, как рыба, потому что мне строго наказали никому ни слова. Душа моя прилетела ко мне обратно, но не сразу, — сколько-то дней потом я без души жила.

Так что Сталин стал моим первым мужчиной, и я от него понесла. И ты на самом деле — Джулия бинт Сталин*. Что твой настоящий отец — Сталин, я, когда американцы меня допрашивали, им сказала и просила никому не говорить, а то меня вернее убьют. Покусай уверен был, что от него, шейх думал, что от него, но я еще до них знала, что уже в положении. Теперь ты мою и свою правду знаешь.

Твоя мама

*Джулия, дочь Сталина (араб.)

Письмо шестое

22 января 2003,
Дейвис, дом престарелых «Вечная весна»

Дорогая Джулия!

Давно тебе не писала. Подумать только, двадцать один год с лишним прошел с твоей свадьбы, когда я тебя, наконец, увидела. Наверное, последний раз. И вот тебе пятьдесят семь лет будет. А мне, стало быть, совсем в старухи подаваться — семьдесят три стукнет, да еще болезней полный мешок. Каюсь всю жизнь, что тебя, дура пугливая, оставила.

Прожила я с мужем на Аляске без малого сорок лет. В Калифорнию мы с ним иногда прилетали мать его навестить. А потом мать умерла, и я вскоре мужа похоронила — медведь его смертельно поранил. Могилу вырыла сама, дом наш был казенный, и его заповедник забрал для нового лесничего. Уехала я назад в Калифорнию — не в лесу же одной оставаться...

Пишу тебе из дома престарелых ночью, одна. Соседку мою «скорая» забрала в госпиталь с сердечным приступом, и никто мне не мешает. В доме этом я уже больше полугода, еще хорошо, что взяли. Чужие добрые люди помогли, устроили, а то бы под забором сдохла. С памятью у меня хужеет. Доктор таблетки прописывал, не помогает.

Сообщаю о странной от тебя весточке... Третьего дня такое приключилось, до сих пор в себя прийти не могу.

Обед у нас в пять с небольшой задержкой. Подошла ко мне хозяйка и сказала, что в лобби мужчина сидит, мол, он от твоей дочери. Я, конечно, сразу туда зашла, оставив суп. Мужчина немолодой, худой и длинный, с волосами до плеч и с зонтиком мокрым. Мне даже в голову втемяшилось, что это твой муж Пол Риверс, но тут же я решила, что в джинсах миллиардеров не бывает, и зонтик им кто-то сзади поддерживает. Так и вышло.

Гость сказал коротко, что принес мне сверток от Джулии. Я спросила: «А вы-то кто?» — «Я, говорит, клавианист, ее

как бы новый бой-френд». — «Стало быть, от мужа она ушла? Но почему?» — «Ушла, говорит, на музыкальной почве. Извините, я очень спешу».

Уж как я его умоляла посидеть, рассказать мне хоть что-нибудь про тебя, а он повернулся и исчез. Ни имени, ни адреса, ни телефона не оставил клавесинист, видно это какая-то секретная профессия.

После обеда скрылась я у себя в комнате, развернула сверток. Батюшки-светы, в нем Звезда Генералиссимуса засияла! Вернула ты, дочка, мой тебе свадебный подарок. Не хочешь, значит, Джулия, с новым бой-френдом эти воспоминания иметь. И поделиться мне печалью не с кем.

Мать твою никому не нужна, дура ничтожная. Жизнь прожила, ничего не обрела, кроме болезней. Хорошее позабылось, а теперь ни кола, ни двора, кроме койки. Одно утешает, что вокруг в доме доживают больные старики, которые здоровьем еще слабее меня.

Радость мне недавно блеснула, но ненадолго. Понравился один человек в нашем доме, и он гулял со мной, хотя сам опоры впереди себя передвигал. Я думала, будет моя последняя в жизни любовь, так было хорошо с ним бродить по парку, и обедать, и его подкармливать. Раз в кафе посидели среди незнакомой молодежи, и он мне пирожное купил.

А вчера сосед ко мне не пришел. Побрела я в парк одна, а он гуляет с моей соседкой. Ненавижу ее, чего он в ней, старой уродине, нашел? Она и моложе-то меня всего на год! Сердечный приступ ей поделом. Никому на свете верить нельзя.

Не оставляю греха в душе без покаяния и могу умереть по причине бесполезности существования. Письма, которые тебе пишу, берегу. Бог поможет, когда-нибудь прочитаешь, кто ты есть. Хотела бы лежать на погосте возле деревни Бесова Гора, но понимаю, что нет никакой возможности, и потому ничего не прошу.

Твоя беспутная мать Мавра

Пока я дочитывал письма, стемнело. Зажечь бы лампу, а я перебирал детали странной судьбы Мавры, отчаянной девочки из русской глухомани.

Она дожила до семидесяти пяти — в общем-то, немного для женщины в Америке. Выходит, Мавра написала последнее письмо дочери, когда узнала, что дочь от мужа ушла. Мать умолкла, не иначе как прослышав о гибели дочери, — ведь газеты широко об этом писали. Я нашел несколько статей, в общем-то перепевающих одно и то же о Джулии, клавесинисте, акулах и Риверсе. Приводить тут газетные отчеты и комментарии не имеет смысла: читатель уже знает, что произошло. Как Мавра это пережила, мы можем лишь гадать.

Между прочим, когда любовная история жены миллиардера Риверса облетела земной шар, клавесиниста стали еще чаще приглашать на концерты. И мы пошли его послушать в университетский центр искусств. Лера, когда возвращались, произнесла:

— Франсуа Куперен великолепен. Но сидела и думала: что Джулия нашла в этом хлюпике клавесинисте?

Из трех отцов Джулии: Сталина, Покуся и шейха Ахмета — остался в живых один Покусай. Но у внучки Николь, которую ни дед, ни бабка не знали, как вы помните, генетика: два сросшихся пальчика на левой ножке — наследственное от деда номер один.

Письма Мавры полны обид и страха. Может, из-за болезней? Или разум у нее слегка пошатнулся? Какое заразное насекомое людей кусает, господа хорошие? Родные вроде, и живут неподалеку, и столько видов связи, а всю жизнь не видятся, ничего один о другом не ведают. Джулия, жесткая в отца, обеим матерям не простила. И Николь воспитала в полном равнодушии к существованию двух бабушек, с которыми внучка никогда не встречалась. Все разобщены тотально: бывшие друзья, дети и родители, не говоря уж о мужьях и женах. Не нужны друг другу, не видятся годами, ненавидят других и себя. За что? Почему?

Отпечатки пальцев автора

Дейвис, дом автора — Департамент полиции.
Среда 12 октября — пятница 14 октября 2005

Закрыв я Маврину шкатулку и вспомнил про пистолет. Вивиана отдала его мне, а я оставил в машине. Зачем Мавра, с ее манией преследования, держала возле себя оружие, можно понять. Но мне-то как быть? Взял его, дурак, и чего теперь? В гараже хранить? Закопать в землю? Утопить, когда стемнеет, в озере?

В это время у дома напротив, через улицу, закричал попугай. Хозяйка выпустила его подышать свежим воздухом. Он всегда торжественно выходит, взлетает и занимает место на трибуне. Сидит, привязанный за ногу к ветке старого апельсинового дерева. Орет противным голосом вечером, будто его режут, продолжает ночью и обязательно спозаранку. Его возмущают собаки, кошки, дети на самокатах, совы, летучие мыши, шастающие мимо велосипедисты. Но устав психовать, он начинает скулить, чтобы его вернули в дом, где уютно и приятно поговорить с хозяйкой. Та не реагирует, и попугай матерится на общедоступном английском языке, не давая спать всему околотку.

Я уже ходил к хозяйке хулигана, дрянной климактерической бабе, умолял держать сумасшедшую птицу в доме, закрывать окна или хотя бы купить электрический ошейник, который выпускает слабый заряд тока, заставляя умолкнуть. Владелица попугая послала меня подальше.

— Вот вы себе и купите электрический ошейник, раз он вам так нравится!

Цензор, сидящий во мне, убрал лишние ее слова. Стало ясно, кому попугай подражает, но от этого не легче.

До чего он отвратительно, хрипло и громко кричит! Злобно, задыхаясь от ненависти, стервец обругивает любого прохожего, а то вдруг с подвыванием, подражая собаке, жалуется на свою судьбу. Часами невозможно уснуть. Соседи уже звонили в полицию, владелицу штрафовали, а ей хоть бы хны. Попугаи живут долго, так что перспектива веселая.

И сейчас, несмотря на закрытое окно, выходящее на улицу, стекла у меня в кабинете от криков вибрировали. И я понял, что должен сделать, коль скоро подвернулся такой случай. Как говорил наш вождь и учитель, есть попугай — есть проблема, нет попугая — нет проблемы. В гараже вынул из бардачка «туарега» пистолет и пошел к дому напротив навстречу крикам.

На улице тускло горели фонари и было пусто. Попугай за забором подозрительно умолк, заметив, что кто-то стоит с ним рядом, и на всякий случай обматерил меня. Затем разразился яростным собачьим лаем.

В заборе я выбрал щель пошире и наклонился. Большая белая птица подпрыгивала на ветке в трех шагах от меня, дергая ногой в попытках оторваться. Апельсины на дереве вокруг нее тряслись. Я просунул дуло пистолета между досками и прицелился, ожидая удобного момента. Глянул на окна дома, там было темно. Попугай на мгновение затих, не сводя с меня глаз. Я выстрелил. Не знаю, куда я попал, но он подпрыгнул, свалился с ветки, повис на поводке, судорожно подергал крыльями и замер. Спрятав пистолет в карман куртки, я с чувством победителя вернулся домой.

Вот так складно проигралось в голове. Сидя в кресле, я еще немного поколебался перед тем, как идти убивать попугая, почесал затылок и понял, что осуществить этот простой проект не могу. Не смогу и все! Пистолет остался лежать в бардачке машины, а попугай продолжал орать, сидя на дереве.

В конце концов, ничего не придумав, на следующее утро по дороге на лекцию я заехал в полицейский участок. Как был пистолет завернут в газету, так я и положил его на стойку.

— Вот, возьмите... Это по вашей части?

Дежурная, девица с простоватым фермерским лицом, окруженным малиновым лесом волос, в черной рубашке с номерным жетоном на пышной, лежавшей на столе груди, которой больше подошло бы декольте, подняла на меня глаза.

— Что это?

— Мне кажется, оружие.

— Ваше?

— Нет-нет!

— Где вы его взяли?

— На парковке нашел...

Она развернула газету. Повертела пистолет, со знанием дела вынула обойму и высыпала на стойку пули. Они покатились, пришлось их поддержать.

— Шесть штук, двух не хватает. А что в стволе?

Девица умело вскинула пистолет, прицелилась в дальний угол, спустила предохранитель и нажала курок. Бабахнул выстрел.

— Заряжен был седьмой пулей, — без удивления констатировала она. — А где восьмая?

Я пожал плечами.

— Хей, кто там балуется? — раздался вялый бас из открытой двери в соседний офис.

— Это я, Карл, — ответила дежурная. — Ствол опустошила.

— Смотри, мою стену не продырявь! — Карл за стенкой захохотал.

— Какие-нибудь грабители потеряли? — задал вопрос я, зачем, сам не знаю.

Она поправила прическу.

— Я два года служу. Не помню, когда вооруженные появлялись. Так, все больше мелкая шпана. Но кто-то случайно или нарочно эту штуку из машины выкинуть мог. Штука старая, к тому же импортная. В те времена никому в голову не приходило оружие регистрировать. Так что искать владельца по номеру бесполезно. На какой парковке вы его нашли?

— Возле старого супермаркета «Нагет». Под деревом. Ммм... кажется, второе дерево слева от входа... Нет, третье... Точно — третье!

У этого супермаркета возле 80-го фривея стоянка огромная и под могучими кронами диких груш. Раз я собственными глазами наблюдал, как проворный мексиканец, чтобы не ехать туда, где ненужные вещи больших габаритов принимают, сгрузил под деревом возле «Нагета» полуразвалившийся диван и по-быстрому слинял. А уж пистолеты выбрасывать — самое подходящее место.

Дежурная подала мне бумажный квадратик размером с ладонь. Отчетность в Америке отработана до мелочей, при том документы редко спрашивают.

— Заполните, пожалуйста, форму. Глядишь, хозяин отыщется? Позвонит вам, чтобы поблагодарить...

Она засмеялась, довольная собственной шуткой.

Я написал свое имя, адрес, телефон, что именно нашел, где и какого числа. Мог поставить любое имя и все остальное, но накарябал, как есть. Дежурная пожелала мне хорошо провести день, я ей тоже.

Никто меня не поблагодарил за находку, и я решил, что это можно забыть. Однако вскоре раздался неожиданный звонок.

— Я детектив Карл Дитрих, расследую уголовное дело. Вы сдали к нам в участок оружие, так? Я хотел бы допросить вас по данному делу.

— А при чем здесь я?

— Как раз чтобы ответить на этот вопрос, вам придется явиться в полицию для дачи показаний. Завтра утром, в десять, вас устроит?

— Могу я позвонить своему адвокату?

— Ваше право взять его с собой.

Майкла Лота я знаю много лет, мы немало вместе выпили. Он славный человек, сильно моложе меня, понимающий толк в шутках, в еде и регулярно озабоченный сбросом веса в фитнес-центре, к чему также относится с юмором, сознавая бесполезность занятия. Что касается юриспруден-

ции, здесь он более серьезен и осторожен. Его советы подчас многовариантны: «Если так, то так, а если не так, то иначе...», — и создают поле для выбора наилучшего решения. Но помощи Майкла в уголовном деле я до этого случая не просил.

Ночь до утра я чувствовал себя противно, плохо спал, и снотворное не помогло.

С Лотом мы встретились пораньше (он специально приехал из Купертино, на юге залива, где живет) и в соседнем с полицией кафе «Кондитерай» выпили по чашке капучино. Рассказал ему коротко суть случившегося.

— И всё?

Видя мою растерянность, адвокат успокоил:

— Ты дал ложное показание. А ведь в уголовном преступлении не замешан, так? Главное, не болтай лишнего и все обвинения отрицай. Понял?

— Легко советовать!

Молодой детектив Дитрих в кожаной мотоциклетной куртке, волосы ежиком, вышел в лобби, привел нас к себе в тесный кабинетик и усадил на два железных стула напротив своего железного стола.

— Ваши предки, судя по фамилии, из Германии? — спросил адвокат, чтобы сделать обстановку менее жесткой.

— О да, они приехали в Техас, спасаясь от Гитлера... Между прочим, мой дед и Марлен Дитрих — двоюродные брат и сестра, — похвастался детектив.

— Марлен Дитрих!? — воскликнул я. — Вот так родство!

— Да, оба, бабушка и Марлен, вместе играли во дворе в пригороде Берлина... Но к делу. Долго вас не задержу, джентльмены. Показания подозреваемого будут записаны в протокол допроса.

— Кто «подозреваемый» — я?

— Вы, *sig*. Сейчас трудно сказать, что именно окажется важным в деле об убийстве, поэтому постарайтесь восстановить в памяти подробнее все, что вам известно по данному делу.

— Об у-бий-стве? — промямлил я, краснея.

Дитрих положил ладонь на зеленую папку с несколькими номерами. Я вопросительно глянул на адвоката, он кивнул, и мне ничего не оставалось, кроме как подчиниться. Детектив вынул из ящика стола прозрачный пластиковый пакет и помахивая им, произнес, испытующе глядя мне в глаза:

— Вот колыт карманный «хаммерлесс», полуавтоматический пистолет модели 1945 года. Ваш, sir?

— Нет, не мой.

— А чей?

— Не знаю.

— Вы сообщили здесь в полиции, когда принесли нам оружие, будто случайно нашли его на парковке. Сожалею, но должен заявить, что это лжесвидетельство.

— Вы, мистер Дитрих, наверно, здесь недавно? — вопрос Майкла прозвучал скорее утверждением.

— Я закончил полицейскую академию и еще курсы по баллистике и дактилоскопии. Но это первое дело, которое шериф поручил мне расследовать. Как вы догадались?

— Легко вы подозреваете людей в смертных грехах. Мой клиент добровольно принес вам пистолет. Фактически он помог следствию, а понятия о нем не имеет. И вы обвиняете моего клиента во лжи.

Детектив пропустил слова адвоката мимо ушей.

— По какой причине, sir, вы сообщили неверную информацию?

— Не хотел подвести человека, который всего боится, но ни в чем не виновен.

— Откуда вы знаете?

— Я верю людям, — сказал я.

Тут и детектив, и мой адвокат заулыбались, и это меня немного обидело.

— Стало быть, вы знаете такую мисс Вивиану Отеро? — опять зацепив меня своим тренированным в полицейской академии взглядом, спросил Дитрих.

— Да.

— Давно?

— Несколько лет.

— В каком качестве?

— Она моя служанка.

— Вам известно, что она находилась на территории Соединенных Штатов нелегально, без права на работу? Вы ее наняли без контракта убирать ваш дом?

— Послушайте, детектив, — вмешался Майкл. — Как это относится к делу моего клиента? Или вы попутно занимаетесь нелегальной иммиграцией?

— Ладно, вопрос отменяется... Вивиана заявила здесь на допросе, что она отдала пистолет вам. Вот, если угодно, ее показания. Не станете же отрицать? К тому же вы обязаны были сразу сдать оружие в полицию, а вы этого не сделали. К вашему сведению, пистолет принадлежал покойной Мавре Покусай, но не зарегистрирован. Вы знали Мавру Покусай?

Тут возникла длинная подозрительная пауза. Я с надеждой глядел на Майкла, а он был не в курсе. Опять врать и еще больше запутываться нельзя.

— Стало быть, судя по вашему смущению, вы видели мадам Покусай живой?

— Да, — еще немного подумав, решил рассказать я. — С Маврой я встретился один раз.

— Когда?

— Полгода назад.

— С какой целью?

— Она в молодости была советской шпионкой в Кувейте и оттуда бежала в Америку. Я историк и писатель, *sig*, и собираю такие факты. Сперва Мавра молчала, боялась, что ее преследуют российские спецслужбы. Но доброй соседкой Мавры в доме престарелых оказалась почетная профессорша с кафедры театра, моя старая коллега. Ее именем назвали главное здание драмы в университете, а саму ее все забыли и даже не знают, что она еще жива. Она Мавру уверила, что бояться меня не надо, и та рассказала кое-что о своем прошлом. Вот и все.

Это была правда. Что именно меня интересовало, я с Дитрихом делиться не стал, тем более что Мавра про Звезду Генералиссимуса говорить отказалась наотрез.

— Надеюсь, вы не втянете моего клиента в ваше криминальное дело, — уточнил Майкл.

— Пока трудно судить, — ответил детектив. — Вивиана Отеро, которая первой увидела труп в доме престарелых, утверждала, что Мавра покончила с собой. Патологоанатом (вот результаты вскрытия) суицид отрицает. Она убита. Это как раз и есть trigger*. Пуля выпущена из данного кольта «хаммерлесс» с большего расстояния, чем могла бы выстрелить в себя самоубийца. Пистолет ей положен в уже мертвую руку — его вынула и забрала с собой мисс Отеро. На пистолете найдены отпечатки четверых: покойной Мавры, мисс Отеро, ваши, sig, и еще одного человека. Кто четвертый?

— Понятия не имею, — сказал я.

— Разве на этот вопрос, ничего не понимая в экспертизе, может ответить мой клиент? — опять вмешался адвокат.

Детектив Дитрих крупно написал на отдельном листе бумаги имя Вивианы, мое и к нам прибавил еще «икс», после каждого поставив знак вопроса, и показал лист нам с Майклом.

— Подведем итог, — Дитрих сделал паузу. — Все вы трое, если не считать покойницу, являетесь подозреваемыми в убийстве Мавры Покусай. «Икс» пока не найден, хотя у ФБР есть подозрения. Вивиана, несмотря на подписку о невыезде, мгновенно исчезла, видимо, удрала к себе в Боливию. Но на момент убийства у нее есть алиби. Соседка подтвердила, что Вивиана спала дома и на работу отправилась утром. Остается пока один подозреваемый — вы. Вы, sig, не удерете в Россию?

Дитриху я не ответил.

После, вернувшись домой, я узнал, что Вивиана звонила моей жене. Больше убирать она не придет. Ей написал

*Спусковой крючок. Иносказательно: важная деталь, влекущая цепь событий.

бывший жених. Оказывается, жизнь его с женой не сложилась, и он звал Вивиану заменить ее. Она за гроши продала старенький «мицубиси» и улетела. Лере придется срочно искать другую служанку.

— По вашей гипотезе, — уточнил между тем Майкл, — мой клиент совершил убийство и затем сам же принес оружие этого убийства со своими отпечатками к вам в полицию?

— Такой вариант в следствии тоже возможен. Подозреваемый надеялся подчеркнуть свое алиби, — детектив опять обратился ко мне: — Кстати, где вы были около полуночи с десятого на одиннадцатое октября?

— Где я мог быть? — глянув на адвоката, вопросом на вопрос ответил я. — Надо вспомнить... Подтвердит моя жена.

— Такое алиби, если понадобится, мы наверняка найдем, — заверил Дитриха Майкл, но нам нужно время.

— Надеюсь, не очень много, — усмехнулся детектив. — И обязательно приведите свидетелей.

Глупо я сам себя втянул в это дело! Влип как кур в ошип. Почему не посоветовался с Майклом, когда пошел в полицию? Хорошо хоть проклятого соседского попугая не пришел, а то бы обвинили в двойном убийстве!

— Вы замечательно ведете следствие, детектив, — похвалил Дитриха мой адвокат. — Но в деле пока остается темное пятно — причина. Никак не могу понять, зачем, по вашему мнению, моему подзащитному убивать эту женщину? Просто так?

— Резонный вопрос, — согласился Дитрих. — Убийца проник в дом престарелых примерно около полуночи. Двери были заперты, замки не отпирались. Но есть следы проникновения через окно. Грабитель? Но почему, если это обычное ограбление, никого из соседей Мавры он не тронул? Мсть? Видимо, убийца что-то искал у нее в вещах, не нашел и стал требовать. Грозил лишить ее жизни. Как вы полагаете, что искал у нее убийца? Деньги? Ценности? Какие-то документы? Одна соседка слышала крик: «Отдай звезду! Отдай звезду, старуха! Отдай по-хорошему!» О какой-такой звезде идет речь?

Я молчал, набрав в рот воды. Вот будет опубликован роман — пускай полиция прочитает, расследует, найдет, а пока это — моя авторская тайна.

Майкл тоже ни слова не сказал, вообще не зная еще, о чем речь.

— Рано или поздно мы все выясним, — уверенно заявил Дитрих. — Судя по описанию положения трупа на кровати, Мавра с убийцей боролась. Украл он или не нашел, что искал? Возможно, она пообещала ему отдать звезду, а сама вынула пистолет?

— Интересные и перспективные рассуждения, — согласился адвокат. — Разрешите нам быть свободными?

— После того, как подозреваемый подпишет протокол допроса.

Опять наступила пауза. Майкл внимательно прочитал текст и произнес:

— Записано все правильно, но, поскольку обязанность моего клиента подписать протокол на данном этапе следствия законом не предусмотрена, то лучше ему воздержаться от подписи.

— Зря! — разочарованно заметил детектив. — А не отпустить ли вас под залог?

— Так ведь тоже пока нет законного основания, — возразил Майкл.

Детектив выразил на лице неудовольствие.

— Ладно. В случае же необходимости вам придется явиться.

Мы попрощались. Рукопожатия были сдержанные.

На парковке я сказал Лоту, что Вивиана принесла мне шкатулку с письмами Мавры, которые она дочери не отправляла. Не следовало ли их отдать в полицию?

— От большого ума ты уже отнес им пистолет, — саркастически проговорил адвокат. — И видишь, что вышло?

Мы с Майклом Лотом разъехались в разные стороны.

Пачку писем Мавры в шкатулке я позже решил отдать Николь. Ведь ее родная бабушка, и письма принадлежат внучке по наследству. Николь удивилась:

— Откуда они у вас?

Я рассказал.

— А что мне с ними делать?

— Семейная история ваша... Храните дома или отдайте отцу — он знает толк в таких вещах.

— Значит, бабушка умерла? — без эмоций переспросила Николь. — Я ее никогда не видела. Зачем она писала? Нет! Ни мне, ни отцу письма не нужны...

Шкапулка и по сей час покоится у меня на полке.

Торгаш на оружейной ярмарке

Графство Йоло, Вудленд.
Суббота 22 октября 2005

Когда течет вереница случайностей, они становятся закономерными и вас куда-то подталкивают. В противоречие с собственными убеждениями я решил купить себе законный пистолет. Как говорил мой старый друг, ныне покойный (у него всегда висело в коридоре ружье), для защиты от народных волнений.

Утром отправились с женой в соседний городок Вудленд, наш, так сказать, райцентр, на мероприятие чисто американское, под названием gun show. Вообще-то, обычная оружейная ярмарка, но «ган-шоу» — лучше звучит, похоже на выстрел.

Народу полно, запарковаться пришлось вдали и топтать треть мили пешком. Публика спешит специфическая: простые рожи, немало брюхастых, уже напоенных пивом. Многие несут за плечами ружья, и не по одному. У меня промелькнуло ощущение начала войны. Крутом полиция, весьма мирная, благожелательная, а на всякий случай, наготове. В кассы очереди. У входа полицейские осматривают винтовки, которые народец вносит, чтобы продать. Копы глядят, нет ли патрона в стволе, и запечатывают затворы. Вдруг какой-нибудь псих от экстаза или обиды бабахнет по случайности.

На обратной стороне билета я обнаружил текст, строго предупреждающий, что мой билет дает лишь условное право входа, и этого права я могу быть лишен в любой момент, если нарушу правила поведения. В таком варианте я буду немедленно выдворен с ган-шоу, и деньги за билет не вернут.

Хотя билеты довольно дорогие, публика все прибывает, парковки заполнены до горизонта. Впечатление такое, что все американское быдло собралось здесь сосредоточенно веселиться. В основном, мужицкое племя, но встречаются и женщины средних лет решительного вида, в мужской одежде, впрочем, пол не всегда сходу опознаешь.

Гул, лязганье металла, вонь от старья и запах ружейного масла смешаны с дымом от жарящихся гамбургеров. Толпа движется по проходам вдоль бесконечных стендов. Там и сям возникают заминки. Продавцов от покупателей по внешнему виду не отличишь. Купить можно все, что угодно: гранаты, мины, автоматы любых стран, ракетницы. Само собой, старинное оружие, мечи псов-рыцарей, турецкие сабли, палаши, пики. Конечно же, шлемы, каски, щиты, латы, полное обмундирование рыцарей средних веков и одежду любых родов войск любых стран любой эпохи. Подделки дешевле, подлинные — за подлинную цену, если таковые раритеты без обмана. А за обман накостыляют — не при полиции, а позже.

Вдоль рядов, между всего этого изобилия смертельных игрушек, медленно шагают, отжимая рядовых граждан в стороны, загорелые ковбои, увешенные ружьями и пистолетами от бровей до колен, на ухо предлагают купить дешевле, чем у других. Попался продавец с ценником, что почем, спереди на шапке, над козырьком. Во рту, как леденец, пуля. Владелец выталкивает ее языком и удерживает губами, будто сейчас выстрелит.

Зачем? С какой целью, скажите, граждане, в нашей вообще-то неагрессивной на домашнем уровне стране выпекается и продается такое количество оружия? Для кого?

Понятно, что ружейная индустрия делает свои миллиардные бабки. Американская оружейная ассоциация своими огромными рекламными стендами уговаривает каждого входящего немедленно, пока не поздно, стать ее членом, вербует новобранцев, призывает обновлять запасы винтовок и пистолетов в домашней кладовке, а главное — всегда быть готовым защитить себя, жену, детей и тещу в такое взрывоопасное вре-

мя, в которое мы живем. Счастливым член ассоциации тычет с плаката в каждого нечлена, входящего на ган-шоу: «Ты записался? Ты купил новую модель двенадцатизарядного револьвера? Учти, в него вмещается на четыре патрона больше!»

Сейчас вооружимся... А что дальше? Как конкретно жену, детей и себя защищать?

Ночью проснулся, услышав шорох. Ворюга отжал окно, забрался в дом, тень его промелькнула возле лестницы. Пистолет где? Под подушкой? Или в кармане халата? Нет! Спрятан от детей в сейфе в гараже. Вспомнить бы, где ключ. Он в тумбочке, под книгой «Как сэкономить на налогах».

Тихо, чтобы не будить жену, нахожу на ощупь ключ, прокрадываюсь в темноте вниз, отпираю дверцу сейфа. Вот пистолет! Лежит целехонький. Наконец-то оружие пригодилось, не зря купил! Теперь надо зарядить, а где коробка с патронами? Тоже, слава Богу, на месте, пистолет готов к бою. Теперь, если запихав в карман все драгоценности, домушник еще не смылся, надо красться из гаража обратно в дом и... что — убить вора?

Вопрос простой, как высморкаться: вы готовы убить человека? Коль скоро да, готовы, без лишних размышлений пора в грабителя попасть. А вор наверняка вооружен. Он скорей всего стреляет лучше и укокошит вас. На эту тему происшествий не счесть. Если все же вы выстрелили первым, он упал, а вы остались живы, то начинается второй акт семейной эпопеи под названием «Труп в доме».

Станут таскать по судам, чтобы выяснить, действительно ли была необходимость убивать. Предположим, это был мерзавец, и уже не раз сидел, и посягнул на святое — вашу личную собственность, а вы защищали себя. Все равно вы — убийца. Не лучше его легко ранить? Или скрутить и доставить в полицию?

Тут, на ган-шоу, мой пыл насчет приобретения пистолета, как водится, опять остыл. Охлаждала простая статистика. У себя дома американцы просто так поубивали друг друга в ббольших количествах, чем погибли в зарубежных войнах за всю историю XX века.

Нет уж, увольте! По мне так веселее оказаться обворованным, но все же жить без оружия. Да и стрелок я нынче никудышный. Когда жил в молодости в Казахстане, ходил в степь на охоту. А теперь, если что случится, от обезумевшего народа все равно не спасешься. Одна надежда — на национальную гвардию, пускай они стреляют.

Кроме любопытства, других целей на ган-шоу у меня не осталось, а Лере вообще было скучно. Жена вцепилась в мой локоть, чтобы не потеряться. Да и многие праздничноша-тающиеся граждане вроде нас оказались на ган-шоу в общем-то из баловства.

— Эй, здравствуйте! — услышал я русское, прокукареканное хриплым голосом, и повернулся.

Лицо невыразительное, заплывшее, рыжее от веснушек, глаза сощурены. Но вот судорога передернула его левую щеку, глаз поджался и опять открылся. И я сразу признал:

— Тимофей Покусай?

— Он самый... Я тебя еще в соседнем ряду заметил, так ведь не кричать же... Чего ищешь? Решил «калашниковым» обзавестись на всякий пожарный случай?

Не ответил я, увлекшись разглядыванием товара, разложенного перед Покусаем на огромном прилавке. Боже милостивый, глаза разбежались от пестроты красок! Ордена, плотно уложенные рядами, советские, китайские, французские, нацистские... Какие-то совсем незнакомые... Впрочем, вот углядел потускневшие царские...

— И все продаешь?

— Покупаю, добываю, продаю. Раньше собирал для себя, а теперь вот приторговываю, жить-то надо. Не желаешь на память о бывшей родине чего-либо приобрести? Поддержи бизнес!

К правительственным наградам я не готов, поэтому промолчал.

— Устали, небось, шляться? — ласково прохрипел Покусай, обращаясь к Лере. — Присаживайтесь, вот у меня пара раскладных скамеечек имеется. А то сижу один, как сыч.

Покупателей в толпе не находилось, никто возле нас не останавливался. Покусай выглядел плохо, его круглое лицо еще постарело, плечи совсем обвисли, он опустился, вид жалкий, прибавился Паркинсон. Жизнь сгибала былую молодецкую удаль в три погибели, хотя глаза поблескивали и зорко глядели вокруг.

Тем временем Лера высмотрела орден Ленина и примерила себе на кофточку.

— Вот-вот, — одобрил ее жест Покусай. — Золото, между прочим, чистой пробы, не имитация.

— Помню, ты рассказывал, — я разглядывал сотни побрякушек, пытаюсь понять систему, по которой они разложены. — Я тоже ребенком марки собирал, потом отдал приятелю...

— Значит, несерьезно, — объяснил он. — А я как во время войны загорелся, так и пошло. Потихоньку в отпуск ездил на раскопки, даже металлоискатель сделал. Сдирал с трупов ордена, немецкие и советские, хотя ведь рисковал. Сажали, могли вписать в протокол допроса мародерство или что был немецким шпионом, за то, мол, и награжден. Вот эти царские кресты на Бородинском поле разрыл. А уж советские ордена копить и вовсе смертельный номер. Потихоньку скупал у стариков за бутылку водки.

— Рисковый ты мужик, телохранитель!

— Когда Сталин немецкие ордена у меня забрал, я царские и советские бляшки в землю закопал. Сгонял потихоньку к себе в деревню, ночью зарыл. Тыщи полторы орденов... Хозяин тогда решил меня в Кувейт отправить.

Все он уже рассказывал. Или не все?

— А схрон в деревне — остался?

Покусай помолчал, соображая, говорить или нет.

— В советское-то время нечего было и думать ехать да откопать. Там меня сразу бы прищучили, засудили бы и расстреляли.

Он поглядел под потолок павильона.

— Неужели поехал, когда Союз дал дуба?

— Рискнул... Отец Олимпий визу сделал для себя, паспорт свой мне отдал, рясу. Я бороду под него отрастил, рясу его надел и поехал окольными путями, через Китай, чтобы в Москве не засветили. Опасно было, но все ж кое-какой опыт конспирации накопился. Там оделся в светское, до деревни добрался, и, надо же, местный опер мне встретился и признал. Еле от него утек. Откопал свои сокровища, все в целости. В правильном месте на каменистом склоне, возле опушки леса, зарыл, дождями не размыло.

Тимофей обвел свои сокровища на столах.

— Как же ты обратно через границу?

— Самого-то меня с двумя ящиками металла повязали бы, это точно. Но чечены помогли, услуга за услугу. Не скажу как, дело особое. Обратно в Сан-Франциско на судне из Ирана приплыл.

Радио в павильоне объявило, что до закрытия ган-шоу остается пятнадцать минут и просьба всем сматывать удочки. Тимофей стал горстями сгребать разложенные на столе ордена и швырять в ящики. Вдруг к нам подбежала немолодая женщина в поношенной солдатской униформе:

— Американские ордена имеются?

Покусай мотнул головой, чтобы отвязаться.

— Мне очень нужны, — просила она. — Я отслужила в американской армии девять лет, а ничем не наградили, суки... Купила бы...

— Нету американских, нету, — Покусай развел руками.

На парковку мы медленно продвигались в толпе. Она постепенно редела и разъезжалась. Наконец добрались до его выдавшего вида крытого грузовичка. Передний бампер, скошенный набок, напоминал про удар в мой «туарег». Покусай отпер заднюю дверцу. Коробки всех размеров заполняли полки внутри машины.

— Вот они, красавцы мои! Много из тайника я привез... На ган-шоу я всякое барахло и дубликаты продаю, а тут мои сокровища... Я с ними в машине сплю.

Руки у него тряслись мелкой дрожью. Ордена, которые он вытаскивал, чтобы похвастаться, побрякивали на его ла-

донях друг о друга. Я тоже порылся в ящиках, вытянув из горы побрякушек что-то знакомое, рассмотрел советский орден Трудового Красного Знамени и Боевого Красного Знамени, оба похожие.

— Хочешь ящик оптом взять? — опять предложил Покусай. — Недорого уступлю, будешь друзей после пьянок награждать.

Купил я у него эти два советских ордена, а на третий наличности в кошельке не хватило.

Забегая вперед, скажу: разглядел их дома, примерил перед зеркалом. Серебро (или мельхиор?) потемнело, но эмалевые и позолоченные звезды и серпы с молотами празднично сияли. В аляповатой безвкусице того времени было нечто мифологически-торжественное. Я бы не смог такое носить, впрочем, теперь легко быть самонадеянным. Кто-то пахал всю жизнь, чем-то выслужился, за что и удостоился получить один, а то и несколько таких знаков. На обратной стороне обоих орденов выгравирована надпись «Монетный двор» и номера 242661 и 294157. Более полумиллиона людей этими бляшками наградили, есть что менять на водку. Я-то номера здесь упоминаю на случай, если владельцы живы и объявятся. Верну!

День был на исходе, Покусай как-то обмяк.

— У вас что-нибудь болит? — спросила его Лера, привыкшая читать по лицам своих пациентов. — Вы такой грустный...

— Я не грустный, — ответил он, — я трезвый.

Жена пригласила Покусая к нам пообедать. Живем мы недалеко, минут двадцать езды. Он мгновенно согласился — от трезвости, голода, одиночества или от всего вместе. Нарисовав на клочке бумаги, как к моему дому проехать, мы побрели искать на парковке свой «туарег».

«Пропойное ремесло»

Дейвис, дом автора.

Суббота 22 октября — воскресенье 23 октября 2005

Покусай подкатил к нам раньше и уже ждал, усевшись в железное кресло на портике. Я въехал в гараж и открыл ему дверь изнутри. Прежде чем войти, он, несмотря на уговоры, стащил с ног грязные ботсы и в рваных носках, озираясь на картины и фотографии, прошел на кухню, где мы всегда, по старой привычке, обедаем. Лера начала громыхать посудой. Вскоре перед Покусаем выросли тарелка борща, сметана, хлеб. Потом досталось и мне. Он основательно поперчил, отхлебнул.

— Воды? Вина? Джин с тоником? — механически спросил я.

— А водка? Водка имеется?

— Ты ведь говорил, текила лучше...

— Не, с текилой завязал. Текилу теперь пью, если нету водки. От текилы голова раскалывается.

Себе я тоже налил водки, хотя сразу стало ясно, что баланс выпитого с ним скоро будет нарушен. Дальше он наливал себе сам, и язык его постепенно развязывался.

— Сталин тебя любил, говоришь? — спросил я. — Значит, доверял и поэтому послал именно тебя с гаремом в Кувейт. Но ты ведь мог отказаться?

— Шутишь?! Кто на всем белом свете мог отказаться, если хозяин решил? Такая была моя судьба... — Покусай напряг силы, чтобы связно источать слова. — И потом... как я в Кувейте, в тюрьме, живой остался, одному Богу известно. Когда после кастрации на ноги поднялся, уговорил двух контрабандистов — они готовили побег — взять меня с собой.

На пути оказалось два тюремщика, их закололи. Но у выхода попался еще солдат внешней охраны тюрьмы, начал стрелять. Я сбоку крался, в тени, он меня не видел. За ноги его повалил и куском проволоки горло разрезал.

Покусай поднял трясущиеся руки и показал, каким манером он это сделал.

— А из Кувейта как выбрались?

— Шейх дал команду особому кавалерийскому полку на верблюдах перекрыть все выходы из города, но они опоздали. Меня по лицу чуток саблей задела, думал, глаз потеряю, но обошлось. У контрабандистов были свои люди в порту. Короче, спрятались в трюме грузового судна и добрались до Карачи. А из Пакистана не без труда переправился я в Индию. В Бомбее вышел на американского консула, врать не стал, объяснил, что я сталинский выкормыш.

— Мавру нашел?

— Она раньше сбежала, ты ведь знаешь. В Вашингтоне стали вместе жить, но о нашем побеге в Москве быстро стало известно.

— Ты-то как узнал?

— Беглый советский чекист американцам рассказал, они нас с Маврой предупредили.

Развалившийся на стуле Покусай, объевшийся и опившийся, осоловело смотрел то на меня, то на Леру, пытаюсь угадать, верим мы ему или нет.

— Так что? Пытались тебя ликвидировать?

— Конечно! Да ведь я тоже не лыком шит, они же и научили меня кой-чему. Адреса меняю, если чувствую, что на след вышли.

— Но почему же о гареме ничего не известно?

— Все боялись говорить.

Воцарилась тишина. Тимофей сидел с кислой опухшей рожей. Лера начала убирать со стола грязную посуду. Я осмыслил, наконец, что Покусай просто-напросто пудрит мне мозги, фантазер алкоголический! Как его кастрировали — чистой воды брехня. В историю ему, прохиндею, видите ли, охота вписаться.

— Врешь ты, Покусаище!

Неожиданно он вскочил, ухватился за пряжку, резким движением отстегнул ремень, рванул молнию на ширинке, джинсы его свалились на пол, вонь от одежды, никогда не стиранной, расплылась вокруг.

Покусай задрал подол рубахи, открыв нижнюю часть тела. Доктор Лера отвернулась. И я увидел, что у него ничего не свисает между ног, есть только прорезь, вроде как у женщины.

Меня и это не убедило. Думает, мы уши развесили, пьянь российская подзаборная! Впрочем, американский человеческий мусор, бездомная наркота — еще хуже.

— Ладно, будет! — у меня, тоже, возможно, спьяну, лопнуло терпение. — Сделали тебе урологическую операцию, бывает! А ты знаешь, что Мавру убили?

Бывает, и вдрабадан пьяный на миг трезвеет. Он стоял недвижим, потом спросил:

— Кто убил?

— Пока не нашли.

— Это не я! Не я!! — крикнул он, будто его допрашивали. — Я три раза сидел. Два за драки с кровью, третий — за убийство, но Мавру я не убивал! Мне Звезда Генералиссимуса нужна была позарез. В тюрьмах только и мечтал, что о Звезде. Мавра ее от меня прятала. Я выжидал время, чтобы Звезду заполучить. Прослышал, что Мавра дочке Джулии ее отдала, поехал на ранчо Дьявола. Полез через забор, но повис на электронной сигнализации, и меня охрана сняла. Держали на общественных работах: мусор собирал с обочин фривея — цепи на ногах, чтобы не удрал. Про смерть Джулии узнал, клавишника легко по афишам нашел, он сказал, что Звезда у Мавры. Ну, я со служанкой возле дома престарелых познакомился, Вивианой звать. Все про себя рассказала, дура набитая. Я ей предложение сделал: «Хочешь гражданство получить? Выходи за меня замуж. Я очень стар для тебя и то выгодно, что скоро умру. Но за это принеси мне Звездочку, которая у Мавры спрятана».

— Вивиана согласилась украсть?!

— Сперва нет, не согласилась. А тут как раз жених ее обманул. И я ее убедил, что это моя Звезда, а Мавра ее у меня заначила. Короче говоря, Вивиана... Он не договорил.

— И ты на ней женился?

— Ха! На другой день Мавра пропажу Звезды обнаружила. Взяла Вивиану за горло и сказала, что сейчас задушит ее, если так не откроется. Вивиана прохрипела, что отдала Звезду мне. Тут я сразу смылся, поминай как звали... Теперь, значит, Мавру пришили... Я один свидетель всего остался.

Щеку и глаз Покусая опять передернул тик как заключительный аккорд всей его буйной фантазии. А если серьезно, если он не лжет, то есть одно-единственное доказательство. Я должен увидеть предмет, тогда поверю.

— Она у тебя, Звезда Генералиссимуса? — кричу Покусая. — Говори, сволота, есть она у тебя или нету?!

Покусай огляделся по сторонам, спросил:

— В доме, кроме вас двоих, еще кто имеется?

Лера отрицательно покачала головой.

Он поднялся из-за стола, начал медленно расстегивать рубаху. Задрал майку, демонстрируя дряблое тело, белое, словно оно никогда не видало калифорнийского солнца. От майки оторвал пришитый изнутри мешок. Развернул тряпье, потом пузырчатый пластик. Стоял и сжимал в руке что-то, все еще завернутое, размышляя, показать или нет. Колебался.

— Мне Сталин счастья не довесил, — пожаловался он, — обсчитал. Ошейник мне надел и командовал, как собакой. Но теперь мы квиты!

По глазам его заблестевшим, по искривленной от напряжения морде стало ясно: Покусая необходимо, чтобы кто-то увидел, наконец, его торжество.

Развернул.

Свесилась переливающаяся муаровая лента.

Бриллианты вспыхнули на его ладони. Он погладил рукой то, что достал, и вдруг, не спросив, резким движением

застегнул мне ленту на шее. Я отпрянул, но поздно. На груди у меня засверкала Звезда Генералиссимуса, самая уникальная и самая бесценная в мире. Я шагнул в сторону и глянул на себя в зеркало. Сияло двенадцатиконечное солнце с зигзагами лучей и кольцом из бриллиантов внутри.

Если б мной владела подобная страсть, наверное, я бы задохнулся от зависти. Ведь и убить этого пропойцу, и завладеть сокровищем прямо сейчас довольно просто. Но ничего, кроме слов, нанизанных в бусы фраз, я не собираю.

Покусай любовался делом рук своих.

— Это — маршальская?! — прошептал я. — Или действительно — Звезда Генералиссимуса?

Он скривил рот, отчего его физиономия, и без того сморщенная, приобрела вид театральной маски злодея.

— Видать, ты — полный профан. Маршальская — ценность относительная, их изготовили триста семьдесят штук и кому только под горячую руку не вручали! Жуков — четырежды маршал, Брежнев — тоже четыре звезды получил. Маршальские после смерти носителя велели возвращать государству, но проворные люди у родственников скупали, в Одессе на зубы переплавляли, а бриллианты зашивали в одежду и гнали за границу через моряков. Целая индустрия была, даже партийной верхушке перепало, чтобы покрывали. Другое дело — Звезда Генералиссимуса!

— Неужто та самая, с груди Сталина?

Покусай посмотрел мне в глаза и жестко, отделяя слово от слова, произнес:

— Опять сомневаешься, начальник?

— Но как же ты, Тимофей, можешь быть уверен? Сталин ведь самозванец! Сам себя произвел в генералиссимусы.

— Да я же видел ночью на Красной площади, как Сталин эту Звезду шейху Ахмету повесил! Понимаешь, собственными глазами видел?! Ведь стоял в одном шаге позади, закрывая левое плечо вождя! И потом в Кувейте тоже... Я сам потрогал Звезду на шее у Мавры. С ней она и бежала.

— Сталин-то тоже Звезду украл, — сказал я.

Покусай выпучил на меня глаза.

— Это как?

— Да просто содрал Звезду твой хозяин со Звезды тайваньского генералиссимуса Чан Кайши и себе заказал такую же. И родину Сталин обворовал, отдав орден шейху!

Я-то знал точно, поскольку раскопал китайские материалы в одном архиве. Покусай разинул рот, чтобы возразить, но промолчал. Глупо же спорить, если не знаешь. Потом резонно произнес:

— Все равно она настоящая!

Он схватил со стола полуторалитровую бутылку «Ketel One», опрокинул в рот, но посуда была уже пуста.

— «Пропойное ремесло», — вспомнив слова Андрея Белого, печально процитировала Лера, глядя на Покусая, севшего на пол.

Телохранителя вождя, едва передвигающего нижние конечности, мы с трудом дотащили до гостевой комнаты и уложили в кровать. Гость открыл один глаз, угрожающе прошамкал:

— Верни Звезду!

Звезда осталась на столе, между грязных тарелок, пришлось принести. Прижав ее обеими руками к груди, Покусай мгновенно захрапел.

Лера бросила его рубашку в стиральную машину.

Он сам себя толкает под откос, жаль его — мысли вращались вокруг Покусая. Жена почти всегда угадывает, о чем я думаю.

— Рождение и смерть, — вдруг произнесла она, — одинаковые части жизни.

— Однако рождение вроде веселее. Но уж когда родился — считай оставшиеся дни.

— Давай считать! — согласилась Лера. — Первый оставшийся день всегда есть напоминание, что можно жизнь изменить. Не все же мы Покусаи. Не поздно раскаяться, не поздно отречься от глупостей, а то и заново начать.

— Заново? — переспросил я. — А сколько у каждого из нас дней впереди? Какой длины остаток? Выходит, первый

оставшийся день напоминает о начале конца. Что если первый окажется последним?

— Ты в своем репертуаре, циник!

Иногда, чтобы поумнеть, надо просто выспаться. Утром (если можно «утром» назвать время близкое к полудню, когда мы собрались к завтраку) Покусай, приняв душ, смотрелся гораздо лучше, чем вечером, даже вроде бы виноватым, хотя в чем, собственно? За кофе мы беседовали мирно о всякой ерунде, но мысли мои возвращались ко вчерашнему.

— А почему бы тебе не продать Звезду Генералиссимуса? — спросил я. — Вон, небось, Пол Риверс купил бы, и денег не пожалел... Станешь человеком...

— Продать? Да ты что! — вдруг в бешенстве, аж с пеной у рта, вскипел он. — Себя хозяин сделал генералиссимусом, а Звезда — мог ли он подумать? — у меня! Ни за что не продам, никому не отдам, умру с ней!

— Ведь потеряете или украдут, — сказала Лера, возвращая ему рубашку чистой и сухой. — Да за такое убить могут. Вот глядите, Тимофей, у меня дорогое бриллиантовое кольцо, наследство от бабушки. Но это фальшивка, а настоящее в банке лежит. Однажды мне посоветовали: «Чего вы носите такое кольцо? Ведь где-нибудь в темноте выследят и отрежут вместе с пальцем».

Покусай никак не прореагировал, молчал, раздумывая.

— Больше вы Звезду не увидите!

Собравшись в дорогу, засмушался:

— Извините мерзавца, если что не так... Двадцать долларов на бензин не дадите?

Часть шестая

2005-й год:
РАЗВЛЕЧЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

Торжество охотника за Звездой

Графство Санта-Клара, Сан-Хозе,
оружейная ярмарка — Сан-Франциско,
набережная Эмбаркадеро — Юнион-сквер.
Суббота 29 октября —
ночь на воскресенье 30 октября 2005

Хотя роман, как сейчас у меня пишется, раскручивает бесхитрое описание событий, — все же имеется некая вынужденная игра с читателем в прятки. И — наступает момент, когда не до игры. Шпаги скрещены, колесо паровоза накатывает на шею, пистолет у виска, руки на горле, короче, еще одно движение и...

Алекс Грач, рассуждая я, не собирался убивать Мавру. Но вместо Звезды Генералиссимуса из шкапулки появился пистолет, и выбора не осталось. Силы были неравные. Алекс, овладев пистолетом, стал Мавре грозить. Спасая свою жизнь, она могла назвать того, кто вместе с Вивианой украл Звезду.

Недели на две Алекс затаился, отправившись вдвоем с Николь в вояж по заповедным местам Калифорнии. Останавливались они в небольших мотелях на одну ночь, везде он записывался под липовыми именами. Шли дни, и он решил, что все спокойно. Пора устремиться на поиски торговца орденами Тимофея Покусяя.

Очередное ган-шоу объявили в Сан-Хозе. Тут деловой москвич застрял, сославшись на пару встреч «по бизнесу», которые прилипшей к нему Николь совершенно не интересны.

— Побудь без меня денек, и я примчусь к тебе на крыльях любви.

Что-либо пошлее трудно придумать, но Николь приняла это всерьез. Поцеловав Алекса, она уселась в «лексус» и укачала к себе на ферму.

Русские называют мегаполис южнее оконечности сан-францисского залива Санхозеевкой. Действительно, если не считать небоскребов в даунтауне и фривеев с тысячами машин, пробирающихся в многомильных пробках, остальное — деревня с бесконечными кварталами одно- и двухэтажных домов.

Оружейная ярмарка нашлась на окраине города не без труда. Алекс долго бродил вдоль столиков с орденами, зыряка во все стороны. Главное, конечно, зацепить самого Покусая. Чем черт не шутит? Спрашивал многих, но того, кто ему нужен, те не видели. Не вся публика знает друг о друге, да подчас болтать со случайным покупателем по разным причинам не хотят. При осторожных расспросах некоторые торговцы орденами отвечали, что да, видели Покусая, но не сейчас, а на предыдущем ган-шоу, так что этот мужик может и появиться, хотя к вечеру шансов становится все меньше.

Неожиданно Алексу повезло. Молодой белобрысый торговец фашистскими железными крестами и униформой СС, сам похожий на нациста из кино и одетый в линялый офицерский френч, Покусая знал.

— Тебя как звать? — спросил белобрысого Алекс.

— Зилом. Но зови — Штурмбанфюрер, меня все так зовут.

— О'кей, Штурмбанфюрер! А Покусая где искать?

— В Сан-Франциско, где же еще? Он туда перебрался. Я точно знаю. Дружбан мой Покусай заходил с бутылкой русской водки. Мы ее перелили в две банки из-под кока-колы и, представляешь, в открытую, у входа в мою мастерскую вылакали прямо на улице, на глазах у полицейского. Это был, браток, несомненно, подвиг!

— Где ж Покусай в городе?

— Натурально в даунтауне, там все бездомные вроде него толкуются...

Через два часа Алекс уже гулял по центру Сан-Франциско, одетый в свитер и плотную куртку, поскольку с океана дул сильный ветер, соединяясь с косым дождичком из низких туч. На Маркет-стрит появившийся чужой человек постепенно привлек к себе внимание бомжей. Засвечиваться, разговаривая с ними, Алекс понимал, небезопасно, но и другого варианта не было.

Фраер с тележкой из супермаркета, одетый в пижаму и при галстукке, попросил за ответ два доллара. Спрятав их в карман, сообщил, будто видел Покусая возле морского вокзала и указал на своего коллегу, лежащего неподалеку на решетке метро. Алекс подошел, и тот поклялся, что видел Покусая, но потребовал три доллара за дополнительные сведения. Взяв деньги, он сказал, что абсолютно точно видел Покусая на набережной Эмбаркадеро у причала 39. Там на скамейке сидит мужик, который за пять долларов с гарантией подскажет, где сейчас Покусай.

— Еще пять долларов мне, и я дам номер мобильника этого моего приятеля...

Все они будут вымогать баксы бесконечно. Алекс махнул рукой и убежал. К причалу 39 он попал к вечеру. Разгулялось, и бордовый диск солнца садился в океан, освещая театральным светом тюрьму Алькатрац на острове. Бездомных вокруг полно, многие из них уже заполучили с заднего хода ресторанов остатки еды, ужинали, укладывались на ночлег под козырьками магазинов на случай ночного дождя. Без их помощи и не обойтись.

Спрошенные отвечали, что такого нет.

— Если он новенький, — объяснил бородатый бродяга средних лет в жилете, склеенном из рекламных листовок соседнего ресторана, — то сюда мы его не пустим. Богатых туристов пруд пруди, все подают, не скупясь. Дорогих ресторанов на набережной уйма, место для получения роскошной недоеденной пищи слишком выгодное.

— А новички где? — спросил Алекс.

— Им приходится селиться подальше от океана, а потом втираться сюда. Но за это надо нам платить.

Бездомным, несмотря на приятную перспективу, Алекс Грач становится пока не собиравшись. В даунтауне он упрямо передвигался от одного скопления бродяг к другому. Когда уже совсем стемнело и улицы в Сан-Франциско осветились фонарями, гирляндами лампочек и фарами тысяч авто, недалеко от Юнион-сквера юноша гомосексуальной внешности оглядел Алекса и, почувствовав к нему симпатию, указал:

— Во-он, видишь на той стороне, старик с тележкой «Сейфвей» ковыляет? Это Покусай.

— Ты уверен?

— Еще бы! Я с ним в очереди за бесплатным супом сегодня стоял. Суп был мясной, а я вегетарианец, и мы ругали президента. О чем он у себя в Белом Доме думает?

Алекс перебежал через улицу и стал продвигаться на небольшом расстоянии за Покусаем. Вид жалкий, опустившийся, казалось, он едва волочит ноги. Если останавливался возле мусорной урны, вытаскивая что-то и укладывая в один из мешков в тележке, Алекс замирал у стены и ждал. У идущих навстречу прохожих Покусай просил денег. Кое-кто замедлял шаг, подавал.

Куда он держит путь? Маршрут его бессмысленный, второй раз по тому же кварталу. Когда же он уйдет с ярко освещенной площади, где народу полно? И может, вообще, вся моя затея провальная? Нервы Алекса напряжены, он злится, терпение иссякает. Наконец, Покусай, поколесив по периметру площади, на темном участке улицы вдруг исчез. Был и не стало, растворился.

Алекс рыпнулся в разные стороны, выругался. Не мог же этот гад сквозь землю провалиться! Оказывается, мог... Вот он, Покусай, затаился в яме, в узкой черной шахте ресторанный грузового лифта.

Покусай с тележкой встал на платформу, нажал кнопку на стене и съехал в подвал. Около пяти утра в ресторан привезут свежую рыбу и крабов, бездомного прогонят, но до того часа непрошенному гостю обеспечен полный комфорт.

Алекс решительно спустил ноги в яму, повис на руках и прыгнул вниз. Он задел тележку, тележка уткнулась в живот лежащему Покусаю.

— Здесь уже занято! — недовольно рявкнул он.

— Потеснишься! — угрожающе прорычал Алекс по-русски. — Давай по-хорошему. Будешь орать, прирежу.

Покусай разглядел рослого крепыша, и вдруг десятилетиями стиснутый в мозгу страх его, что рано или поздно к нему явятся расплатиться за измену родине, молнией проник во все его члены.

— Как это, по-хорошему? — спросил Покусай, а сам попытался осторожно сунуть руку в карман. — Ты, что же, сынок, из Москвы, из органов явился?

— Подними руки!

Алекс, скривив рот, выхватил нож, навалился на Покусай и, схватив за ухо, приставил острие к шее.

— Не убивай меня, сынок, я Сталина охранял.

— Плевал я на твоего Сталина!

— А если плевал, тем более, не убивай!

— Ты вот что, — Алекс хрипел ему в ухо. — Если хочешь жить, давай Звезду!

Покусай молчал. Алекс не стал кровить ему шею, чтобы не сразу умер, отвел нож и пырнул его в плечо.

— Какую еще Звезду? — крикнул Покусай от боли.

— Не крути, знаешь, какую. Звезду Генералиссимуса. Где она у тебя? Выкладывай!

Старик стонал. Алекс стал левой рукой ощупывать карманы и одежду лежащего под ним Покусай и уткнулся в твердый сверток на груди. Врезал ножом куртку, и пришитый сверток оторвал.

— Она?!

Покусай не ответил. Слезы текли у него от боли и от беспомощности. Он давно был готов к концу своего существования, но не к такому нелепому.

Вдруг пол под ними пошатнулся, и лифт, загудев, пополз вверх. Это Покусай за спиной у Алекса дотянулся до кнопки. Платформа остановилась на уровне земли, тележка за-

качалась и покатила по тротуару. Покусай успел выдернуть из заднего кармана пистолет. Беда в том, что телохранителя обучали борьбе более полувека назад, Алекс же — свеженький, прошедший курсы у лучших тренеров. Он легко коленом выбил оружие из руки Покусая. Пистолет, вращаясь, отлетел далеко по тротуару.

Старик кряхтя поднялся на ноги и попытался вырвать из рук у Алекса сверток. Лицо отекавшее, в синяках, с ненавистью приблизилось вплотную к лицу грабителя, но тот уже спрятал Звезду в карман. Силы оставили Покусая. Раньше бы он в считанные секунды удушил сопляка, а теперь...

На улице раздался грохот. Тяжелая машина с вращающимися щетками медленно двигалась вдоль тротуара, оставляя влажный чистый след. Алекс оторвал руки Покусая от себя и швырнул старика под колеса.

Оглянувшись, не видел ли кто, он бросился бежать. На противоположной стороне площади остановился. Никто за ним не гнался, значит, дело сделано! Тяжело дыша, он уселся на пустующих посреди ночи мраморных ступеньках Юнион-сквера, судорожно проверяя, на месте ли сверток. Хотелось пить. Хотелось лечь на ступени и смотреть на звезды в тумане неба. Мимо медленно проехали две полицейские машины, притормозили. Бегло глянув на одинокого мирного туриста, копы исчезли за поворотом.

Теперь надо смываться, и как можно быстрее. Когда Алекс Грач ценой всего двух жизней, что, по его мнению, оказалось дешево, добыл Звезду Генералиссимуса и крепко держит в руках, ему осталось скорей вернуться в Москву, к тем, кто его послал. Он лихорадочно искал способ перехитрить всех. Для этого предстояло перепрыгнуть расщелину в два прыжка. А то и в три.

Халеакала предсказывает беду

Ферма «Приветливая кляча» — Гонолулу — остров Мауи.
Ночь на воскресенье 30 октября — среда 2 ноября 2005

Алекс объявился на ферме у Николь той же ночью, обнял ее, сонную.

— Если б ты знала, как я устал...

— Что это у тебя? — испуганно прошептала она.

Лицо и руки его были в кровавых подтеках.

— Сквозь кусты пробирался в темноте, — объяснил он и вдруг спросил осторожно: — В Гонолулу визу надо?

— Нет-нет! Это же американский штат... Зачем тебе на Гавайи?

— Друг у меня там. Давай слетаем?

Самоуверенность города берет. Николь хотела решительно возразить, но какой-то гипноз проистекал от Алекса и подчинял ее. А занятия в университете? Она внутренне противилась, но делала то, чего он требовал. Поэтому, не дожидаясь ответа, он упал на кровать и заснул.

Рано утром Николь кормила Розетту. Лошадь смотрела на нее преданными грустными глазами, все понимала. Она не любила, когда ее бросают одну.

Николь увидела, как Алекс, раздобыв молоток и гвозди, вышел к дороге и по-хозяйски прибывает покосившую доску с надписью «Приветливая кляча». Он вернулся в дом и вытащил свой чемодан на крыльцо.

— Ты... больше не вернешься сюда?

— Мне надо отдать другу посылку.

Он галантно взял Николин рюкзак, сунул в багажник, усадил ее, а сам забрался за руль. Через полчаса они остави-

ли «лексус» на длительной парковке возле терминала Сакраменто и улетели в Гонолулу.

Всю дорогу — а лететь до Гавайев отсюда четыре часа с половиной — Алекс пребывал в приподнятом настроении. Дегустировал вина, сначала калифорнийские, потом гавайские, набирал в рот и, ухватив Николь за подбородок, переливал ей, и она плотала. Урывками он отсыпался, бормоча во сне что-то бессвязное.

Русский мачо Алекс Грач, как и некоторые его сверстники, входящие в жизнь в начале XXI века, есть порождение нашей новой всемирной цивилизации. Он гибрид героя нашего времени с универсальным вневременным мерзавцем. Генетически, спору нет, незаурядная личность, с волей и аурой, социальный же тип — образованец без моральных лимитов. Поступающая к нему космическая энергия, уверен он, не иссякает. Удача светится в его зрачках. От этого он немного балдеет, что лишь придает ему, красавцу, наподобие поп-звезд Голливуда, особый шарм, выделяя из серой массы его поколения.

Неотразимая способность Грача влиять, приносить в женщин свои желания, делать их своими соучастницами, даже если они этим желаниям сопротивляются, несомненна. Плюс к этому он — создатель выгодных для себя ирреальных ситуаций и одновременно липач, дуракавалытель. С подобной категорией женщинам лучше дела не иметь. Но получается наоборот. Именно к таким они летят, как комары на электрическую сетку. Вот уж никогда бы не подумал, что мужская физическая красота доводит женщину до такого обалдения, хотя противоположные варианты видел не раз. Неэмоциональная (помните, я был в этом уверен?) Николь уже приколоты на булавку и не рыпнется.

Алекс вдруг зашепшил жить. Сержантка болонкой послушно за ним волочилась, а я, по должности летописца событий, обязан, но не в состоянии отслеживать все завитушки.

Сказочная экзотика гавайских островов сразу вовлекла их в свои яркие рекламные объятия. Время здесь давно остановилось, если вообще когда-либо мелькало значитель-

ными событиями. Разве что ненадолго в Перл-Харборе во время Второй мировой войны, когда японцы топили американцев.

«Алоха!» сиречь на местном диалекте нечто среднее между «Здрассте!» и «Добро пожаловать!». Вот они летят на маленьком вертолете вокруг большого острова, обозревая тропическое роскошество красок, от золотых пляжей до снега на вершинах. Неожиданно Алекс сообщает на ухо Николь, что на соседнем острове Мауи ему надо встретиться со своим духовным учителем.

Перекрывая голосом гул пропеллера над головой, Алекс стал просить пилота, чтобы он их забросил на Мауи.

— Это же далеко! — изумился пилот.

— Плачу кэшью...

— Нет, я так не могу! — взмолился пилот.

— Сколько скажешь, столько дам!

— Я должен запросить начальство...

Начальник аэропорта недолго упрямылся. Сообразив, что гуляет богатенький New Russian, о которых уже и слышаны, и коих навидены, с земли ответили: «Алоха!» и запросили круглую сумму. Алекс, к удивлению Николь, согласился. Пилот рисковал. Если пассажир не заплатит, придется привезти его обратно и остаться ни с чем. Он ведь пообещал платить наличными. Вопрос больших денег, так сказать, натурой, непростой. Притащите в Калифорнии или Миннесоте мешок с четвертью миллиона купить дом, — вам предложат сперва пойти сдать деньги в банк и принести им чек. Они убедятся, что это не money laundering*. Все же есть разница между штатом Гавайи и остальными штатами Америки, а почему, не знаю.

Они приземлились в аэропорту на острове Мауи. Алекс приоткрыл чемодан, просунув руку, вслепую вытащил пачку банкнот и расплатился. Пилот крякнул и улетел. Вечерело. Алекс потыкал мобильник — он не работал, батарейка села. Поискал глазами автомат и вошел в будку. Монет в карманах

*отмывание денег

он не шарил, а сосредоточил волю, направив ее на аппарат. Снял трубку, набрал некие коды (не иначе как украденные кем-то из телефонной компании), повесил, снова снял, стукнул сверху ладонью по телефону, опять набрал какие-то цифры, удовлетворенно вытянул вперед губы и соединился бесплатно. Николь не видела, а то бы подивилась.

— Слышь, Роджи, это я, — воскликнул Алекс. — Я у тебя на Мауи. Как добрался? Превосходно! С любимой девушкой, уж извини. Духота-то у вас какая! Может, ночью станет прохладней? В отеле переночуем... Дома? Лады! У тебя сеанс сейчас? Попозже за нами подгробеешь? О'кей!

— Он занят? — спросила Николь.

— Освободится к вечеру и подберет нас.

— Есть хочется, — мечтательно произнесла Николь.

— Хочешь жареного кита?

— Что это?

— Шутка такая. Поехали!

Чемодан свой и Николин рюкзачок Алекс еле запихнул в полку камеры хранения и с трудом защелкнул дверцу. В такси они изучали призывы посетить всякие развлечения, в результате таксист привез их в порт, и они погрузились на «Принцессу Мауи». Музыка веселила поднимающихся на палубу, где уже были накрыты столы. Николь пробралась к самому борту, уселась и немедленно расстелила салфетку на коленях. Алекс исчез где-то в трюме по своим надобностям, а когда вернулся, судно шло полным ходом в открытый океан. На столе красовался зеленый салат с креветками и папайей, который Николь уминала. Потом подали ребрышки барашка с редькой, и оба голодных гуляки на них набросились.

Прохладный океанский ветерок трепал разноцветные флажки. Вдруг кто-то закричал, обратив внимание всех туда, где солнце укрылось за похожее на взбитые сливки облако. Выпуская фонтаны над оранжевой солнечной дорожкой, на потеху публике плескались огромные животные.

— Вот они, киты, и еще не жареные, — сказал Алекс, по очереди обсасывая пальцы после бараньих ребрышек.

Солнце еще немного опустилось в океан. В сумерках палуба осветилась гирляндами цветных лампочек. Со смаком отобедавшая и пропитанная алкоголем публика, разодетая во что ни попадя — кто в бальных платьях, при бриллиантах и на немислимых каблуках, кто в рваных шортах и босиком, — эта публика, взбудораженная небольшим оркестриком, заигравшим румбу, а потом свинг, бросилась танцевать в нешироком пространстве между столиков. Главное на качающейся палубе — спьяну не перевалиться через борт. Акулы зоркими глазками отслеживают все движущееся.

Совершив петлю по океану, судно направилось обратно. Коричневые в облаках горы острова Мауи с дымком от вулкана выростали на горизонте. Через час с небольшим мачо Алекс, держа Николь сзади за шею, уже стоял на берегу. Озираясь и щурясь от яркого света фонарей, разрывающих ночную черноту, он выискивал своего учителя, которого никогда не видел. Почти тотчас к ним подкатил дожидавшийся на парковке белый микроавтобус с надписью на борту.

Помогаю в любви.

Охраняю от жизненных невзгод.

Точно предсказываю будущее.

Телефон 808-244-5656

Зашуршала и опустилась широкая боковая дверь. На дверцу выкатился в инвалидной коляске человек в белоснежном костюме, при бабочке и с алой розой в кармашке на груди. После этого дверь автоматически еще опустилась, и коляска поехала по земле. Горб вынуждал сидящего в коляске сгибаться. Морщинистое загорелое лицо свидетельствовало о жизненном опыте. Он приподнял соломенную шляпу, опоясанную белой лентой, потом схватил руку Николь, поднес к губам и облизнул:

— Счастлив видеть вас, мадемуазель! — сказал он по-английски с мягким азиатским акцентом. — Вы, должно быть, Николь.

— Вам Алекс сказал? — удивилась она.

— Почему — Алекс? Вчера на спиритическом сеансе ваше имя обозначилось в качестве моей гостьи. А меня, как вы уже догадались, зовут Роджи. Роджи Снейк. Welcome to Maui!* Наконец-то!

Роджи изобразил роскошную улыбку, обнажив все свои фарфоровые зубы, вынул алую розу из кармашка и вручил гостье. Алекс нагнулся над коляской, и Роджи обнял его, прижав щеку к щеке. При этом он глядел на Николь, которая ему явно нравилась. Николь растерянно подумала, что такие уроды в белых костюмах с красным цветком появляются в мыльных сериалах, но маэстро Роджи Снейк был перед ними на самом деле.

— Давай заскочим в аэропорт, — попросил Алекс. — У нас вещи в камере хранения остались.

В аэропорту Алекс вытащил чемодан, рюкзак и загрузил в машину.

— Что там у тебя? — подивился Роджи.

— Книги, — ответил гость.

Роджи засмеялся. Указал им на заднее сиденье, сам въехал на дверь, дверь загнула, поднялась, вкатила коляску внутрь и закрылась. Микроавтобус долго выбирался из приморского городка и быстрее покотился в горы по путаному серпантину.

— Большой праздник для меня, что вы согласились посетить мауийского чудотворца, — журчал Роджи. — Сколько комнат вам нужно?

Он на мгновение лукаво оглянулся, и глаза его на повороте сверкнули в свете фар идущей сзади машины.

— Одной довольно, — сказал Алекс, чтобы у Роджи не возникали мысли по этому поводу.

Роджи, язык без костей, болтал без умолку.

— Я человек минимум девяти кровей, в алфавитном порядке: греческой, ирландской, испанской, итальянской, китайской, тайландской, филиппинской, французской, японской, не считая кровей древних племен, которые тоже

*Добро пожаловать на Мауи!

у меня имеются. То есть, в общем и целом, я настоящий американец. Горб у меня с детства — неправильно срослись позвонки. Отсюда моя уникальность, не так ли?

— Это совершенно незаметно, — вежливо улыбнулась Николь.

— Вот! Конечно, я самый знаменитый медиум на острове, да и вообще на весь гавайский штат. Никто больше не верит политикам, все они без исключения шарлатаны и жулики. А вот таким, как я, публика доверяет. Ко мне едут отовсюду. Я один точно знаю, когда произойдет конец света. Университет я окончил в Новой Зеландии, а теперь думаю о том, чтобы открыть на Мауи частный университет для магов и предсказателей, поскольку до конца света еще есть некоторое время.

В горах туман стал лепиться к стеклам машины, и фары едва освещали правую кромку дороги. Через полчаса езды свернули в лесную чащу. Опоссум перебежал дорогу перед колесами и, ослепнув, скатился в кювет. Едва подъехали, загорелся свет, ворота автоматически открылись и позади них захлопнулись. Машина остановилась у входа в виллу.

— На втором этаже, — Роджи показал на ряд темных окон, — полдюжины комнат, выбирайте любую, сейчас в них никто не живет. Ужин служанка приготовила. Жду вас в столовой.

Они поднялись по широкой мраморной лестнице, Алекс открыл дверь и бросил свой чемодан возле кровати. Николь подошла к окну. Висела полная луна. Фонарики освещали дорожки в парке вокруг виллы, а дальше простирался мрачный лес. Ночью в окно долетали гортанные крики птиц, визг. В чьих-то когтях билась жертва и умолкла.

Роджи разливал вино, когда они вошли.

— А покрепче чего нету? — спросил Алекс. — Надо ведь расслабиться.

Через стеклянную дверцу он углядел бутылку водки «Grey goose».

— Будешь?

Роджи скривился. Алекс наполнил водкой полстакана и, не присаживаясь, влил в себя. Николь с Роджи переглянулись, но от комментария воздержались.

Стол, сервированный хрусталем и серебром, ломился от закусок. Алекс присел на край стула и, держа бутылку в руке, подцепил вилкой креветку в чесночном соусе. Прожевал и, не колеблясь, налил себе еще полстакана, а потом еще.

— О, да он настоящий русский! — в восхищении сказал Роджи. — Послушай дружок, может, ты пойдешь спать, а мы с Николь доужинаем?

Алекс ухватил Николь за руку и, пошатываясь, удалился.

Утром он дрых, а Николь поднялась и отворила окно. Сад оказался вовсе не мрачным, а ярким, с буйной зеленью, весь в тропических цветах, полный пения птиц, но тайная жизнь в чаще, судя по доносившимся звукам, продолжалась. Алекс продрал глаза и, лежа на спине, держался за голову.

— Голова раскалывается. Принеси опохмелиться, да побыстрей...

— Опо... чего? — не поняла Николь.

Пришлось ей объяснить: бутылку водки. Завернувшись в полотенце, она послушно побежала выполнять задание.

Алекс сел, мутным взором оглядел мир, тупо ждал.

Она принесла бутылку, налила полный стакан, протянула ему.

— Много, ты что! — назидательно заявил он и произнес популярное: — Неграмотный опохмел ведет к длительному запою.

Алекс смерил дозу и выплеснул часть содержимого в окно. Опять померил, глотнул и замер, будто молился. Она стояла перед ним, ждала, принимая все за должное и никак не иначе.

— Вот теперь порядок!

Он повеселел, поднялся и стал напяливать шорты. Потом смотрел, как Николь одевалась, даже замурыкал нечто, похожее на песню.

После завтрака Алекс с Роджи заперлись в огромной зале, увешанной атрибутами черной магии, и о чем-то совещались. Николь лениво бродила в парке, отсыпалась, смотрела телевизор. Алекс бросил на кровать свой ноутбук и потащил Николь в бассейн.

Роджи радостно выкатился к ним по наклонной дорожке. В плавках, длиннорукий, весь заросший волосами он напоминал гориллу. Подрулил вплотную к бассейну и боком ловко вываливался из коляски в воду. Узкое лицо его выныривало из воды и опять исчезало. Николь старалась держаться подальше, а он, наоборот, поближе, часто прикасаясь к ней.

— Он меня гипнотизирует... — сказала она Алексу.

— Это вполне может быть, — смеялся он. — Он в тебя влюбился.

— Чего смешного? — обиделась Николь. — Тебе что — все равно?

Алекс не ответил.

К счастью, во второй половине дня к Роджи повалили один за другим клиенты. Все сидячие места в холле оказались занятыми. В дверях появилась маленькая строгая японка средних лет в белом халате и белой шапочке.

— Моя помощница, — издали указал на нее Роджи, — я с ней сплю, когда нет ничего лучше. Но это редко бывает.

Хохотнув и не знакомя с помощницей, он укатил в свой кабинет.

Алекс и Николь оказались предоставленными самим себе. Если в принципе существуют на свете райские места, то поместье Снейка, безусловно, одно из них. Посреди Тихого океана, между небом и землей, а все блага цивилизации под боком.

Николь явно нравилось, как Алекс фантазировал, особенно вечерами при звездах, обо всем на свете. Что было бы, если бы... И на любой счет у него всегда заготовлены проекты. Звезд мало, надо их расщеплять на части и располагать дорожками, сходящимися к центру. Марсиане уже появились, осталось их найти среди нас. Луна висит — как

он будет ее сдвигать. Люди должны появляться на свет старыми и больными, а потом постепенно здороветь, молодеть и двигаться к рождению...

Похоже, Алекс слишком расслабился, чувство опасности покинуло его. Отлежавшись и отоспавшись, они сделали Роджи ручкой и на следующий день отправились на велосипедную прогулку в горы.

В автобусе их довезли вместе с велосипедами до вершины горы, откуда открывался шикарный вид на полмира. Было весьма прохладно. Им раздали теплые куртки, штаны, шлемы и маски для защиты от встречного ветра, и вся ватага, человек двадцать, ринулась по петляющей дороге вниз. Алекс свалился с велосипеда, полежал на асфальте, а когда Николь подъехала к нему, поднялся. Отделался ссадинами, шею не свихнул, голову не пробил, рук и ног не поломал. Колесо стало скрипеть, но ехало.

— Я без вас скучал, — улыбался им Роджи, когда они вернулись.

Он обнял и облобызал Николь. В полутьме кабинета, при свечах, стал делать пассы у них над головами и что-то бормотать. Развернул руки Алекса и Николь ладонями вверх.

— Не хотел бы вас расстраивать, но у вас обоих проходят линии беды... Скрещиваются, потом расходятся, потом...

— Потом что? — спросила в тревоге Николь.

— Дальше пока не вижу... Смогу усилием воли проявить темные силы, но необходимо подпитаться энергией из кратера вулкана Халеакала. Внутренний голос подсказывает мне, что скоро может начаться извержение, и жерло станет недоступным. Если бы вы задержались на несколько дней...

— Это невозможно! — сразу воскликнула Николь. — Мне надо в университет!

— Если так, — возразил Роджи, — не станем откладывать. Этой же ночью я сопровожу вас в кратер вулкана Халеакала. Отменю прием клиентов на завтра. Будьте уверены, я могу замедлить извержение, но совсем его отменить не могу. Ровно в полночь мы должны быть там.

Ближе к полуночи Роджи нажал гудок своей коляски.

— Теплей одевайтесь! — крикнул он им.

Сам он был в черной рясе. Подождав, пока они усядутся, он, придерживая рясу рукой, въехал в микроавтобус и на руках перетянул свое немощное тело за руль.

Мотор ревел на крутых подъемах. Фары выхватывали фрагменты скал при поворотах. Николь дремала, изредка хлопая ресницами. Алекс тихо матюгался, а когда Роджи спрашивал, что это значит, отвечал, что сочиняет по-русски стихи.

— Вот мы и на месте! — Роджи резко затормозил. — Здесь уже недалеко.

Небо было обложено тучами, и холодный, пронзительный ветер подвывал в камнях, наваленных вдоль дороги. В темноте Николь с Алексом двигались наугад, держась за коляску Роджи, пока в щель между тучами не вылезла луна. Перед ними оказалась голая скалистая вершина с гигантским продолговатым, как селедочница, провалом.

Колеса инвалидного кресла постукивали по деревянному настилу, огороженному перилами, отбивая чечетку, которая эхом разносилась вокруг. Доехав до узкой тропы, спускавшейся вниз, в жерло вулкана, Роджи остановился. Он сделал несколько медленных пассов руками около земли, как проверяют тепло возле печки. Застонал, оторвал тело от сиденья, распрямился, сделал шаг вперед, еще шаг и, к изумлению присутствовавших, пошел весьма уверенно по тропе на собственных двоих. Коляска осталась позади на деревянном настиле.

Роджи обернулся, чтобы посмотреть, какое впечатление произвело на спутников его мгновенное выздоровление, и пояснил:

— Такое чудо возможно только здесь и только ночью. Флюиды, сочащиеся из-под земли, дают мне дополнительную физическую силу и устраняют мой недуг. Следуйте за мной, не отклоняясь, это опасно. Слева у нас Марс, справа Юпитер, они не дадут нам заплутаться.

То при серебристом свете луны, то скрываясь в тенях от скал, они молча спускались еще полчаса, спотыкаясь и про-

валиваясь. Камни сыпались из-под ног и, как живые, с шуршанием уносились в преисподнюю. Ветер стих, стало теплее. Печка под землей давала тепло, и оно растекалось понизу. Но вот пошел дым и выдавилась из щели лава. Алекс шагнул слишком близко и намертво влип в горячее месиво. Запахло горелым, из-под кроссовок пошел дым. Алекс едва успел выдернуть ноги и остался босиком.

Роджи упал на колени и воздел руку к небу. Сложив ладони, поклонился до земли.

— О владыка острова Мауи, Халеакала! — прокричал он и стал кругами поглаживать землю вокруг. — Халеакала! Слышишь ли ты меня?

Алекс с Николь застыли как неживые. Роджи повернул голову к спутникам.

— Чувствуете, он дышит? Сегодня он расположен к миру. Отойдите чуть назад. Ложитесь, уткните ухо в эту застывшую лаву и услышите...

Он потянул Николь за руку, уложил рядом с собой, накрыв ей пятерней голову, и снова сделался недвижим. Она не успела отстраниться, частички лавы прилипли к губам, захрустели на зубах. Алекс нехотя улегся на землю позади них.

— Отзовись, о Халеакала! — зашептал Роджи. — Доверься мне, я твой преданный раб и исполняю все, что ты приказываешь. Я твой единственный преданный человек среди людского сброда. Прошу тебя, будь снисходителен к моим слабостям. Пощади и позаботься обо мне, грешном.

Не очень было понятно, где у Снейка серьезное, а где игра на публику. Послышался легкий гул. Вулкан ли забормотал что-то, отвечая на призывы, или где-то вдали самолет пролетел.

— Понял, о Повелитель! — приподнялся на колени Роджи и стал кланяться. — Уразумел тебя! Исполню, как велишь. Моего гостя ждут большие неприятности? Какие? Не хочешь сказать? Ведь он — мой гость, отведи от него беду!

Вулкан загудел, из него струился легкий дымок. Все трое

стояли на коленях. Роджи ладонями разрыл ямку, вынул щепотку пепла и насыпал в спичечный коробок.

— Алекс, береги! Если ты унесешь пепел с собой, это размягчит душу Халеакалы, и он о тебе позаботится. Никогда не забывай про пепел, носи его с собой.

В тумане, застилающем окрестность, побежали слабые лучи света. Пластинки лавы вокруг заблестели. Из-за гор возник кусок солнечного диска. Стало видно тропу, приведшую их в жерло вулкана.

— Больше мы ничего не услышим, он перестал дышать, — прошептал Роджи.

Они поднялись к деревянному настилу. Тут ноги у Роджи отказались повиноваться, и он упал в свое кресло. Некоторое время сидел, словно бездыханный, очнулся и проговорил:

— Я пуст. Пора домой...

Коляска резво потащила Роджи вперед. Николь с Алексом отстали и едва волочили ноги. Как помнит читатель, данная любовь началась на ферме «Приветливая кляча», преодолела небольшие трудности и на Мауи, в кратере вулкана Халеакала, по-видимому, достигла своей вершины. С вершины же для живых существ есть один путь — вниз. Они дошли до ожидавшего их Роджи. Он в изнеможении сидел в коляске и, увидев их, въехал в микроавтобус.

Когда они вернулись на виллу, туман уже развеялся. Наступило яркое солнечное утро. Николь сразу засуетилась.

— Куда вы засобирались? — с подозрением глядя на них, спросил Роджи. — Я не успел показать свой парк и драгоценные камни из вулканических извержений...

— Спасибо, Роджи! В другой раз...

Алекс ей поддакивал, похоже, он нервничал.

— Жаль, — сказал Роджи. — Жаль... Тогда отвезу вас в аэропорт...

— Давай сделаем проще. Вызови такси, и все дела...

Роджи пожал плечами и набрал номер.

— Будет через пять минут, — сказал он.

Вытащив свой огромный чемодан к выходу, перед дверью Алекс остановился.

— Послушай, Роджи, как договорились... Я оставлю тебе кое-что на хранение? — полуспросил-полупредложил Алекс. — Положи чемодан в тайник. Следующий раз буду — забери...

— Нет проблем... Сделаю, дорогой мой! А все-таки что там у тебя?

Алекс открыл чемодан. Половина его была плотно, без просветов, набита толстыми пачками сотенных купюр. Николь побледнела.

— Доллары? — испуганно спросила она. — Настоящие?

— А ты как думаешь? — стоя перед чемоданом на коленях, он снизу вверх глянул на нее и захохотал.

Роджи вытаращил глаза и отъехал на коляске назад.

— Здесь у меня тысяч триста... Или что-то около того... Себе я немного припрячу на загул.

Алекс засунул пару пачек в карманы.

— Ого! — Роджи чесал затылок.

— На худой конец, закопай мой чемодан в землю в целлофановом мешке. Можешь?

— Сделаю, не волнуйся, — пообещал Роджи.

Внушительными жестами он зарядил своих гостей энергией на дальнейший путь. Притянул к себе на колени Николь и напоследок стал сопя целовать ее, норовя попасть в губы. Алекс смотрел на это, посмеиваясь. Роджи вынул из кармана пакетик.

— Природа знает только четыре драгоценных камня: рубин, сапфир, изумруд и, конечно, бриллиант. Остальное — самоцветы. Вот тебе, Николь, четыре кольца, носи их всегда по два на каждой руке. Я их зарядил энергией, они тебя защитят.

— Ведь это же дорогие камни, вы сами сказали!

— Не беспокойся, дурашка! А будет плохо — возвращайся на Мауи.

Спасательный круг бракосочетания

Штат Невада, Рино.

Среда 2 ноября — четверг 3 ноября —
ночь на пятницу 4 ноября 2005

С острова Мауи самолет приземлил их в Гонолулу. Рейс на Сакраменто, увы, они пропустили, следующий завтра утром. Заночевали в Гонолулу в самом дорогом, из трех комнат, номере отеля «Роял Кона» в заливе Кайлуа с видом на океан чуть ли не до Японии. Им нашептали, сколько знаменитостей в номере на верхнем этаже небоскреба останавливалось, и вот теперь у нас вы, мистер Алекс Грач, с вашей очаровательной партнершей.

Алекс вдруг принялся роскошествовать. Вечером обедали они на открытом воздухе в лучшем ресторане отеля. Оба праздновали, но по умолчанию, разное. Он — Звезду, она — любовь. Николь — существо от природы рациональное, дисциплинированное, экономное.

— Не хочу, чтобы за меня везде платили, — заявила она. — Это не по-американски.

— Плевал я на ваши порядки! У меня остались деньги, хочу их потратить. Кончатся, тогда и буду думать, где еще взять.

— А эти, что сейчас тратишь? Эти-то откуда?

— Откуда? Из тумбочки! Чего ты зациклилась? Наследство получил! Тебя это устраивает?

Он засмеялся и обнял ее. Деньги, однако, Николь до сих пор не волновали. Она выросла в семье, где этот материал был в изобилии.

Музыка заиграла так громко, что разговаривать стало невозможно. Начались полинезийские танцы «луау» с хула-хупами. Стало темно, в центре площадки вспыхнул костер — аборигены исполняли огненный танец с ножами, сверкающими в отблесках пламени. Кто-то пытался вытащить Николь танцевать, но она не пошла. Алекс, изрядно захмелевший, погладил ее по спине.

— Ласкатель души моей! — вырвалось у нее.

Прозвучало это у американки лучше, чем любой русский поэт мог бы придумать.

— Я тебя люблю, — продолжила она. — Ты — моя первая любовь.

Зря она это, ибо джентльмен лишь устало кивнул, приняв банальную формулу к сведению. А ведь мог бы рассердиться. Эмансипация такого рода — дело тупиковое. Женщина всегда говорит мужчине: «Ты у меня первый», а мужчина всегда говорит женщине: «Ты у меня последняя». Мотивы понятны, но в данном случае Алекс ничего подобного не изрек. Как раз недавно перелистывал я в архиве университетскую газету «Калифорния Эгги» и в номере за 1951 год нашел начало статьи.

Ну вот, июнь на пороге. Вам ясно, что это за месяц. Студентки думают о замужестве, а студенты — под каким предлогом смыться. Может, записаться в армию?

Сейчас, правда, осень, но насчет предлога смыться ничего за полвека не изменилось, разве что упростилось. И потому Николь пребывала в растерянности.

Вкус, обоняние, зрение, слух, осязание... Пять органов чувств у всех здоровых людей. Любовь — чувство шестое, местом в организме не обозначенное. Любить сердцем, любить умом, любить всем своим существом — все это приблизительно болтовня. Шестым чувством обладает, к сожалению, малая часть человекообразных, и, поскольку в организме нет органа любви, отсюда все проблемы человечества, веками не решенные, которые никогда не будут преодолены.

Женщины (для них, как принято считать, любовь составляет важнейшую функцию жизни) в большинстве также не обладают способностью любить, как и мужчины. Поэтому для любви существует ряд заменителей: инстинкт, привычка, привязанность, одиночество, симпатия, эмоции, кокетство, секс, социальная потребность иметь мужа или жену и детей. Любовь к потомству не имеет к чувству любви никакого отношения, она есть и у животных.

Я всегда считал, что неспособность любить передается по наследству от бабки к дочери и потом к внучке. Не раз в этом убеждался, думал, нет ли гена любви? И вдруг вся моя теория рассыпалась в прах. Любила ли Мавра? А Джулия? И, наконец, что происходит с Николь?

Они уже летели из Гонолулу обратно в Сакраменто.

— Останешься у меня на ферме? — спросила Николь, целуя его в ухо.

— Как это — останусь? — он смотрел на нее с недоумением.

— Или давай уедем.

— Куда? Хочешь со мной в Россию?

— Почему бы и нет?

— Потому! — он все никак не мог привыкнуть к ее наивности по части самых простых вещей. — Тогда уж действительно лучше мне здесь остаться... Но как?

— А ты женись.

— Жениться? — он засмеялся. — На ком?

— Чего ты смеешься? На мне!

— Это идея, — он секунду колебался. — Шутишь или серьезно?

— Абсолютно серьезно! — сказала Николь со свойственной ей самоуверенностью. — Знаешь, сержантом я уже стала, теперь хочу стать женщиной. Настоящей женщиной, не пластмассовой...

По-видимому, предложения выйти за него замуж Алекс не ждал, отчего надолго задумался. Потом спросил:

— А зачем?

— Ду-ра-чок! В Америке брак не нужен. Разве что налогов больше платить. Но тебе легализоваться, получить статус в Америке — почему бы нет?

Николь, конечно, хитрила.

В самом деле, зачем вообще люди женятся? Почему мухи липнут на липучку? Как ни странно, ни мухи, ни люди, сколько я ни спрашивал, не могут членораздельно объяснить. Я и сам не могу понять, зачем это сделал. Не в заботе же о следующем поколении! Наверное, у каждого есть на сей счет свои позывы, препоны и опасения, но исподтишка подталкивают к поступку нерухнувшие надежды и не раздолбанный предыдущей жизнью оптимизм. Ведь, как говаривал один мой знакомый скептик, если женился сам, останови товарища. Идея брака (опять дивлюсь русскому языку) выхолостилась. Но у Николь с Алексом совсем другая ситуация.

В середине дня самолет сел в Сакраменто. Возле терминала они, забыв этаж, долго искали на парковке свою машину, и, найдя, сразу, через пробки стали пробираться к 80-й дороге, ведущей на северо-восток, из Калифорнии в Неваду.

Сто сорок миль сперва по равнине, потом с холма на холм, дальше с горы на гору в Сьера-Неваде, в общем-то, хороших полдня на горячем солнце, когда в машину сесть — как на раскаленную сковородку в аду (хорошая тренировка на будущее), а после в горной прохладе. Вечером вкатили они в залитый огнями сумасшедший городок, именуемый Рино.

О простоте регистрации брака в Рино ходят легенды. Земля полна слухов, будто кто угодно с кем угодно может немедленно жениться и развестись. Если бы это было так, то пол-Америки уже давно бы по вечерам женилась, а по утрам разводилась.

Все-таки женитьба — тоже развлечение, хоть и не особо забавное. Прежде всего сделали главное. Алексу взяли напрокат, на один день, черный таксидо, а Николь подвенеч-

ное платье. В таком платье при ходьбе надо одновременно выставлять вперед грудь и отставлять назад, сами знаете, что.

Брачные бюро работают с восьми утра до десяти вечера, в праздники тоже. Но если вам приспичило жениться в полночь, придется подождать до утра. Алекс с Николь передвигаются от одного брачного бюро до другого, все закрыты. Иной, совсем наивный, подумает, что какой-нибудь поступок или желание могут остаться незарегулированными в Америке. На каждую хитрость найдется уже давно сочиненная противодействующая инструкция. Но и на эту инструкцию пронырливые люди чаще всего найдут противоядие, причем вполне юридически обоснованное.

Похожая на церквушку непонятной религии брачная контора в доме 136 на Вирджиния-стрит работала позже. За скромную плату нашлись и бракодельша, и два пожилых бодрых свидетеля, которым за труд надо было вручить по червонцу. Никакие документы от брачующихся не требовались. Минут через пятнадцать они вышли на улицу мужем и женой согласно свидетельству, распечатанному на принтере.

В первом попавшемся казино «Eldorado» на той же Вирджиния-стрит, в слепящем фонтане бегущих огней, свежеспеченного мужа Николь потеряла.

Казино — единственное место на земном шаре, где автоматы уже давно хитрее и умнее людей. Почему, не знаю, — ведь игрушки-то придуманы человеческими мозгами. Попадая в казино, я обычно скорблю о всем дуреющем человечестве. Какая блистательная система высасывания интеллектуальной энергии для заполнения карманов мафии!

С трудом Николь разыскала свою новую половину. В гуле, от которого хочется заткнуть уши, Алекс кричал ей, что знает секреты, у него давно готовы целые формулы, в какой последовательности и как нажимать, и результат будет в его пользу. Он, без пяти минут гений аферы, вот-вот обыграет эти тупые механизмы. Но они-то созданы про-

фессионалами с одной целью: любым гениям не дать себя облапошить.

Алекс экспериментировал. Глаза все ярче блестели, и блеск этот стал уже не совсем здоровым. Чем больше он просаживал, тем злее становился, но яростно продолжал. Все кругом, за соседними автоматами и столиками, казались ему удачниками, а ему не везло.

— Пойдем в другое место! — он смотрел сквозь Николь.

Она бежала с ним рядом в соседнее казино «Silver Legacy». Он клялся ей, что сейчас начнет выигрывать. Не тут-то было. Автомат за автоматом безжалостно обирали его. Бранное брюзжание сочилось у него изо рта. Откуда у Алекса зависть ко всему роду людскому? Может, дело в генетике? Или еще в чем-то? Не иначе, как некоторые люди произошли от ядовитой змеи вроде гадюки или кобры.

Не раз он хвастался Николь, что всегда и во всем побеждает. Теперь Алекс сорил деньгами, пока запас в его карманах не иссяк. Автомат съел последние его бумажки и облизнулся. Он сунул руки в карманы брюк и вытащил их — красноречивей знака нет. Осталась последняя сотенная бумажка, и с ней он отправился к рулетке.

Вдруг вокруг Алекса стали собираться люди, потому что ему начало везти. Стребая ладонью фишки, он каждый раз подмигивал Николь. И, наконец, последний выигрыш под аплодисменты публики — сорок две тыщи долларов!

Все в казино просматривается видеокамерами, и через несколько секунд появился средних лет, крепкого сложения служащий в униформе, сзади него замерли два охранника. Говорил он вышколенно, вежливо и твердо.

— Sir, вам лучше уйти отсюда!

— Почему — уйти?

— Мы не объясняем нашим клиентам, почему, но настоятельно рекомендуем. Ваши деньги получите немедленно, но я провожу вас к выходу.

Никто в зале не обратил на инцидент внимания. Они с Николь вышли из казино и побрели среди гуляющих неведомо куда.

Неожиданно Алекс резко остановился, повернулся и ждал, пока Николь подойдет к нему вплотную. Толпа обтекала их с обеих сторон. Алекс почесал нос.

— Во! Оттянулись по полной программе... Давай — one for the road! — На посошок! А то мне домой надо...

Он изобразил, как пьют из стакана.

— Домой?! А я?..

— Я сгоняю в Москву и вернусь.

— Зачем?

Отведя Николь в сторону, он вынул из внутреннего кармана сверток, замотанный в кусок тряпки. Осторожно развернул и поднес к лицу Николь. Звезда Генералиссимуса заиграла отраженным светом уличных огней.

— Где ты взял?

— Где взял, где взял?! Купил. Деньги-то новых русских... Отвезу им Звезду, чтобы они меня не искали. Там, понимаешь, публика крутая, нельзя с ней ссориться.

— Когда вернешься?

Алексу все чаще хотелось остаться в Америке, продать Звезду и затаиться. Но потом опять перерешал. Надо ехать.

— Теперь у меня есть в Америке жена. Так?

— Послушай, — она пыталась его уговорить. — Если ты запутался, не лучше ли тебе здесь укрыться? Уехать в тихое место, начать новую жизнь...

— Чего ты от меня хочешь? — он вдруг перешел на английский: — *I can't put my life on hold just because you love me!** Да лучше я сложу под забором, чем выгучусь на какого-нибудь программиста!

— Не надо. Я тебе не говорила, но у меня есть мечта. Давай уедем в Техас. Там приняли закон: нельзя убивать на колбасу старых лошадей.

— А ты при чем?

— Гуманизм, понимаешь? Я люблю лошадей. А в Техасе фермеры, которые выращивают спортивных скакунов, не знают, что со старыми лошадьми делать. Осядем в Техасе,

*Я не могу остановить свою жизнь из-за твоей любви!

купим землю. Отец даст денег. Построим ферму, где у нас будут с почетом доживать свой век старые лошади.

— Дом престарелых — для лошадей?

— Что-то в этом роде. Фермер продает одну хорошую лошадь и на это живет год, так что небольшая плата на содержание пенсионерок не станет его угнетать. Создадим пенсионный фонд — те, кто отдают нам старых лошадей, должны платить. Будем лошадок лечить, ухаживать за ними. Откроем у нас и кладбище для лошадей. Могилы с надгробными памятниками...

— Значит, я буду копать могилы для лошадей?

— Потом построим крематорий...

Он обнял ее, прижался и вдруг резко оторвал от себя, изолировался. Николь, не готовая к такому развитию событий, провела по лицу руками, будто паутину сняла. Вид у нее в подвенечном платье, взятом напрокат, был растерянный. Крутой русский стоял перед ней в черном таксидо. Говорят, браки совершаются на небесах, но это не так. Любовь возникает на небесах, а реализуется через брак на земле.

Помолчав, Николь тихо спросила:

— У тебя в Москве герл-френд есть?

Он изобразил задумчивость, как бы старался вспомнить, есть или нет.

— Послушай, у меня там жена и ребенок.

— Как?! Ты мне не говорил...

В глазах ее повисли две крупные слезы.

— Я забыл.

— Забыл что — сказать или что женат?

— Все забыл! Вот пристала! Мало ли чего я тебе не говорил...

— Ты их любишь?

— Откуда мне знать? Наверное, люблю.

— И меня тоже любишь?

— Да! — с каким-то остервенением крикнул он. — Тебя тоже!

— Но меня бросаешь? Как же я буду?

Вот это ошибочный вопрос. Лучше всего в таком случае дышать размеренно. Вдох-выдох...

— Не вздыхай ты, как корова, больная бронхитом! — разозлился он.

— Как кто? — не поняла она.

Он не повторил. Хорошо, что она не поняла.

Была середина ночи. Рино — круглосуточно гуляющий город, поэтому разница между днем и ночью в нем незаметна.

— Сегодня первый день нашей оставшейся жизни, — произнесла Николь без радости. — Давай проведем его на озере Тахо. Недалеко ведь...

Настоящий джентльмен ни в чем не может отказать женщине.

Беспечные парасейлеры

Штат Невада, Рино — Графство Уошо,
Кристал-Бей — мексиканская граница.
Пятница 4 ноября — суббота 5 ноября 2005

Утром под дверью комнаты в маленькой гостинице «Bed and Breakfast»* на окраине Рино, где Алекс с Николь посреди ночи остановились, раздалось шуршание. Николь приоткрыла глаза. Это подсунули свежую газету.

Алекс спал, раскинув руки, как на кресте, и слегка похрапывая. Николь поднялась подобрать газету. Семенила босыми ногами обратно к кровати, а глаза выхватывали заголовки новостей:

«Мать отравила газом двоих близнецов»,

«Конгрессмен от штата Луизиана застукан в постели с секретаршей»,

«ФБР напало на след индийского хакера, взломавшего коды трех американских банков»,

«26 фанатиков сожгли себя в молельном доме в Орегоне».

Рутина жизни, прокаженность отдельных представителей человечества, создающая нервное состояние у остальных. Николь же равнодушно скользила мимо чужих проблем.

Она решила улечься назад в постель (все-таки это, как ни крути, их первая брачная ночь, не так ли?), но увидела под зеркалом пакет с выигранными вчера в казино деньгами. Сдернула с вешалки Алексову куртку, оглянулась. Алекс

*«Постель и завтрак»

мирно сопел. Николь скрылась в ванной и, притворив дверь, заглянула свет. Ее рука полезла по карманам куртки. Ничего особенного там не обнаружилось, кроме пачки стоцолларовых купюр, свертка, как оказалось, со Звездой Генералиссимуса да мобильного телефона. Звезда ее совершенно не интересовала, баловство какое-то... Она включила его мобильник и прокрутила телефонную книжку. Женских имен там не нашлось, если (промелькнула у нее мысль) они не зашифрованы.

Николь упала в кровать и разбудила Алекса.

— Куда ты меня тащишь? — спросил он.

Сел, спустив ноги на пол.

— На озеро Тахо.

— Чего там делать?

— Летать.

Он не стал переспрашивать — все равно сегодня смыться, это решено бесповоротно. Какая разница, где она хочет провести с ним последние несколько часов? Алекс взглянул на нее, как на умственно неполноценную, и вдруг заплакал. Он сам от себя этого не ждал, раньше никогда такого не случалось. Слезы потекли, и он их не вытирал. Николь опустилась перед ним на колени, положила ладони на уши, прижалась лбом ко лбу.

— Извини, — всхлипывая, выдавил он. — Нервы ночью расслабились. Сон кошмарный. Плыву по реке, а в реке не вода — кровь. Кровь густеет, красный цвет темнеет, все трудней барахтаться, захлебываюсь, кровь уже во рту. У меня же все цветное во сне! Ты вкус крови знаешь?

— Это если порежешься и в рот возьмешь?

Он подтянул на себя угол простыни и обтер ею слезы. На вопрос не ответил, тяжело вздохнул, сразу пожалев, что начал рассказывать ей дурацкий сон. Посмотрел на свои руки. Ему показалось, они все еще в крови. Не стал ей говорить про свои плохие предчувствия, от которых никак не удавалось отмежеваться. И все-таки она его успокоила.

Пошли вниз, в гостиную. Хозяйка с голубыми волосами сразу подала кофе и обильный завтрак. Расплатились за ночь

и отбыли, бросив белое свадебное платье и черный таксидо на заднее сиденье. При солнечном свете вещи смотрелись изрядно поношенными. Много лет они сдавались в прокат для брачных маскарадов. Пришлось сделать в Рино крюк, чтобы вернуть одежду, и Алекс с Николь покатали в тихий и аккуратный, сложенный из вилл, как конфеты в коробке, городок Кристал-Бей на озере Тахо.

Как всегда машину бросили на парковке.

Ничего в округе нет красивее озера Тахо, откуда бы на него ни открывался вид — с гор или с пляжей. Разливанная голубизна водной глади гипнотизирует. Если ветра нет — хрусталь. Хочется попробовать идти по нему ногами. Но вдруг прошелестел катер, и волны побежали от берега до берега — жди теперь пока Тахо успокоится. День прекрасный, солнечный, теплый ветерок поддувает из пустыни Невада. Небо пересек военный истребитель, оставив узкий шлейф белого тумана.

Николь тащила Алекса за руку вниз, к лодочной станции. Она это удовольствие уже испытала, а он нет, и ей хотелось с ним поделиться.

Одежда осталась в шкафчиках. Николь — в синем с желтым купальнике, Алекс в зеленых плавках. Она уже все знала, прыгнула на площадку позади моторной лодки, расположилась в матерчатом сиденье, цепко ухватившись за петли. Алекс смотрел на нее и делал то же самое на другой лодке.

— Эй, готовы?

Взревели моторы, задрав носы двух лодок. Голубое пространство затянулось пеной. Тросы натянулись, парашюты надулись — оранжевый и желтый, оба в белую полоску. Поток встречного ветра потащил Николь и Алекса вверх. Показалось, что берега озера Тахо пошли ходуном, как при землетрясении. Наконец, полет стабилизировался, стал плавным, и гул моторок уносило назад. В тишине мелькали лес, дома, пики гор. Орел, неизвестно откуда взявшийся, бросился яростно соревноваться с людьми, обогнал их, потерял интерес и нырнул в сторону.

Две моторные лодки, разрубая волны, гонятся наперегонки. Пенные дорожки тают. Немного позади, на высоте полусотни метров следуют парашюты. Завораживающее состояние между землей и небом, а всего-то парасейлинг — полет на тросе за буксиром. Под парашютами качаются, переглядываясь, две фигурки. Что-то кричат друг другу, но не слышат. Парашюты то сближаются, то растаскиваются струями ветра.

Парасейлинг есть в каком-то плане символ нашего существования, аналог нашей беспутной жизни. Летим. Душа замирает, а потом, немного освоившись, рвется, пытаясь освободиться от брэнного тела. Готовы совсем свободно улететь в небо, но трос держит крепко, не оторвешься. Едва взлетели, остаемся привязанными к другим людям, которые тянут канат назад к палубе буксирного катера. От них зависит долготы нашей иллюзорной свободы и нашего минутного счастья. Полететь бы без троса, но не всем это удастся. Притом на каждом повороте судьбы таится риск оказаться поглощенным голубовато-зеленой стихией.

Тем временем совсем рядом с пляжем остановился черный «форд». Из него кряхтя выбрался агент ФБР Фокс. К нему присоединился, обойдя машину вокруг, другой агент, худой и длинный, с лицом язвенника, оба в черных костюмах и при скромных галстуках.

Фокс сразу вытащил бинокль.

Он хорошо знал эти места, любил сюда ездить. Снять комнатенку в старенькой гостинице городка Кристал-Бей и гулять там в окрестных горах, разглядывая в бинокль гнездовья орлов. Бинокль у Фокса всегда с собой замечательный. Военный, советский, он купил его в Лос-Анджелесе, в магазине «Russia for Sale»*. Цейсовский-то лучше и не такой тяжелый, но Фоксу, как Полу Риверсу, хочется иметь нечто секретное.

Фокс поднес к глазам бинокль. Два пятна в воздухе, оранжевое и желтое, его особенно интересовали. Изображение

*«Россия на продажу»

прыгало, но в конце концов он поймал эти две мчащиеся над синей гладью озера цели — обоих парасейлеров. Их нельзя не узнать. Еще несколько минут, и лодки, улетевшие к горизонту, стали на полном ходу разворачиваться. Против солнца, нависшего огромной яичницей-глазуньей, парасейлеры стали вдруг невидимы, но потом проявились как гигантские птицы на фоне неба.

Не опуская бинокля, Фокс шептал стоящему рядом коллеге:

— Наконец-то! Пора этого липового студента Алекса стиснуть в моих мертвых рестлерских объятьях!

Катера сбросили скорость, парашюты сморщились, лутуны медленно опустили на лодки. Счастливые парасейлеры, ничего не подозревая, вернулись к пристани. Николь хохотала, Алекс, впервые это испытывший, глядя на нее, растерянно улыбался. Он еще летел, хотя, покачиваясь, уже шагал по твердой земле. Оба не торопясь поднимались по деревянным мосткам.

Едва они прошли мимо, агенты переглянулись, встали и двинулись следом за Алексом. Ему одновременно и резко сжали руки и защелкнули наручники.

— Простите, sir! — с лукавой почтительностью произнес Фокс. — Ради бога, извините! Садитесь, отдохните на скамейке.

Второй агент молча уселся с Алексом рядом.

Алекс ждал любого развития событий, но не такого примитивного. Как же это он так расслабился, забылся, перестал оглядываться? Проворонил себя самого? Как глупо и ничтожно попался! Фокс, напыщенный от удовлетворения и иронии, дышал ему в ухо со свистом кипящего чайника. Николь стояла рядом, от волнения прижав ладони к шее.

— Именем закона, — Фокс, усевшийся с другой стороны, почти ласково провел рукой по надетым на Алекса наручникам, — вы арестованы за убийство, за нелегальный ввоз денег, за нелегальное пребывание на территории Соединенных Штатов без визы, за...

— Я не убивал, она сама умерла! — вырвалось у Алекса.

— К моему глубокому сожалению, sir, Мавра не застрелилась. Ее убил Алекс Грач и подложил ей в руку пистолет. А знаете, в архиве ЦРУ нашли бумаги, что в молодости она была советской шпионкой в Кувейте. В гареме у шейха, представляете?! В принципе ее хорошо выучили стрелять, но она одряхла. Лучше бы старушка пришла такого мерзавца, как вы! Сегодня перекинем вас в тюрьму в Сакраменто, а когда полиция соберет в дело все документы, судья предъявит вам обвинение минимум по трем пунктам Уголовного кодекса.

— Сколько? — тихо спросил арестованный.

— В совокупности на семьдесят лет заключения вполне потянет, а то и больше.

Казалось бы, именно в наручниках самое для Алекса время проявить русское сказочное мастерство и виртуальным образом исчезнуть, снова взлететь, на этот раз без троса, и раствориться в воздухе. Но Алекс вроде бы иссяк.

Нет, слез у Николь не было. Возле глаз появились первые две морщинки — а сколько их еще будет, одному Дьяволу известно.

Фокс подошел к ней.

— Спасибо за вашу информацию, мисс Риверс.

— Какую информацию? — удивленно поднял глаза Алекс.

— Я сегодня сообщила в ФБР, — объяснила Николь, — где и когда мы будем летать.

— Как?! Донесла на меня? Ты?!..

Она смотрела на него с грустью.

— Когда поняла, кто ты — да.

— Большая честь для меня, мисс Риверс, познакомиться с внучкой Сталина, — Фокс ухмыльнулся. — У нас, между прочим, не без труда проверили и убедились, что ваши со Сталиным гены идентичны. Грузинская кровь, так сказать... Жаль вас, мистер Грач! От нас, молодой человек, не укроешься.

— Вы бы лучше русскими шпионами занялись! — Алекс брякнул наручниками. — Их вон сколько по всей Америке шастает, особенно вокруг компьютерных фирм.

— Мы и у них на пятках сидим, — раскрыл Фокс профессиональную тайну. — Поможешь нам, если что-нибудь знаешь и если не дурак.

Поскольку рядом проходила невидимая граница Калифорнии со штатом Невада, калифорнийские полицейские оставались ждать на своей стороне границы. Агенты же ФБР действовали в Неваде без стеснения и заявили, что они сами без труда справятся с одним человеком. Теперь, когда арест произведен, полицейские подъехали сюда.

Подошел детектив Карл Дитрих и сообщил Фоксу, что спецгруппа, прилетевшая на Мауи, без особого труда нашла предсказателя судеб Роджи Снейка.

— А результаты? — спросил Фокс.

— Да он там накопил по самое не балуйся, — сказал детектив. — Во дворе у него раскопали несколько кладов: золото, сырые немеченые бриллианты. Чемодан с деньгами, согласно вложенной записке Снейка, оказался принадлежащим Алексу Грачу, около трехсот тысяч долларов, часть немного отсырела.

— Самого-то Снейка взяли? — переспросил Фокс.

— Не без этого! — детектив Дитрих сверлил глазами Алекса. — Переправили Снейка в Гонолулу, в камеру предварительного заключения городского полицейского управления, тепленького. Представляете? Арестовывали его в инвалидной коляске, агенты на руках несли, а в камере он встал и сам начал ходить. Получается, мы лечим лучше медицины. Однако пришлось его освободить. Золото, бриллианты — все это вроде бы его собственность. Он готов сотрудничать со следствием и пока что понадобится нам в качестве свидетеля — кому принадлежат закопанные у него деньги, нелегально ввезенные в Штаты.

— Итак, будем двигаться домой? — спросил Фокс.

Держа за локти, Алекса привели к машине, чтобы затолкнуть на заднее сиденье.

— Можно ему со мной проститься? — попросила Николь. — Я же люблю его...

Неуместное слово «люблю» замедлило их движения. Они, поколебавшись, разжали руки, и Алекс, глядя на Николь с ненавистью, ткнулся наручниками ей в живот.

— Снимите ему цепь, он ведь не раб! Смотрите, как вас много, а он один. Дайте ему последний раз меня обнять...

Фокс, поколебавшись, вытащил из кармана пиджака ключ, отпер наручники и держал их за спиной у Алекса, готовый надеть обратно. Алекс обнял Николь и изо всех сил прижал к себе. Он начал неистово целовать доносчицу в нос, в глаза, в губы, в шею. Полицейские стыдливо отвернулись. Фокс переглянулся с коллегой, дескать, все мы — люди.

— Беги! — шепнула Николь по-русски Алексу в ухо.

Резко повернувшись, Алекс ударил Фокса кулаком под дых, рванулся в сторону, перепрыгнул через кусты, посаженные вдоль дорожки, вскарабкался на забор соседнего дома и исчез. Полицейские побежали за ним, на ходу вытаскивая пистолеты.

— Не стреляйте! — крикнул скорчившийся от боли Фокс. — За забором могут быть люди. Надо окружить квартал, никуда этот тип не денется.

Полицейские бросились по машинам и разъехались по разным улочкам. Фокс и Дитрих остались. Молча, сидя на скамье, с укором глядели друг на друга. Нарушил молчание Фокс.

— Как вы думаете, детектив, удостоится ли этот русский мачо чести попасть в число «Ten Most Wanted»*?

— Выходит, вы в стоворе с преступником? — спросил детектив Дитрих у Николь. — Где он жил? У вас на ферме?

— В Америке он нигде не жил, — ответила она. — Ночевал в разных местах.

Прошло с полчаса, и полицейские начали возвращаться. След Алекса простыл.

— Стало быть, он скорей всего попырует бежать в Москву, — сказал слегка обескураженный Фокс. — Для нас лучше

*Десять самых опасных преступников, разыскиваемых по всей стране и за ее пределами

— меньше хлопот. Пускай они его сажают. Я доложу своему начальству, и оно сообщит российскому коллеге генералу Тэплюшкин, чтобы ждали.

Агенты бережно посадили Николь к себе машину и увезли в Сакраменто, чтобы расспросить подробнее.

— Не беспокойтесь, это не будет долго, — утешил ее Фокс.

Вереница машин укатила вслед за ними.

Продрожав в лесу до ночи в одних плавках, Алекс в темноте пробрался назад на пляж и открыл свой шкафчик с одеждой. Ему повезло. Когда раздевались, свободного шкафчика рядом с Николь не нашлось, и Алекс пошел в противоположный конец ряда. Николь об этом агентам не сказала, и они его шкафчик не нашли. Алекс ощупал карман куртки — Звезда была на месте. Под курткой лежал пакет с выигранными вчера в казино деньгами.

Оглядываясь, герой выбрался на парковку. Николиного «лексуса» уже не оказалось. Не иначе как полиция вызвала техпомощь и машину отбуксировали.

Решать надо быстро. Из США ему не вылететь. Пришлось выбить камнем стекло у ближайшего «форда», весьма потрепанного, открыть заднюю дверцу, перекинуть ноги на переднее сиденье и, резким движением оторвав чехол от рулевой колонки, замкнуть проводки, идущие к замку. Мотор завелся, и Алекс, найдя в бардачке карту, стал выбираться на 95-й фривей, чтобы двинуться к югу, на Лас-Вегас. Оттуда по окраинам Лос-Анджелеса, а потом дальше к мексиканской границе.

Утром он утопил машину в оросительном канале и сравнительно легко перебежал через границу с Мексикой. А в Мексике с деньгами все вообще проще. Там Алекс возле магазина выгнал из старого «ниссана» пожилую женщину, занял ее место и прикатил в аэропорт. Со своим российским паспортом без сложностей купил билет, за отсутствие мексиканской визы дал взятку и с четырьмя пересадками улетел в Москву.

Вскоре мне позвонил адвокат Майкл Лот.

— Я был абсолютно уверен, что вся история с твоими отпечатками пальцев на пистолете покойной Мавры кончится пшиком. Сегодня, наконец, выяснил в полиции и ФБР. Так и случилось.

— А именно?

— Отпечатки Алекса Грача нашли в доме престарелых, а также на ферме, где живет Николь Риверс. Старушку Мавру убил он. Кроме того, есть недоказанные пока улики, что он убил еще одного человека. Лопухи из ФБР Алекса упустили, но поскольку вина его установлена, с тебя подозрения сняты, ты Мавру не убивал, с чем тебя и поздравляю. На твою ложь о том, где ты нашел пистолет, они решили закрыть глаза. Детектив Карл Дитрих, расследовавший дело, извинился, что редко случается.

— Спасибо, Майкл, — облегченно сказал я. — Висело тяжким грузом на душе...

— Еще бы!.. Следующий раз, прежде чем врать в полиции, посоветуйся со мной.

— Уж это точно!

— Чуть не забыл, — продолжал он. — Через своих людей мне удалось узнать, что агента Фокса за провал операции по задержанию Алекса Грача в конце года собираются отправить на раннюю пенсию. Не будет хлопать ушами.

— Придется бедняге опять заняться рестлингом.

— Гегель обещал закончить историю фарсом, — заметил Майкл, который любил иногда процитировать что-нибудь глубокомысленное и истолковать по-своему. — Не знаю, как насчет всеобщей истории, но этот случай вполне подтверждает мысль философа. Фарс, да и только.

— Ой, не уверен, — на всякий случай возразил я.

Экспертиза и ее последствия

Москва, аэропорт Шереметьево — Рублевское шоссе
— тайное Лобное место под Москвой.

Понедельник 7 ноября — ночь на вторник 8 ноября 2005

Поток пассажиров в московском аэропорту Шереметьево не иссякает, и толпа встречающих, непрерывно меняющихся, крутится, как стадо овец в загоне. Радио выкрикивает хамским голосом непонятные предупреждения. Все топчутся, ждут, уведомленные по мобильникам, своих, машут бумажками с именами. Встретив, обнимаются, целуются, хлопают друг друга по плечам, хватают чемоданы, тащат их, сбивая по дороге тех, кто еще не встретил.

Две небольшие группы молчаливых, строго одетых крепких мужчин, в одной четверо, в другой пятеро, держась поодаль друг от друга, спокойно стояли немного впереди толпы, ближе к освещенному выходу из таможни, которая за высокой стеклянной стеной, и делали вид, что другую команду не знают. При этом те и другие изредка перебрасывались между собой короткими фразами, ждали.

Генерал-майор ФСБ Теплушкин, держа возле уха телефон, оторвался от своей группы и подошел к другой.

— Кто у вас старший? — спросил он.

— Допустим, я, — откликнулся коренастый крепыш, на голову ниже Теплушкина ростом. — Зря вы сюда прикатили. Ничего вам не светит!

— У меня прямое задание президента. Не будете же вы ссориться со всеми его службами? Звезда Генералиссимуса принадлежит государству и должна лечь в Гохран.

— А кто платил за поиски Звезды? — довольно грубо спросил старший. — Твой президент? Или ты, Теплушкин? И чей человек был послан за ней? Теперь хочешь прикарманить чужие заслуги? Я, конечно, ничего не решаю, но нашим добром мне делиться не велено. Или не встревайте, или мы вытащим пушки, не посмотрим, что здесь толпа. После обращайтесь с вопросами к нашему хозяину, сами знаете, к кому. У него в руках алюминий, нефть, редкие металлы, и он хочет иметь Звезду Генералиссимуса для своих личных нужд. Может, он сам хочет стать генералиссимусом, почему я знаю... А ты, Теплушкин, твердишь: «Президент, президент...» Лучше уходите, а то братва, вишь, сердится.

Теплушкин не привык, чтобы с ним так обращались, и стал звонить, прося помощи на Лубянке.

Алекс Грач, со слипшимися волосами, в ободранной куртке, но с горящими глазами, несмотря на две ночи, которые он отрывочно спал в самолетах, внезапно появился в конце таможенного коридора без вещей и слегка спотыкаясь, шел к выходу навстречу ожидавшим его. Немного странно, что он чувствовал себя кем-то вроде космонавта, вернувшегося на землю. Сейчас его начнут чествовать. Теплушкин и трое его сопровождающих рыпнулись было к нему, но крепыш и его напарники прыгнули вперед, загребли Алекса, обволокли плечистой стенкой.

— Привез? — коротко спросил крепыш.

Алекс подмигнул ему.

— Ладушки! Поехали быстрее!

Все пятеро вокруг Алекса наготове держали руки с пистолетами в карманах, будто сейчас станут отстреливаться. Так, кучкой, они мягко протаранили толпу встречающих. Машины их ждали. Погрузились в два черных «мерседеса», завывли мигалки, и автомобили умчались.

Генерал-майор Теплушкин, докладывая по телефону наверх о временной неудаче с захватом Алекса Грача, получил взбучку и шел позади своих людей расстроенный. Что ему оставалось делать? Когда надо будет, думал он, прижмем к

ногтю всю эту мафиозную структуру и тогда спокойно заберем у них привезенную из Америки Звезду. Но пока что на это оставались слабые надежды.

Машины, включая сирены и мигалки, мчались через всю Москву. Справа и слева на заднем сиденье счастливого охотника за Звездой продолжали заботливо поглаживать по плечам двое крепких парней.

— Как там, в Америке? Жить-то можно?

— Это как кому, — неопределенно ответил Алекс. — А мы куда направляемся?

Оба сопровождающих переглянулись и засмеялись.

— Неужто не догадываешься? На Рублевку, к боссу, то есть прямо к Немому.

Немого Алекс видел единственный раз, когда тот его напутствовал перед поездкой в Штаты и велел помощнику сообщить на таможеню, чтобы Алекса с чемоданом денег безо всяких препятствий пропустили в самолет. Но тогда встреча была в банке, в маленькой комнатке.

— Оружия нету? — спросил охранник, когда они въехали в ворота усадьбы Немого. — Дай-ка я на всякий случай тебя прошмонаю...

И руками ловко провел по всему телу Алекса от шеи до щиколоток.

— А это что? — нащупав, он ткнул в твердый сверток на груди.

— Это — то, — сказал Алекс, — чего он ждет.

— Вопросов нет! — тотчас отреагировал охранник. — Пожалуйста.

Провели его не парадной лестницей, а боковой, по дороге перезваниваясь с кем-то и договариваясь о немедленном приеме. Остановились в просторной гостиной. Тут позолоченные потолки, старинная мебель, нелепо расставленная, ковры, картины старых итальянских мастеров. Алекс решил, что это оригиналы.

Человек лет пятидесяти, невысокого роста, с обритым до блеска черепом, в розовой рубашке с белым воротником, не обращая внимания на окружающих, шагнул прямо

к Алексу и крепко его обнял, обдав легким запахом неизвестных духов. Это был сам Немой.

— Гуляка, блин! Сделал дело? Молодчина! Голодный, небось? Накормите его, напоите! А сейчас выкладывай, что привез!

Алекс, не произнесший еще ни слова, предвкушая свое торжество, засунул руку во внутренний карман куртки. Покovskyрялся там, прищурясь, и извлек сверток, обмотанный тряпьем. Протянул его Немому. Все стояли, образуя полукруг, и глаза сосредоточились на руках хозяина, державшего сверток. Немой положил его на стол, аккуратно развернул. Звезда Генералиссимуса заблестала на коричневом поле стола. Установилась тишина.

Вошел официант с маленькими чашечками на подносе. Запах эспрессо расплылся облачком. Официант обошел всех по кругу. Алекс взял по чашечке в каждую руку и сразу заглотнул одну, потом другую. Эспрессо был настоящий, лучше в Италии, да и то не везде. Тепло растеклось по желудку, и сердце застучало чаще.

— Впечатляет, — молвил тем временем Немой, погладив ласково Звезду на столе. — Я, честно говоря, сомневался, Алекс, что дело удастся. Может случиться, я тебе за мужество награду выбью через людей президента.

— Спасибо, — Алекс зарумянился.

— Хорошо бы удостовериться, — продолжил Немой, — что это та самая Звезда. Она ведь одна такая была сделана.

Немой, человек рациональный, ничего, кроме разве что денег, не коллекционировал, трату времени на глупости презирал, собирателей считал чокнутыми.

— Хорошо бы проверить, — согласился Алекс. — Да как?

— Вот мы тоже ломали голову и вроде бы нашли выход, — Немой повернулся к охранникам. — Ну-ка, принесите сюда гостя... Трудно было, Алекс? Купил или силой взял? Впрочем, все потом, не торопясь, расскажешь, отчитаешься... Главное, вот она, красавица, у меня в Москве!

Дверь с противоположной стороны распахнулась, и два охранника бережно втащили старика в синем больнич-

ном халате и стоптанных шлепанцах. Глаза его были прикрыты, и бледное худое лицо при каждом шаге братков морщилось, возможно, от боли. Поднесли к столу кресло и усадили старика прямо-таки с королевскими почестями. Немой протянул ему руку, старик вяло поднял трясущуюся свою, как для поцелуя, кое-как рукопожатие состоялось.

— С большим трудом вчера разыскали человека! — похвастался Немой. — Он один на всем белом свете может подтвердить подлинность Звезды. Даже Сталин не мог бы. А ювелир — реальный свидетель, потому что он сам ее по личному заказу генералиссимуса делал. Думали, мастер давно умер, а ему девяносто четыре года стукнуло, и мы его в больнице отыскали. Это Пузанков, замечательный ювелир, не один советский орден — его работа.

Старик молчал и никак на комплименты не реагировал. Немой наклонился к его уху, спросил:

— Звезду Генералиссимуса для Сталина ты, старик, делал?

Пузанков молчал.

— Не слышишь, чего тебя спрашивают?

— Слышу, как не слышать. Но это же государственная тайна — совершенно секретно! Он лично приказал мне молчать.

Все вокруг скривили рты в улыбках. Старик еще мыслил тем страхом. Немой пододвинул к нему Звезду.

— Вот, гляди. Это она? Твоя работа?

Пузанков с подозрением осмотрел окружающих. Он приблизил лицо к Звезде, недоверчиво поднял дрожащую руку и кончиками двух пальцев переползал от одного бриллианта к другому.

— Ну, что? — спросил Немой в нетерпении. — Она?

— Шустрые вы больно! — прошепелявил беззубый Пузанков. — Надобна сильная лупа. Глаза-то у меня оба с катарактой.

— Эй! — крикнул Немой. — Лупу найдите и подайте сюда.

Нашли лупу, вручили Пузанкову. Он повертел ее, приближая и отдаляя от правого глаза, чтобы проверить. Не спеша протер обе стороны стекла полой грязного халата и наклонился над столом. Теперь он стал внимательно, поворачивая Звезду за концы, рассматривать драгоценную вещь, пытаясь пошевелить бриллианты, расположенные по кругу.

Кто был в комнате, замерли, взгляды сосредоточились в одной точке.

Старик отстранился, положил лупу в сторону, закрыл глаза, молчал.

— Какое же твое заключение? — шепотом в тишине произнес Немой.

Пузанков открыл глаза, еще раз посмотрел на Звезду и резким движением откатил ее по столу от себя к Немому.

— Хорошо сработано, — едва слышно прохрипел он. — Но я эту вещь не делал. Это не платина. Бриллианты для моей дал Гохран. Настоящие, из Южной Африки, не норильские. А тут хорошо полированный хрусталь.

— Значит, подделка?! — воскликнул Немой.

Пузанков облизнул сухие губы.

— Не сразу видать.

— Слышишь, Алекс? — обернулся Немой к Грачу. — Уловил, что мастер сказал? Иди-ка сюда.

Немой придвинул к себе Звезду и долго ее разглядывал — лично убеждался в том, что она фальшивая. Бледный Алекс стоял рядом, выше его на голову, с красными, как у провинившегося школьника, ушами...

Покусай перехитрил всех своих потенциальных врагов. Белобрысый Зилом, по кличке Штурмбанфюрер, которого Алекс встретил на оружейной ярмарке в Сан-Хозе, держал в южном пригороде Сан-Франциско мастерскую, где подновлял для продажи фашистские железные кресты, реставрировал кольца, перстни, подсвечники, портсигары, старинные часы. Покусай не отходил от Зилома два дня, пока собутыльник выкраивал из какого-то сплава дубликат Звезды Генералиссимуса, неотличимый от оригинала. Плавил, паял, шлифовал, полировал на станках.

Заказчик спал в мастерской на полу, пряча на ночь оригинал за пазухой.

Держа Штурмбанфюрера за глотку, заказчик выдавил из него клятву, что ни одна душа не должна об этом знать, и Зилом сдержал слово. После чего оригинал был зарыт в надежном месте. В результате Алексу досталось мастерское изделие, фальшивка первого сорта.

Объехав сотню, если не больше, ювелирных лавок на окраинах Сан-Франциско, мастера Зилома я все-таки разыскал. Покусай от него смылся, обещав со временем расплатиться, но не сделал этого, что Зилома слегка обидело. Возможно, поэтому у меня появился еще один свидетель происшедшего.

Тут выяснились некоторые подробности, рассказанные мне Зиломом под пьяную. Указав Алексу, где искать Покусая, Зилом минуту спустя об этом пожалел, сообразив, что клятва молчать о подделке Звезды распространялась и на самого владельца оригинала. Оставив свой прилавок на ган-шоу Зилом устремился в погоню за Алексом, не зная, что он с ним сделает, а бывший солдат мужиком был решительным. Коротко, но повоевал в Ираке.

— Что для солдата главное? — спросил он меня не без хитрости и, не получив ответа, объяснил: — Для солдата главное — научиться спать в бронетранспортере, пока тебя везут на поле боя.

Зилом заснул без трудностей в первый же раз. Его вытащили из бронетранспортера, подорвавшегося на mine, без левой ноги до колена и с тяжелым сотрясением мозга. Из госпиталя вернулся домой с чуть-чуть сдвинутым умом. Зарабатывал на ган-шоу покупкой и продажей фашистских знаков отличия, и его стали звать Штурмбанфюрером. С военной пенсии Зилом уплатил аванс за ювелирную мастерскую и в ней совершенствовал свою протезную ногу. При необходимости протез его, отстегиваясь от кульги, превращался в боевую винтовку. Из пятки вылетала пуля.

Каждый день Зилом тренировался быстро бегать — на протезе и без него, скача на одной ноге, и немало в этом

преуспел. Когда ему приходилось драться (а район, где он купил мастерскую, был не из благополучных), он орудовал протезом, как боевым оружием, держась на одной ноге ловчее, чем другие драчуны на двух.

Короче говоря, Зилом обскакал едва ли не все значные места вокруг ган-шоу, где мог увидеть Алекса и выяснить, зачем ему нужен Покусай, но не повезло. Все-таки Сан-Хозе — большой город, и они не перекрестились. Не знаю, что собирался Штурмбанфюрер сделать с Алексом. Не убивать же, ведь одноногий достаточно насмотрелся в Ираке крови, и чужой, и своей, не его вина, что коротко там пробыл...

Вернусь в замок господина Немого в Москве на Рублевке... Олигарх, сдерживая эмоции, облизал высохшие губы, словно собирался Алекса поцеловать.

— Значит, ты привез нам липовую Звезду Генералиссимуса? Тусовался там за мой счет и ни хера не выполнил. Всех надул?

— Я жизнью рисковал... Откуда я мог знать?

— Да ты понимаешь, что закрутил? Ведь я же президенту обещал найти Звезду Генералиссимуса, лично средства выделил тебя отправить! Как я теперь перед российской элитой выгляжу? Предъявлю им эту побрякушку?

Швырнув Звезду на пол, Немой глянул на нее издали и со сладострастием ударил по ней каблуком. Мелкие осколки брызгами полетели по залу.

— Меня обманули! — оправдывался Алекс. — Отпустите обратно. Я ходы знаю, найду подлинник! Клянусь!

— Обратно в Америку за оригиналом? Значит, знаешь, сука, где спрятал и Звезду, и деньги, тебе на нее выданные? Думаешь, сойдет? Где подлинная Звезда? Где валюта?

Растерянный Алекс молчал.

— Где? Говори, сучий потрох?! — Немой толкнул его в грудь и, не получив ответа, обратился к помощникам: — Поработайте с упрямым. Пускай вспомнит, где оригинал.

Немой повернулся и пошел к двери. Он вовсе не был злым, жестоким или мстительным. Фрейдистские мотивы в

его личности не обнаруживались. Пунктуальность была его главным качеством. Обязательности, честности, исполнительности он жестко требовал от своих людей. Иначе его бы съели более пунктуальные.

В дверях Немой остановился.

— Старика Пузанкова отвезите в больницу. Дайте ему немного денег.

Ювелир хотел поклониться хозяину в ноги, но сидя не получилось, а встать — сил у него не нашлось.

Здесь уместно еще отступление. В весенний приезд в Москву, до ночного визита в Архив президента, отыскал я задолго до людей Немого в длинном полутемном коридоре одного из приземистых старых корпусов Боткинской больницы сталинского ювелира (где именно он находился, подсказали мне его соседи по коммуналке). Он лежал в кровати без простыни и без одеяла на пахнущем мочой матрасе. Говорить отказался, дремал.

В кабинете скучал заведующий терапевтическим отделением, седой и загнанный. Я спросил, чем болен мой родственник Пузанков. Доктор пошевелил бумаги на столе, в них не заглянув. Чем болен, не знал, сказал:

— Старостью...

Лера, врач американского разлива, всегда повторяет: «Старость — это не болезнь». Поэтому я в лоб спросил:

— Сколько стоит перевести старика в нормальную палату и оказать помощь?

— У вас таких денег нет, — оглядев меня, хмуро ответил доктор. Потом подумал и выдохнул: — Тыщу баксов.

— Сделайте, пожалуйста, сразу, при мне.

Я вытащил из бумажника последний резерв наличных — десять сотенных (осталась кредитная карточка). Положил на стол. Завотделением глянул на дверь и смахнул деньги в карман халата.

Вместе мы перевезли Пузанкова на хромой, с кривым колесом, каталке в палату для двоих, где стояли четыре кровати и уже лежали трое. Врач вынул из кармана стетоскоп, бегло послушал больному сердце и легкие, ткнул в печень,

велел сестре найти аспирин и валокордин. Не простившись, быстро ушел. Постепенно мы с Пузанковым разговорились, только успевай запоминать. Он жаловался, что никому не нужен, родных не осталось, дышать все тяжелей.

А теперь из дворца Немого крепкие мальчики доставили ювелира Пузанкова обратно в Боткинскую больницу. Немного спустя услышал я через знакомых, что Пузанкова похоронили. Не иначе, как за лечение в другой, отдельной палате, кто-то заплатил больше меня.

Что касается Алекса, двое вывели его под локти, третий пошел за ними. Машина помчалась по Рублевскому шоссе, но не к центру Москвы, а в противоположную сторону.

— Глаза ему завяжите на всякий случай, — повернулся к остальным шофер.

— И то верно, забыли...

Через час, не меньше, приехали куда-то, затем долго вели. Разжали руки.

— Снимай сам повязку, чего ждешь? Садись, гостем будешь...

— Детектор лжи? — удивился Алекс, увидев на столе компьютер с проводами и присосками.

— Он самый! — весело сказал худой пожилой человек, за столом сидевший. — Босс приказал, мол, попробуйте на детекторе лжи.

Алекс уже через это проходил, когда его вербовали в ФСБ. Он сильно рвался туда попасть, и нужные связи были, но его не взяли «по психологическим характеристикам личности», хотя генерал-майор Теплушкин, старый друг его родителей, усердно хотел помочь.

Само собой, у спецслужб русских олигархов теперь тоже имеется полиграф. Алексу велели снять куртку, расстегнуть рубашу и облепили наклейками с проводами.

— Дайте кусок хлеба, — попросил он. — Я со вчера ни крошки во рту не держал, и голова от четырех пересадок гудит.

— Хорошо, что гудит, значит, жив! — сказал старший из тех троих, которые Алекса сюда привезли.

Ему принесли полбулки хлеба, две остывшие сосиски и пару печеных картофелин.

— Кушай, мы же не звери.

И терпеливо ждали, пока он все это проглотил.

Сеанс на полиграфе был долгий. Отвечал Алекс на путанные вопросы без вранья, но ничего принципиального нового они от него не добились.

Все четверо стали советовать, что делать дальше.

— Как что? — сказал старший. — Команда была с ним поработать. Опустим на этаж ниже. Топаи, умелец!

Спустившись по лестнице, они зажгли свет. В подвале без окон был бетонный пол и сырые, в плесени, стены. Трое неторопливо сняли пиджаки, усадили Алекса на единственный в помещении стул. Руки ему вывернули за спинку стула и связали. Ноги тоже привязали к ножкам стула.

— Здесь полиграфа не будет, — сказал старший и рывком разорвал на Алексее рубашку.

Спичечный коробок с пеплом от вулкана Халеакалы вывалился из нагрудного кармана, его подобрал.

— Что это за грязь?

Алекс молчал. Да и что им объяснять? Защита Халеакалы, владыки острова Мауи, кончилась. Братва к оступившимся своим безжалостна. Начали с мелочей. Зажигали спички и прикладывали к рукам, шее, ушам. Он дергался, стонал. Не били, лишь со знанием дела проверяли болевые реакции. Окатили холодной водой из ведра. Алекса начали примитивно избивать.

Легко тройца это делала, с удовольствием, по очереди, чтобы всем досталось разрядиться. Вопросы сыпались одни и те же. Где спрятал? кто помогал? Он все опять рассказал, не врал. В самом деле не знал, где подлинная Звезда.

Когда бить устали, подвесили его за руки на крюк в потолке. Попробовали прикоснуться к разным местам его тела электрическим проводом — Алекс вдруг потерял сознание. Голова свесилась на грудь, дышать перестал.

Если бы братья оглянулись, они, возможно, почувствовали, что в подвале, кроме своих людей и Алекса, есть еще публика. Возле двери на бетонном полу тихо присели Бог и Дьявол, с любопытством наблюдая за происходящим.

— Алекс мне сразу не понравился, — шепнул Бог. — Хитрая бестия. Я на досуге подумал, а нужны ли такие личности прогрессивному человечеству?

Дьявол скривил рот в улыбке.

— Вот ребятки и помогли тебе с данным Алексом разобраться. Учти: я в этом вообще никакого участия не принимал.

— Нет, нет! — ворчал Бог. — Я категорически против таких антигуманных методов. То, что здесь происходит, отвратительно!

— И какой же ты, Боже, предлагаешь консенсус?

— Видишь ли, жизнь дается человеку один раз. Так я когда-то решил и менять это правило не намерен. А они жизнь не сберегли.

— Слабак этот Халеакал! Давай, я братву проучу, — предложил Дьявол.

— Нет уж, будет еще больше жертв... Не могу это видеть, отбываю, а ты, если хочешь, смотри дальше.

Бог испарился. Дьявол вернуть жизнь Алексу мог бы, но поленился, вздохнул и тоже исчез.

Прикончить Алекса — такого распоряжения со стороны босса не поступало, и братки принялись его активно оживлять. Развязали, положили на пол. Нашатырь у них был — сунули ватку под нос. Массаж сердца попробовали — не помогло. Зря Алексу давеча завязывали глаза, чтобы не знал, куда его везли. Глаза закрылись сами собой навсегда.

Все трое, кто с Алексом занимался, приехали с повинной к Немому, чтобы доложить о том, что Алекс случайно умер. Немому уже донесли, и первое возмущение его прошло.

— Я просил поработать с ним, — ворчал Немой. — А вы?

— Да мы не сильно! Личной же злобы никакой... Был живой и вдруг копыта отбросил... С виду здоровый, а глубже хилый оказался...

— Опять перестарались? Нет, не следовало Алекса мочить. Ведь у него была информация! Кого теперь брать за жабры?

Они молчали. Немой, почесывая бритый затылок, размышлял вслух:

— Мне Теплушкин звонил. Спрашивал. Под боком ходит у президента, который, видно, ни нам, ни им не доверяет полностью и держится между. А как доверять? Выходит, вы, мои люди, никакой полезной информации от Грача не получили?

Они с виноватыми лицами стояли перед ним.

— Мы старались, босс. Крест на пузо старались... Выяснили, что деньги он спрятал на Гавайях, у какого-то Снейка. А насчет Звезды пока...

— Вот именно! — Немой оглядел их внимательно. — Придется вам всем троим двинуть в Америку, и будете там рыть землю носом под лупой у ФБР. Генерал-майор Теплушкин им уже сообщил, что Алекс случайно погиб в автомобильной катастрофе. Автоинспекция, как я велел, изготовила нужный протокол. На всякий случай, машину у его жены угнали и разбили, как будто это сделал Алекс и погиб. Американцы пока успокоятся, а вы не теряйте времени. Подлинная Звезда где-то есть!

Около полуночи два крепких молодых человека, похоже то ли на чекистов, то ли на спортсменов сборной России по боксу в тяжелом весе, вывезли в багажнике тело Алекса в лес, к берегу Клязьминского водохранилища. Посмотрели на луну. Она сильно светила, и молодые люди стояли молча, не шевелясь. Когда луна зашла за тучу, в темноте открыли багажник. Бросили труп на землю, ощупали на всякий случай еще раз его карманы. С запястья отстегнули «брегет». Чуть не подрались из-за часов, но решили продать и деньги разделить.

К ногам Алекса примотали обломок железобетонной

балки, снесли по мосткам подальше на глубину и аккуратно, без всплеска, опустили труп в воду.

Лучше бы Алекс Грач в Москве не появлялся. Останься он в Америке, поневоле бы отправился в один из тридцати двух калифорнийских санаториев за колючей проволокой, которые называются, как российские, «исправительными учреждениями». Все они перегружены, денег на новые не предвидится. Не все арестанты потомственные интеллигенты, однако питание человеческое, лечение тоже, а за труд (скажем, за штамповку на станке номерных знаков для автомобилей) еще и платят.

Сидел бы там Алекс Грач припеваючи, накачивая мышцы на тренажерах и регулярно получая свидания и с женой из России, и с Николь. Естественно, пребывал бы он за решеткой за счет меня, законопослушного американского налогоплательщика, и миллионов таких, как я. Даже носил бы на шее, потешая заключенных и тюремных охранников Звезду Генералиссимуса — подделку, но кто там это знает?

Раздрай в интимном освещении

Дейвис, кампус — Южный Сан-Франциско
— ферма «Приветливая кляча».

Четверг 10 ноября — вторник 15 ноября 2005

С трудом я нашел место на университетской парковке и пошел в офис. Неожиданно неподалеку обнаружилась знакомая лошадь, белая в серых яблоках. С шеи свисал на широкой розовой ленте «пермит» — разрешение на парковку высшей категории «А», точно такое же, как и на передних стеклах соседних машин. Розетта меня тоже узнала, не зря я давеча кормил ее сушеной морковью с яблоками. Она повернула морду мне навстречу, насколько позволила привязь, и приветливо заржала. Хвост ее был изящно разделен на несколько тонких косичек с вплетенными розовыми бантиками, а под ним свисала черная сумка, поддерживающая чистоту окружающей среды. Кто бы пустил Розетту на вылизанную автомобильную стоянку без походного горшка?

Между тупыми автомобилями лошадь принимала эффектные позы с особой улыбкой, сознавая свою значительность в связи с проблемой глобального потепления. В выпуклых ее глазах отражались кроны оливковых деревьев. Розетта с удивлением, я бы сказал, кокетливо взирала на своих соседей справа и слева, «мини» и «короллу», но никакого взаимного интереса не обнаруживала.

— Привет, Розетта!

Она закивала головой.

В университете лошадь чувствовала себя вполне комфортно, ведь она была из интеллигентной семьи. До фермера ее держал профессор биологии, любитель верховой езды. На кампус он Розетту никогда не приводил, хотя в молодости

она вполне могла бы участвовать в научных исследованиях, если бы администрация уважала права лошадей и открыла для них программу. Профессор продал Розетту на ферму «Приветливая кляча», где ей понравилось.

Едва я вошел в свой офис, раздался звонок. Адвокат Майкл Лот из любопытства соединился с агентом Фоксом и сразу перезвонил мне.

— История развязывается плохо, — он помедлил. — Алекса Грача убили в Москве. Мне кажется, автокатастрофа не выглядит достоверно, но так они сообщили.

Получилось, что сказать Николь о смерти Алекса пришлось мне. Я придумывал, как это сделать, но ничего путного не сообразил. Не говорить? Нет, так нельзя.

Николь разыскалась в лингвистическом кабинете. Она спала перед говорящим компьютером, положив голову на руки, а он металлическим голосом жужжал на хорошем русском языке: «Назовите романы, которые написал Иван Тургенев». Вид у Николь был жалкий. Тонкий и прямой носик из-за передержанной на солнце экспозиции покраснел и шелушился. И сама она была как ободранная кошка, хотя и снова в сержантской униформе, априори предполагающей бодрый вид и хвост морковкой. Я прикоснулся к ее локтю.

— Эй, как дела?

Она встрепелась.

— I'm totally happy*.

Американский характер легко сочетает поразительную открытость, излишнюю прямоту суждений, выставление себя напоказ безо всякого стеснения, включая не только болезни, но и пороки и, в то же время, никому не нужную скрытность. Одноногий инвалид ходит в шортах, демонстрируя свою протезную ногу на никелированных шарнирах. А ведь ничего не стоит ему ходить в брюках. Что в действительности происходит, когда слышишь: «I'm totally happy»? Не догадаетесь, может, на душе кошки скребут и человек хочет повеситься.

*Я абсолютно счастлива

— Видел вашу лошадь на парковке, — начал я.

— У меня украли велосипед, вот и пришлось...

— Поговорим?

Мы зашли в пустой класс, присели. Я не нашел ничего лучшего и прямо сказал:

— Алекс в Москве погиб.

Лицо ее мало изменилось, хотя глаза расширились и губы сжались.

— Его убили, — спокойно и как-то рассеянно отреагировала она после долгой паузы. — Я чувствовала, что все плохо кончится. После отъезда Алекса мне приснился сон. Я врезалась в светофорный столб на развилке двух дорог, но осталась целехонька. Вижу, что еду на половине черного автомобиля, на двух левых колесах. А другая половина с Алексом едет по другой дороге, быстро от меня удаляясь. И все черное, черное, черное... Я поняла, это конец...

Она заплакала. Начался непредсказуемый переход от счастья в беду. Брак в легкомысленном городке Рино для других носит иронический характер, но, выяснилось, не для Николь. Она потеряла мужа.

У американской женщины все должно быть по ранжиру: питание, спорт, образование, карьера, покупка дома. Когда эти компоненты достигнуты, наступает пора полюбить мужчину с целью воспроизводства. Муж — что-то вроде дорогого автомобиля, необязательное и обременительное приобретение. А Николь сорвалась.

Уговаривать плачущую бессмысленно, остается дать выплакаться. Женский плач, который, говорят психологи, полезен для здоровья, делает меня больным. Я мгновенно теряюсь, расстраиваюсь, никогда не знаю, чем утешить. Сам бы в унисон зарыдал, если б мог. Протянул ей бумажную салфетку вытереть соплю, она закрыла ею лицо.

Началась самая настоящая истерика. Пластиковая, расчетливая девочка, да еще сержантка, расплавилась, потекла.

— Поди напейся воды холодной, про любовь забудешь...

Советы, как известно, пролетают мимо с легким шелестом стрекоз, не находя цветка, чтобы сесть, а если и воспринимаются, то когда они уже не нужны.

— Это вам точно известно, что холодная вода помогает от любви? — умолкнув и сняв с лица салфетку, с надеждой спросила она.

— Нет, Николь, не точно. Это просто глупая песня...

— А... Русская шутка... — глаза ее, воспаленные от слез, погасли.

Она побывала on cloud nine*. Но недолго. Все у нее вдруг рухнуло. Когда землетрясение в душе и почва уходит из-под ног, где спастись? И теперь отчаяние сделало ее готовой на поступки, которые она не обдумывала, но делала, и это вызывало тревогу.

На другой день Николь сама позвонила моей жене, ища совета. Лера зазвала ее к нам домой выпить чашку чаю.

Она приехала на «лексусе», не на лошади. Села в уголке дивана, сжавшись в комок, есть и пить наотрез отказалась.

— С утра я пошла в фитнес-центр и занималась на снарядах пять часов до изнеможения. Даже счетчик шагов сломался, а результата нет. Потом пошла к психологу — два часа он со мной говорил — и никакого результата! Для меня Алекс живой.

— Дать вам какое-нибудь успокаивающее? — спросила Лера.

Николь замахала руками.

Как ее утешить? Что ни скажи, все глупо и неуместно. Если тяжело, самое лучшее, встав утром, три раза медленно растянуть рот до ушей. Мне показалось, ее обида распостранилась на весь белый свет и на меня тоже. Я каким-то неведомым образом причастен к легкомыслию и подлости моего бывшего соотечественника Алекса Грача.

Все я про себя перебирал. Полагал, что трагедия пошла на убыль и самоуверенность Николь потихоньку возвращается. Молодость берет свое, баланс восстанавливается. В

*На седьмом небе (букв.: «на девятом облаке»)

самом деле, не прерывать же собственное существование искусственным путем. Это то, что больше всего волновало Леру, сидевшую на диване с сержанткой рядом. Николь прямо-таки читала мысли моей жены.

— Я жить не хотела, — шептала Николь. — Все время думала, ну почему я родилась женщиной? В детстве желала стать кинозвездой, но они куклы, а я решила стать сильной. Бегала, плавала, хорошо стреляла. И всегда, сколько себя помню, мечтала быть мужчиной. А сейчас еще больше этого хочу!

О Господи, из одной крайности в другую. Что она имеет в виду? Операцию? Нынче у нас в Калифорнии женщина вышла из клиники и стала мужчиной со всеми причиндалами. Мода! Причем, насколько я знаю, мужчин, желающих стать женщинами, не меньше, чем наоборот. Месяц назад был мужчиной — сегодня женщина. Огромная многомиллиардная медицинская индустрия. Был Джек, стала Джеки, каблукки, наращенный бюст на полметра вперед, локоны выются. Целые общества лиц эмигрировавших из одного пола в другой. Своя сеть обслуживания, рестораны, значные места, представители в органах управления, своя литература — трансвестический жанр с положительными героями, которые, наконец-то, совершили самый смелый поступок в жизни.

Нет, до баланса в душе Николь еще далеко. Я смотрел на ее хорошенькую мордочку, ладную, несмотря на униформу, фигурку. Жаль, что все женские признаки у нее уничтожат, и будет еще одно мужское уродство. Вместо Николь будет Николас. Миллион Первый. А Николь, перестав плакать, догадалась, что я воображаю.

— Ой, нет! Совсем не то, что вы сейчас подумали! Просто спасаюсь от тоски, вступаю в борьбу за женщин. Это сейчас самое главное. Завтра еду в Сан-Франциско.

Глаза у Николь бегали. Лера колебалась. Сказать ей, что следовало обратиться не к психологу, а к психиатру, или не сказать? В результате промолчала.

Николь уехала, а чуть позже я узнал, что происходило. Из двух десятков самых солидных феминистских организа-

ций Николь посоветовали партию «Радикальные акции», где дел больше всего.

При въезде с юга в Сан-Франциско виднеется длинный двухэтажный дом, повисший, как елочное украшение, почти на вершине горы. Узкая парковка возле поросшего кустарником обрывистого склона пуста. Снизу доносится слабый гул 101-го фривея, мчащегося к аэропорту.

Все выглядело весьма культурно. Офис, секретарша, конференц-зал, приемные часы... Дебби Нильсен, президент партии «Радикальные акции», женщина крупная во всех параметрах, бывшая баскетболистка, с открытой улыбкой пухлых губ и сложной прической, напоминающей грабли остриями назад, познакомившись с Николь Риверс, обрадовалась:

— Ты просто незаменима, детка. В нашей борьбе против мужского засилия нужны мужественные, образованные личности вроде тебя, способные показать в армии, какие мужчины слабаки. Нам, черным женщинам, особенно плохо, и наше время настало. Мы избавились от исторического рабства, а теперь избавимся от рабства у мужчин.

Николь кивала в знак согласия. Она вдруг перестала быть одинокой, когда вокруг ни просвета, и ты никому не нужна.

— На всех кобелей мы наденем ошейники, и тогда они станут послушными, — продолжала простая, как забор, Дебби, широко улыбаясь, шире просто невозможно растянуть рот. — Короче говоря, подружка, вечером у нас собрание, и мы примем тебя в члены нашей партии! Можешь прямо сейчас уплатить членские взносы, лучше за год или два вперед.

Николь заплатила. На ланч они отправились вдвоем. Наклейка на багажнике Нильсеновского зеленого «крайслера» гласила: «Well-behaved women rarely make history»*. По дороге Дебби Нильсен изо всех сил вовлекала Николь в наше движение. В немецкой пивоварне, заказав две большие кружки черного «Октобрис» и разворачивая перед но-

*«Женщины хорошего поведения редко творят историю»

вобранкой перспективы побед феминизма на всех фронтах, Дебби сказала:

— Это тебе кажется, что ты не такая, как наши сестры. Я тоже так когда-то считала. Выписывала всякую дрянь вроде модных журналов, чтобы смотреться секси. Как же им доверять? Чтоб они все сдохли! Теперь ты сама убедилась. Короче говоря, всем нам ясно, что главное наслаждение женщины — политическая активность. Ты со мной согласна?

— Согласна. Конечно, согласна! — подтвердила Николь.

Отдув пену и не отрывая глаз от собеседницы, Дебби сделала большой глоток и погладила запотевшую кружку.

Обе они малость поплыли от молодого пива, налитого прямо из котла. Но Николь оказалась закаленнее. Не зря солдаты в Монтерее и Гармише ее тренировали. Дебби выловила дольку лимона со дна кружки и прожевала ее, не поморщившись. Заплатила за ланч для двоих, как она объяснила, из средств, предоставленных неким непоименованным грантом на развитие женских исследований.

Вечером в конференц-зале партии «Радикальные акции» оказалось человек тридцать с лишним, в основном, женщины средних лет. Некоторые пришли с детьми. Виднелась парочка лиц мужского пола, сидевших в обнимку. На стене перед глазами собравшихся висела надпись: «Stop sex crime!»* — хотя именно к этому следовало бы призывать не данную сознательную публику, а кого-то за пределами аудитории.

Речь Дебби Нильсен по поводу приема Николь Риверс в члены (точнее сказать — в членки) женской организации, усиленная микрофоном, была слышна на улице.

— Разочарование в мужчине и разрыв с ним — лучший момент примкнуть к нашему движению, — Дебби вцепилась двумя руками в стойку микрофона, будто он мог улететь. — Наша активность есть яркое доказательство, что бывшие представители так называемого сильного пола се-

*«Остановите сексуальные преступления!»

годня нам не нужны. Мы сильнее. Они лишь отравляют наше сознание корыстной ложью комплиментов.

Зал оживился, раздались отдельные радостные хлопки.

— Где научные доводы, — продолжала Дебби, — что Бог создал женщину из ребра мужчины? Это выдумали мужчины. Скорее, наоборот! Впрочем, я бы лично своего ребра на такое не отдала...

Все члены зааплодировали, несколько человек в экстазе засвистели, затопали ногами, выражая одобрение.

Потом был обед, и Николь, знакомясь, всем повторяла свою историю. Иногда она плакала. Расходиться стали ближе к ночи. Дебби поцеловала новую членку и укатила на своем тяжелом «крайслере». В машине лицо Дебби сразу перестало сиять, она вовсе не была так примитивна, как выглядела.

Замужем ей не сложилось очутиться. Четверо детей от семи до пятнадцати, все мальчики, ею любимые, все от разных мужчин, дома ее не ждали, где-то шлялись. Жила Дебби в уютном чистеньком доме в грязном пригороде Окленда с нестарой матерью — у той подобная семейная история имела место три десятка лет назад. Таков был порочный круг.

Братья Дебби сидели в тюрьме за грабеж с убийством. Старшие сыновья ее уже подторговывали травкой, все числились в компьютерах полиции и, если не свершится чудо, пойдут по следам дядьев. Младшенький, даун в скрипучей коляске, сам передвигаться не мог. Его возили братья и оставляли на улице, когда лезли в чужие дома. Говорить даун почти не умел, но каркал, как ворона, при наступлении опасности.

Счастье с прогрессом человечества в этом густо заселенном черными районе еще не наступило. Загадочная американская душа: приветливость даже с теми, кто этого не заслуживает, самоуверенность, для которой не всегда есть основания, прагматичность, доведенная до абсурда, женщина, низведенная до равенства с мужчиной, коллективный индивидуализм, свобода, закутанная, как мумия фараона, в бинты условностей.

Оставшись одна возле дома на горе, Николь села на ступеньки, и отчаяние опять охватило ее. Закрыв ладонями лицо, она рыдала.

В полутьме хромой дворник с метлой, по лицу вьетнамец, подошел к ней и стал утешать. Он оставил ее спать в своей комнатенке под лестницей, а сам ушел в сарай, где держал косилку, садовый инвентарь и старую одежду на случай холодов.

Рано утром он ее разбудил.

— Иди отсюда, деточка! — шепнул он ей. — Они все чокнутые. Имей в виду, я тебе ничего такого не говорил.

Утром ей стало вроде полегче. Она села в машину и погнала к себе на ферму.

В университете текла учебная четверть — Николь на лекциях не было.

— Как вы? — спросила Лера, позвонив ей, поскольку пребывала в беспокойстве. — По местному телеканалу я видела вас на собрании. Вы становитесь знаменитой феминисткой...

После паузы Николь ответила:

— Не помогает! Я от них ушла...

Феминистки не смогли ее уговорить. Ничто не могло заглушить отчаянья, достоевщина на нее обрушилась. Ум изрядно пошатнулся. Неожиданно злоба и чувство мести (хотя кому и за что?) овладели ею и искали, на ком выместиться.

По ночам Николь просыпалась в скрипучей королевской кровати, не зажигая света, бродила, как привидение, по пустому дому, натываясь на стулья, шла к лошади или в подвале дегустировала вина. Розетта понимала, что неладное творится с ее хозяйкой и, проявляя сочувствие, терлась головой о ее плечо.

Утром, подавленная тяжелой депрессией, Николь явилась в конюшню, держа сумочку с косметикой. Розетта приветливо заржала. Разорвав мешок, Николь скормила Розетте всю оставшуюся сушеную морковь с яблоками и подождала, пока лошадь оближется. Вынув из сумочки губную

помаду, хозяйка широким слоем ярко нарисовала Розетте губы, вытащила щеточку, наложила синевато-черную краску на ресницы лошади. Розетта подставила Николь спину, уверенная, что сейчас ее запрягут, и они отправятся в университет.

Еще недавно Николь говорила: «Лошадь лучше людей, одна Розетта меня понимает и утешает» — и вот... вернулась в дом, открыла желтые страницы телефонной книги и спокойно позвонила на скотобойню, чтобы состарившуюся лошадь забрали и усыпили.

— Придется заплатить, — ответил ей голос с мексиканским акцентом.

Приехал фургон с небольшими окошками вдоль верха, и пожилой ширококостный латинос при усах, закрученных вокруг рта, соломенной шляпе и грязных джинсах, вывел лошадь из конюшни, хотя она упиралась и мотала головой, пытаясь сказать чужому человеку «нет».

Розетта прожила жизнь более цельную, чем окружавшие лошадь люди. Она вовсе не считала себя клячей, и молодые чувства наполняли ее. Родила она раз в жизни от молодого скакуна по имени Бриз, которого толком не разглядела. Сын подрос, и его отобрали для тренажа. Увидела она его на ипподроме, когда сама еще скакала лучше других и брала призы. Сына она сразу узнала, сердце забилось, но он ее не заметил. За долгие века люди приучили лошадей к тотальному послушанию, и лошадиный феминизм пока даже в Америке не развит.

Николь, расплатившись, хладнокровно ушла в дом, чтобы больше Розетту не видеть и не слышать. Мужик грубо пнул лошадь в зад, поторапливая ее. Розетта замерла перед дверцами фургона и заржала на всю округу, может быть, последний раз в жизни. Она объясняла, что, попади в хорошие руки, вполне могла бы еще катать начинающих наездников или детей. Дверцы захлопнулись, фургон отъехал.

Говорят, конину ловкие умельцы замораживают и продают в Азию.

Поглядев на себя в зеркало, Николь ядовито усмехнулась и электрической бритвой, которой брила себе подмышки и ноги, провела по голове от лба до затылка. Белая полоса разделила ее изящную головку на две половины. Дело двигалось быстро, и через пять минут голова в зеркале явилась обритой наголо. Кафельный пол в ванной покрылся волосами.

Николь выбежала на крыльцо. «Лексус» стоял рядом, носом в ступени. Она открыла бардачок, куда обычно клала ключи от машины и кэш. Взгляд ее остановился на толстой пачке купюр, забытой Алексом. Грязные деньги, напоминающие о ее несчастьях.

Она притащила два полена, предназначавшихся для камина, бросила на дорожку перед портиком. Затем оторвала и смяла несколько страниц из газеты, чиркнула спичкой. Когда огонь разгорелся, она стянула с пальцев четыре кольца, подаренных Роджи. Ни рубин, ни сапфир, ни изумруд, ни даже бриллиант ей не помогли, и она швырнула их в огонь.

Николь распотрошила пачку Алексовых сотенных купюр и стала яростно бросать их в костер. Деньги плохо горели, дымили, обугливались по краям. Николь села на землю, ждала, подкладывала новые. Когда все бумажки превратились в пепел, до нее дошло, что денег у нее самой почти не осталось, мелочь какая-то.

Нет, звонить папá унизительно. Друзей, у которых можно взять займы, не имеется. Заработать? Но где? На месте ей не сиделось, хотелось куда-нибудь двигаться. Николь вскочила за руль, задраила крышу, чтобы быстрее ехать, и вылетела на дорогу.

Ферма «Приветливая кляча» опустела. Открытая дверь в дом время от времени хлопает, поскрипывая от ветра.

Глава 39

«Бемби»

Лас-Вегас, казино «Suncoast» —
пустыня в востоку от Санрайз-Менор.
Суббота 19 ноября 2005

Длинный, как три обыкновенных авто, белый лимузин бесшумно выбрался из чрева подземной парковки, примыкающей к казино и отелю «Suncoast». В затемненных стеклах ничего не видно. Шофер опустил свое стекло, махнул охраннику, и, выруливая на улицу, поправил фирменную фуражку. Швейцары, одетые в торжественные наряды с эполетами и высоченные шапки с гербами, замерли у входа, отдавая честь именитому пассажиру.

Было около семи утра, и тротуары еще не заполнились туристами со всего света, на все полусонно глазеещими. Ловко пробираясь сквозь утренние пробки на десятках светофоров, лимо прополз через даунтаун Лас-Вегаса, пересек городок Санрайз-Менор, выехал в пустыню и погнал по еще пустой дороге на восток, навстречу солнцу.

Постепенно ландшафт стал холмистым. Попадались небольшие оазисы кустарника и пальм, окружавшие редкие дома. Местные жители помнят, что в этом районе тут и там в ямах упрятаны трупы. Иногда людей закапывали заживо, — результаты разборок мафий, владеющих здешними казино.

Лимо на крутых поворотах замедлялся и вскоре, возле придорожного почтового ящика, свернул на узкую каменистую дорожку, как ни странно, без указателя и без названия. Еще миля по проселочной пыли, и машина остановилась у дома, напоминающего барак с узорчатой, ручной работы, дверью. Несколько дорогих автомобилей сгрудилось на покрытой гравием стоянке. Их защищали от солнца два могу-

чих дуба и три пожелтевшие пальмы, давно не стриженные. Шофер выскочил из машины, обежал вокруг, открыл дверцу, вытянулся. Из салона вышел пассажир, бросил взгляд на непрезентабельную окрестность, ступил в пыль, спросил:

— А вы не ошиблись?

— Обижаете, мистер Риверс! — шофер снял фуражку. — Бизнес новый, это правда. Но вы не первый клиент, которого я сюда привожу. Они сейчас стали осторожнее, в прессу проскочило кое-что, поэтому постучите в дверь, вам откроют. Мне приказано вас ждать хоть до завтра.

Своих телохранителей Риверс оставил в отеле в Лас-Вегасе. Они пытались возражать. «Нечего вам там делать!» — отрезал Пол. И теперь в желтых со множеством карманов шортах и белой рубашке, не успел он подойти к двери, как она отворилась.

— Добро пожаловать, sir! — сияя полуметровой улыбкой, приветствовал Пола здоровенный белобрысый детина и доверительно пожал входящему руку. — Все для вас приготовлено.

— Выпить или подкрепиться перед началом не желаете? — шепотом спросил официант китаец, подставляя поднос с набором всякой всячины.

Гость отвернулся. Бармен поклонился и исчез. Самое время осмотреться. Окна тщательно занавешены. Кроме стойки с обилием напитков, вдоль стены стояли несколько кресел. В одном из них расселся толстый, слегка отечный человек в новеньком маскировочном костюме. Хотя было прохладно, он часто вытирал бумажной салфеткой лоб и шею. На коленях у толстого лежала винтовка, которую он придерживал свободной от салфетки рукой. Белобрысый хозяин заведения указал Полу рукой на дверь возле стойки.

— Прощу! Извините, что тесно. Раскручиваем дело потихоньку... Я буду вашим инструктором.

В скромном кабинете инструктора угол отгорожен занавеской с цветочками. На стене карта. Пол Риверс начал было ее разглядывать, но хозяин обратил его внимание на стол, где лежала военная униформа и рядом красовались новенькие армейские ботинки, зашнурованные наполовину.

— Вот ваша амуниция. Точно по размерам, которые вы нам сообщили по телефону. Если вы когда-либо служили в армии, то надеть это будет вам привычно.

— Нет, не служил, но отец у меня воевал, а когда вернулся, форму его я подростком примеривал. И теперь иногда приходится ее носить, так что меня не удивите.

— Тогда прошу за занавеску, — инструктор, конечно же, немало слышал о Поле Риверсе, но решил придержать язык. — Одежду свою оставьте на вешалке.

Через пять минут униформа была надета, ботинки зашнурованы, и Пол Риверс в новом облачении явился несколько смущенным перед инструктором.

— Готовы?

Инструктор повесил на шею Полу бинокль, открыл шкаф и извлек новенькую винтовку с оптическим прицелом.

— Плюс вот вам коробка с пулями, триста штук. Чтобы палить три часа, более, чем достаточно! Советую рассовать пачки пуль по карманам. Попробуйте зарядить обойму, туда входит двенадцать пуль. А теперь не могли бы вы разок выстрелить — вам будет понятна процедура.

— Куда выстрелить?

— Вон, в мишень на стене!

Пол вскинул винтовку к плечу и прицелился. На кресте оптического устройства стали видны круги и цифры, частично заляпаные красными пятнами, — туда уже немало постреляли. Пол спустил курок. Раздался глухой выстрел, приклад ударил в плечо. Давно не стрелял, забыл, что надо сильнее прижимать винтовку к себе. На стене добавилось еще одно красное пятнышко размером с пятицентовый.

— Неплохо! — похвалил инструктор. — Как видите, мне нечему вас учить! Остальное покажу на месте. Вот ваша личная карта местности, крестиком отмечено, откуда начнете. Мне нужна ваша кредитка...

Риверс молча бросил ее на стол.

— Ваш взнос, — прибавил инструктор, — три тысячи пятьсот. Часть вам вернем обратно в случае вашей удачной охоты. Стимулирует, не так ли?

— О'кей!

— До вашего сеанса осталось несколько минут. Вас не затруднит отдохнуть в лобби?

Новобранец приложил руку к виску, отдав честь, вышел. Возле стойки бара, поставив свою винтовку к стене, он уселся в кресло рядом с пыхтящим краснощеким толстяком в такой же, как у него, одежде.

— Пол, — представился Риверс, помня предупреждение инструктора, сказанное еще по телефону, что фамилий называть не принято.

— Джим, — поколебавшись, нехотя ответил толстый.

— Не выпить ли для знакомства?

Но Джим отвернулся, чтобы не продолжать разговор.

— Тогда мне одному двойной виски со льдом, — приказал Пол бармену. — Думаю, это не помешает?

— Not at all, sir!* — поддакнул китаец, бросившись выполнять заказ. — Виски всегда помогает!

Допить виски Пол не успел. К дверям подали военный джип с открытым верхом, пришлось оставить стакан и взять винтовку. Инструктор усадил Пола рядом с собой, Джима на заднее сиденье, сам уселся за руль и резко нажал на газ.

Густая пыль клубилась позади открытого джипа, бегущего по проселочной дороге меж кактусов, а когда инструктор притормаживал на крутых поворотах, пыль окутывала их всех.

— На войне как на войне! — захохотал инструктор и затормозил на площадке под скалистой вершиной.

Они высадились, еще не понимая, что делать. Перед ними расстилалась долина. Пол развернул карту.

— Вот примерные границы зоны охоты, — инструктор обвел карандашом на карте круг. — Субъекты могут появиться, где угодно, и, обнаружив, будете их преследовать, а они от вас удирают и прячаться. Каждый из вас, охотников, сам по себе. Выбирайте субъект, который больше понравится и — бегом, стреляя на ходу. Постарайтесь догнать и выстрелить в упор!

*Вовсе нет, сэр!

Инструктор развел их по разные стороны площадки, каждому указав свою тропу для спуска вниз.

— А мы не спутаем, кто в какого субъекта попал? — спросил Джим.

— Не спутаете, — пояснил инструктор. — У вас, Пол, красные пули, у Джима — оранжевые.

— Уже вижу кое-что, — процедил сквозь зубы Пол.

Внизу, в полумиле от них, из кустарника появились две женские фигуры. Пол стал глазеть в бинокль. Они двигались между валунами и зеленым кустарником, на ходу скидывая с себя одежду. Вот одна, раздевшись донага, помахала другой и скрылась за камнями, а потом вновь появилась. Вторая, негритянка, тоже совершенно голая, лениво шла, вихляя тем, чем нужно. Кажется, это называется «вызываю огонь на себя».

— Неплохо! — просипел Пол. — В этом есть что-то первобытное...

— Но при наличии цивилизации, — добавил инструктор, улыбаясь.

Он оглянулся. Тяжеловесный Джим с винтовкой наперевес уже топал по тропочке вниз.

— С Богом! — инструктор уселся за руль. — Приеду за вами через три часа.

Пол немного спустился в долину, когда заметил еще одно первобытное создание довольно пышных форм, присевшее в русле высохшего ручья. А затем еще одно — высунувшееся из кактусов. Зачем охотиться, когда имеет место совершенное наслаждение телом, восхитительное зрелище наготы на фоне дикой природы. В руках бинокль и винтовка, в душе восторг дистанционного обладания... Полу показалось, что одна женщина танцует или делает зарядку. Скучно ей, наверное. Сейчас ее развеселю.

Согнув колени, чтобы опереть локоть о камень, он прицелился. Ах, какое волнительное зрелище и как близко через оптику! Пол выстрелил. Эхо пронеслось по долине. Он не попал, а женщина исчезла в расщелине.

Он сделал ошибку. Надо стрелять не издалека, а подкрасться ближе, это любому охотнику известно. Прячась за кус-

тами, мелкими перебежками он двинулся в направлении танцующей. Но и она не осталась на месте, а точно также, быстро перебегая с места на место, старалась скрыться, хотя периодически давала ему возможность осмотреть себя.

Прыгая с камня на камень, Пол каждый раз останавливался и шарил биноклем по окрестности. Он почувствовал, что устал. Все-таки жара, а он не мальчик. И он присел отдохнуть.

Вдруг совсем неподалеку от него появилась еще одна обнаженная субъектша, худенькая и стройная, без волос, с бритой головой. Короткими перебежками она перемещалась от одного укрытия к другому. Бинокль в руках у Пола слегка подрагивал и в линзы попадали то ее плечи, то талия с тем, что расположено ниже, то колени. Пол загорелся. Не отрывая глаз от бинокля, он нащупал в боковом кармане бутылку воды, отпил пару глотков и облизнулся. Вот это то, что захотелось поймать. Вперед!

Пол прыгнул через ствол упавшего сухого дерева, но зацепился за корень и упал в траву. Ухватился рукой за ветку кактуса, ободрал себе ладонь. Лежа, он опять всмотрелся в бинокль, но вместо привлекающих женских тел наткнулся на толстого Джима. Тот целеустремленно передвигался вдоль высохшего кустарника. Язык у охотника свесился набок, как у собаки.

Само собой, в задачи жертвы вовсе не входит исчезнуть совсем, но подурочить охотника подольше. Полу стало ясно, что не он один сосредоточился именно на этой женщине. Неужели он опоздал?

Азарт взыграл в нем, сбросил возраст на три десятка лет. Пол вскочил и, не обращая внимания на колючки, прилипшие к штанам и царапавшие его сквозь грубую ткань, пригибаясь, трусцой двинулся вперед. Солнце поднялось высоко и было с правого боку, так что не попадало в бинокль. Периодически охотник прицеливался, но на этот раз выстрелить не спешил, боясь спугнуть жертву.

Пока что она убегала не от него, а от Джима, и не ожидала, что окажется вблизи другого охотника, который те-

перь выстрелил. Она завизжала и заметила Пола, а заметив, растерялась.

Прелесть какая... Пол причмокнул и крепче прижал подмышкой винтовку. Теперь бинокль, болтающийся на животе, мешал, и Пол впопыхах стащил с шеи ремень и повесил бинокль на сук ближайшего дерева. Впереди было несколько громадных валунов, Пол укрылся в их тени. Ящерицы разбежались из-под его ботинок. Он прокрался вдоль камней, а когда повернул в узкий проход, жертва оказалась буквально в нескольких шагах от него, и он вскинул винтовку.

Глухо бабахнул выстрел, эхом отразившись в камнях. Жертва вскрикнула, споткнулась и повалилась на землю. Без одежды... Она же расшибется или поцарапается о камни и колючки. Тем не менее, он подбежал к ней и в упор выстрелил еще раз. Женщина вздрогнула от выстрела, застонала и свернулась калачиком, закрыв руками грудь и лицо. Старое красное пятно на спине ее стекло струйкой вниз и уже высохло, а новое на бедре разбежалось брызгами по ногам и животу, будто настоящая кровь.

— Ура-а-а! — крикнул Пол почти в самое ее ухо.

Ни с чем не сравнимое удовольствие! Момент, за который стоило плакать. Время, которое стоило потратить.

Она посмотрела на победителя, и тот, бросив винтовку, обхватил ладонями голову, примяв поля шляпы к ушам.

— Боже мой! Николь?! Я тебя еле узнал без волос...

— Папá...

— Что творится! Ты как здесь очутилась?

— А ты?

Позади Пола послышалось сопение, и второй охотник с аппетитом в глазах уставился на лежащую у их ног жертву.

— Это моя! — остервенело крикнул ему Пол. — Чего вы здесь не видели?

— То же, что и вы! — прохрипел Джим и прикоснулся стволом винтовки к телу жертвы. — Это еще вопрос, чья победа! Вот мой выстрел, я был первым!

На животе у Николь было еще одно пятно — оранжевое. Николь боком отползала от них подальше.

— Первым? Идите отсюда! Ищите кого-нибудь еще!

Казалось, еще секунда, и Пол бросится на соперника с кулаками.

— Полегче, Пол! — пропыхтел Джим. — Вы не знаете, что я в прошлом был рестлером. Переломаю вам все кости на ближайшем камне...

Джим достал из-за пазухи маленькую камеру, сделал снимок Николь и стоящего перед ней Пола.

— Вы что, спятили? — возмущенно крикнул Пол. — Это же нелегально!

Он стащил с себя пятнистую куртку и бросил ее Николь. Она села, быстро накинула куртку на себя, натянув ее на колени.

— Легально, легально, — ворча повторил Джим, обливаясь потом. — Я все понял...

Джим шелкнул еще раз, спрятал камеру, посмотрел на часы, закинул винтовку прикладом вверх на плечо и, тяжело пыхтя, потащился в гору.

— Где твоя одежда? — спросил отец.

— Там... — Николь махнула рукой в сторону большого холма.

— Поди, оденься, я тебя подожду!

— Но нам не разрешают уходить с клиентами!

— Я — клиент? — возмутился он. — Да я всю эту шарагу с лица земли танками сотру...

— Не надо, папá! Ведь это моя новая работа... Ты лучше поговори с инструктором по-хорошему. Дай мне бутылку с водой, я смою краску...

Прихватив бутылку, Николь, одетая в маскировочную форму сверху, но без низа, засемила прочь. Пол постоял растерянно и двинулся в сторону площадки на холме, откуда слышались автомобильные гудки.

Оказалось, Джима уже увезли -- он куда-то спешил, и Пол ехал обратно, сидя в джипе вдвоем с инструктором.

— Как охота? Понравилась? Все, кто у нас побывал, приезжают еще...

— У меня к вам просьба. Женщину с бритой головой, в которую я попал, мне хотелось бы увезти с собой.

Инструктор улыбнулся.

— Просьба, честно вам скажу, не оригинальная. К сожалению, по нашим правилам клиентам не разрешается встречаться с сотрудницами после охоты. Это их служба. Вы платите за удовольствие процесса, не более того... Не встречаетесь же вы сразу после рейса со стюардессой, после ресторана — с официанткой, а после...

— Ясно! — перебил его Пол. — Но это моя собственная дочь... С бритой головой я ее сразу не признал.

— Дочь?! Вот чертовщина! Только такого скандала нам не хватало...

— Да, дочь... Что вы на это возразите? Не могу же я оставить здесь свой охотничий трофей!

Тем временем они подъехали к дому.

— Извините, — сказал инструктор. — Я должен позвонить боссу.

Пол переоделся за занавеской и устало опустился в кресло. Рядом с ним сидели двое немолодых людей в защитной форме с биноклями на шее, держа возле колен винтовки.

— Мне пива, бутылочку мюнхенского «Оптиматора», — велел Риверс бармену.

— Certainly, sir!*

Тем временем инструктор переговорил с начальством, сел в джип и умчался. Вернулся он через полчаса, ведя впереди себя Николь. На этот раз она была в джинсах и плотной маечке. Она прижалась к отцу, и тот обнял ее, вроде как ничего особенного не произошло. Инструктор вышел их проводить, и Пол крепко пожал ему руку.

— Сожалею, что так получилось, — сказал Пол. — Но ведь никто из нас не виноват...

— Никто! Можно задать вам один вопрос? — спросил инструктор. — Почему Джим уехал без вас? Я полагал, он вас охраняет...

— Он — меня? — удивился Пол. — Да я первый раз его увидел!..

*Конечно, сэр!

— Неужели? А он представился агентом ФБР. Не без юмора мужик.

— Вот куда улетают федеральные денежки! — заметил Пол.

— Уж это точно! — инструктор был мрачен. — Мы ведь все налогоплательщики... Кого ж он высматривал?

Николь поглядела на них обоих и тихо произнесла:

— Наверное, меня...

— Кстати, — вспомнил Пол. — Бинокль я повесил на сучок и...

— Не волнуйтесь. Кто-нибудь его обнаружит и притащит...

— И еще, — попросил Пол. — Пускай привезут дочкин «лексус» ко мне на ранчо Дьявола.

— О'кей, будет сделано.

Шофер уже давно держал для них дверцу лимузина открытой. Он подождал, пока они уселись, вытер пот со лба и надел фуражку. Лимо покатил обратно в Лас-Вегас. За его темными стеклами страсти умиротворились окончательно и происходил тихий дружеский разговор.

— Я так рада, папá, что ты меня нашел! — она открыла рюкзачок и отпила воды из банки.

Глаза у нее бегали. И вообще, она вела себя странно. Такой неадекватной Пол ее никогда не видел, всю в кусках. Пришла на ум мысль отвезти ее к психиатру.

— Не ври, дочка! Сколько тебе платят за это представление? Я хотел сказать, за работу? Я буду платить тебе втрое больше, чтобы ноги твоей здесь не было!

— Меня ругаешь, а сам? Ты-то, папá, почему здесь очутился?

— Да мне пятьдесят девять, дочка. Я вдовец, причем не совсем состарившийся. Можно мне развлекаться, как хочу? Я играл в казино в Лас-Вегасе, и стало неинтересно. К сожалению, у меня так много денег! Все равно их проиграть не смогу.

— Ты — завидный жених, папá. Почти молод, красив и богат.

— Неужели? А я вот вдруг почувствовал, что старею. Мне предложили «Бемби» и...

— И помогло? Помолодел?..

— Хм... Может, и да...

Николь притихла, свернулась калачиком и уснула. Риверс задумался. В голове его кое-что вызревало, ведь для всякого крупного бизнеса нужны философские обоснования. Самый деловой человек на этом свете уже планировал открыть цепь заведений типа «Бемби» по всему миру.

Конечно, могут быть разные взгляды на этот тип охоты, размышлял Пол, но я вижу в ней занимательную и вполне современную эстетическую игру. Если хотите, в каком-то смысле, театр одного актера, точнее, одной актрисы. Веками существует профессия натурщицы, нужная узкому кругу профессионалов. Природный эксгибиционизм женщины находит применение, — прочитал я о натурщицах в одной статье, опубликованной художником в Нью-Йорке. Чепуха! По-моему, все гораздо проще и лучше: женское тело есть произведение искусства. Кто создал это произведение, Бог ли, природа ли, в данном случае не имеет абсолютно никакого значения, важен результат. Искусство, как какой-то русский фрайер сказал, принадлежит народу. Глупо, конечно, но применительно к данному случаю, он оказался прав. Любование женским телом запретить при кастовом мышлении удастся, но упразднить невозможно. В этом всегда есть какая-то тайна, призыв жизни, и, если «Бемби» охватит весь мир, на этом можно сделать большие деньги.

Лимузин бесшумно плыл, приближаясь к Лас-Вегасу. Риверс рассеянно глядел по сторонам. О дочери он забыл. Однообразные кактусы и пальмы вдоль дороги помогали ему сосредоточиться.

Естественно, думал Пол, у женщины, которая не хочет такой публичности, должны быть возможности ничего никому не показывать и одеваться, как ей вздумается, коротко ли, длинно ли, быть увешенной драгоценностями настоящими или бижутерией от ушей до пяток или вообще быть или выглядеть монашкой. Но для женщины, которая хочет продемонстрировать свою природную красоту, необходимо создать все условия. Делают же это по долгу службы кинозвезды, модели, прости-

тутки, каждая в меру своего таланта, почему ж остальным нельзя?

Можно сто лет обсуждать все за и против женской свободы самовыражения по формуле Горация *utinam inter errem nuda leone* — если б я могла бродить нагой среди львов (какая шикарная реклама!). И поскольку красивее женского тела ничего на свете нет, а прогресс все-таки есть, ню должна включаться в культурные программы типа «бемби» шире. Чем мы хуже древних римлян? Я начну действовать немедленно, и у меня не будет отбоя от желающих стрелять и быть застреленными.

Перед въездом в аптаун Лас-Вегаса движение застопорилось, и Пол глянул в окно. Несколько копов ласково уговаривали демонстрантов не загораживать проезжую часть. Полицейские автомобили с сиренами и мигалками пробирались вдоль желтой полосы на подмогу уже прибывшим. Сквозь темные стекла Риверс читал лозунги: «Женщина — это настоящий мужчина!», «Кто не женщина, тот не человек!», «Победа феминизма неизбежна!», «Прекратите торговлю женской наготой!», «Требуем запрета “Бемби”!»

На противоположной стороне, перегораживая транспорт, шумела другая демонстрация. Собравшиеся что-то скандировали, держа в руках плакаты с изображением обнаженной Махи. Гойе такое и во сне бы не приснилось. «Мое тело свободно!» — гласил плакат, повешенный на фонарном столбе. «Я нравлюсь мужчинам, а вы — нет», — написано было на другом плакате. «Вступайте в профсоюз бембисток!» — призывал третий лозунг. К этим протестантам неведомо зачем присоединились энтузиасты однополой любви. Они вообще ни при чем, тем не менее над толпой виднелись два плаката: «Все как одна станем лесбиянками!» и «Все как один станем геями!»

Надо сказать, что мужчины в обеих женских демонстрациях наличествовали, хотя и мало, да и всего народу было немного, по полсотни с каждой стороны. Так что полицейские быстро справились, вежливо отгеснив публику, и участников, и зевак, на тротуары. Постепенно пробка ликвидировалась.

Вечный телохранитель

Сан-Франциско, книжный магазин «Глобус»
— графство Шапта, Монастырь Святого Германа.
Суббота 3 декабря — воскресенье 11 декабря 2005

Встретившись случайно с отцом Олимпиаем в русском книжном магазине «Глобус» на улице Гири в Сан-Франциско, я отвел его в сторону и спросил о Покусае.

— Бог его прибрал, — ответил он.

Покусай, сбитый машиной, подметавшей улицу, долго лежал без сознания у края тротуара на углу возле Юнионсквера и был обнаружен проезжавшим на мотоцикле полицейским. В госпитале оборванца вымыли, переодели и поместили в «Intensive Care Unit»*. Покусая пытались спасти, у него наступила клиническая смерть, и в течение часа врачи-реаниматоры над ним трудились.

Родни у пострадавшего никакой не обозначено. Установили, что он раньше побывал в психушке, но их в Калифорнии позакрывали по настоянию левых борцов за права человека.

— Вышли мы все из психушки, — пошутил отец Олимпий. — Почти все бездомные — люди умом свихнутые. Не хотят лечиться, принудительно лечить их нельзя, и их царство в Сан-Франциско процветает.

Покусая-таки оживили, однако надежд на выздоровление не было, и его перевезли в хоспис — помочь уйти из жизни спокойно. Неизбежная смерть, иного выхода отсюда нет, хотя смерть не сразу, кто сколько протянет.

— Нелепая жизнь, — вздохнул отец Олимпий. — И смерть такая же нелепая. А компьютерные счета с требованиями

*Отделение интенсивной терапии

немедленно оплатить пребывание покойного Покусяя в госпитале, а затем в хосписе продолжают приходить. На адреса честных прихожан, которые он указывал, и к нам в церковь. Надоело их выбрасывать.

— Жаль бедолагу, — вздохнул я.

— Сильно он меня огорчал, — сказал отец Олимпий. — Веру воспринимал умом, не сердцем. Раз спросил я его напрямую: «С кем же ты считаешься встретиться — с Богом или Дьяволом?» А он мне: «Это, говорит, скорей всего, одно и то же лицо».

— Но так у Покусяя жизнь складывалась, — попытался оправдать его я. — Бог ему не помог, а из лап Дьявола случайно удрал...

— Покусай и в церковь-то перестал ходить, — прибавил отец Олимпий. — Спинозы начитался: «Бог есть Вселенная, и Вселенная есть Бог». Ему бы остановиться. Так нет же! «Если говорит, всё есть Бог, то и я тоже Бог!» Это же ни в какие ворота не лезет.

— Где его похоронили?

— На могилу в городе большие деньги надо. Чужие люди отвезли гроб в монастырь Святого Германа, там бесплатно похоронили. А я, как узнал, тут заупокойную молитву сочинил.

— Вещей у Покусяя никаких не осталось?

— Да какие ж у него вещи, у бездомного-то? — отец Олимпий подивился вопросу.

— А ордена? — осторожно спросил я.

— Собирал, когда жил по-человечески. Фанат был. И приторговывал — у нас есть люди состоятельные. Ордена советские для них экзотика. Но ведь пропивал... «Пикап» у него угнали — в нем все его ценности. Это его доконало. Попрошайничать начал. Под конец и карманной кражей не брезговал. Приводили в полицию, чужие кошельки сам охотно отдавал, и его отпускали. Он им просто надоел.

— Стало быть, покусяевские ордена на оружейных ярмарках продает кто-то другой как свои?

— Покусай мне говорил, что «пикап» угнал его собутыльник, Штурмбанфюрер, кажется. Да кто их разберет?

— А что стало с одеждой Тимофея? — гнул я в свою сторону.

— Известно, что. Бездомным отдали. Их в районе госпиталя полно.

Видимо, растерянность и огорчение мои прорвались.

— Бездомным? — переспросил я.

— Что ж странного? Всегда так делают...

— Отец Олимпий, а про Звезду Генералиссимуса, которую Покусай берег, не слышали?

— Прихожане говорили, и я краем уха слышал, что тоже украли...

Вот и все с Покусаем. Как говорит одна моя знакомая оптимистка, жизнь преимущественно заканчивается смертью. Но что-то меня подталкивало развязать последний узелок. Не корысти ради, а токмо чтобы довести сюжет до развязки, решили мы с женой на уикенд двинуться в монастырь Святого Германа.

Через полдня гонки по 5-му фривею на север с трудом разыскали горную лесную дорогу и добрались до монастыря. Настоятель отец Герасим, умнейший и гостеприимный человек, оказав честь, посадил меня в трапезной рядом с собой за стол, а Леру — отдельно, за другой (женщине с монахами за одним столом не положено). Нас накормили кашей из бобов и кукурузы, дали чаю.

С ночевкой возникла проблема. Лере спать в монастыре нельзя. Предложили отвезти ее в женский приход недалеко отсюда, но потом вдруг вспомнили про избушку на курьих ножках за монастырской стеной, под елями. В комнатенке два топчана и железная печка.

Монахи ее протопили, зажгли свечи и устроили нас на ночлег. С вечера было жарко, печь полыхала сухими дровами всюю, а когда прогорела, холод и сырость стали пробираться через щели в полу. К рассвету на окошке налипла изморозь от дыхания.

Утром настоятель сам постучал в нашу хибарку и предложил показать могилу Тимофея Покусая. В гору к монастырскому погосту вела тропа, покрытая мелкой галькой, местами заросшая травой, уже высохшей. Проведя нас вдоль могил с крестами разных размеров, грубо сколоченными, отец Герасим остановился на северном склоне горы.

— Добрый был человек, — сказал настоятель монастыря.

— А вы его знали? — спросил я.

— Нет, — искренне ответил он, — но все люди добрые.

Вот какой формулы придерживается святой отец, обитающий в глуши. Я не возразил, и Герасим решил продолжить:

— Пороки наши отвратительны, они неотъемлемая часть страстей наших, а жизнь без страстей — все равно что пища без соли. Как сказал Блаженный Августин, «даже грехи служат».

— Рискованная мысль, между прочим, — мягко возразил я. — Выходит, грешные поступки во благо, во спасение души? Получается, грехи необходимы, чтобы потом каяться, а то раскаиваться будет не в чем?

— Как же не покаяться, — сказал он, уходя от спора. — Без покаяния остаешься грешником...

Грехи и кайся — таков порочный круг. Из зла и извлекается добро (не буду перечить философам), но извлекается не быстро, а подчас, когда уже поздно. Сомнения хотя бы в святой обители лучше оставить при себе.

Корявая надпись по-английски, выжженная на деревянной дощечке, прибитой к кресту, сообщала:

Timothy Pokusay

1922 — 2005

*Receive his soul, Lord, and grant him Your forgiveness**

Постояли мы у свежей могилы, еще и камнями вокруг нее уложенной. Сказать чего-нибудь не нашлось, стали спус-

*Прими, Господь, душу его и прости

каться вниз. День провели в лесу, бродя по тропам, — такое редко в нашей жизни удается. К вечеру вернулись в монастырь, простились возле трапезной с монахами, вышли за ворота. И тут, едва не столкнувшись, протопал мимо нас он.

Ноги у меня подкосились, чуть не сел на землю.

— Покусай!?! — шепотом выдохнул я.

В лохмотьях и обтертой бейсбольной кепке (нитки свисают с козырька) он прошмыгнул мимо с равнодушным землистого цвета лицом и сделал едва заметный жест следовать за ним. За стеной монастыря, позади ржавого военного вездехода, на котором монахи пробиваются зимой по снегу через лес в долину, чтобы запастись мукой и солью, мы остановились. Присели на бревнах. Тик передернул его лицо, давно не бритое, на щеках выросла клоками белая щетина. Он долго молчал, потом выдал из себя:

— Убить хотели, Звезду отобрали, но я их перехитрил. Несильно меня моечная машина помяла, голову от колеса успел убрать. Поболел малость и после собственных похорон в монастырь явился.

— А умер-то кто же?

— Сдох сосед в палате. Я его, так сказать, немножко ночью придушил, ускорил дело. Его ручной браслет с именем и номером зубами стрыз, а свой ему надел, чтоб меня в покое оставили. Мешок с одеждой из-под его кровати притырил. Соседа отвезли в морг, а я уполз из хосписа через черный ход.

— Куда?

— Никуда. Пошатался по улицам, ждал. Ежели узнают чего, срок дать могут. А вышло, что я никому не нужен, старое чучело... Что я такое? Не мужчина и не женщина, так, средний род... Заберусь в мусорный ящик, и утром машина перевернет меня в себя и перемелет вместе со старыми журналами и банками кока-колы. И услышал с неба его голос.

— Чей?

— Усамого Хозяина, чей же еще? «Где моя Звезда, ахуаро?!* — орет. — Изменил мне, предатель? В пыль тебя сотру и пушу по ветру!» Звезда Генералиссимуса меня от смерти удержала. Пошел в Сан-Франциско к океану, туда, где подлинную Звезду давеча зарыл. Раскопал — целехонька. Решил уходить. И вот подался сюда...

В монастыре Святого Германа — глуше места в Америке не сыскать — покойник появился ниоткуда, голодный и босой приплелся пешком. Долго стоял на коленях у собственной могилы и упал, потеряв сознание. Когда монахи, подняв, накормив и напоив его, спросили имя, сказал, что он родственник похороненного Тимофея Покусая, но свое имя по причине склероза забыл.

— Какой хоть родственник ты покойному? — спросили его.

— Брат вроде как... — сказал Покусай. — Вишь, память теряю... Вспомню, скажу. Да ведь разница какая? Все там будем...

— Смирись, Брат, и терпи, — прошептал отец Герасим. — *Dum vivimus vivamus*, говорили древние римляне, пока живешь, живи. А если уж не получается, тогда извини и освободи на земле место другим, наступающим тебе на пятки.

Надо как-то его кликать и прикрепились имя Брат. Для Покусая, уже пересекшего границу между «есть» и «нет» и случайно вернувшегося обратно в «есть», существование — чистая условность. Печальна восточная поговорка: «Когда человек получает штаны, у него уже нет задницы». Он стал никаким, ничьим и никем. Не своим и не чужим, и вообще не известно, существует он или уже нет.

Спал Брат на откосе, за день прогреетом солнцем, возле стены монастыря. Сбивал пучок сена под голову и укрывался капотом старого автомобиля от дождя и ветра, а все равно ночью холод продирает до костей. Пожалев, дали ему топчан, сколоченный из трех досок в сарае со старьем. Боль-

*Сволочь (груз.)

шую часть времени проводил он в лесу, бродил по горам как дикий человек, ухитрялся руками ловить птиц и жарил на костре вдобавок к скудной монашеской трапезе. Изредка велели ему копать могилу на погосте или запастись на зиму дрова.

Небольшой монастырь Святого Германа — православный, связанный с сербской общиной. Башни и стены каменные, церковь с золотыми куполами и трапезная деревянные, монашеские кельи, похожие на землянки, раскиданы между деревьев. Монахов полтора десятка, все американцы, интеллигентные, приятные, молчаливые. Русской речи нет. Электричества и телефона нету, для печей дрова в лесу, зато библиотека наличествует. Еда простая, суп да каша, остатков хватает на пришлых. Жизнь монашья крутая, без отдыха. За себя молятся с утра до ночи и за нас грешных.

Брат боится приезжающих. Клянется, что перестал пить, хотя зачем клясться-то? Рано поднимается и ползет на утреннюю молитву. Хотелось бы думать, идет каяться. Но не кается он в содеянном и каяться не хочет, а просто, поскольку деться ему в этом мире больше некуда, добрел до тихого места в глухомани и, если судьба позволит, проведет остаток дней возле собственной могилы, рядом с зарытой звездой Генералиссимуса.

Совсем стемнело, и выступили созвездия по сторонам Млечного пути. Покусай пошел нас проводить. Опустив окошко в машине, я сказал:

— А клады-то ночью светятся!

Он испуганно на меня глянул, потом, уже вслед отъехавшей машине, крикнул:

— Врешь!

А мне опять вспомнился Джон Стейнбек. Он верил, что клады в Калифорнии в особые ночи излучают свет. В лесу, в горах, рядом с живым покойником как не проверить, где клад?

В общем, едва тронувшись с места, я невольно притормозил, погасил фары, вылез из машины, огляделся. Лера вышла тоже. Покусай стоял на дороге возле ворот монасты-

ря и, как мне показалось, улыбался. Сейчас засветится Звезда Генералиссимуса, закопанная в лесу, где-то совсем близко от облезлых каменных стен.

Первая декада декабря тут в горах — время бесконечных падений метеоритов, хаотически вспыхивающих, пересекающих ночное небо и быстро гаснущих. Бывают и метеоритные дожди. Здесь безлюдно, а в жилых местах даже ленивые вылезают на вечернюю прогулку, как на работу. Стоят молча, сосредоточенно, задрав головы вверх, чтобы успеть загадать заветное желание. У нас с женой таких желаний полным-полно.

Цепляясь друг за друга, стараясь в темноте не споткнуться, не врезаться лбом в дерево, натываясь то на камни, то на ветки, пошли искать, где земля светится. Это было наваждение.

В тишине где-то рядом, вверху, ухала потревоженная невидимая сова. Хлопая тяжелыми крыльями, она перелетала, следуя за нами, с дерева на дерево. Тяжелый туман клоками опускался на вершины, крытые кустарником, липнул к лицу, просачивался под одежду. Звезды в молоке мелких капель исчезли. Невидимые теперь метеориты сторали незагаданными.

Я шел по краю дороги, исцарапал в кровь руки и лицо, Лера рядом. Нигде в лесу ничто не светило. Стало быть, ночь оказалась не та.

Живой покойник плелся за нами.

— Где Звезда, я и без свечения знаю. Хочешь, опять покажу? — Покусай посмотрел на меня и на всякий случай прибавил: — Пистолетик для охраны клада снова раздобыл, он всегда со мной.

Отсчитав шаги от могучей ели, он стал рыть руками. Рыл-рыл, плюнул и пробормотал:

— Нет, не здесь.

Это же повторил еще в двух местах, и неудачно.

— Забыл? — спросил я.

— Запомню, — пробурчал он, сидя на земле.

Окончательно спятил или просто дурачит нас?

— Тайна умрет со мной, — изрек он. — Что жить, что умереть — мне без разницы. Свою Звезду я и после смерти найду. Беда в том, что люди вроде меня не мрут. Почему-то чаще умирают более достойные жить. Слушай, ты думаешь, Сталин в Раю или в Аду?

— Если Бог есть, — ответил я, — то Сталин в Аду.

— Это хорошо! — уверенно заявил он. — Мне, кроме Ада, ничего не светит. Но в Аду сейчас становится лучше.

— Откуда ты знаешь?

— Один верный человек сказал.

Покусай набычился, глаза покраснели, руки тряслись сильнее, чем раньше.

— Мне Сталина увидеть надо. Очень надо! Все думаю, где его сыскать? Вдруг он и на небе будет с личной охраной из тысячи единиц, через которых не прорвешься? Как думаешь, он меня узнает?

— Может, и узнает! Зачем он тебе?

— Опять к нему телохранителем попрошусь. Возьмет, а?

— Стало быть, Звезду Генералиссимуса для него бережешь? Неужто вернешь?

— Прикажет — конечно, верну.

— А если опять врагов убивать велит — будешь?

— Людей убивать я люблю...

Загадочная русская душа: самая последовательная в своей нелепости, самая целеустремленная, хотя понятия не имеет, где цель, самая преданная тому, чего никогда не было или давно нет. Приходил для России первый нормальный день, но она его не замечала и каждый раз оказывалась к оставшейся жизни не готова, — не в силах отказаться от фетишей, от вековых мифов, от вождей на стенах и в бронзе, от звезд в бриллиантах, прикрывающих нищету.

Остается Покусаю по команде сверху раскопать Звезду Генералиссимуса и доставить товарищу Сталину, уточнив адрес — в Рай или в Ад. А если Покусай забыл, где зарыта Звезда, то у читателей есть верный шанс ее найти. Только вот зачем? Счастья она никому не принесла...

Покусай ткнул в циферблат часов на руке:

— Батарейка села, стоят. Живу теперь без времени.

Я посадил Леру в «туарег», так и оставшийся помятым покусаевским «пикапом». Надо бы заехать в мастерскую, да все некогда.

Совсем близко над нами недовольно просипела сова. Мотор завелся, фары осветили кусок кривой дороги, кусты и башню монастыря с прилипшим к ней клоком облака. Я отпустил тормоз, и джип мой, шурша колесами, покатился вниз. В заднем окошке помаячила красная от подфарников жалкая, растерянная фигура Тимофея Покуся и растворилась в тумане. Пусть говорит хранитель собственного тела о смерти (а что ему еще осталось?), он продолжает бороться за жизнь, пребывая, как и все мы, в перманентной войне «от и до».

В утробе пинаешь мать ногами, чтобы не забыла тебя родить. Родился — начал бороться за выживание. Пока живешь, мира не жди. Молод — рвешься в бой с отцом и матерью, с родственниками и соседями, с учителями. Наступают соблазны, сражаешься против них с самим собой. Воюешь с женой, а она с тобой, бьешься с детьми. Служишь — защищаешь шкуру от начальников, обороняешься от государства, стремящегося тебя прищучить. К старости не хочется сдаваться в плен болезням, а они атакуют болями. И вдруг до тебя доходит, что все зря. Мир наступил, когда крышка кастрюли захлопнулась и ты в полете, а дна у кастрюли, как сказано, нет.

Наконец я попал с горного проселка на 36-е шоссе и, взглядываясь в черные изгибы ночной дороги, поехал на юго-восток к Ред-Блафу. Через час влился на 5-м фривее в поток грузовиков, идущих с Аляски через Канаду в Южную Америку.

— Ты не засыпаешь? — Лера положила мне на язык ментоловую таблетку. — Не то я сяду за руль. Прибавь-ка газу, а то все нас обгоняют.

Я вырулил в левый ряд и, поглядывая, нет ли сзади полицейского патруля, погнал домой. Часы передо мной показали полночь, и начали отсчитывать новый первый день

нашей оставшейся жизни. Куда они так спешат? Счастлив Покусай: его стрелки навсегда остановились.

А для нас время мчится с такой бешеной скоростью, что не успеваешь покупать календари. Говорят, вращение земли замедляется. Почему же мы летим все быстрее?

*Лос Алтос Хилс — Дейвис, Калифорния
2001—2007 (с перерывами)*

Оглавление

<i>Вынужденное предупреждение от автора</i>	4
<i>Основные действующие лица</i>	5

Часть первая. 2005-й год:

СОВЕРШЕННО СЛУЧАЙНЫЕ ВСТРЕЧИ	7
---	---

Глава 1. Ночью в архиве	9
Глава 2. Охота за национальным достоянием	16
Глава 3. Незванный посетитель	24
Глава 4. Редкое ископаемое животное	30

Часть вторая. 1945-й год:

ТАЙНА ВЫСШЕГО АТТРИБУТА СЛАВЫ	41
--	----

Глава 5. Эйфория победы в войне	43
Глава 6. Донесение из Кувейта	57
Глава 7. Радикальная смена вектора	63
Глава 8. Солнце на шею	73
Глава 9. Лучший арабист доставлен	80
Глава 10. «Жизнь невозможна без наслажденья»	91
Глава 11. Кто будет виноват?	107

Часть третья. 2005-й год:

ВСТРЕЧИ ОКАЗЫВАЮТСЯ НЕСЛУЧАЙНЫМИ	111
---	-----

Глава 12. Холодная мисс сержант	113
Глава 13. Снова визит агента Фокса	126
Глава 14. Иллюзионист и кое-кто еще	133
Глава 15. Зигзаг дороги к отцу	150

Глава 16. Щедрый дар от шейха	162
Глава 17. Экзамен для старшей жены	175
Глава 18. Начальник гарема	188
Глава 19. Рейс государственной важности	197
Глава 20. Стремление жен к совершенству	205
Глава 21. Инсулт без разрешения	214
Глава 22. «Целесообразно убрать шейха»	222
Глава 23. Ответный шаг по-восточному	227
Глава 24. Хозяин опять в ярости	233

Часть пятая. 2005-й год:

ОПАСНЫЕ ИГРИЩА В КАЛИФОРНИИ 239

Глава 25. Тайны ранчо Дьявола	241
Глава 26. Акулий плавник над кроватью	253
Глава 27. Big toys for big boys	267
Глава 28. Служанка Вивиана в панике	284
Глава 29. Шкатулка с письмами Мавры	292
Глава 30. Отпечатки пальцев автора	308
Глава 31. Торгаш на оружейной ярмарке	319
Глава 32. «Пропойное ремесло»	326

Часть шестая. 2005-й год:

РАЗВЛЕЧЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ 333

Глава 33. Торжество охотника за Звездой	335
Глава 34. Халеакала предсказывает беду	341
Глава 35. Спасательный круг бракосочетания	355
Глава 36. Беспечные парасейлеры	364
Глава 37. Экспертиза и ее последствия	374
Глава 38. Раздрай в интимном освещении	388
Глава 39. «Бемби»	399
Глава 40. Вечный телохранитель	411

Юрий Ильич Дружников
«Первый день оставшейся жизни»
роман

Консультант
Ольга Василевская

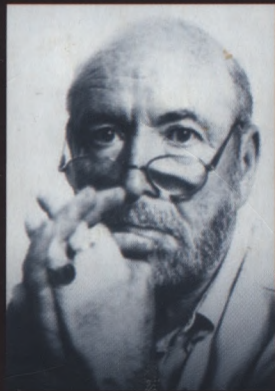
Художественное оформление
Игорь Резников

Издательский Дом «Порог»
Генеральный директор
Неля Барановская
Художественный редактор
Манана Потёмкина

Подписано к печати 20.02.08
Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная
Печать офсетная. Печ. л. 13,25
Тираж 3 000 экз. Заказ № 0730880.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

Парадоксальный русско-американский писатель Юрий Дружников известен читателям разных стран по книгам-расследованиям «Доносчик 001» (о Павлике Морозове), «Узник России» (о Пушкине), а также романам «Виза в позавчера», «Суперженщина, или Золотая корона для моей girlfriend». Роман Дружникова «Ангелы на кончике иглы» включен польскими издательствами в список «Десять лучших русских романов XX века», а в 2001 году представлен Варшавским и Гданьским университетами на Нобелевскую премию.

В новом романе, действие которого происходит в 1945-м и 2005 годах с участием исторических лиц и наших современников, читателя ждет увлекательное расследование тайны высшего атрибута славы сталинской Звезды Генералиссимуса. Мастерски закрученная интрига и живой исторический экскурс, детективная линия, аллюзии на русскую литературу, портрет героя нашего времени, загадки русской и американской души, размышления о жизни и смерти, вечные человеческие страсти. И конечно, замечательный дружниковский юмор.

ISBN 978-5-902377-35-1

9 785902 377351 >

